

СТАРИНА И НОВИЗНА

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ОБЩЕСТВѢ РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ ПАМЯТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

КНИГА ВТОРАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28

1898

СТАРИНА И НОВИЗНА.

Печатано по распоряженію Совѣта Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

Предсѣдатель графъ С. Шереметевъ.

СТАРИНА И НОВИЗНА

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ОБЩЕСТВѢ РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ ПАМЯТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

КНИГА ВТОРАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28

1898

2708

Совѣтъ Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III считаетъ своею пріятною обязанностью выразить признательность А. Э. Гамбургеру, профессору А. Ф. Грубе, князю Н. П. Мещерскому, графу М. Н. Муравьеву, княжнѣ Е. А. Салтыковой-Головкиной и графу С. Д. Шереметеву, содѣйствовавшимъ успѣшному изданію второй книги сборника «Старина и Новизна» сообщеніемъ матеріаловъ изъ своихъ архивовъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Въ Ливадіи.

Благоговѣніемъ и трепетомъ объятый
Въ молитвенной тиши вхожу я въ тотъ покой,
Гдѣ Царь—великій Царь, отъ міра Богомъ взятый,
Окончилъ путь земной.

То не роскошный храмъ и не богатствомъ тлѣннымъ
Сверкающій чертогъ—утѣха праздныхъ глазъ;
Въ пріютѣ ласковомъ, привѣтномъ и смиренномъ
Лишь свѣтитъ Крестъ Христовъ на мѣстѣ томъ священномъ,
Гдѣ Праведникъ угасъ.

Но къ этому Кресту стеклися всѣ дороги;
Весь міръ къ нему любви и скорби дань принесъ,
И не вмѣстили бы всѣ храмы, всѣ чертоги
Ни той любви, ни слезъ!

Графъ А. Голеніщевъ-Кутузовъ.

1897.

Читано на торжественномъ собраніи Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III 26-го февраля 1898 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ИЗЪ БУМАГЪ

Н. М. КАРАМЗИНА.

Подлинники этихъ бумагъ поднесены Государю Императору княземъ Н. П. Мещерскимъ, и Его Величеству благоугодно было передать ихъ для напечатанія въ Общество ревнителей историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ НОВАГО ИЗДАНІЯ РУКОПИСЕЙ Н. М. КАРАМЗИНА.

Въ числѣ бумагъ, по наслѣдству перешедшихъ ко мнѣ, какъ къ старшему изъ внуковъ Николая Михайловича Карамзина, находился подлинникъ извѣстной, хотя, къ сожалѣнію, недостаточно извѣстной, записки о Польшѣ „Мнѣніе Русскаго Гражданина“, помѣченной 17-го октября 1819 года.

Эта записка была впервые напечатана моимъ покойнымъ дядей, Владиміромъ Николаевичемъ Карамзинымъ, въ 1862 году, въ числѣ „Неизданныхъ сочиненій“ Николая Михайловича¹⁾. Но мѣсто этого семейнаго сокровища, очевидно, не въ частныхъ хранилищахъ, а въ Архивѣ Государственномъ.

Глубоко въ этомъ убѣжденный, я рѣшилъ просить дозволенія повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества подлинникъ „Мнѣнія Русскаго Гражданина“, какъ завѣщаніе Карамзина государямъ нашимъ и Россіи. Государю Императору благоугодно было Всемилостивѣйше принять эту рукопись, съ тѣмъ, чтобъ она впредь хранилась въ Государственномъ Архивѣ.

Подъ общимъ заглавіемъ „Бумаги для моихъ сыновей, когда они вырастутъ“ переплетены въ одну книгу въ темно-зеленый сафьянъ и занимаютъ 17 листовъ въ листъ и въ четверку; кромѣ записки о Польшѣ, съ двумя приложеніями („Для потомства“,

---

¹⁾ Неизданныя сочиненія и переписка Николая Михайловича Карамзина. Часть первая (и единственная). С.-Петербургъ. 1862.

29 декабря 1819 года, и „Новое прибавленіе“, 18 декабря 1825 года), здѣсь еще находятся двѣ собственноручныя бумаги Николая Михайловича: копія манифеста 12 декабря 1825 года, писаннаго рукою императора Николая Павловича, и „Для свѣдѣнія моихъ сыновей и потомства“. Всѣ эти рукописи также были напечатаны въ 1862 году въ „Неизданныхъ сочиненіяхъ Н. М. Карамзина“. Эта книга составляетъ нынѣ, значительную рѣдкость; изданная въ количествѣ (если не ошибаюсь) 1200 экземпляровъ, она теперь извѣстна немногимъ, такъ какъ о ней, помнится, не публиковали, во всякомъ случаѣ, за послѣднія 25—30 лѣтъ. Такимъ образомъ новое изданіе, особенно этихъ бумагъ, въ виду ихъ важности, исполнѣ своевременно.

Считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ по этому поводу, преимущественно о запискѣ о Польшѣ.

Къ столѣтней годовщинѣ рожденія Н. М. Карамзина, которая праздновалась въ 1866 году, было составлено М. П. Погодинымъ жизнеописаніе Карамзина подъ заглавіемъ „Н. М. Карамзинъ по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ“¹⁾. Помню, что трудъ Михаила Петровича Погодина тщательно прочитывался моею матерью (старшею дочерью Николая Михайловича отъ второго брака)²⁾ и княземъ П. А. Вяземскимъ. Воспоминанія ихъ были очень полезны Михаилу Петровичу.

Моя мать до послѣдняго дыханія свято хранила память объ отцѣ, котораго любила безгранично и благоговѣнно; ей было уже восемнадцать лѣтъ, когда скончался Николай Михайловичъ; но и кромѣ того, память ея вообще была изумительна. Природы крайне впечатлительной и развитая не по лѣтамъ, она быстро и сознательно усвоила все, чему была свидѣтельницей. Мнѣ приходитъ на память по этому поводу слышанное мною отъ нея, а также и отъ моей бабушки, Екатерины Андреевны Карамзиной: то было въ 1815 году. Моей матери было тогда восемь лѣтъ. Въ Москвѣ, гдѣ тогда жили Карамзины, было получено извѣстіе о возвращеніи Наполеона въ Парижъ; эту вѣсть только что сообщилъ Николаю Михайловичу, помнится, Жуковскій или Александръ Ивановичъ

¹⁾ Двѣ части. Москва. Типографія П. П. Мамонтова. 1866.

²⁾ Единственная дочь отъ перваго брака, Ксенія Николаевна, скончалась въ Ревелѣ въ 1856 году.

Тургеневъ. Всѣ присутствовавшіе были, конечно, поражены и взволнованы. Послѣ первыхъ минутъ смущенія всѣ замѣтили, что моя мать тутъ же сѣла за письменный столъ и стала прилежно писать. Каково же было общее изумленіе, когда, кажется, В. А. Жуковскій, взявъ листокъ, на которомъ она писала, прочель: „Sire, Napoléon est à Paris, et je vous en félicite!“ Оказалось, что маленькая Катенька собиралась писать къ государю, чтобъ поздравить его съ предстоящимъ случаемъ покрыть новою славою побѣдъ и себя, и Россію... Не менѣе тщательно дополнялъ и исправлялъ добросовѣстный трудъ Погодина князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, благодаря богатому запасу воспоминаній долготной жизни ¹⁾).

Итакъ, книга эта теперь также болѣе или менѣе забытая, какъ забывается все на Руси (говорю о Россіи грамотной, ибо у народа память крѣпкая), содержитъ въ себѣ много въ высшей степени интересныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о Карамзинѣ и его времени. Приведу изъ нея нѣсколько данныхъ. Отношенія между императоромъ Александромъ Павловичемъ и Н. М. Карамзинимъ, въ продолженіе послѣднихъ семи-восьми лѣтъ, были самыя близкія. Карамзинъ всюю любвеобильною своею душею былъ привязанъ къ Александру, цѣня въ немъ болѣе чловѣка, чѣмъ монарха. „Я любилъ его искренно и нѣжно“, сказано во 2-мъ прибавленіи къ „Мнѣнію Русскаго Гражданина“ (18-го декабря 1825 г.), — „иногда негодовалъ, досадовалъ на монарха и все любилъ чловѣка, красу чловѣчества своимъ великодушіемъ, милосердіемъ, незлобіемъ рѣдкимъ. Не боюсь встрѣтиться съ нимъ на томъ свѣтѣ, о которомъ мы такъ часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба вѣря Богу и добродѣтели“. Съ своей стороны, императоръ Александръ искренно любилъ Карамзина и умѣлъ цѣнить по достоинству рѣдкія каче-

¹⁾ Оцѣнку отношеній Карамзина и князя Петра Андреевича читатели найдутъ въ I т. „Старины и Новизны“, въ письмахъ Николая Михайловича. Помню, что моя мать всегда ставила въ упрекъ своему дядѣ, котораго горячо любила, какъ и всю его семью, что онъ написалъ книгу о Фонъ-Визинѣ, а не составилъ жизнеописанія Николая Михайловича. Князь оправдывался тѣмъ, что слишкомъ его любилъ для этого. „Вѣдь не напишешь же біографіи, наиримѣрь, горячо любимого отца“, говаривалъ онъ. Тутъ уместно напомнить о прекрасныхъ и глубоко трогательныхъ строкахъ, изъ письма князя къ Жуковскому, приведенныхъ въ „Старины и Новизны“, въ примѣчаніяхъ (стр. 204, № 151).

ства его души. И семейныя преданія, и книга Погодина изобилуютъ самыми трогательными доказательствами сердечной привязанности его къ своему другу. По словамъ моей бабушки Екатерины Андреевны, однажды въ Царскомъ Селѣ они, по обыкновенію, разговаривали, сяди на скамейкѣ въ паркѣ, и государь, очень неожиданно, высказалъ ему: „Je vous aime parce que vous ne me demandez jamais rien“. „Какое же было мое положеніе“, рассказывалъ потомъ, смѣясь, Николай Михайловичъ своей женѣ, — „у меня, какъ нарочно, была въ эту минуту въ карманѣ просьба NN“. Впрочемъ, какъ извѣстно, онъ ходатайствовалъ въ пользу многихъ невинно пострадавшихъ, оклеветанныхъ и т. п. „О степени довѣренности императора Александра къ Карамзину“, говоритъ Погодинъ (ч. II, стр. 393), — „можно судить уже потому, что онъ сказывалъ еще осенью 1823 г. Карамзину и Катеринѣ Андреевнѣ о распоряженіи касательно наслѣдства, о которомъ не зналъ никто въ Россіи, кромѣ митрополита Филарета и князя А. Н. Голицына: одинъ писалъ манифестъ, другой переписывалъ“. „Мы не измѣнили тайнѣ“, писалъ Карамзинъ къ Дмитріеву уже по кончинѣ государя.

Вотъ что относится, въ біографіи Николая Михайловича, ко времени составленія записки о Польшѣ:

6 октября (1819 г.) (изъ письма къ Дмитріеву...) „Думаемъ переѣхать въ городъ послѣ 15 октября. Мы были въ Гатчинѣ. Собирались опять съѣздить туда завтра на одинъ день, а къ 14 надобно опять быть тамъ съ поздравленіемъ. И Елизавета Алексѣевна ожидаетъ здѣсь возвращенія государева¹⁾). Мы у нея раза три обѣдали въ маленькомъ обществѣ. Государь будетъ 13 или еще ранѣе, онъ простился со мною очень милостиво, но мнѣ кажется, что человѣку свободному, за 50 лѣтъ, не надобно привязываться къ двору и утомлять царскую милость“.

„По возвращеніи императоръ Александръ, въ одной изъ искреннихъ бесѣдъ, сообщилъ Карамзину, что хочетъ возстановить Польшу въ ея древнихъ границахъ. Карамзинъ воспламенился, и, ушедши отъ него, написалъ свою знаменитую записку 17-го октября (въ Царскомъ Селѣ)“.

¹⁾ Изъ Варшавы.

Съ безграничною скромностью Карамзинъ сомнѣвался въ благотворномъ вліяніи, которое его слова могли имѣть на государя. Не слишкомъ ли онъ къ себѣ несправедливъ? Александръ искренно любилъ и уважалъ Карамзина. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умѣлъ и любилъ плѣнять, обворожать. Онъ, несомнѣнно, считалъ своего друга не только всецѣло ему преданнымъ, но окончательно имъ плѣненнымъ духовно. Полуночная ихъ бесѣда продолжалась пять часовъ, и по словамъ Карамзина, онъ самъ говорилъ мало — его „душа остыла“... Не нужно быть глубокимъ сердцевѣдцемъ, чтобы понять, что въ эти долгіе часы Александръ старался убѣдить не одного Карамзина: онъ уяснялъ самому себѣ всѣ стороны, всѣ послѣдствія сложнаго предположенія; въ лицѣ Карамзина онъ пытался привлечь современниковъ и потомство... И что же? Съ перваго же слова всемогущій властелинъ Россіи, вѣрнѣе, въ то время — Европы, встрѣтилъ непреодолимое... Его вѣрный, кроткій, любвеобильный другъ, безъ колебаній, готовъ отшатнуться отъ него на вѣки, безстрашно предрекая ему осужденіе современной и будущей Россіи... Таковъ былъ взглядъ вѣрнѣйшаго изъ его вѣрноподданныхъ!

Кто не испыталъ дѣйствія даже случайно слышаннаго — въ *уроочный* часъ — отрезвляющаго слова! Самолюбіе беретъ, конечно, свое, мы тѣмъ еще болѣе упорствуемъ въ своемъ рѣшеніи; но сильное слово запечатлѣлось въ нашей памяти; медленно, но вѣрно оно растетъ и крѣпнетъ, и сперва нехотя, а потомъ покорно поддается ему воля. Не заронилось ли въ эту минуту, если еще не въ умѣ, то въ сердцѣ Александра, первое сомнѣніе въ пользѣ для Россіи задуманнаго? Не избрало ли Провидѣніе этотъ праведный законъ и этотъ день и часъ для начала спасенія Россіи отъ бѣды?.. Неблагодарность поляковъ и природное ихъ легкомысліе довершили дѣло.

Впрочемъ, при всей его скромности, въ словахъ самого Николая Михайловича звучитъ какъ бы неувѣренность... Во второмъ послѣсловіи къ „Миѣнію Русскаго Гражданина“, только что упомянутомъ, онъ пишетъ: „...Правда, Россія, удержала свои Польскія области, но *болѣе* счастливыя обстоятельства, нежели мои слезныя убѣжденія спасли Александра отъ дѣла равно бѣдственнаго и не-

справедливаго: *по крайней мѣрѣ такъ сказалъ онъ мнѣ въ ноябрѣ 1824 года* ¹⁾. Глубоко же было впечатлѣніе этихъ „тщетныхъ“ слезныхъ убѣжденій, если на ихъ тщету призналъ нужнымъ указать его вѣнценосный другъ слишкомъ пять лѣтъ спустя... Быть можетъ, что еслибы сами поляки не оправдали своимъ легкомысліемъ словъ Карамзина, то одни эти слова не повліяли бы на рѣшеніе государя; но именно въ томъ и заключалось ихъ спасительное значеніе, что, правдивыя и вѣщія, они немедленно сбылись, и что самъ Александръ могъ убѣдиться на дѣлѣ въ ихъ правдѣ. И это подтверждается дальнѣйшими отношеніями между ними, до самой кончины государя. Не только не произошло того охлажденія или даже разрыва, къ которому сознательно готовился уже Карамзинъ, но напротивъ, привязанность Александра къ своему другу дѣлалась все болѣе явственною и трогательною, довѣріе къ нему болѣе и болѣе возрастало.

Моей матери и всему нашему семейству было дано великое счастье присутствовать при умиленномъ и восторженномъ откликѣ новыхъ поколѣній на загробное обращеніе къ нимъ Карамзина. Въ 1866 году праздновалось столѣтіе его рожденія. Большая зала Академіи Наукъ была переполнена слушателей. За послѣдними рядами стульевъ стояли многіе и многіе, стояли и въ сосѣдней залѣ. Радостно было видѣть въ числѣ этихъ многихъ оживленные и умиленные лица молодежи. Похвальное слово произнесилъ Михаилъ Петровичъ Погодинъ.

„Потомство“, писалъ Карамзинъ, — „достоинъ ли я былъ имени гражданина руссійскаго? Любилъ ли отечество? Вѣрилъ ли добродѣтели? Вѣрилъ ли Богу?...“ Едва ли эта зала часто оглашалась такими оглушительными взрывами рукоплесканій и восторженныхъ кликовъ, долго, долго не умолкавшихъ... Потомство чутко оцѣнило въ тотъ день гражданскій подвигъ Карамзина. Обращеніе Карамзина къ потомству было *загробное* — въ этомъ его значеніе. При жизни онъ похвалъ не просилъ и не ожидалъ, не винилъ онъ и порицателей ²⁾. До самой его смерти записка о Польшѣ остава-

¹⁾ Слова: „болѣе“ и „по крайней мѣрѣ“ и пр. подчеркнуты мною.

²⁾ Изъ примѣровъ поразительнаго незлобія и добродушія приведу здѣсь, изъ труда Погодина (ч. II, стр. 397), слѣдующій фактъ, любопытный, мнѣ кажется,

лась тайною для всѣхъ, даже самыхъ близкихъ ему людей. Въ первомъ прибавленіи къ ней („Для потомства“) сказано: „Прибавлю, что я не измѣпилъ скромности: не сказалъ никому ни слова о моемъ разговорѣ съ Александромъ, кромѣ вѣрной жепы моей, съ которой я жилъ въ одну мысль, въ одно чувство. С.-Петербургъ, дек. 29, 1819. Н. Карамзинъ. NB. Сказалъ еще одному человѣку: (приписано сверху) императрицѣ Елисаветѣ. 24 февр. 1821“.

Быть можетъ однако, что самъ государь имѣлъ случай говорить объ этой запискѣ великимъ князьямъ Константину и Николаю Павловичамъ. По крайней мѣрѣ на эту мысль наводятъ песомѣнное и сильное нерасположеніе къ Николаю Михайловичу перваго ¹⁾ и, на оборотъ, глубокое къ нему уваженіе, довѣріе и горячая любовь императора Николая Павловича.

Дай Богъ, чтобы доблестныя слова Карамзина сохранили на вѣки лишь цѣну великаго гражданскаго подвига и цѣну историческую, и чтобъ пророческій ихъ смыслъ ограничился 1831 и 1863 годами... Но не однимъ польскимъ вопросомъ ограничивается значеніе „Мнѣнія Русскаго Гражданина“: это—вѣковѣчный отвѣтъ тѣмъ клеветникамъ, которые утверждаютъ, что съ самодержавіемъ не совмѣстимы безстрашное исповѣданіе правды и гражданское мужество.

Князь Николай Мещерскій.

именно въ *данномъ* случаѣ: „За поляка (Ходаковского), который думалъ бранить меня въ Вѣстникѣ Европы, я вчера (между нами) ходатайствовалъ у князя А. Н. Голицына: бѣдный мой критикъ не имѣетъ ни гроша“. Вотъ записка Карамзина къ самому Ходаковскому: „Съ сожалѣніемъ слышу отъ васъ о малой надеждѣ на успѣхъ вашихъ трудовъ въ Россіи, милостивый государь мой Зоріанъ Яковлевичъ. Я радъ сказать еще нѣсколько словъ о пользѣ вашихъ упражненій; но не ручаюсь вамъ за ихъ дѣйствительность. Посылаю 50 р., болѣе не имѣю. Вашъ покорнѣйшій Н. К.“.

¹⁾ Замѣчательно, что въ первое время знакомства съ Карамзинымъ великій князь Константинъ Павловичъ совершенно иначе относился къ нему. Вотъ, напримѣръ, что писалъ Николай Михайловичъ къ брату своему 15-го февраля 1810 года, послѣ побѣдки въ Тверь, куда онъ ѣздилъ по приглашенію великой княгини Екатерины Павловны: „Они (великая княгиня и великій князь Константинъ Павловичъ) плѣнили меня своею милостію“. И поздиѣ, въ другомъ письмѣ: „Константинъ Павловичъ также отзывается обо мнѣ съ отличнымъ благоволеніемъ“ (*Полудня*. Н. М. Карамзинъ, ч. II, стр. 58, 60).

БУМАГИ ДЛЯ МОИХЪ СЫНОВЕЙ,

КОГДА ОНИ ВЫРАСТУТЪ.

МЫШЛЕНІЕ РУССКАГО ГРАЖДАНИНА.

Государь! Въ волненіи души моей, любящей отечество и Васъ, спѣшу послѣ пашего разговора, излить на бумагу нѣкоторыя мысли, не думая ни о краспорѣчи, ни о строгомъ логическомъ порядкѣ. Какъ мы говоримъ съ Богомъ и совѣстію, хочу говорить съ Вами.

Вы думаете возстановить Польшу *въ ея цѣлости*, дѣйствуя какъ христіанинъ, благотворя врагамъ. Государь! Вѣра христіанская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ; есть внутреннее неизглаголапное, небесное чувство; она выше земли и міра; выше всѣхъ законовъ — физическихъ, гражданскихъ, государственныхъ — но ихъ *не отменяетъ*. Солнце течетъ и выпѣ по тѣмъ же законамъ, по коимъ текло до явленія Христа-Спасителя: такъ и гражданскія общества не перемѣнили своихъ коренныхъ уставовъ; все осталось, какъ было на землѣ, и какъ иначе быть не можетъ: только возвысилась душа въ ея сокровенностяхъ, утвердилась въ невидимыхъ связяхъ съ Божествомъ, съ своимъ вѣчнымъ, истиннымъ отечествомъ, которое внѣ матеріи, внѣ пространства и времени. Мы сблизилсь съ Небомъ *въ чувствахъ*, но *дѣйствуемъ* на землѣ, какъ и прежде дѣйствовали. *Нѣтъ отъ міра сего*, сказали Христось, а граждане и государство въ семь мірѣ. Христось велитъ любить враговъ: любовь есть *чувство*; но онъ не запретилъ судьямъ осуждать злодѣевъ, не запретилъ войнамъ оборонять государства. Вы — христіанинъ, по Вы истребили полки Наполеоновы въ Россіи, какъ Греки - язычники истребляли Персовъ

на поляхъ Эллады; Вы исполняли законъ государственный, который не принадлежитъ къ религіи, но также данъ Богомъ: законъ естественной обороны, необходимый для существованія всѣхъ земныхъ тварей и гражданскихъ обществъ. Какъ христіанинъ любите своихъ личныхъ враговъ; но Богъ далъ Вамъ царство и вмѣстѣ съ нимъ обязанность исключительно заниматься благомъ онаго. *Какъ человекъ по чувствамъ души, озаренной свѣтомъ христіанства, Вы можете быть выше Марка Аврелія, но какъ Царь Вы то же, что онъ.* Евангеліе молчитъ о политикѣ; не даетъ новыя: или мы, захотѣвъ быть христіанами-политиками, впадемъ въ противорѣчія и несообразности. Меша ударять въ ланиту: я какъ христіанинъ долженъ подставить другую. Непріятель сожжетъ нашъ городъ: впустимъ ли его мирно въ другой, чтобы онъ также обратилъ его въ пепель? Какъ могъ язычникъ Маркъ Аврелій, такъ можетъ и христіанинъ Александръ благотворить врагамъ государственнымъ, уже *побѣжденнымъ*, слѣдуя закону челоуѣволюбія, извѣстнаго и добродѣтельнымъ язычникамъ, но единственно въ такомъ случаѣ, когда сіе благотвореніе не вредно для отечества. Любите людей, но еще болѣе любите Россіянь, ибо они и люди, и Ваши подданные, дѣти Вашего сердца. И Поляки теперь слѣшаютъ Александра: но Александръ *взялъ* ихъ русскою силою, а Россіянь *далъ* Ему Богъ, и съ ними снискалъ Онъ благодѣтельную славу *Освободителя Европы.*

Вы думаете возстановить *древнее* Королевство Польское; но сіе возстановленіе согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? Согласно ли съ Вашими священными обязанностями, съ Вашею любовію къ Россіи и къ самой справедливости? Впервыхъ, (не говоря о Пруссіи), спрашиваю: Австрія отдастъ ли добровольно Галицію? Можете ли Вы, творецъ *Священнаго Союза*, объявить ей войну, противную не только христіанству, но и государственной справедливости? Ибо Вы Сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ Австрійскимъ. Вотгорныхъ, можете ли съ мирною совѣстію отнять у насъ Бѣлорусію, Литву, Волинію, Подолію, утвержденную собственность Россіи еще до Вашего царствованія? Не клянутся ли Государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Сія земля уже была *Россіею*, когда митрополитъ Платонъ вручалъ Вамъ вѣ-

пецъ Мопомаха, Петра и Екатерины, которую Вы Сами назвали *Великою*. Скажутъ ли, что она незаконно раздѣлила Польшу? Но Вы поступили бы еще незаконнѣе, еслибы вздумали загладить ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечемъ: вотъ наше право, коему всѣ государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ исторіи за свое дѣло; но оно сдѣлано, и для Васъ уже свито: для Васъ Польша есть законное Россійское владѣніе. *Старыхъ крѣпостей* нѣтъ въ политикѣ: иначе мы долженствовали бы возстановить и Казанское, Астраханское царство, Новгородскую республику, великое княжество Рязанское, и такъ далѣе. Къ тому же и *по старымъ крѣпостямъ* Бѣлорусія, Волынія, Подолія, вмѣстѣ съ Галиціею, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если Вы отдадите ихъ, то у Васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ. Или все, или ничего. Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: *ни пяди ни врагу, ни другу!* Наполеонъ могъ завоевать Россію; но Вы, хотя и Самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хитины Русской. Таковъ нашъ характеръ и духъ государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого за благо разсудите? Россія, Государь, безмолвна передъ Вами; но еслибы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела нѣкогда историка достойнаго, искреняго, безпристрастнаго, то онъ, Государь, осудилъ бы Ваше великодушіе, какъ вредно для Вашего истиннаго отечества, доброй, сильной Россіи. Сей историкъ сказалъ бы совсѣмъ не то, что могутъ теперь говорить Вамъ Поляки; извиняемъ ихъ, но Васъ бы мы, Русскіе, не извинили, еслибы Вы для ихъ рукоплесканія ввергнули насъ въ отчаяніе. Государь, нынѣ славный, великій, любезный! Отвѣтствую Вамъ головою за сіе неминуемое дѣйствіе дѣлаго возстановленія Польши. Я слышу Русскихъ и знаю ихъ: мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ Царю; остыли бы душой и къ отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола; ослабѣли бы не

только уменьшеніемъ государства, но и духомъ; унизились бы предъ другими и предъ собою. Не опустѣлъ бы, конечно, дворець: Вы и тогда имѣли бы министровъ, генераловъ: но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы... А Вы, Государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу!

Однимъ словомъ..., и Господь Сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю Вамъ не истину... Однимъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обогрятъ своею кровію землю Польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу!

Нѣтъ, Государь, никогда Поляки не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любятъ сильныхъ, а сильные презираютъ слабыхъ; когда же усилите ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ опытомъ ея будетъ отступленіе отъ Россіи, конечно, не въ Ваше царствованіе, но Вы, Государь, смотрите далѣ своего ¹⁾ вѣка, и если не безсмертны тѣломъ, то безсмертны славою! Въ дѣлахъ государственныхъ чувство и благодарность безмолвны, а независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ. Литва, Волянія желаютъ Королевства Польскаго; но мы желаемъ единой Имперіи Россійской: чей голосъ долженъ быть слышнѣе для Вашего сердца? Онѣ, въ случаѣ войны, впрочемъ ни мало невѣроятной (ибо кому теперь возстать на Россію?) могутъ измѣнить намъ: тогда накажемъ измѣну силою и правомъ: право всегда имѣетъ особенную силу, а бунтъ, какъ беззаконіе, отнимаетъ ее. Поляки, закономъ утвержденные въ достоинствѣ особеннаго, державнаго народа, для насъ опаснѣе Поляковъ-Россіянъ.

Государь! Богъ далъ Вамъ такую славу и такую Державу, что Вамъ безъ неблагодарности, безъ грѣха христіанскаго и безъ тщеславія, осуждаемаго самою человѣческою политикою, нельзя хотѣть пичего болѣе, кромѣ того, чтобы утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи: первый безкорыстнымъ, великодушнымъ посредничествомъ; второе хорошими законами и еще лучшею управою. Вы уже приобрѣли имя *Великаго*: приобретите имя *Отца*

¹⁾ Въмѣсто зачеркнутаго въ рукописи „Вашего“.

нашего! Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ Королевство Польское, *какъ оно есть нынѣ*; но да существуетъ, да благоденствуетъ и Россія, *какъ она есть* и какъ оставлена Вамъ Екатериною!.. Екатерина любила Васъ нѣжно; любила и наше отечество: Ея тѣнь здѣсь присутствуетъ... Умолкаю.

Царское Село,
Окт. 17, 1819.

Для потомства.

НВ. Читано Государю въ тотъ же вечеръ. Я пилъ у него чай въ кабинетѣ, и мы пробыли вмѣстѣ, съ глазу на глазъ, пять часовъ, отъ восьми до часу за полночь. На другой день я у него обѣдалъ; обѣдалъ еще и въ Петербургѣ..., но мы душею разстались, кажется, на вѣки. Потомство! достоинъ ли я былъ имени гражданина Россійскаго? Любилъ ли отечество? Вѣрилъ ли добродѣтели? Вѣрилъ ли Богу?... Я не зпалъ нужды по своей бережливости и по милости Божіей, но не имѣлъ достатка, имѣя многочисленное семейство безъ способовъ воспитывать дѣтей, какъ бы мнѣ хотѣлось. Не хочу описывать всего разговора моего съ Государемъ, но, между прочимъ, вотъ чтò я сказалъ Ему по французски: *Sire, Vous avez beaucoup d'amour propre... Je ne crains rien. Nous sommes tous égaux devant Dieu. Ce que je Vous dis, je l'aurois dit à Votre père... Sire, je méprise les libéralistes du jour: je n'aime que la liberté qu'aucun tyran ne peut m'ôter... Je ne Vous demande plus Votre bienveillance; je Vous parle, peut-être, pour la dernière fois.* Но вообще я мало говорилъ и не хотѣлъ говорить. Душа моя остыла... Довольно сказаннаго для потомства и для сыновей моихъ, если они будутъ живы и выростутъ. Прибавлю, что я не измѣнилъ скромности: не сказалъ никому ни слова о моемъ разговорѣ съ Александромъ, кромѣ вѣрной жены моей, съ которой я жилъ въ одну мысль, въ одно чувство. С.-Петербургъ.

Дек. 29, 1819.

Н. Карамзинъ.

НВ. Сказалъ еще одному человѣку: императрицѣ Елисаветѣ¹⁾ 24 февраля 1821.

¹⁾ Слова „Императрицѣ Елисаветѣ“ приписаны сверху.

ПОВОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ.

И ошибся: благоволеніе Александра ко мнѣ не измѣнилось, и въ теченіе шести лѣтъ (отъ 1819 до 1825 года) мы имѣли съ нимъ нѣсколько подобныхъ бесѣдъ о разныхъ ¹⁾ важныхъ предметахъ. Я всегда былъ чистосердеченъ, онъ всегда терпѣливъ, кротокъ, любезенъ неизъяснимо; не требовалъ моихъ совѣтовъ, однакожь слушалъ ихъ,¹ хотя имъ, большею частію, и не слѣдовалъ, такъ что нынѣ, вмѣстѣ съ Россіею оплакивая кончину Его, не могу утѣшать себя мыслию о десятилѣтней милости и довѣренности ко мнѣ столь Знаменитаго Вѣвценосца; ибо эта милость и довѣренность остались безплодны для любезнаго отечества. Правда, Россія удержала свои Польскія области; но болѣе счастливыя обстоятельства, нежели мои слезныя убѣжденія, спасли Александра отъ дѣла равно бѣдственнаго и несправедливаго: по крайней мѣрѣ такъ сказалъ онъ мнѣ въ ноябрѣ 1824 года. Я не безмолствовалъ о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой Гурьевской системѣ финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о Министерствѣ Просвѣщенія или Затмѣнія, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россію, — о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа, — наконецъ, о необходимости имѣть твердые законы, гражданскіе и государственные. Въ послѣдней моей бе-

¹⁾ Послѣ слова „разныхъ“ въ рукописи зачеркнуто: „не менѣ“.

сѣдѣ съ нимъ, 28 августа, отъ 8 до 11^{1/2} часовъ вечера, я сказалъ ему какъ пророкъ: Sire, Vos années sont comptées; Vous n'avez plus rien à remettre, et Vous avez encore tant de choses à faire pour que la fin de Votre règne soit digne de son beau commencement. Движеніемъ головы и милою улыбкою онъ изъяснилъ согласіе; прибавилъ и словами, что непременно все сдѣлаетъ: дастъ коренные законы Россіи. Если не я, то другіе увидятъ скоро, для чего Богъ незапно отнялъ Александра у Россіи! Мнѣ хочется болѣе плакать, нежели писать объ немъ. Я любилъ Его искренно и нѣжно; иногда пегодовалъ, досадовалъ на Монарха и все любилъ челоуѣка, красу челоуѣчества своимъ великодушіемъ, милосердіемъ, незлобіемъ рѣдкимъ. Не боюсь встрѣтиться съ нимъ на томъ свѣтѣ, о которомъ мы такъ часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба вѣря Богу и добродѣтели!

С.-Петербургъ.
18 Дек. 1825.

Копія съ оригинала, писаннаго рукою самого
Н[иколая] П[авловича] ¹⁾.

Когда получено было 27-го числа минувшаго ноября горестное извѣстіе о кончинѣ блаженной и вѣчной славы достойной памяти Госуд[аря] Имп[ератора] Александра I-го, первое стремленіе сердца моего было принести присягу въ вѣрности старшему брату моему, Госуд[арю] Цесаревичу и В[еликому] К[нязю] Конст[антину] Павл[овичу], какъ законному по первородству наслѣднику престола Государства Рос[сійскаго], буде другого покойнымъ Императоромъ не назначено, ни объявлено не было. Исполнивъ *первый* такимъ образомъ священный долгъ вѣроподданнаго, извѣтился я отъ Государств[еннаго] Совѣта, что „находившійся ²⁾ въ архивѣ онаго пакетъ, на имя предсѣдателя отъ покойнаго Императора присланный, съ собственноручною надъ онымъ надписью: *хранить до собственнаго Е[го] И[мператорскаго] В[еличества], покойнаго Импер[атора], востребованія, или въ случаѣ кончины Е[го] И[мператорскаго] В[еличества] прежде всякаго дѣйствія въ чрезвычайномъ собраніи Совѣта вскрыть*“, и что сіе послѣднее повелѣніе Государств[еннымъ] Совѣтомъ исполнено, и найдено, что пакетъ сей

---

¹⁾ Прямые скобки обозначаютъ, что въ рукописи слова, при которыхъ находятся скобки, написаны Карамзиннымъ сокращенно.

²⁾ Сверху въ рукописи написано: „итя“.

включалъ: 1) Письмо Гос[ударя] Цесар[евича] и В[еликаго] К[нязя] К[онстантина] П[авловича] къ покойному Императору, въ коемъ торжественно просить Его И[мператорскаго] Величества согласія на свободное уступленіе въ пользу мою и потомства моего права наслѣдія престола Всероссійскаго, Его Величеству Цесаревичу принадлежащаго по праву первородства; 2) и въ послѣдствіе сего манифестъ покойнаго же Императора Александра I отъ 16 августа 1823 года, по желанію Его Высочества Цесаревича, торжественно меня пазначающій наслѣдникомъ Всероссійскаго престола и проч.

По объявленіи мнѣ о томъ я остался однакожь вѣренъ присягѣ старшему моему брату, неколебимъ въ рѣшеніи своемъ и настоялъ, чтобы все Государство послѣдовало примѣру моему, *не въ ослушаніе священной для вѣрноподданныхъ воли покойнаго Государя*, общаго нашего отца и благодѣтеля, по дабы пелицемѣрнымъ исполненіемъ долга своего предъ законнымъ наслѣдникомъ престола, по манифесту блаженной памяти родителя нашего, Имп[ератора] Павла I, утвержденному 15 сент[ября] 1801 года, и по тому, по коренному закону наслѣдія Всероссійскаго престола, *утвердить навсегда законный порядокъ наслѣдія*: что лично Государынею Императрицею, любезнѣйшею родительницею нашею, удостоено благословенія.

Но Его Имп[ераторское] Высочество Цесаревичъ и В[еликій] К[нязь] К[онстантинъ] П[авловичъ], свято сохранившій слово свое, торжественно имъ данное и утвержденное покойнымъ Императоромъ Александромъ въ 16 день августа 1823 года, тотчасъ по полученіи имъ 25 ноября горестнаго извѣстія о кончинѣ покойнаго Государя Императора, тогда же въ письмѣ привезенномъ любезнѣйшимъ братомъ нашимъ В[еликимъ] К[няземъ] Мих[аиломъ] П[авловичемъ] къ любезнѣйшей родительницѣ нашей, Г[осударыни] И[мператрицѣ] М[аріи] Ѳ[еодоровнѣ], со включеніемъ копии съ грамоты Е[го] И[мператорскаго] Величества А[лександр]а I къ Его Высоч[еству] Цесаревичу въ отвѣтъ на Его письмо, подтвердилъ вторично торжественное отреченіе въ нашу и потомства нашего пользу отъ наслѣдія престола Всероссійскаго и проч., а въ грамотѣ на наше имя признаеть насъ Императоромъ и Самодержцемъ

Всероссійскимъ и проч. и себѣ предоставляетъ *прежній титулъ Цесаревича и называетъ себя намъ вѣрноподданныишимъ.*

Но и тогда остановились мы объявить о сей неколебимой волѣ Е[го] И[мператорскаго] Высочества, доколѣ не получимъ отвѣта на принесенную присягу нами и всѣмъ Государствомъ.

Нынѣ дошла до насъ и на сіе торжественная неколебимая воля Е[го] И[мператорскаго] Высочества Цесаревича, которой повинуюсь съ покорностію и *объявляя о томъ всенародно*, прилагаемъ при семъ: 1) Грамоту Е[го] И[мператорскаго] Высочества Цесаревича К[онстантина] Е[го] И[мператорскому] Величеству, покойному Имп[ератору] Александру I; 2) отвѣтъ на опую Е[го] И[мператорскаго] Величества, и 3) манифестъ Его же Императорскаго Величества, наслѣдникомъ насъ назначающій, а равно письмо Е[го] И[мператорскаго] Высочества Цесаревича къ любезнѣйшей родительницѣ нашей, Г[осудары]нѣ И[мператрицѣ] М[аріи] Ѳ[еодоровнѣ], и грамоту на наше имя, которою мы отъ Его Высочества Цесаревича удостоены были, и наконецъ объявляемъ: что мы по законному нашему нынѣ праву на наслѣдіе, по волѣ Божіей, любезнѣйшаго брата нашего Цесаревича, В[еликаго] К[нязя] К[онстантина] П[авловича] и по силѣ манифеста блаженныя памяти Г[осуд]аря Имп[ератора] Александра I вступили на престолъ Всероссийскій 19 ноября 1825 года, и повелѣваемъ въ подданствѣ намъ и законному, по праву наслѣдія, наслѣднику вашему, Е[го] И[мператорскому] Высочеству, Государю В[еликому] К[нязю] Александру Николаевичу, любезнѣйшему нашему сыну, учинить присягу.

Да будетъ царствованіе Наше царствованіемъ законовъ и правосудія; да наставитъ насъ Всемогущій Творецъ слѣдовать по священнымъ словамъ предмѣстника Нашего, вѣчной славы и благодарности достойнаго Г[осуд]аря Имп[ератора] Александра I, и да дастъ Намъ силы сносить бремя правленія съ твердостію и упованіемъ на Его благодать. Клянемся сохранить всѣ коренныя законы Государства Нашего и ненарушимость границъ Государства, и да будетъ залогомъ благихъ намѣреній нашихъ пунѣ оказанное нами почтеніе къ первому отечественному коренному закону, обезпечивающему и на будущія времена ненарушимость законнаго на-

слѣдія престола Государства Россійскаго: въ чемъ да поможетъ
Намъ Всемогущій и Всемилосердый Богъ!

Манифестъ о востшествіи на престоль, писанный *Самимъ*
Императоромъ Николаемъ Павловичемъ ¹⁾).

---

¹⁾ Слова: „Манифестъ... Николаемъ Павловичемъ“ писаны рукою Карамзина на оборотѣ послѣдняго (чистаго) листа тетрадки, въ которую списанъ манифестъ.

ДЛЯ СВДѢНІЯ МОИХЪ СЫНОВЕЙ И ПОТОМСТВА.

Безъ моего исканія достоенный довѣренности, я предлагалъ нынѣшнему Императору Николаю Павловичу начать манифестъ о востествіи Его на престоль такъ:

„Въ сокрушеніи сердець *нашихъ* (то-есть, всѣхъ Русскихъ) пораженныхъ столь незапною кончиною Государя Императора Александра Павловича, можемъ только, какъ христіане, смириться духомъ предъ Всевышнимъ, и молить Его, да пошлетъ намъ скорбь неизглаголанную, пошлетъ и силы сносить ее безъ отчаянія и ропота, съ умиленіемъ любви и благодарности къ памяти усопшаго Великаго Монарха, коего царствованіе, ознаменованное дѣлами безпримѣрной славы для отечества, во вѣки вѣковъ будетъ сіять въ нашихъ и всемірныхъ лѣтописяхъ: царствованіе спасителя Россіи, избавителя Европы, благотворителя побѣжденныхъ, умирителя народовъ, друга правды и человѣчества.

„Въ самый первый часъ скорби и рыданій, произведенныхъ ужасною вѣстію, что не стало Александра I-го, Мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго, торжественно присягнули въ вѣрности законному наслѣднику престола, согласно съ уставомъ блаженныя памяти родителя нашего Государя Императора Павла Петровича: старѣйшему брату нашему Государю Цесаревичу, Великому Князю Константину Павловичу“, и проч. и проч.

Государь Николай Павловичъ сказалъ, что Ему неприлично хвалить брата въ манифестѣ, и велѣлъ М. М. Сперанскому па-

писать это иначе, отдавъ ему мою бумагу. Сперанскій написалъ такъ:

„Въ сокрушеніи *сердца*, смиряясь предъ неисповѣдимыми судьбами Всевышняго, среди всеобщей горести, Нашъ, Императорскій Нашъ домъ и любезное отечество паше объявшею, въ единомъ Богѣ мы ищемъ твердости и утѣшенія. Кончиною въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича, любезнѣйшаго брата Нашего, Мы лишились Отца и Государя, двадесять пять лѣтъ Россіи и намъ благотворившаго.

„Когда извѣстіе о семъ плачевномъ событіи въ 27 день ноября мѣсяца до насъ достигло, *въ самый первый часъ скорби и рыданій, Мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго*, и слѣдуя движенію сердца, принесли присягу вѣрности старѣйшему брату Нашему, Госуд[арю] Цесаревичу и Вел[икому] Князю Константину Павловичу, яко законному по праву первородства наслѣднику престола Всероссийскаго“ и проч.

Заключеніе предлагалъ я такое (послѣ словъ: *присягу въ вѣрности учинить намъ и Наслѣднику Нашему* и проч.):

„И мы въ сей торжественной часъ, предъ лицомъ Всевышняго, отъ глубины сердца даемъ обѣтъ жить единственно для любезнаго отечества: слѣдовать примѣру оплакиваемаго нами Вѣщевосца! Да будетъ наше царствованіе только продолженіемъ Александрова! Да благоденствуетъ Россія своимъ уже пріобрѣтеннымъ могуществомъ, внѣшнею безопасностію, внутреннимъ устройствомъ, чистою вѣрою нашихъ предковъ, государственною и воинскою доблестію, истиннымъ просвѣщеніемъ ума и непорочностію нравовъ, плодами трудолюбія и дѣятельности полезной, мирною свободою жизни гражданской и спокойствіемъ сердець невинныхъ! Да будетъ престолъ Нашъ твердъ закономъ и вѣрностію народною! Да соединится неразрывно, подъ Нашею державою, правосудіе неослабное съ милосердіемъ челоуѣколюбія! Да исполнится все, чего желалъ, но еще не успѣлъ совершить для отечества Александръ безсмертный: тотъ, коего священная память должна питать въ насъ и ревность, и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народа Россійскаго“.

Нашли тутъ поводъ къ толкамъ, видъ самохвальства, излиш-

нія обязательства; велѣли передѣлать, выпустить все, что выразило бы характеръ или намѣренія новаго царствованія. Сперанскій написалъ (какъ напечатано):

„Наконецъ мы призываемъ всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ соединить съ нами теплыя мольбы ихъ къ Всевышнему, да ниспошлетъ намъ силы къ понесенію бремени, святымъ промысломъ Его на насъ возложеннаго; да укрѣпитъ благія намѣренія наши *жить единственно для отечества, слѣдовать примѣру оплакиваемаго нами Государя. Да будетъ царствованіе наше токмо* (у меня: *только*) *продолженіемъ* царствованія Его *и да исполнится все, чего для блага Россіи желалъ тотъ, коего священная память будетъ питать въ насъ и ревность, и надежду стяжатъ благословеніе Божіе и любовь народовъ нашихъ*“ (вмѣсто: *любви народа Россійскаго*).

Одинъ Богъ знаетъ, каково будетъ наступившее царствованіе. Желаю, чтобы это сообщеніе было любопытно для потомства: разумѣю въ хорошемъ смыслѣ.

Сыновьямъ моимъ благословеніе, потомству привѣтствіе изъ гроба!

С.-Петербургъ.
16 Дек. 1825.

НѢСКОЛЬКО НЕИЗДАННЫХЪ ПИСЕМЪ ФРИДРИХА- ЦЕЗАРЯ ЛАГАРПА.

Издаваемые письма Фридриха-Цезаря Лагарпа доставлены въ распоряженіе Коммисіи по издавію сборника „Старца и Новизна“ стась-секретаремъ А. Ѡ. Гамбургеромъ.

Одно изъ этихъ писемъ относится къ 1785 году, то-есть, почти къ началу воспитательной дѣятельности Лагарпа, и было уже обнаружено въ 10-й книжкѣ мало извѣстнаго въ Россіи журнала „Revue historique Vaudoise“ за 1896 годъ; тѣмъ не менѣе, въ виду глубокаго интереса, который оно представляетъ, Коммисія призвала умѣстнымъ перепечатать его. Письмо это служитъ прекраснымъ комментариемъ къ запискѣ Лагарпа, представленной имъ въ 1784 году, чрезъ графа Н. И. Салтыкова, императрицѣ Екатеринѣ II о планѣ своимъ занятій съ великими князьями ¹⁾. Остальные письма, 1791, 1792, 1793, 1795, 1803 и 1807 годовъ, доселѣ вовсе не были изданы. Изъ нихъ четыре письма (1791—1795 гг.) представляютъ извлеченіе изъ писемъ Лагарпа къ своимъ родителямъ и заключаютъ въ себѣ любопытныя подробности объ ученикахъ, о ходѣ занятій съ ними и отношеніяхъ къ нему учениковъ, въ особенности великаго князя Александра. Весьма любопытно

---

¹⁾ Записка Лагарпа напечатана академикомъ М. И. Сухомлиновымъ во 2-й книжкѣ его „Исслѣдованій и статей по русской литературѣ и просвѣщенію“, въ приложеніяхъ къ статьѣ „Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ, воспитатель Александра I“, стр. 143—164.

письмо 1803 года, завѣщательнаго характера; въ немъ Лагарпъ преподаетъ своему бывшему ученику разнаго рода совѣты и сопровождаетъ ихъ характеристиками Траяна, Тита, Антониновъ и другихъ Римскихъ императоровъ, а также Людовика XII, Генриха IV, Фридриха II и Петра I.

Нѣкоторые современники признавали, что одною изъ великихъ ошибокъ императрицы Екатерины II было избраніе Лагарпа въ наставники великаго князя Александра Павловича. Ихъ смущало, что образованіе будущаго Русскаго Самодержца поручалось республиканцу, который, оставляя Россію, столь же мало зналъ ее, какъ въ день своего прибытія. Карамзинъ, вполнѣ раздѣляя такое мнѣніе, въ послѣдствіи сдѣлался краснорѣчивымъ его выразителемъ. Печатаемая рядомъ письма Лагарпа и бумаги Карамзина дадутъ способъ безпристрастнымъ историкамъ сдѣлать правдивый выводъ.

Всѣ издаваемые нынѣ письма Лагарпа снабжены переводомъ на русскій языкъ, который исполненъ В. А. Фуксомъ.

Въ 1870 году былъ изданъ V-й томъ Сборника Русскаго Историческаго Общества, въ которомъ напечатаны сообщенныя почившимъ государемъ Александромъ III „Письма Александра I и другихъ особъ царствующаго дома къ Ф.-Ц. Лагарпу“. Въ Остафьевскомъ архивѣ князя П. А. Вяземскаго, нынѣ принадлежащемъ графу С. Д. Шереметеву, сохранились два краткія извѣщенія императора Александра III, въ бытность его цесаревичемъ, къ предсѣдателю Русскаго Историческаго Общества князю П. А. Вяземскому. Эти краткія извѣщенія относятся къ изданію помянутыхъ писемъ и помѣщаются здѣсь.

1.

Я полагаю тоже, что письмо надо послать отъ моего имени прямо М-г Monod. Пожалуйста, пришлите мнѣ это письмо для подписи и чтобы былъ конвертъ тоже.

А.

25-го Декабря 1867 г.

2.

Любезный Князь,
возвращаю Вамъ письмо, подписанное мною и запечатанное. — Государь прочелъ и одобрилъ письмо. — Простите, что такъ задержалъ отсылкою.

Искренно любящій Васъ

Александръ.

1868 года 2-го Марта.

I.

Письмо Фр.-Ц. Лагарпа къ д-ру Людовику Фавру.

Письмо это, говорящее главнымъ образомъ объ обязанностяхъ наставника Русскихъ Великихъ Князей, напечатано въ *Revue historique Vaudoise* съ слѣдующимъ предисловіемъ редакціи.

„Мы обязаны любезности г. Эдуарда Моно д'Альби сообщеніемъ нижеслѣдующаго письма и позволеніемъ напечатать его въ *Revue historique Vaudoise*.

Г. Моно—правнукъ ландманна Генриха Моно, котораго генераль Лагарпъ называетъ вторымъ „alter ego“ въ извѣстномъ письмѣ, адресованномъ имъ 7-го декабря 1813 г. къ своему прежнему ученику, сдѣлавшемуся императоромъ, чтобы представить ландманна Моно, которому было поручено ходатайствовать относительно независимости кантона Во. Это письмо воспроизведено въ концѣ IV-го тома *Histoire du Canton de Vaud par Verdeil et Gaullieur* (стр. 427 и 428), и Гольеръ справедливо называетъ его „однимъ изъ основныхъ документовъ для исторіи Ваадскаго кантона“. Что касается нижеслѣдующаго письма, то оно было адресовано не къ самому ландманну Моно, а къ доктору правъ Жанъ-Маркъ-Луи Фавру изъ Ролла, родившемуся въ 1733 году и умершему въ 1793; изъ рукъ его оно, какъ кажется, перешло въ руки ландманна Моно.

„Въ Біографическомъ лексиконѣ Женевцевъ и Ваадландцевъ“ Альберта де Монте находятся слѣдующія свѣдѣнія о д-рѣ

Фавръ: „Имя его часто встрѣчается во многихъ современныхъ корреспондеціяхъ, между прочимъ въ письмахъ семейства Неккера и Иоганна Мюллера. Владѣя бібліотекою, богатою сочиненіями, касающимися Швейцаріи, а равно и драгоцѣнными рукописями, онъ великодушно предоставилъ ее въ пользованіе окрестному образованному юношеству. Фавръ былъ одновременно совѣтникомъ и другомъ Ф.-Ц. Лагарна, съ которымъ онъ переписывался до своей смерти“.

Tsarskoé-Sélo, le 8-e Août 1785.

Je suis extrêmement honteux de ne vous avoir point écrit depuis si longtemps, et je crains avec raison que vous n'accusiez mon coeur d'une faute à laquelle il n'a pourtant aucune part. Je vous avais écrit l'hiver passé une très longue lettre pour vous mettre au fait de mes affaires; j'y déposai dans votre sein les chagrins auxquels j'étais livré, mais après l'avoir écrite je n'osai pas vous l'envoyer, et les circonstances ayant changé depuis, je ne voulus plus vous entretenir d'un passé si triste que si j'ai quelque souhait à faire c'est celui de le rayer de ma mémoire. Peu après, je suis parti pour la campagne et plusieurs courses m'ont encore empêché d'écrire, aussi suis-je retardé envers toutes mes connoissances, et même envers mes parens. Voilà, monsieur, mes excuses, daignés les agréer, et surtout ne me faites pas le tort de croire que j'aie oublié celui qui m'offrit son amitié dans un âge où je la méritois encore si peu par mes connoissances, celui qui dirigea depuis mes occupations par ses conseils éclairés et à qui je dois une bonne partie de ce que je scais.

J'entreprendrai maintenant de vous mettre au fait des occupations de ma place, de celles qui me sont personnelles et de ma manière de vivre.

Comme mes Elèves ne savaient pas un mot de françois, il a fallu comencer par leur enseigner cette langue. J'étois neuf sur cet article et je fus, je l'avouerai, fort embarrassé en débutant. Mon embarras étoit encore augmenté par ma position, j'étois le seul appelé à parler françois et je scavois trop peu le russe pour soutenir une conversation; coment donc m'attirer l'attention de deux

enfants, l'un de cinq et l'autre de six ans, qui ne me comprenoient pas et les amener à m'écouter?

L'expédient dont je me servis fut de leur dessiner quelques objets de leur connoissance, je leur donnai des cartes ainsi dessinées et j'écrivis au bas le nom de l'objet, après de leur avoir répété et même fait lire. Dès qu'ils se rappelaient les noms de quelques objets, j'en dessinai d'autres, et cela établit entre nous une petite correspondance. Pendant ce tems, je leur fis aussi connoître les lettres, et je commençai à les faire épeler et même à leur faire écrire les lettres de leur connoissance. Celà fait, je leur dictai toutes les différentes syllabes, lettre par lettre, et lorsqu'ils furent familiarisés avec quelques-unes, j'hasardai de les dicter sans nomer les lettres: en un mot, je m'appliquai à leur faire rendre le son aussi exactement qu'il étoit possible à l'aide des lettres de leur connoissance et je me donnai tant de peine que je parvins à les mettre sur la voye. De cette manière, chaque jour ils se familiarisèrent davantage avec moi et apprirent de nouveaux mots. Alors je fis ensorte qu'on prit un jeune françois qui, ne sachant aucun mot de Russe et jouant avec eux, fut dans la nécessité de s'expliquer en françois et les mit eux-mêmes dans celle de l'écouter et de chercher à le comprendre, ce qui réussit fort bien. Dès le commencement de l'hyver passé, l'aîné me comprenoit déjà assez pour que j'eusse très peu besoin de m'aider de russe, mais le cadet étoit encore plus reculé. Pendant l'hyver, j'ai redoublé de peine et de zèle tant pour eux-mêmes que pour me débarasser au plus vite de l'ennui mortel d'enseigner les premiers élémens d'une langue à des enfans, et malgré mes tribulations j'ai réussi assez bien pour que l'un et l'autre m'aient compris couramment à la fin de l'hyver et ayent été susceptibles de recevoir d'autres connoissances. L'aîné s'explique maintenant très vite et, malgré plusieurs fautes, avec assez de clarté pour que des étrangers puissent le comprendre sans peine, il écrit aussi avec une grande facilité plusieurs mots de suite après les avoir entendu prononcer une seule fois, et ne fait de fautes que celles que doit faire celui qui n'a d'autre orthographe que celle des sons, car j'ai évité soigneusement de lui prononcer un seul mot gramatical avant de l'avoir reconnu capable d'en bien

comprendre l'explication, et tout ce qu'il scait sur ce point se borne à ces chefs qu'il y a des mots qui désignent des objets, qu'il y a d'autres mots qui désignent ce que sont ces objets, qu'il y en a des troisièmes qui marquent qu'on fait, souffre ou est quelque chose, qu'il y en a des quatrièmes qui se mettent à la place des objets pour ne pas les répéter, et qu'il y a des caractères propres à marquer quand il s'agit d'un ou de plusieurs et relatifs à chaque une des espèces particulière de mots. Le cadet, qui parle aussi, mais moins distinctement, n'est pas encore capable d'écrire plus d'un mot sous la dictée, et même lorsque le mot est trop long il faut séparer les syllabes pour les lui faire écrire l'une après l'autre. Dès que mes deux Elèves ont pu me comprendre seulement en partie, j'ai taché de les entretenir d'objets qui pussent les intéresser plus que l'étude de la langue. La Géographie m'a paru ce qu'il y avait de plus convenable. Je me suis fait apporter le plan de la campagne ou nous sommes, je l'ai découpé et lorsque nous avons été à la promenade, j'ai taché de leur faire reconnoître les différentes parties du jardin sur le plan qu'ils avoient sous ses yeux. En effet, ils n'ont pas tardé à remarquer tout d'eux mêmes et à comprendre ce qu'étoit un plan, et la possibilité d'avoir sous les yeux sur un simple papier deissin d'une étendue de plusieurs lieux. Joignant ainsi un plan avec un autre, je suis arrivé jusques à la ville et de celle-ci jusques aux campagnes impériales situées sur le golphe de Finlande, alors j'ai montré une grande carte de ce gouvernement ou de cette province, et j'ai tracé les places de tous ces différens plans les uns à côté des autres, de manière à pouvoir les reconnoître facilement, et effectivement ils les ont reconnus. La conséquence n'était plus maintenant difficile à tirer d'abord relativement au reste de la province, et puis relativement aux autres provinces de l'Empire. En allant ainsi pas à pas, j'ai fait avec l'ainé, et dans la suite avec le cadet, un cours de Géographie dans lequel je me suis borné à marquer 1) la situation de chaque país relativement à ses voisins, 2) les mers, golphes, 3) les grandes chaînes de montagnes, 4) les rivières principales, et 5) les capitales. J'ai fait écrire ces notions générales à mes Elèves en les leur dictant comme je l'ai dit plus haut. Cela fait je suis revenu sur mes pas avec

l'aîné, et j'ai recommencé un second cours plus détaillé qui m'a fourni l'occasion de lui expliquer en passant plusieurs choses dignes de curiosité. Je n'ai point suivi la méthode usitée dans les Géographies, ou l'ordre qu'elles adoptent. Je suis parti de la Russie comme d'un centre et j'ai passé de là aux pays qui la touchent tant en Europe qu'en Asie, persuadé qu'autant il importe peu à un prince Allemand de savoir ou demeurent les Boukares, les Calmoucs, les Mongoles et les Chinois, autant il importe à un prince Russe de connoître ces nations voisines de la sienne. Chemin faisant, j'ai donné quelques notions générales relativement à la formation des différents états et raconté quelques traits frappans de leur histoire. Par exemple, à propos de la Turquie, j'ai crû devoir leur dire que l'on plaçait dans les provinces Asiatiques les premiers Empires, ce qui m'a amené à parler des premiers hommes, de leur manière de vivre, moeurs, etc. J'ai insisté républicainement sur leur égalité et après avoir montré les premiers chefs couverts d'une peau de tigre ou de lion, assis sur une pierre au lieu de trône et habitant dans une cabane couverte de branches d'arbres, j'ai montré ces mêmes hommes cessant de se croire les égaux des autres, devenus rois, non par mandement divin, mais par la grâce de Dieu qui a fait les hommes tels que le plus fort, le plus adroit, le plus spirituel et le plus habile croit avoir un droit décidé à s'élever au-dessus de ses semblables et en profite chaque fois que la négligence et la patience de ceux-ci le laissent faire tranquillement. J'ai dicté à mon Elève cette doctrine de dure digestion, et me suis appliqué à lui faire sentir et à le bien convaincre que tous les hommes naissent égaux, le pouvoir héréditaire de quelques-uns étant une affaire de pur accident.—Voici quelques-uns de ces articles détachés. *On ne connoissoit encore ni magistrats, ni princes, ni sujets, ni riches, ni pauvres, mais tous les hommes étaient frères et égaux. Aucun d'eux ne s'était encore imaginé que lui seul pût se livrer à tous ses caprices et faire toutes ses volontés, et que les autres fussent nés pour le servir, lui obéir et travailler à sa place... Une caverne, le creux d'un arbre, une cabane couverte de branchâges ou de peaux de bêtes furent les premières demeures des ayeux du malheureux païsan qui travaille pour*

autrui et du monarque qui a tant de monde à ses ordres... Ces chefs ne furent pas décorés d'abord de marques bien brillantes. Une grande cabane fut la première cour, une pierre ou un bloc de bois informe le modèle du premier trône, une branche d'arbre encore noueuse celui du premier sceptre et la peau d'une bête féroce le premier manteau royal; vous voyés qu'il n'y avait pas là de quoi être si fier...

Vous me demanderez sans doute si mon Elève a compris toutes ces choses? Je le crois, à en juger du moins par ses questions, par ses réponses et par plusieurs conversations subséquentes. Après cette digression, je lui ai nommé les premiers empires connus et lui ai cité quelques traits relatifs à leur histoire. De même aussi lorsque j'en suis venu à la Turquie Européenne, j'ai crû devoir lui faire connaître l'ancienne Grèce, lui nomer ses cités les plus célèbres, lui dire pourquoi elles avoient jouï d'une aussi grande réputation, lui raconter quelques traits saillans de leur histoire et lui faire connoître les noms de ses plus illustres personnages. J'ai suivi le même plan lorsqu'il a été question de l'Italie et je continue.

Depuis deux mois, je me suis fait remettre la leçon d'Arithmétique que donnait jusques-là un maître russe qui avait conduit ses Disciples jusques à la division pour s'en vanter sans doute, puisqu'ils ne savoient pas même l'addition. Pour remédier au mal j'ai dû recommencer depuis la formation même des chiffres et conduire mes Elèves pas à pas jusques à la numération parfaite. J'ai hasardé alors de les faire passer à l'addition, mais en començant toujours par les questionner sur la valeur de chaque chiffre prise intrinsèquement ou relativement à sa place. Mon deissein est de les tenir sur les deux premières règles jusqu'à ce qu'ils les possèdent parfaitement et puissent se tirer eux mêmes d'affaire dans tous les cas sans le secours de personne.

Je n'irai pas plus loin, Monsieur, sans vous dire combien j'ai d'obligations au *Robinson de M. Campe...* Je le fais lire à mes deux Elèves, non pas de suite, car il y a aussi des choses au-dessus de leur portée, mais en choisissant les morceaux. Cette lecture leur fait un plaisir infini, ils aiment à en réciter des traits, et celà les engage à fixer leur attention et à faire des efforts pour

l'énoncer. Dans ce moment, l'inégalité est encore très grande entre les deux frères. Tous les deux décèlent beaucoup d'intelligence et les meilleures dispositions, mais dans deux genres bien différens. L'aîné a plus de finesse, est plus susceptible de réflexion et a moins de force que le cadet. Celui-ci est d'une pétulance incroyable, montre des talents et de la facilité, mais n'a presque point d'attention. On peut causer deux heures de suite avec l'aîné, et avec fruit, mais il est difficile d'en faire autant avec le cadet, seulement pendant huit minutes: pour lui penser, parler et faire est une seule et même chose et il faut opposer la patience et la ruse à sa vivacité. Tous les deux ont le coeur excellent. L'aîné ne fera pas du mal parce qu'il comprend déjà qu'il ne faut pas le faire, mais le cadet peut en faire poussé par sa vivacité; il est vrai que le repentir est aussi prompt que la faute: il se deshabillerait pour donner ce qu'il a à ceux qu'il a offensés. En un mot, Monsieur, il seroit difficile de trouver deux enfans nés avec des dispositions qui annoncent autant, et je me dis vingt fois le jour que s'il m'avoit été donné d'être marié et d'avoir des enfans, j'aurois désiré qu'ils ressemblassent à ces deux frères. Vous ne sçauriez croire combien je leur suis attaché. Si par hasard, il m'arrive de passer un seul jour sans les voir, il me manque aussitôt quelque chose. Leur vue me réjouit et leur compagnie m'intéresse: en un mot, j'aime être avec eux et j'y serois bien davantage, si trop de zèle ne rendoit quelquefois suspect et si j'avois plus à dire que je n'ai. Je suis le maître absolu de mes leçons et n'ai à rendre compte qu'à mon chef le général en chef de Soltykof, homme de bien, respectable par son honnêteté et rare ici par son affabilité et sa politesse. J'avois demandé cette condition dès le commencement. Je connoissois trop bien la manière usitée de traiter le monde suivant le rang pour encourir les hazards. Comme je ne suis que premier major dans l'armée et le dernier en rang de tous ceux qui sont placés, chacun n'auroit pas manqué de contrôler ma besogne, et moi qui suis précepteur (et non pas sous-précepteur) je n'aurois pas eu le mot à dire parce que j'aurois été le dernier de tous; or le moyen de tolérer pareille chose, j'avois donc exigé comme une condition sine qua non d'être le maître de diriger mes leçons se-

lon le plan que j'avois donné et suivant mes lumières, sauf à écouter des avis avant ou après s'ils m'étoient donnés convenablement, et à en profiter si je les croyais convenables, ce qui m'avoit été accordé. Cependant, comme je suis facile et peu attentif aux affaires de compétence, insensiblement, les deux personnes, nommées pour tenir lieu de sous-gouverneurs s'imaginant sans doute avoir bon marché de moi, essayèrent de me subordonner à leur autorité. Lorsque ces messieurs me demandoient si j'étois content ou non des leçons de la journée, je me faisais un plaisir de le leur dire, sans m'imaginer qu'ils voulussent s'en faire un droit pour m'obliger à leur faire un rapport de mes occupations. Ayant omis par un pur effet des circonstances de leur parler de cet objet pendant quelques jours, imaginés, Monsieur, mon étonnement lorsque ces messieurs non contents de s'en plaindre à moi prétendirent de plus avoir le droit d'inspection, interprétèrent come un devoir une pure complaisance de ma part et se permirent de m'en faire des reproches. Il n'y avoit pas à hésiter. Il falloit céder ou faire ferme.

Je représentais sur le champ avec modération, mais avec force, combien une telle prétention alloit contre mes engagements et étoit incompatible avec mes fonctions, et insistai pour n'être plus exposé à l'avenir à pareille chose. Mes représentations furent trouvées en place, je fus maintenu dans mon indépendance, et dès lors ces messieurs se sont mêlés de leurs affaires et nous avons vécu sans altercations. Si vous me demandés d'où pouvoit naître une prétention pareille, je tâcherai de vous l'expliquer, mais sans être assuré d'être bien compris. Ces messieurs sont généraux-majors et je ne suis que major; or, ici c'est le rang qui fait l'homme et non pas la fonction, le moyen par conséquent qu'un major ne fut pas très subordonné à un général! et si je l'avois été à ces messieurs, ne l'aurois-je pas été aux autres cavaliers, qui en qualité de colonels et de lieutenants-colonels ont aussi le pas avant moi? J'aurois plutôt remercié pour mon rang que de souffrir d'être traité de la sorte, mais j'espère maintenant d'être débarrassé de cette inquiétude pour l'avenir. J'en reviens au sujet qui a occasionné cette digression: Je suis le maître de donner mes leçons come je le sçais, la méthode dépend de moi et c'est aussi la seule

indépendance qui soit à ma charge, ne me mêlant pas du reste et ne pouvant ni ne voulant m'en mêler.

Mes deux Elèves ont pour moi de la déférence. Rarement il m'est arrivé d'appeler mon chef pour leur en imposer davantage. J'en exige une obéissance absolue lorsque le cas l'exige, et come j'ai insisté dès les comencemens et n'ai jamais rien dit en vain, ils sâvent qu'il ne leur reste plus rien qu'à faire ce que j'ai demandé, mais j'use rarement de mon droit. Ils me témoignent beaucoup d'amitié, ce qui me fait surtout plaisir parce qu'ils ne m'en témoigneroient point si j'étois dur, de mauvaise humeur ou injuste envers eux: je désire surtout qu'ils m'aient afin de pouvoir leur être vraiment utile, car du reste j'appécie l'amitié de leurs semblables ce qu'elle vaut et n'y serai jamais trompé.

Je ferois tort aux personnes avec lesquelles je traite si je ne leur rendois pas le témoignage qu'elles ont beaucoup d'égards pour moi. Mon chef me traite come un home en qui il a confiance. Messieurs les sous-gouverneurs aussi convaincus de mes dispositions pacifiques que de mon impatience à tolérer des prétentions injustes paroissent les avoir oubliées et comme je les prévien en toutes manières les hostilités (si, contre mon espérance, il en survenait) ne partiront pas de moi. Parmi messieurs les cavaliers plusieurs sont liés avec moi et je vis bien avec tous les autres. Du reste, je vois peu le reste des gens de la Cour, et vis dans ce monde comme si je n'y étois pas — *felix... qui vitat potentiorum civium limina!* Mes occupations depuis une année ont été considérables, et plutôt ordonnées que choisies. Chaque jour, à huit heures, sauf les jours de fête et les dimanches, je vai chez l'aimé de mes Elèves, avec lequel je demeure jusques à dix heures et demie. Je passe de là chez son frère, avec lequel je reste jusques à onze heures et quart, et dans l'après dinée je passe encore une heure et quart ou une heure et demie avec lui. Le reste du tems, après mon raport fait, m'appartient et j'en ai employé cet été une bonne partie à me promener afin de regagner ma santé altérée depuis deux ans par le défaut de mouvement et par des peines morales.

En attendant, voici à peu près ce que j'ai fait. Je me suis

mis au fait de la topographie de la Russie et des pays Asiatiques qui l'avoisinent, ce qui m'a coûté beaucoup d'ennui et de peine, mais j'ai pourtant atteint mon but. J'ai fait ensuite beaucoup d'extraits tirés de Müller, Schlötzer, Thunman-Jé relativement aux peuples du Nord, surtout relativement à ceux du Nord de l'Europe Russe et de l'Asie. J'ai comencé à faire des extraits de l'Histoire russe, ouvrage que je n'ai pas encore achevé et qui n'est rien moins qu'amusant à faire, vû le manque de bons ouvrages. Aidé d'un ouvrage du professeur Gatterer de Göttingue, j'ai fait un recueil d'extraits relatifs à toute l'histoire ancienne et à celle du moyen âge, en m'attachant seulement aux évènements principaux dont l'influence a été marquée et a produit des révolutions qui en supposent la connaissance. Pour l'histoire moderne, je suis les ouvrages de Mensel et d'Achenvall. Je me propose de suivre cet ordre avec mes Elèves et de leur donner premièrement une connoissance générale, mais bien ordonnée, des évènements principaux afin qu'ils sachent tout de suite où rapporter les détails lorsque nous prendrons les historiens particuliers et ne soient point dans l'embarras. Tout cet ouvrage, come vous voyés, Monsieur, n'est pas pour le moment présent, car il faut premièrement connaître la terre et trouver le lieu de la scène avant que de parler des acteurs et de la pièce, ainsi j'aurois pû le renvoyer si je n'avois pas préféré d'avoir besogne faite et vous verrés bientôt pourquoi.

Il m'est tombé entre les mains une histoire de la Grèce d'un M. Cousin des Préaux qui est un peu lourdement écrite et diffuse, mais cependant intéressante; dites-moi je vous prie votre avis?... Je ne la connais encore que jusqu'au IX-me tome. J'ai lû cet été avec beaucoup de plaisir la Gramaire universelle de Court de Gébelin, qui me paroît malgré sa longueur et ses digressions assommantes, être le meilleur ouvrage de cette espèce en nôtre langue, j'en ai fait l'extrait et je m'en servirai aussi lorsque le tems arrivera. Condillac et lui sont les seuls que j'aie compris sans beaucoup de peine, à quelques articles près, mais qu'est-ce en comparaison des autres gramairiens dont la lecture était vraiment insoutenable?

Quelques heures par semaine données aux langues m'en conservent la mémoire. Je devrois savoir le Russe parfaitement, mais je le comprends, je peux m'exprimer pour le besoin, je lis même les livres, à certaines mots près, et voilà tout. C'est une langue très riche, très nerveuse et très sonore. Elle fournit des expressions sublimes, et comme elle est après la Chinoise et l'Arabe, celle qui est parlée par le plus grand nombre d'hommes, si on la cultive certainement elle se communiquera aux peuples du midi de l'Europe qui jusqu'ici ne l'ont connue que sous le nom mal trouvé de jargon barbare. Le défaut de maîtres et de livres originaux est le plus grand obstacle qu'on éprouve en l'apprenant.

J'ai commencé l'anglois, mais j'ai dû l'interrompre pendant l'été, je le reprendrai en entrant en ville et il sera la dernière langue que j'apprenne.

J'ai lu avec plaisir infini l'ouvrage de Gibbon sur la Décadence des Romains. Je voudrais l'avoir écrit, cette parole vous dira le cas que j'en fais. Il y en a un autre dont je dirai presque de même, c'est celui de M. Necker. Je lui trouve il est vrai un peu trop de déclamation mais je pardonne le *Sume superbiam quasitam meritis*, à celui qui a vraiment un mérite incontestable, et je lui sçais bon gré d'avoir parlé avec chaleur et enthousiasme parce qu'il ne s'est pas contenté d'écrire, et qu'il a agi comme il parle. Son ouvrage a été fort goûté ici.

Dans ce moment je relis Tite-Live avec un plaisir aussi vif que la 1-re fois. J'ai toujours avec moi quelqu'un de ces grands hommes, ou Horace, Tacite, Salluste et Cicéron, et sans doute que je dois en partie à leur compagnie de n'avoir point été infecté du mauvais air. Lorsque je suis mécontent, j'ouvre l'un et soudain j'oublie le 18-me siècle en me transportant dans le leur, ce qui m'est d'autant plus facile qu'ayant été dans les lieux même dont ils parlent je puis m'y transporter en imagination et attacher mes idées à des objets physiques. Chaque jour je regrette davantage d'avoir oublié le peu de Grec que j'ai seû et d'avoir perdu les occasions que j'ai eues de le rapprendre. Cette prédilection pour les anciens me domine à un tel point que très certainement je me remettrais à cette langue si j'en avais le tems, ne fut-ce

que pour lire Xénophon, Thucidyde et Démosthènes. C'est par cette raison sans doute que je sentoie plus de plaisir à me promener au milieu du *Campo vaccino* à Rome que dans la Basilique de St.-Pierre, c'est étonnant modèle de la hardiesse et de la magnificence des Arts. Dans le premier endroit je voyois ce Capitole si célèbre par ses trophées et les images mêmes de quelques-uns des héros qui le décorèrent. Un peu au dessous sous le péristyle du Temple de la Concorde il me sembloit à chaque instant voir paroître Cicéron débitant la fameuse Catilinaire. A quelques pas de là *Curtius* s'étoit dévoué pour sa patrie. Plus loin étoient affichées les XII Tables. Là s'assembloit le Sénat, ici le Peuple donnoit ses loix et cette ruine informe percée de trous et couverte de lierre étoit jadis la tribune aux harangues, ce champ d'honneur, où le génie parloit un langage digne de lui et maitrisoit la gloire et la fortune. Enfin tous ces décombres, tous ces tronçons de colonnes épars, tous ces tombeaux parloient à mon cœur, et lorsque je vis les niches dans lesquelles étoient déposées les urnes cinéraires des Césars, transformées en crèches, le mausolée d'Auguste devenu une écurie, et les os de Scipion l'Asiatique foulés aux pieds par la plus vile canaille, je reçus sans doute la plus terrible et la plus salutaire leçon de morale qu'un homme ait jamais reçue; où est le sol qui parle d'une manière aussi puissante?—et où sont des objets plus intéressans par eux-mêmes?

J'ai eu quelque envie de rédiger mon voyage de Calabre et de Sicile et de l'envoyer à Monod, j'ignore si j'en aurai tems, mais dans ce cas-là il vous en fera part.

J'ai aussi été interrompu dans les recherches dont je vous parlois une fois, j'ai cependant fait quelques pas dans cette carrière, mais je n'ai encore couché qu'une petite partie par écrit: je vous l'enverrois bien volontiers pour en savoir votre avis si je savais comment m'y prendre.

J'ignore si je vous ai parlé d'un projet que je roule depuis longtems dans ma tête et qui ne me laisse guères de tranquillité, c'est celui de travailler sur *l'histoire de la Suisse*. J'ignore si je suis né avec les talens nécessaires pour exécuter une telle entreprise, mais je sais du moins, que parmi nos historiens, aucun n'a

écrit d'une manière digne de son sujet, et il ne me paroît pas difficile de faire mieux.—Encore en dernier lieu Muller vient de faire un ampoulage ridicule à l'excès: on dirait d'un homme qui montre la lanterne magique, chacun s'attend à de grandes choses et l'on ne sait ce que l'on voit: est ce donc que le sol de la Suisse d'ailleurs assez fertile en bons esprits n'en produiroit aucun qui sçût raconter les hauts faits de ses ayeux avec une simplicité et une noblesse égale à celle qui les animât? Come qu'il en soit je suis tourmenté de cette idée et je suis tenté de voir aussi *quid valeant humeri quid ferre recusent*. J'ai plusieurs heures à moi dont la disposition dépend purement de mon libre arbitre. J'ai d'ailleurs plus d'expérience que je n'aurois étant dans mon pays, et je suis à la distance où un républicain doit être pour écrire avec vérité l'histoire de sa patrie; enfin ce ne seroit point une œuvre si prompte, car je commencerois sans doute mes recherches à présent, et je coucherois bientôt par écrit mes résultats, mais j'attendrois de les avoir soumis au jugement de quelques amis éclairés, avant que de les faire paroître. Si j'exécute mon plan, ce sera vous, Monsieur, que je prierai encore d'être mon guide ainsi que vous avés bien voulu l'être dès le commencement. Il y a deux ans je fis venir de Suisse un ballot qui contenoit les principales chroniques, mais il m'en manque encore quelques-unes, quoiqu'à la vérité pas des plus importantes.

Mon intention ne seroit point comme celle de Lauffer de parler d'Adam et d'Eve, du Péché etc... Je me bornerois seulement à recueillir en bref dans les anciens historiens ce qu'on scait de plus vraisemblable relativement à l'ancien état de la Suisse. Cette partie seroit courte, car que peut-on dire d'un petit païs qui n'avoit pas même un nom particulier dans ces siècles d'ignorance? L'histoire des Suisses ne peut guère comencer qu'avec leur nom; et ce n'est que depuis la révolution qu'ils ont formé un peuple aussi digne des regards de la postérité par ses actions que le furent les Grecs dans les beaux siècles de la Grèce. Je me bornois d'abord à la période qui renferme les guerres étrangères et le commencement des guerres civiles. Quant aux deux derniers siècles: en parler c'est toucher à l'arche du Seigneur si l'on dit vrai, et même il est dif-

ficile de l'être parceque les matériaux sont difficiles à trouver et plus difficiles encore à bien examiner, et parce qu'on a la politique de cacher les documens à ceux qui les demandent. Je ne toucherois donc pas à cette dernière période, non qu'elle ne soit intéressante étant traitée sous un point de vuë général, non que je craignisse les réclamations ou même pis, car je suis trop loin et je méprise d'avance ce que l'on pourroit dire, mais parce que je ne voudrois dire que ce que je crois être vrai dans ma conscience.— J'ai suspendu les recherches relatives à cet ouvrage jusqu'à présent afin de pouvoir m'occuper entièrement d'objets relatifs à ma vocation, et n'en pas avoir à deux fois. Maintenant j'ai devant moi une grande partie des matériaux préparés pour quelques années j'aurai plus de liberté, et j'en profiterai je l'espère pour suivre à mes projets. Après vous avoir mis au fait de mes occupations, il ne me reste plus, Monsieur, qu'à vous parler aussi de mon existence, de ma manière de vivre, de mes plaisirs etc... Cet article sera plus court que les précédens. A la campagne mes occupations finies je me promène aussi longtems qu'il m'est possible, lorsque je suis seul je cours les champs et fais mon possible pour m'imaginer que la nature que je vois est belle. Quand il fait mauvais tems je reste chez moi ou je vais passer quelques moments chez ceux de mes collègues avec lesquels je suis le plus lié. Du reste rien de plus monotone que cette vie. Seulement chaque jeudi il y a un grand concert dans lequel la célèbre *Todi* et *Jamovick* se font entendre, et de tems en tems il y a spectacle le lundi. *Offrène* vient d'arriver, et débutera dans peu de jours sur le Théâtre de la Cour: je suis très impatient de le voir et de l'entendre car il a eu la réputation d'un des premiers acteurs de l'Europe et notre théâtre avait grand besoin d'un tel homme. En ville il y a plus de ressources mais je crois déjà vous avoir dit que les sociétés étoient montées entièrement sur le ton du grand monde; or c'est assez dire qu'un homme sensé qui n'aime pas le jeu, ne peut s'y trouver bien à son aise. Je les ai fréquentées pendant la 1-re année de mon séjour pour l'amour seul des bienséances et afin qu'on ne m'accusat pas de hanter la mauvaise compagnie. Maintenant que ma réputation est faite, et que mes occupations connues sont une

excuse légitime, je ne me gêne plus. De tems en tems seulement je vai pour une heure dans quelque grande assemblée, et à moins d'y rencontrer quelqu'un avec qui faire la conversation (chose infiniment rare) je n'y reste pas plus longtems: je ne fréquente en un mot le grand monde qu'autant qu'il en faut pour n'en pas perdre l'usage et pour n'y paroître pas étranger. Hors ce grand monde il n'y a rien, ou ne counoit pas même de nom ces petites sociétés usitées parmi nous, ces cotteries ou quelques personnes aimables des 2 sexes causent familièrement de choses et d'autres, savent trouver d'autres récréations que les cartes ou la danse, et se délassent par un babil sans prétention après avoir donné leur journée à des occupations plus graves et plus sérieuses. Tout cela, Monsieur, est ignoré, et il faut se décider pour le grand monde ou les intrigues, car il n'y a point d'intermédiaires. Je vois quelquefois mais rarement cependant le corps diplomatique. De tems en tems je fréquente le spectacle, mais il étoit si mal monté que souvent je me repentois d'y être allé. La récitation vitieuse fait une si fâcheuse impression sur mon tympan que je suis rarement de bonne humeur après une pièce mal jouée. Je vois quelquefois dans la semaine des hommes de mérite étrangers fixés dans ce païs depuis longtems, particulièrement M. Epinus connu en Europe comme mathématicien et physicien, homme rare à tous égards; il vient de perfectionner le microscope à un si haut degré qu'il est impossible de faire plus. Chaque objet est vu avec une netteté incroyable et de la même couleur qu'il paroît avoir à la vuë. Cet avantage n'est pas le seul. Le microscope étant adopté à une lunette de 3 pieds de longueur peut se manier avec une facilité singulière, et par la facilité de raccourcir ou allonger la lunette, on voit l'objet en son entier ou seulement une partie de l'objet qu'on peut faire passer par tous les degrés de grandeur suivant que l'on désire en examiner une partie avec plus ou moins d'attention. Enfin l'objectif étant à 10 pouces de l'objet, et l'observateur à 3 pieds plus en arrière, vous comprenés, Monsieur, que l'on peut observer toutes les opérations des insectes sans qu'ils s'effrayent. Cette découverte est de la plus grande importance pour l'histoire naturelle, et ne manquera pas de faire bruit lorsqu'elle sera plus répandue. M. Epi-

nus me fait l'honneur de me vouloir beaucoup de bien, il m'en a donné beaucoup de preuves et je fréquente sa maison aussi souvent qu'il m'est possible de le faire. Mon compatriote de Moudon étant mon voisin je le vois très souvent: c'est un homme de beaucoup de mérite et nous sommes très attachés l'un à l'autre. Je vois aussi quelquefois le célèbre Pallas, homme doué d'un génie transcendant et d'une facilité prodigieuse.

Les De R(ibeaupierre) sont en Pologne d'ou ils ne reviendront qu'en septembre. Madame est grosse, ainsi la famille ne s'éteindra pas. Je ne pense pas qu'il lui tarde beaucoup à avoir un régiment; ce n'est qu'alors qu'il pourra vraiment avoir une position indépendante que je lui souhaite de tout mon coeur. Nous avons eu un été affreux; mais depuis 8 jours il fait un très beau tems. Le climat est détestable, et pour surcroit des désagrémens toutes les commodités de la vie sont à un prix exorbitant. Je n'aurois jamais pû vivre avec mes 1500 roubles, mais j'espère maintenant avec 2687. Il me faut un valet de chambre, un laquais et un cocher, et je n'ai jamais tant senti la dépendance que depuis qu'il ne m'a plus été possible d'aller à pied et de me servir moi-même... Ah! quand j'aurai recouvré ma liberté, je ne la compromettrai certainement plus de ma vie, et c'est cette espérance qui me donne des forces. Je suis assez content de ma position mais je ne me repose pas assez pour la croire au dessus des revers; je scais fort bien là ou je suis. Quoique je me ne mêle d'aucunes affaires que des miennes, et que j'aye en horreur et méprise toutes les petites menées de cour, il est presque impossible de se tirer sain et sauf de ce tourbillon à... je l'ai déjà éprouvé maintes fois et l'éprouverai sans doute encore. On peut être calomnié, noirci sans le savoir, sans s'en douter, et sans avoir même l'occasion de se défendre... A cela que doit opposer un homme sage? La patience et le courage. Il doit se tenir prêt à tout hazard, jouir du présent sans trop s'y attacher, et ne pas craindre l'avenir.—C'est aussi ce que je tache de faire. Je suis le précepte d'Horace *laudo manentem: si celeres quatit pennas, resigno qua dedit* etc... aussi je pourrais bien être affecté de tels contre tems qui m'obligeroient à quitter ma place, parceque j'y suis très attaché, mais je vous pro-

teste que je n'en serois pas abbatû. Mon parti est pris d'avance sur tout les cas, et je ne serai jamais pris au dépourvû. Jusqu'à présent pourtant je n'ai rien vû qui me fasse craindre une pareille extrémité. Je ne me mêle de rien d'étranger à mon poste, et ne veux pas même m'informer de ce qui se passe. Je fais de rares visites là ou il le faut, et ne fait d'ailleurs la cour à personne. Je me suis établi sur ce pied et n'ai pas craint de dire que n'ayant rien à demander je ne hanterois jamais les antichambres. Le moyen en effet qu'un homme affairé et qui connoit le prix du tems aille passer quelques heures dans une salle droit comme une halberde, sans y avoir rien à faire et uniquement pour y baïller! Je suis très persuadé que personne ne peut n'ôter ce que j'ai, ce que j'appelle mon bien, ce qui m'appartient veritablement, savoir mes sentimens, ce que j'ai appris, ce que je scais, et qu'aucun pouvoir ici bas ne peut faire de moi un habile homme ou un sot, si la nature ne l'a pas voulu ainsi. — Dépouillé de ma fortune, il me resteroit toujours mon être, les moyens de me distinguer, l'épreuve de l'adversité et les amis qui m'appartiennent—or serait ce là peu de chose? Je suis donc tranquille, Monsieur, quoique vivant à la cour, et Suisse encore quoique parmi les courtisans, ainsi vous me reverrés le même et vous m'aimérés toujours puisque je n'aurai point changé. Je me flatte du moins que vous voudrés bien me conserver dans votre coeur la place que vous m'y aviés accordée, elle m'appartient et je ne scaurois vous en laisser le maître. Il m'est impossible de vous dire combien je regrette d'être aussi éloigné de vous, j'aurois tant de choses à vous dire. Je vous prie, Monsieur, de présenter mes respects à Madame votre épouse. Donnés moi autant de nouvelles de mes jadis petits et maintenant grands amis Louis et Jaques: combien ils doivent vous donner de plaisir! Rappelés moi au souvenir de M-r Reverdil, à celui de M-r votre frère et de M-r votre neveu Alexandre que je félicite de tout mon coeur sur son avancement. — J'espère d'ors en avant être plus régulier à vous écrire, et j'espère aussi que vous voudrés bien m'écrire: c'est un bien foible dédomagement pour la perte des heures si agréables et si instructives que j'ai passées avec vous. — Je vous embrasse de tout mon coeur et vous prie

d'être bien convaincu de la sincérité des sentiments de celui qui sera pour la vie Votre très ob. et dévoué Serviteur. Dl. H.

P. S. Si vous aviez quelques bons livres à m'indiquer vous m'obligeriez beaucoup de m'en faire part: ne connoitriez vous point quelque bon abrégé de *l'histoire du Bas Empire*?

ПЕРЕВОДЪ.

Царское Село, 8-го августа 1785.

Мнѣ до крайности стыдно, что я вамъ такъ долго не писалъ, и я очень боюсь, чтобы вы не обвинили моего сердца въ провинности, въ которой оно не принимало никакого участія. Прошлую зиму я написалъ вамъ очень длинное письмо, чтобы познакомить васъ съ моими дѣлами; въ немъ я излилъ всѣ огорченія, волновавшія меня, но, написавъ его, я не осмѣлился вамъ послать его, а такъ какъ съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились, то я и не захотѣлъ говорить вамъ о прошломъ, столь печальномъ, что я желалъ бы совѣмъ вычеркнуть его изъ своей памяти. Послѣ того я отправился на дачу, и нѣсколько побѣздокъ опять помѣшали мнѣ писать, такъ что я запоздалъ относительно всѣхъ своихъ знакомыхъ и даже относительно своихъ родныхъ. Таковы, милостивый государь, мои извиненія; удостойте принять ихъ и въ особенности прошу васъ не подумать, что я могъ забыть того, кто предложилъ мнѣ свою дружбу, когда я былъ въ возрастѣ столь мало достойномъ ея по своимъ познаніямъ, того, кто потомъ руководилъ моими занятіями своими просвѣщенными совѣтами, и кому я по большей части обязанъ всѣмъ, чтò знаю.

Я хочу здѣсь познакомить васъ съ занятіями, сопряженными съ моею обязанностью, съ тѣми, которыя касаются лично меня и, наконецъ, съ моимъ образомъ жизни.

Такъ какъ мои ученики не знали ни слова по французски, то нужно было прежде всего выучить ихъ этому языку. Я былъ новичкомъ въ этомъ дѣлѣ и, признаюсь, въ началѣ былъ въ большомъ затрудненіи. Затрудненіе увеличивалось еще моимъ положеніемъ; я одинъ говорилъ по французски и зналъ слишкомъ

мало русскій языкъ, чтобы быть въ состояніи поддерживать разговоръ; какимъ же образомъ возбудить вниманіе двухъ мальчиковъ, одного пяти, а другого шести лѣтъ, которые меня не понимали, и какимъ образомъ принудить ихъ слушать меня?

Я прибѣгнулъ къ слѣдующему способу: я рисовалъ на карточкахъ знакомые имъ предметы, давалъ имъ въ руки эти карточки, писалъ внизу названіе предмета, нѣсколько разъ повторялъ его и потомъ заставлялъ ихъ читать. Когда они запоминали имена этихъ предметовъ, я рисовалъ другіе, и это устанавливало между нами родъ разговоровъ. Въ то же время я знакомилъ ихъ съ буквами, заставлялъ ихъ складывать и даже писать знакомыя уже имъ буквы. Послѣ этого я диктовалъ имъ букву за буквою всѣ слоги, и когда они освоились съ нѣкоторыми, я пробовалъ диктовать ихъ имъ, не называя буквъ: однимъ словомъ, я старался познакомить ихъ со звукомъ со всевозможною точностью при помощи знакомыхъ имъ буквъ и такъ усердно работалъ надъ этимъ, что наконецъ мнѣ удалось наставить ихъ на истинный путь. Такимъ образомъ, они съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе осваивались со мною и выучивали новыя слова. Затѣмъ я устроилъ такъ, что взяли къ нимъ молодого француза, не знавшаго ни слова по русски; играя съ ними, онъ по необходимости объяснялся по французски и этимъ заставлялъ ихъ самихъ слушать себя, стараться понять его, что и удалось какъ нельзя лучше. Къ началу прошлой зимы старшій понималъ меня уже на столько, что мнѣ не нужно было прибѣгать къ помощи русскаго языка, но младшій все еще отставалъ. Во время зимы я удвоилъ старанія и рвеніе, какъ для нихъ самихъ, такъ и для того, чтобы избавиться отъ смертельной скуки обучать дѣтей первымъ элементамъ языка и, не смотря на всѣ мои напасти, я достигъ того, что тотъ и другой довольно хорошо стали понимать меня къ концу зимы и были въ состояніи воспринимать новыя знанія. Старшій изъясняется теперь очень скоро и, не смотря на нѣкоторыя ошибки, на столько ясно, что иностранцы могутъ понимать его безъ труда; онъ можетъ также написать съ большою легкостью много словъ подъ рядъ, услышавъ ихъ только разъ, и дѣлаетъ только такія орфографическія ошибки, какія свойственны тому, кто знаетъ только орфографію *звуковъ*, ибо я ста-

рательно избѣгалъ произносить передъ нимъ какой-либо грамматическій терминъ, раньше чѣмъ признавалъ, что онъ въ состояніи хорошо понять объясненіе его, и все, что ему извѣстно относительно этого, ограничивается основными понятіями, что есть слова, обозначающія предметы, есть другія, обозначающія, каковы эти предметы, третьи — что дѣлаютъ эти предметы или каково ихъ состояніе, четвертыя — которыя ставятся вмѣсто предметовъ, чтобы избѣжать повторенія ихъ, что есть особыя формы для обозначенія, когда дѣло идетъ объ одномъ или о нѣсколькихъ предметахъ и относительно каждаго изъ особыхъ родовъ словъ. Младшій тоже говоритъ, но менѣе явственно; онъ можетъ написать подъ диктовку только одно слово и даже, если слово черезчуръ длинно, необходимо раздѣлять слоги, чтобы онъ написалъ ихъ одинъ за другимъ. Какъ только ученики мои начали понимать меня хоть отчасти, я старался говорить имъ о предметахъ, которые могли бы ихъ заинтересовать больше, чѣмъ изученіе языка. Наболѣе удобнымъ для этого мнѣ казалась географія. Я приказалъ принести себѣ планъ дачи, въ которой мы жили, вырѣзалъ его и во время прогулокъ старался указать имъ различныя части сада на планѣ, бывшемъ у нихъ передъ глазами. Дѣйствительно, они не замедлили сами отмѣчать все и понять, что такое планъ и возможность имѣть передъ глазами на простомъ листѣ бумаги изображеніе пространства въ нѣсколько миль. Присоединяя такимъ образомъ одинъ планъ къ другому, я дошелъ до города, а оттуда до императорскихъ дачъ, расположенныхъ по Финскому заливу; тогда я имъ показалъ большую карту этой губерніи, или провинціи и начертилъ на ней мѣста всѣхъ этихъ различныхъ плановъ, одинъ возлѣ другого, такъ чтобъ ихъ легко было узнать, и дѣйствительно, они узнавали ихъ. Затѣмъ уже не трудно было вывести слѣдствія, сперва относительно остальной провинціи, а потомъ и относительно другихъ провинцій Имперіи. Идя такимъ образомъ шагъ за шагомъ, я прошелъ сперва со старшимъ, а потомъ и съ младшимъ, курсъ географіи, въ которомъ я ограничился указаніемъ: 1) положенія каждой страны относительно сосѣднихъ странъ; 2) морей, заливовъ, 3) большихъ цѣпей горъ; 4) главныхъ рѣкъ и 5) столицъ. Я заставилъ своихъ учениковъ писать всѣ эти свѣдѣнія подъ дик-

товку, какъ говорилъ выше. Послѣ этого я вернулся со старшимъ назадъ и началъ съ нимъ второй курсъ, болѣе подробный, который доставилъ мнѣ случай сообщить ему мимоходомъ нѣсколько достойныхъ вниманія свѣдѣній. Я не слѣдовалъ при этомъ методѣ, употребляемой обыкновенно въ географіяхъ, и не придерживался порядка, какой въ нихъ находится. Я исходилъ изъ Россіи, какъ изъ центра, и переходилъ оттуда въ соприкасающіяся съ нею страны какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, убѣжденный, что какъ мало важно для какого-либо Германскаго государя знать, гдѣ живутъ, Бухарцы, Калмыки, Монголы и Китайцы, такъ важно Русскому государю имѣть точныя свѣдѣнія о націяхъ, сосѣднихъ съ его націей. Попутно я далъ нѣсколько общихъ понятій относительно образованія различныхъ государствъ и разсказалъ нѣсколько поразительныхъ чертъ изъ ихъ исторіи. Напримѣръ, по поводу Турціи я счелъ нужнымъ сказать имъ, что первыя государства возникли въ Азіатскихъ странахъ, а это дало мнѣ поводъ говорить о первыхъ людяхъ, объ ихъ образѣ жизни, нравахъ и пр. Какъ республиканецъ, я указывалъ на ихъ равенство и, показавъ первыхъ начальниковъ, покрытыхъ тигровою или львиною кожею, сидящихъ на камнѣ вмѣсто трона и живущихъ въ хижинѣ, покрытой древесными вѣтвями, я показалъ потомъ, что эти самые люди перестаютъ считать себя равными другимъ, сдѣлавшись царями, не по божескому велѣнію, по милости Божіею, который устроилъ такъ, что самый сильный, самый ловкій и самый умный считаетъ себя въ правѣ возвыситься надъ подобными себѣ и пользуется этимъ всякій разъ, какъ только небрежность и терпѣніе послѣднихъ допускаютъ это. Я диктовалъ моему ученику эту трудно понимаемую доктрину, старался дать ему почувствовать и убѣдить, что всѣ люди рождаются равными, наследственная же власть нѣкоторыхъ есть дѣло чистой случайности. Вотъ образчикъ подобныхъ диктовокъ: *„Не знали еще ни чиновниковъ, ни государей, ни поданныхъ, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, но все люди были братья и равны между собою. Никто изъ нихъ еще не вообразилъ себя, что онъ одинъ можетъ предаваться своимъ прихотямъ, исполнять всякое свое желаніе, а что другіе родились для того, чтобы служить ему, повиноваться ему, работать за него... Пещера, дупло, хижина, по-*

крытая вѣтвями, или звериными шкурами, были первыми жилищами предковъ, какъ бѣднаго крестьянина, работающаго для другихъ, такъ и монарха, который повелѣваетъ такимъ множествомъ людей... Эти начальники не носили сперва слишкомъ блестящихъ украшеній. Большая хижина была ихъ первымъ дворцомъ, камень, или необдѣланный обрубокъ дерева моделью перваго трона, древесная, сучковатая вѣтвь ихъ первымъ скипетромъ, а шкура дикаго звѣря ихъ первою царскою мантиею; вы видите, что всѣмъ этимъ они не могли очень гордиться..."

Вы спросите меня, безъ сомнѣнія, понялъ ли мой ученикъ всѣ эти вещи? Я думаю, что да, если судить по его вопросамъ, по его отвѣтамъ и по многимъ послѣдующимъ разговорамъ. Послѣ этого отступленія я ему назвалъ первыя извѣстныя государства и рассказалъ нѣсколько чертъ относительно ихъ исторіи. Такъ, дойдя до Европейской Турціи, я счелъ нужнымъ познакомить его съ древней Греціей, назвать самые знаменитые города ея, объяснить ему, почему они пользовались такою большою славою, рассказать нѣкоторыя выдающіяся черты ихъ исторіи и познакомить съ именами наиболѣе знаменитыхъ личностей. Я слѣдовалъ тому же плану, когда вопросъ зашелъ объ Италіи, и такъ продолжалъ далѣе.

Уже два мѣсяца, какъ я взялъ на себя уроки ариметики, которые до сихъ поръ давалъ русскій учитель, который дошелъ со своими учениками до дѣленія, конечно, чтобы похвастать этимъ, пбо они не знали даже сложенія. Чтобы помочь злу, я долженъ былъ начать съ самаго образованія цифръ и шагъ за шагомъ довести до правильнаго пониманія нумераціи. Тогда только я приступилъ къ сложенію, постоянно предлагая имъ вопросы о значеніи цифръ какъ отдѣльно стоящихъ, такъ и относительно мѣста, занимаемаго ими. Намѣреніе мое держать ихъ на двухъ первыхъ правилахъ до тѣхъ поръ, пока они поймутъ ихъ въ совершенствѣ и будутъ рѣшать задачи безъ всякой посторонней помощи.

Я не буду продолжать далѣе, милостивый государь, не сказавъ вамъ, какъ много я обязанъ „Робинсону“ и *Кампе*. Я заставляю обоихъ учениковъ моихъ читать его, но не подъярь, ибо есть мѣста для нихъ непонятныя, а съ выборомъ. Это чтеніе доставляетъ имъ

несказанное удовольствіе, они любятъ пересказывать прочитанное, а это возбуждаетъ ихъ вниманіе и требуетъ отъ нихъ усилій для изъясненія. Въ настоящее время неравенство между обоими братьями еще очень велико. Старшій болѣе остроумень, болѣе склоненъ къ размышленію, но менѣе силенъ, чѣмъ младшій. Этотъ послѣдній невѣроятно живъ, выказываетъ таланты и способности, но почти лишень всякой внимательности. Можно проговорить два часа сряду со старшимъ, и съ пользою, но это не возможно съ младшимъ даже въ теченіе восьми минутъ; для него подумать, сказать и сдѣлать одно и то же, и нужно противопоставлять терпѣніе и хитрость его живости. У обоихъ прекрасное сердце: Старшій не сдѣлаетъ ничего дурного, потому что понимаетъ уже, что этого не нужно дѣлать, но младшій, по живости своей, можетъ это сдѣлать; правда, раскаяніе у него такъ же быстро, какъ и проступокъ; онъ готовъ все святъ съ себя, чтобы отдать тому, кого онъ обидѣлъ. Однимъ словомъ, милостивый государь, трудно найти дѣтей, которыя бы по своимъ прирожденнымъ способностямъ такъ много обѣщали въ будущемъ, и если бы мнѣ пришлось когда-нибудь жениться и имѣть дѣтей, я желалъ бы, чтобы они походили на этихъ двухъ братьевъ. Вы не можете повѣрить, какъ я къ нимъ привязанъ. Если случайно я не вижу ихъ цѣлый день, мнѣ чего-нибудь недостаетъ. Видъ ихъ радуетъ меня; общество ихъ занимаетъ меня; однимъ словомъ, я люблю быть съ ними и былъ бы съ ними дольше, если бы этотъ избытокъ рвенія не былъ иногда подозрителенъ и если бы мнѣ можно было говорить больше, чѣмъ это мнѣ дозволено. Я безусловный хозяинъ своихъ уроковъ, даю отчетъ только начальнику своему, главнокомандующему Салтыкову, человѣку благонамѣренному, достойному уваженія по своей честности и, *что здѣсь рѣдко*, по своей привѣтливости и вѣжливости. Я потребовалъ этого условія съ самаго начала. Я слишкомъ хорошо зналъ здѣшнюю манеру обращаться съ людьми сообразно ихъ *чинамъ*, чтобы подвергать себя всякимъ случайностямъ. Такъ какъ я состою только *премьер-майоромъ арміи* и всѣ чинами выше меня, то каждый не примулъ бы контролировать мои занятія, и я, который числюсь *преподавателемъ* (а не помощникомъ преподавателя), я не смѣлъ бы сказать ни слова, потому что по чину я ниже ихъ всѣхъ; воз-

можно ли терпѣть подобную вещь! Вотъ почему я потребовалъ какъ *conditio sine qua non*, чтобы быть полнымъ хозяиномъ давать свои уроки согласно съ представленнымъ мною планомъ и моими познаніями, предоставляя себѣ выслушивать совѣты до и послѣ уроковъ, если только они будутъ даваемы въ приличной формѣ, и слѣдовать имъ, если найду это удобнымъ; все это было мнѣ предоставлено.

Однако, такъ какъ я человѣкъ уступчивый и мало обращаю вниманіе на полноправность, то два господина, назначенные помощниками гувернеровъ, вообразили себѣ, что со мной легко сладить и нечувствительно вздумали подчинить меня своему авторитету. Когда эти господа разспрашивали меня, доволенъ ли я или нѣтъ своими ежедневными уроками, я съ удовольствіемъ говорилъ имъ объ этомъ, никакъ не воображая, что они изъ этого хотятъ создать себѣ право и принудить меня давать имъ отчетъ въ своихъ занятіяхъ. Когда, по чистой случайности, я пересталъ нѣсколько дней говорить съ ними объ этомъ предметѣ, вообразите себѣ, милостивый государь, мое удивленіе, когда эти господа, не удовольствовавшись жалобами на это лично мнѣ, заявили претензію на право надзора за мною, сочли моею обязанностью то, что было чистою снисходительностью съ моей стороны, и позволили себѣ дѣлать мнѣ выговоры. Нельзя было дольше колебаться. Нужно было уступить, или твердо поставить на своемъ.

Я тотчасъ же представилъ въ умѣренномъ тонѣ, но сильно, на сколько подобная претензія противна моимъ обязательствамъ, несовмѣстима съ моими обязанностями и настаивалъ на томъ, чтобы впредь не быть подвергнутымъ подобнымъ вещамъ. Представленія мои были признаны умѣстными, я сохранилъ свою независимость, и съ этихъ поръ эти господа перестали вмѣшиваться въ мои дѣла, и мы стали жить мирно. Если бы вы меня спросили, какимъ образомъ могло произойти подобное притязаніе, то я постараюсь объяснить вамъ это, не будучи однако увѣренъ, что вы меня поймете. Эти господа генераль-маіоры, а я только маіоръ, здѣсь же чинъ дѣлаетъ человѣка, а не его обязанности; слѣдовательно, возможно ли чтобы маіоръ не былъ подчиненъ генералу? А если бы это случилось, то не очутился ли бы я въ подчиненіи

у другихъ господъ, которые въ качествѣ полковниковъ и подполковниковъ выше меня? Я скорѣе согласился бы отказаться отъ всякаго чина, чѣмъ сносить что-либо подобное, но теперь, надѣюсь, я на будущее время буду избавленъ отъ такого безпокойства. Возвращаюсь къ предмету, по поводу котораго я сдѣлалъ это отступленіе. Я вполне господинъ давать уроки по своему разумѣнію, методъ преподаванія зависитъ отъ меня, и это единственная независимость, которую я себѣ предоставляю, такъ какъ ни во что другое не вмѣшиваюсь, не имѣя ни возможности, ни желанія вмѣшиваться.

Оба мои ученики питаютъ ко мнѣ уваженіе. Рѣдко приходится мнѣ обращаться къ начальнику, чтобы побудить ихъ къ этому. Я требую отъ нихъ безусловнаго повиновенія въ необходимыхъ случаяхъ, и такъ какъ я дѣйствовалъ такимъ образомъ съ самаго начала и ничего не говорилъ попустому, то они знаютъ, что имъ остается только исполнять, что я требую; но я рѣдко пользуюсь своимъ правомъ. Они выказываютъ ко мнѣ большую дружбу, что доставляетъ мнѣ большое удовольствіе, ибо они не оказывали бы мнѣ ее, если бы я былъ съ ними жестокъ, угрюмъ или несправедливъ; я въ особенности желаю, чтобы они меня любили, дабы быть имъ дѣйствительно полезнымъ, ибо я цѣню дружбу подобныхъ имъ личностей, но сколько она стоитъ и никогда въ ней не ошибусь.

Я былъ бы несправедливъ къ лицамъ, съ которыми имѣю дѣло, если бы не засвидѣтельствовалъ, что они относятся ко мнѣ съ большимъ уваженіемъ. Мой начальникъ обращается со мной какъ съ человѣкомъ, которому довѣряетъ. Господа помощники гувернеровъ, убѣдившись какъ въ моихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ, такъ и въ томъ, что я не потерплю ихъ несправедливыхъ притязаній, позабыли объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, и такъ какъ я стараюсь съ ними быть предупредительнымъ, то непріязненные дѣйствія (если бы, вопреки моимъ ожиданіямъ, они могли бы возникнуть) будутъ исходить не отъ меня. Многіе изъ господъ кавалеровъ связаны дружбой со мною, со всѣми другими я живу хорошо. Впрочемъ, я мало вижу придворныхъ и живу въ этомъ мірѣ словно меня тамъ не было *felix... qui vitat potentiorum civium limina!*

Занятія мои въ этомъ году были значительны и скорѣе правильныя, чѣмъ избранныя. Каждый день, въ восемь часовъ, за исключеніемъ праздничныхъ и воскресныхъ дней, я иду къ старшему изъ своихъ учениковъ и остаюсь съ нимъ до десяти съ половиной. Отсюда я перехожу къ младшему брату, у котораго остаюсь до одиннадцати съ четвертью; послѣ обѣда я еще занимаюсь съ нимъ часъ съ четвертью или часъ съ половиной. Все остальное время, по представленіи рапорта, принадлежитъ мнѣ и большую часть его я употребилъ нынѣшнимъ лѣтомъ на прогулки, чтобы поправить свое здоровье, пошатнувшееся вотъ уже два года отъ недостатка движенія и отъ нравственныхъ невзгодъ.

Пока, вотъ, приблизительно, что я сдѣлалъ. Я старался ознакомиться съ топографіей Россіи и сосѣднихъ съ нею азіатскихъ странъ, что стоило мнѣ не мало трудовъ и непріятностей, однако я достигъ своей цѣли. Затѣмъ я сдѣлалъ много извлеченій изъ Мюллера, Шлёцера, Тунманна-Же относительно сѣверныхъ народовъ, въ особенности относительно сѣвера европейской и азіатской Россіи. Я началъ дѣлать извлеченія изъ русской исторіи, трудъ, еще не оконченный и совсѣмъ не занимательный, въ виду недостатка хорошихъ сочиненій. При помощи сочиненія геттингенскаго профессора Гаттерера я составилъ сборникъ извлеченій, относящихся ко всей древней исторіи и исторіи среднихъ вѣковъ, останавливаясь лишь на главныхъ событіяхъ, вліяніе которыхъ было особенно чувствительно, и которыя произвели перевороты, для пониманія которыхъ необходимо знакомство съ ними. Для новой исторіи я пользуюсь сочиненіями Менцеля и Ахенвала. Я предполагаю слѣдовать тому же порядку съ моими учениками и сообщить имъ первоначально общія, въ систематическомъ порядкѣ, свѣдѣнія о главныхъ событіяхъ, чтобы они могли знать тотчасъ же, куда слѣдуетъ отнести подробности, когда мы приступимъ къ изученію частныхъ историковъ, и не затруднялись бы этимъ. Весь этотъ трудъ, какъ вы видите, дѣлается не для настоящей минуты, ибо нужно прежде всего знать землю и найти мѣсто сцены, прежде чѣмъ говорить объ актерахъ и пьесѣ; поэтому я могъ бы и отложить его, если бы не предпочелъ окончить его заранѣе, и вы скоро увидите, почему я это сдѣлалъ.

Мнѣ попалась въ руки исторія Греціи нѣкоего Кузена Деспредъ,

которая написана нѣсколько тяжело и многорѣчиво, но однако занимательно; скажите мнѣ, прошу васъ, ваше мнѣніе объ ней?... Я познакомился съ ней пока до IX тома. Нынѣшнимъ лѣтомъ я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ „Всеобщую грамматику“ Курде-Жебелена, которая, не смотря на свои длинноты и убійственныя отступленія, кажется мнѣ лучшимъ сочиненіемъ въ этомъ родѣ на нашемъ языкѣ; я сдѣлалъ изъ него извлеченія и воспользуюсь ими своевременно. *Кондиллякъ* и *онъ* суть единственные авторы, которыхъ я понималъ безъ большого труда, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, но что это значитъ сравнительно съ другими грамматиками, чтеніе которыхъ по истинѣ невыносимо?

Посвящая нѣсколько часовъ въ недѣлю языкамъ, я стараюсь не забывать ихъ. Я бы долженъ былъ знать въ совершенствѣ русскій языкъ, но я только его понимаю, могу по нуждѣ изъясняться на немъ, читаю даже книги, за исключеніемъ нѣсколькихъ непонятныхъ мнѣ словъ, но вотъ и все. Это языкъ очень богатый, очень нервный, очень звучный. Въ немъ есть восхитительныя выраженія и, такъ какъ, послѣ китайскаго и арабскаго, на немъ говоритъ самое большое число людей, то, конечно, при обработкѣ его, онъ сообщится и народамъ южной Европы, которымъ онъ до сихъ поръ извѣстенъ только подъ нелѣпо придуманнымъ названіемъ варварскаго нарѣчія. Недостатокъ учителей и оригинальныхъ книгъ составляютъ величайшее затрудненіе при его изученіи.

Я началъ записаться англійскимъ языкомъ, но долженъ былъ лѣтомъ прервать эти занятія; я снова примусь за него по возвращеніи въ городъ, и это будетъ послѣдній изучаемый мною языкъ.

Съ безконечнымъ удовольствіемъ прочелъ я сочиненіе *Гиббона* объ упадкѣ Римлянъ. Я желалъ бы написать что-либо подобное, и эти слова доказываютъ вамъ, какъ высоко я цѣню его. Есть еще другой авторъ, о которомъ я могу сказать почти то же самое, это именно г. Неккеръ. Правда, я нахожу въ немъ слишкомъ много декламации, но я прощаю *sume superbiam qua sitam meritis* тому, у кого есть несомнѣнныя достоинства, и я благодаренъ ему за то, что онъ говоритъ съ такою горячностью и энтузіазмомъ, ибо онъ не только пишетъ, но и дѣйствуетъ такъ, какъ говоритъ. Сочиненіе его здѣсь всѣмъ очень нравится.

Въ настоящее время я перечитываю Тита Ливія и съ такимъ же живымъ наслажденіемъ, какъ и въ первый разъ. Со мною всегда одинъ изъ великихъ людей, Горацій, Тацитъ, Саллустій, или Цицеронъ, и ихъ обществу я, безъ сомнѣнія, обязанъ тѣмъ, что еще не заразился дурнымъ воздухомъ. Когда я бываю чѣмъ нибудь педоволенъ, я открываю одного изъ нихъ и внезапно забываю 18-й вѣкъ, переносясь въ ихъ время; это мнѣ тѣмъ легче сдѣлать, что, будучи знакомъ съ тѣми мѣстностями, о которыхъ они говорятъ, я могу туда переноситься воображеніемъ и связывать свои идеи съ физическими предметами. Каждый день я все болѣе и болѣе сожалею о томъ, что забылъ то немногое, что зналъ по гречески, и что не воспользовался случаями возобновить свои познанія. Эта любовь къ древнимъ до того овладѣла мною, что, конечно, я припалъ бы за этотъ языкъ, если бы у меня было время, хотя бы для того, чтобы читать Ксенофонта, Фукидида и Демосѣна. Вѣроятно, по этой же причинѣ я съ большимъ удовольствіемъ прогуливался по *Campro vassino*, чѣмъ въ базиликѣ Св. Петра, этого удивительнаго образца смѣлости и величія искусства. Въ первомъ мѣстѣ я видѣлъ Капитолій, столь славный трофеями и изображеніями нѣкоторыхъ героевъ, украшавшихъ его. Нѣсколько ниже, подъ перистилемъ храма Согласія, мнѣ казалось, что вотъ, вотъ покажется Цицеронъ, произносящій свою знаменитую Катилинарію. Въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда Курцій пожертвовалъ собою за отечество. Далѣе были прибиты законы XII таблицъ. Тамъ собирался сенатъ, здѣсь народъ издавалъ законы, и эта безобразная развалина, изборожденная трещинами и покрытая ползучими растеніями, была нѣкогда трибуной для рѣчей, этимъ полемъ чести, на которомъ геній говорилъ языкомъ достойнымъ себя и управлялъ славою и счастьемъ. Наконецъ, всѣ эти развалины, всѣ эти разбросанные куски колоннъ, всѣ эти могилы говорили моему сердцу, и когда я увидѣлъ ниши, въ которыхъ ставили погребальныя урны Цезарей, обращенныя въ ясли, мавзолей Августа, сдѣлавшійся конюшней, и кости Сципіона Азіатскаго, попираемыя ногами самой подлой черни, то я получилъ, безъ сомнѣнія, самый ужасный и самый спасительный урокъ, нравственности, какой когда-либо получалъ человѣкъ; гдѣ еще есть почва,

которая говорила бы такимъ могучимъ образомъ? и гдѣ найдутся предметы, которые были бы интереснѣе сами по себѣ?

Мнѣ приходило желаніе обработать свое путешествіе въ Калабрію и Сицилію и послать его Моно; не знаю, будетъ ли у меня на это время; въ послѣднемъ случаѣ онъ сообщитъ вамъ его.

Я прервалъ также изслѣдованія, о которыхъ я когда-то говорилъ вамъ; однако я подвинулся нѣсколько впередъ на этомъ поприщѣ, хотя я только небольшую часть изложилъ письменно; я бы охотно послалъ вамъ это, чтобы узнать ваше мнѣніе, если бы зналъ, какъ это сдѣлать.

Не знаю, говорилъ ли я вамъ о проектѣ, который давно уже вертится у меня въ головѣ и не мало меня беспокоитъ, это—написать *исторію Швейцаріи*. Не знаю, хватитъ ли у меня таланта для выполненія подобнаго предпріятія, но я знаю по крайней мѣрѣ, что между нашими историками никто не стоитъ на высотѣ своего предмета, и мнѣ не трудно будетъ сдѣлать это лучше ихъ. Еще въ послѣднее время Мюллеръ написалъ нѣчто *напыщенное*, смѣшное до крайности: это похоже на человѣка, показывающаго волшебный фонарь; всякій ждетъ, что увидитъ великія вещи, а видитъ неизвѣстно что; неужели же почва Швейцаріи, вообще богатая умными людьми, не можетъ произвести ни одного человѣка, который сумѣлъ бы рассказать великія дѣянія своихъ предковъ съ тою простотою и благородствомъ, какія одушевляли этихъ послѣднихъ? Какъ бы тамъ ни было, но мысль эта мучитъ меня, и я готовъ видѣть, *quid valeant humeri quid ferre recusent*. У меня есть нѣсколько свободныхъ часовъ, которыми я могу располагать по своему произволу. Сверхъ того, у меня теперь болѣе опытности, чѣмъ сколько было ея, когда я оставался въ своей странѣ, и я живу на должномъ разстояніи, когда республиканцу можно съ полной правдою писать исторію своего отечества; наконецъ, это не будетъ скороспѣлымъ твореніемъ, ибо, хотя я начну теперь же свои изслѣдованія и скоро изложу письменно результаты ихъ, но прежде чѣмъ выпустить ихъ въ свѣтъ, я отдамъ ихъ на судъ нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ друзей моихъ. Если только мнѣ удастся выполнить свой планъ, то къ вамъ, милостивый государь, я обращусь съ просьбой быть моимъ руководителемъ, каковымъ вамъ угодно было

быть съ самаго начала. Два года тому назадъ я выписалъ изъ Швейцаріи туюкь, заключающій въ себѣ главныя хроники, но у меня недостаетъ еще нѣкоторыхъ, хотя, по правдѣ сказать, не самыхъ важныхъ.

Я вовсе не намѣренъ, подобно Лауферу, начинать съ Адама и Евы, съ грѣхопаденія и пр... Я ограничусь краткимъ выборомъ изъ древней исторіи того, что относится къ древнѣйшей исторіи Швейцаріи. Эта часть будетъ очень кратка, ибо что можно сказать о странѣ, которая въ эти отдаленные вѣка не имѣла даже отдѣльнаго названія? Исторія Швейцарцевъ можетъ начинаться только съ именемъ ихъ; а только послѣ революціи они образовали народъ, на столько же достойный вниманія потомства своими дѣяніями, на сколько того достойны были Греки въ славные вѣка Греціи. Я прежде всего ограничусь періодомъ, заключающимъ въ себѣ иноземныя войны и начало междоусобныхъ войнъ. Что касается до двухъ послѣднихъ вѣковъ, то, если говорить о нихъ правду, придется коснуться „Ковчега Господня“, да даже трудно это сдѣлать, какъ потому, что трудно отыскать матеріалы, такъ еще труднѣе хорошо изслѣдовать ихъ, ибо держатся политики скрывать документы отъ тѣхъ, кто ихъ спрашиваетъ. Итакъ, я не коснусь этого послѣдняго періода не потому, чтобы было не интересно разсмотрѣть его съ общей точки зрѣнія, не потому, что я боялся бы возраженій или даже чего-либо худшаго, ибо я далеко и заранѣе презираю то, что могутъ сказать обо мнѣ, но потому, что я желалъ бы говорить только то, что, по совѣсти, считаю правдою. Я прекратилъ на время разысканія, относящіяся къ этому труду, съ тѣмъ, чтобы всецѣло заняться предметами, касающимися моихъ обязанностей, и не имѣть двухъ дѣлъ на рукахъ. Теперь, когда у меня заготовлена большая часть матеріаловъ на нѣсколько лѣтъ, у меня будетъ больше свободнаго времени, и я надѣюсь воспользоваться имъ для выполненія своихъ предначертаній.

Познакомивъ васъ съ своими занятіями, мнѣ остается только, милостивый государь, поговорить съ вами о своемъ существованіи, о моемъ образѣ жизни, о моихъ удовольствіяхъ и пр... Эта глава будетъ короче предыдущихъ. На дачѣ, по окончаніи занятій, я гуляю елико возможно больше; когда я одинъ, то бѣгаю по полямъ и ста-

раюсь всѣми силами вообразить себѣ, что природа, которую я вижу, прекрасна. Когда погода дурна, я сижу дома, или отправляюсь къ тѣмъ изъ моихъ коллегъ, съ которыми наиболѣе друженъ. Впрочемъ, жизнь самая однообразная. Только по четвергамъ бывають большіе концерты, на которыхъ мы слышимъ знаменитую *Тоди* и *Ямовича*, да еще отъ времени до времени по понедѣльникамъ бываетъ спектакль. Сюда только что прибылъ *Офренъ*¹⁾ и черезъ нѣсколько дней будетъ дебютировать на придворномъ театрѣ; я съ большимъ нетерпѣніемъ жду увидѣть и услышать его, ибо у него репутація перваго Европейскаго актера, а нашъ театръ очень нуждается въ такомъ человѣкѣ. Въ городѣ развлеченій больше, но, кажется, я уже говорилъ вамъ, что все общество здѣсь настроено въ тонѣ большого свѣта; этого достаточно, чтобы понять, что человѣкъ разсудительный и не любящій игры чувствуетъ себя въ немъ не по себѣ. Въ первый годъ моего пребыванія я его однако посѣщаль, чтобы меня не обвинили въ томъ, что я придерживаюсь дурныхъ знакомствъ. Теперь же, когда репутація моя уже утвердилась и всѣмъ извѣстна и занятія мои служатъ законнымъ извиненіемъ, я болѣе не стѣсняюсь. Отъ времени до времени только я хожу на часокъ въ какое-нибудь большое собраніе, чтобы встрѣтить тамъ кого-нибудь, съ кѣмъ можно было бы поговорить (что случается очень рѣдко); остаюсь я тамъ недолго, однимъ словомъ, я посѣщаю большой свѣтъ ради того только, чтобы совсѣмъ не отстать отъ него и не казаться въ немъ чужимъ. Въ этого большого свѣта здѣсь нѣтъ ничего; даже по имени не знаютъ тѣхъ маленькихъ обществъ, которыя такъ обычны у насъ, тѣхъ кружковъ, въ которыхъ милыя особы обоего пола непринужденно болтають о томъ и о семъ, умѣютъ находить развлеченіе помимо картъ и танцевъ и въ такой непритязательной болтовнѣ отдыхаютъ отъ болѣе важныхъ и серьезныхъ дневныхъ занятій. Все это, милостивый государь, здѣсь неизвѣстно, и нужно отдавать себя либо большому свѣту, либо интригамъ, ибо посредствующаго ничего нѣтъ. Иногда, но рѣдко, я вижу, однако, съ дипломатическимъ корпусомъ. По временамъ хожу въ театръ, но онъ такъ плохо обставленъ, что

¹⁾ *Aufresne*, актеръ, уроженецъ Женевы, сынъ часовщика. Его настоящее имя *Риваль*. Онъ умеръ въ Петербургѣ въ 1805 г.

часто раскаяваюсь въ томъ, что пошелъ туда. Невѣрная декламация производитъ такое дурное впечатлѣніе на мою барабанную перепонку, что я рѣдко возвращаюсь въ хорошемъ расположеніи духа послѣ плохо сыгранной пьесы. Иногда на недѣлѣ я вижу съ достойными иностранцами, уже давно поселившимися въ этой странѣ, въ особенности съ г. Эпинусомъ, извѣстнымъ въ Европѣ математикомъ и физикомъ, человѣкомъ рѣдкимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ только что усовершенствовалъ микроскопъ до такой высокой степени, что больше сдѣлать невозможно. Каждый предметъ виденъ съ необыкновенною ясностью и сохраняетъ свою природную окраску. Это еще не единственное преимущество. Микроскопъ придѣланъ къ подзорной трубѣ въ три фута длины, имъ можно управлять съ необыкновенною легкостью, и укорачивая или удлиняя трубку, можно видѣть или весь предметъ, или только часть его, достигая этимъ произвольнаго увеличенія, если желаютъ съ большимъ или меньшимъ вниманіемъ рассмотретьъ какую-либо часть его. Наконецъ, такъ какъ объективъ находится на разстояніи 10 дюймовъ отъ предмета, а наблюдатель на три фута позади, то вы понимаете, сударь, что можно наблюдать за всѣми движеніями насѣкомыхъ, не пугая ихъ. Это изобрѣтеніе представляетъ великую важность для естественной исторіи и надѣлаетъ много шума, когда съ нимъ болѣе познакомятся. Г. Эпинусъ удостоиваетъ меня своею благосклонностью, далъ мнѣ уже много доказательствъ этого, и я посѣщаю его домъ такъ часто, какъ только мнѣ возможно это дѣлать. Соотечественникъ мой, де-Мудопъ, мой сосѣдъ, и я вижу съ нимъ очень часто; это очень достойный человѣкъ и мы съ нимъ очень дружны. Я также иногда вижу знаменитаго Палласа, человѣка, одареннаго превосходнымъ умомъ и чрезвычайно снисходительностью.

Рибоцьеры еще въ Польшѣ, откуда они пріѣдутъ только въ сентябрѣ. Супруга беременна, слѣдовательно, фамилія не угаснетъ. Я полагаю, что онъ скоро получитъ полкъ; тогда только онъ дѣйствительно получитъ независимое положеніе, чего я ему желаю отъ всего сердца. У насъ было ужасное лѣто; но вотъ уже съ недѣлю какъ погода прекрасная. Климатъ здѣсь отвратительный и, къ довершенію неприятностей, всѣ удобства жизни стоятъ страшно дорого.

Я бы не могъ прожить съ своими 1500 рублей, но теперь проживу съ 2687. Мнѣ необходимъ камердинеръ, лакей, кучеръ, и никогда я не чувствовалъ такъ своей зависимости, какъ съ тѣхъ поръ, что мнѣ нельзя ходить пѣшкомъ и прислуживать самому себѣ... Ахъ, если я когда-либо возвращу себѣ свободу, я ужъ никогда въ жизни не поставлю себя въ такое непріятное положеніе, и эта надежда придаетъ мнѣ силы. Я почти доволенъ своимъ положеніемъ, по недостаточно покоенъ, ибо вижу обратную сторону его; я отлично знаю, гдѣ я. Хотя и не вмѣшиваюсь ни въ какія дѣла, кромѣ своихъ, но почти невозможно выйти здоровымъ и невредимымъ изъ этого вихря... Я это не разъ испыталъ и, безъ сомнѣнія, испытаю еще. Можно быть оклеветаннымъ, очерченнымъ, не вѣдая и не подозрѣвая ничего, и даже не имѣя возможности защититься... Что можетъ всему этому противопоставить мудрый человѣкъ? Терпѣніе и мужество. Онъ долженъ быть готовъ ко всякой случайности, наслаждаться настоящимъ, не очень привязываясь къ нему, и не бояться будущаго. Такъ я и стараюсь поступать. Я слѣдую правилу Горація: *laudo manentem: si celeges quatit pennas, resigno, qua dedit etc...* вотъ почему мнѣ, конечно, непріятно будетъ то неблагопріятное обстоятельство, которое заставило бы меня покинуть свое мѣсто, ибо я къ нему очень привязанъ, но увѣряю васъ, я отъ этого не приду въ отчаяніе. Я уже принялъ рѣшеніе при всякихъ случайностяхъ, и ничто не застанетъ меня врасплохъ. До сихъ поръ, однако, я не видѣлъ ничего, что заставило бы меня опасаться подобной крайности. Я не вмѣшиваюсь ни во что, что чуждо моей обязанности, и даже не желаю узнавать, что дѣлается вокругъ меня. Я рѣдко бываю тамъ, гдѣ это нужно, и не ухаживаю ни за кѣмъ. Я поставилъ себя на такую ногу и не побоялся сказать, что такъ какъ мнѣ просить нечего, то незачѣмъ мнѣ и торчать по переднимъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ весело человѣку занятому, понимающему цѣну времени, проводить по нѣскольку часовъ въ залѣ, вытянувшись въ струнку, безъ всякаго дѣла и единственно чтобы зѣвать! Я очень убѣжденъ, что никто не можетъ отнять у меня того, что есть у меня, что я называю своимъ благомъ, что мнѣ действительно принадлежитъ, а именно моихъ чувствъ, того, чему я вы-

учился, что я знаю, и что никакая власть земная не может сдѣлать изъ меня дѣльнаго человѣка, или глупца, если только природа не создала меня таковымъ. Если бы я и лишился мѣста, то у меня все-таки останутся мое я, способы отличиться, твердость въ несчастіи и принадлежащіе мнѣ друзья—а развѣ всего этого мало? Такимъ образомъ я, сударь, спокоенъ, хотя и живу при дворѣ, продолжая оставаться Швейцарцемъ среди придворныхъ, такъ что вы увидите меня такимъ же, какимъ я былъ, и будете продолжать любить меня, потому что я не измѣнюсь. Лъщу себя по крайней мѣрѣ надеждой, что вы сохраните въ вашемъ сердцѣ мѣсто, уступленное мнѣ вами; оно мнѣ принадлежитъ, и я не могу допустить, чтобы вы располагали имъ въ ущербъ мнѣ. Невозможно выразить, какъ я сожалею о томъ, что я такъ далекъ отъ васъ; мнѣ такъ много нужно бы было сказать вамъ! Прошу васъ, милостивый государь, передать мое почтеніе супругѣ вашей. Сообщите мнѣ извѣстіе о моихъ нѣкогда маленькихъ, а теперь большихъ друзьяхъ *Луи* и *Жакъ*: какъ много они должны доставлять вамъ удовольствія! Напомните обо мнѣ г. Ревердилю, вашему брату и вашему племяннику Александру, котораго я поздравляю отъ всего сердца съ повышеніемъ. Надѣюсь впредь быть болѣе аккуратнымъ въ перепискѣ съ вами, надѣюсь, что и вы также будете мнѣ писать: это будетъ очень слабымъ вознагражденіемъ за потерю столь пріятныхъ и поучительныхъ часовъ, которые я проводилъ съ вами. Обнимаю васъ отъ всего сердца и прошу васъ быть увѣреннымъ въ искренности чувствъ того, который на всю жизнь останется вашимъ покорнымъ и преданнымъ слугою Дл. Г.

P. S. Ели вы можете мнѣ указать на какія-нибудь хорошія книги, то этимъ премного меня обяжете: не знаете ли вы какой-нибудь краткой исторіи Нидерландовъ?

II.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗЪ ПИСЕМЪ ЛАГАРПА КЪ РОДИТЕЛЯМЪ.

St.-Pétersbourg, 5 Décembre 1791. Mes occupations vont leur train et je commence à être dédommagé de mes peines par les progrès de mes disciples. Celui que la plus grande femme de nos jours jugea digne d'enseigner les héritiers de la gloire et de l'un des plus grands Empires du monde; celui qui osa parler sans affectation le langage de la vérité et professer les maximes de Sparte à la Cour; celui dont la conduite ferme et inébranlable a mérité l'approbation générale dans un pays étranger; celui dont les leçons influeront peut-être un jour sur la destinée de plusieurs millions d'hommes; celui qui ne se sent pas au dessous de sa place et qui vit en paix avec sa conscience, ah! croyez que celui-là peut affronter les orages.

ПЕРЕВОДЪ.

С.-Петербургъ, 5 декабря 1791 года. Мои занятія идутъ своимъ чередомъ, и труды мои начинаютъ быть вознаграждаемы успѣхами моихъ учениковъ. Тотъ, котораго величайшая изъ женщинъ нашего времени сочла достойнымъ обучать наслѣдниковъ славы и одной изъ величайшихъ Имперій міра; тотъ, который осмѣлился непри-
нужденно говорить языкомъ истины и преподавать спартанскія правила при дворѣ; тотъ, котораго твердое и непоколебимое поведеніе заслужило всеобщее одобреніе въ чужой странѣ; тотъ, уроки котораго повліяютъ, быть можетъ, на судьбу миллионновъ людей; тотъ, который не считаетъ себя ниже своего положенія и живетъ въ мирѣ съ своею совѣстью—ахъ! повѣрьте, тотъ сможетъ противодѣйствовать бурямъ.

Tsarskoé Sélo, le 30 Juillet 1792. Je suis fort content de mes disciples: l'aîné est déjà un grand garçon, beau comme Apollon, plein de grâces et d'urbanité, affable avec tous, de bonne humeur,

doué d'un sens exquis, de beaucoup de sagacité et de tout ce qui peut mériter l'attachement et l'estime. Le cadet, moins formé, a d'excellentes qualités. Tous deux me sont attachés malgré la sévérité de mes principes et je pourrais compter sur eux dans tous les temps si les viles créatures qui ont voulu me perdre de vue par leurs manoeuvres infâmes osaient jamais le tenter une seconde fois.

ПЕРЕВОДЪ.

Царское Село, 30 июля 1792 года. Я очень доволенъ своими учениками: старшій уже большой мальчикъ, прекрасенъ, какъ Аполлонъ, полонъ прелести и учтивости, вѣжливъ со всѣми, всегда въ хорошемъ расположеніи духа, одаренъ тонкимъ чувствомъ, большою проникательностью и всѣмъ, что внушаетъ привязанность и уваженіе. Меньшой, менѣе развитой, обладаетъ прекрасными качествами. Оба они привязаны ко мнѣ, не смотря на строгость моихъ правилъ, и я могу рассчитывать на нихъ во всякое время, если подлыя креатуры, хотѣвшія погубить меня въ ихъ глазахъ своими безчестными кознями, осмѣлятся попытаться это сдѣлать въ другой разъ.

Le 24 Mai 1793. Depuis ma dernière mes occupations ont un peu changé quoique je sois peut-être encore plus gêné qu'auparavant. L'ainé de mes disciples est sorti de tutèle depuis le jour de ses fiançailles. Il a maison à part et tous les anciens liens sont ou rompus ou relâchés. Ses menins sont ou remerciés avec pension ou placés ailleurs; deux seuls ont été remplacés sous une autre dénomination auprès de la fiancée. Aucun changement quant à moi, si non qu'au lieu d'être le matin chez mon disciple j'y vais dans l'après-midi, non pour lui donner leçon en forme, mais pour continuer ce qui n'était que commencé sous le nom d'entretiens et ce qui revient parfaitement au même et durera je ne sais point jusques à qu'elle époque. Comme qu'il en soit je désire bien achever ce que j'avais entrepris d'une manière à en remporter quelque honneur; car Vous pouvez être sûrs que je ne ferai pas fortune, mais pourvu que de mon côté j'aie l'indépendance je suis content. Mes

leçons continuent avec le cadet qui ne me donne pas à beaucoup près autant de satisfaction que son aîné...

P. S. J'oubliais de Vous dire qu'en m'annonçant les fiançailles mon disciple me sauta au col et me serra dans les bras, en me remerciant de tout ce que j'avais fait pour lui, en m'assurant qu'il ne pouvait assez m'exprimer sa reconnaissance, et en me priant de lui continuer mes conseils, mes instructions et mes soins. Je ne puis dire combien il m'a touché et sa conduite n'a jamais varié. J'oubliais aussi de Vous dire qu'il m'a donné en souvenir une bague à brillants.

ПЕРЕВОДЪ.

24 мая 1793 года. Со времени моего послѣдняго письма занятія мои немного измѣнились, хотя я теперь еще, пожалуй, болѣе стѣсненъ, чѣмъ прежде. Старшій изъ моихъ учениковъ вышелъ изъ-подъ опеки съ самаго дня обрученія. У него свой дворъ и всѣ прежнія связи или порваны, или ослабѣли. Его дядьки или отпущены съ пансіономъ, или получили другое назначеніе; только двое, подъ другимъ названіемъ, были приставлены къ невѣстѣ. Относительно меня никакого измѣненія, развѣ только то, что вмѣсто того, чтобы быть у своего ученика по утрамъ, я хожу къ нему послѣ обѣда; но не для того, чтобы давать форменный урокъ, но чтобы продолжать только что начатое нами подъ именемъ разговоровъ, что рѣшительно выходитъ одно и то же и можетъ продлиться я и самъ не знаю до какого времени. Какъ бы тамъ ни было, но я очень хочу окончить предпринятое мною съ тѣмъ, чтобы получить за это право на нѣкоторыя почетныя награды, ибо вы можете быть увѣрены, что состоянія я не приобрѣту, но буду доволенъ, если сохраню свою независимость. Мои уроки продолжаются съ младшимъ, который, однакоже, не на столько удовлетворяетъ меня, какъ старшій...

P. S. Я забылъ сказать вамъ, что, извѣщая меня о своемъ обрученіи, мой ученикъ бросился мнѣ на шею и сжалъ меня въ своихъ объятіяхъ, благодаря меня за все, что я сдѣлалъ для него, увѣряя, что онъ не можетъ достаточно выразить мнѣ свою благодарность, и прося меня и впредь не оставлять его своимъ совѣ-

тами, наставлениями, заботами. Не могу сказать, какъ онъ меня тронулъ, и его поведеніе со мной никогда не мѣнялось. Я забылъ также сказать вамъ, что онъ далъ мнѣ на память брилліантовый перстень.

3 Juillet 1793. Convaincus qu'une attaque franche et ouverte ne pouvait que leur attirer une nouvelle défaite, les mêmes hommes, qui avaient travaillé contre moi il y a deux ans, se sont agités de nouveau et, secondés par des alliés, par la force des conjonctures et par une marche souterraine, ils ont espéré et pu croire pendant quelque temps avoir réussi. Les choses en sont réellement venues au point que j'ai dû demander ma retraite et été sur le point de l'obtenir, honorable, il est vrai, mais pas comme j'étais en droit de l'espérer. L'amitié de mon chef, mon courage que soutenait le sentiment d'une conscience pure et surtout la justice de S. M. I. m'ont à la fin fait triompher de ces intrigues.

Prévenu par une lettre assez détaillée que j'avais remise à mon digne chef, l'Impératrice m'a fait appeler dans son cabinet et, après m'avoir reçu avec une affabilité au dessus de tous mes éloges et m'avoir fait asseoir, elle a voulu que je m'explicasse avec la plus entière franchise et m'a prêté l'attention la plus soutenue. Encouragé par ses précieuses paroles j'ai profité de la liberté qu'elle m'accordait pour lever et éclaircir tous les doutes et donner à mes sentiments ainsi qu'à mes principes tout le développement dont ils pouvaient avoir besoin pour n'être plus calomniés. Combien je désirerais que les bornes d'une lettre me permissent d'entrer dans des détails sur un entretien qui fera époque dans ma vie et par les matières importantes sur lesquelles il a roulé et par les conséquences qu'il a eues! La clique avait jeté du louche sur mes principes, elle cherchait à me transformer en boute-feu, moi qui ne suivis jamais les étendards d'aucune secte, moi qui n'adorai jamais d'autre liberté que celle qui établit l'ordre et fait respecter les propriétés et les personnes. Eh! bien, je suis parvenu à détruire ces calomnies, non par des flatteries ou en dissimulant, mais en parlant avec une noble franchise le seul langage de la vérité,

ainsi qu'il convenait à un vrai républicain, à un homme fort d'une conscience pure, au précepteur des Princes destinés à régner sur des millions d'hommes et, j'ose le dire, comme il convenait au petit-fils du vertueux Abram Frédéric, comme il convenait à Votre fils. Cet entretien d'une heure m'a valu l'assurance la plus complète que j'étais toujours honoré de la confiance et de l'estime de S. M. Elle a daigné me la réitérer plusieurs fois dans des termes si obligeants, si flatteurs, qu'il me serait difficile de Vous exprimer ici tout ce qu'une âme brulante comme la mienne a dû se ressentir en cette circonstance. Enfin cette grande Princesse a daigné s'informer avec bonté de ma situation, de la Votre, et me permettre infiniment plus que je n'attendais et n'avais mérité. Puisse la lecture de ces deux pages Vous donner une nouvelle vie en Vous faisant partager la satisfaction que j'ai éprouvée. Communiquez ceci à mes bons amis et buvez avec du vin pris de 1774 à la santé de la Princesse généreuse qui protège ses serviteurs contre la malveillance; qui les écoute avec bonté, les accueille avec l'affabilité la plus encourageante et met son bonheur à les récompenser. C'est le 13 novembre nouv. st. qu'est sa fête; célébrez-la avec mes bons amis.

ПЕРЕВОДЪ.

3 июля 1793 года. Убѣжденные, что прямое и открытое нападеніе повлечетъ за собою только новое пораженіе, тѣ же люди, которые интриговали противъ меня два года тому назадъ, взволновались снова и, подкрѣпленные союзниками, силою обстоятельствъ и подкопомъ, надѣялись и нѣкоторое время были увѣрены въ успѣхѣ. Дѣйствительно, дѣло дошло до того, что я принужденъ былъ просить объ отставкѣ и готовъ былъ уже получить ее, правда, почетную, но не такую, на какую я имѣлъ право надѣяться. Дружба моего начальника, мое мужество, подкрѣпленное сознаниемъ чистой совѣсти, и въ особенности справедливость Е. И. Величества позволили мнѣ наконецъ восторжествовать надъ этими интригами. Предупрежденная довольно подробно запискою, которую я представилъ своему достойному начальнику, Императрица позвала меня въ свой кабинетъ и, принявъ меня съ благосклонностью выше всѣхъ по-

хвалъ и посадивъ меня, она пожелала, чтобы я объяснился съ полною откровенностью, причемъ выслушала меня съ неуклоннымъ вниманіемъ. Поощряемый ея драгоценными словами, я воспользовался предоставленной мнѣ свободой, чтобы выяснитъ всѣ сомнѣнія и развить свои чувства и принципы на столько, чтобы поставить ихъ внѣ всякой клеветы. Какъ бы мнѣ хотѣлось въ этомъ ограниченномъ письмѣ дать всѣ подробности разговора, который составляетъ эпоху въ моей жизни и по важности содержанія, и по своимъ послѣдствіямъ для меня. Клика набросила подозрѣніе на мои принципы, выставила меня какимъ-то поджигателемъ, меня, который никогда не шолъ подъ знаменемъ какой бы то ни было секты, меня, обожающаго только ту свободу, которая устанавливаетъ порядокъ и уважаетъ собственность и личность. И что жъ? Мнѣ удалось уничтожить клевету не лестью и не притворствомъ, но говоря съ благородною откровенностью языкомъ истины, какъ подобаешь истому республиканцу, человѣку, сильному своею чистою совѣстью, наставнику Великихъ Князей, которымъ предназначено царствовать надъ миллионами людей и, смѣю сказать, какъ подобаешь внуку благороднаго Абрама Фредерика, какъ подобаешь вашему сыну. Этотъ часовой разговоръ доставилъ мнѣ полнѣйшую увѣренность, что я продолжаю быть почтенъ довѣріемъ и уваженіемъ Е. И. Величества. Она удостоила меня повторить это нѣсколько разъ въ такихъ милостивыхъ и лестныхъ выраженіяхъ, что мнѣ трудно вамъ изъяснить здѣсь, что должна была при этихъ обстоятельствахъ восчувствовать такая пылкая душа, какъ моя. Наконецъ, эта великая Государыня удостоила милостиво справиться о моемъ положеніи и о вашемъ и обѣщала мнѣ безконечно больше, чѣмъ я ожидалъ и заслуживалъ. Пусть чтеніе этихъ двухъ страницъ придастъ вамъ новую жизнь, позволивъ вамъ раздѣлить испытанное мною удовлетвореніе. Сообщите ихъ моимъ друзьямъ и выпейте чистымъ виномъ 1774 года здоровье великодушной Государыни, защищающей своихъ служителей противъ недоброжелательства, выслушивающей ихъ благосклонно, принимающей ихъ съ самою ободряющею привѣтливостью и находящей свое счастье въ вознагражденіи ихъ. Ея день именинъ приходится 13-го ноября новаго стилия; отпразднуйте же его вмѣстѣ съ моими добрыми друзьями.

4 Octobre 1793. S. M. I. vient de lui accorder une pension viagère de 2000 R. (environ 2900 £. de Suisse) et une gratification de 10,000 R. (19,000 £. de Suisse)..

Le mariage de l'aîné de mes disciples a eu lieu le 28. C'est un couple intéressant à connaître. Il est impossible d'en user mieux qu'il n'a fait à mon égard, aussi est-ce de coeur que je suis attaché à cet aimable jeune homme... Il y a eu fêtes de toutes sortes.

P. S. J'espère que Vous porterez avec du vin nouveau la santé de ma bienfaitrice, de sa maison entière et nommément celle du jeune époux. N'oublions pas la reconnaissance.

ПЕРЕВОДЪ.

4 октября 1793 года. Ея Величество назначила ему пожизненной пенсiи 2000 руб. (около 2900 швейцарскихъ ливровъ) и единовременнаго вознагражденiя 10.000 руб. (около 19.000 шв. ливровъ).

Свадьба старшаго моего ученика совершилась 28-го. Это чета, которую интересно узнать. Невозможно поступить лучше, чѣмъ было поступлено со мной, и вотъ почему я отъ всего сердца привязанъ къ этому молодому человѣку... Были всякаго рода празднества...

P. S. Надѣюсь, что вы выпьете новымъ виномъ здоровье моей благодѣтельница, всего ея дома и въ особенности здоровье молодого супруга. Не будемъ забывать благодарности.

Riga, 30 Mai 1795. Parti du 9 au 10.

Environ une heure avant mon départ de St.-Pétersbourg le premier valet de chambre de l'aîné de mes disciples m'apporta de sa part la lettre la plus touchante et un souvenir avec le portrait de sa femme et de lui garni en brillants qu'on a estimé de 2000 à 2500 r.; mais la magnificence du présent est infiniment dépassée par le ton amical et touchant de la lettre qui fait honneur et à celui qui l'écrivit et à celui qui l'a reçue. La veille cet intéressant jeune homme fit 5 werstes tout exprès pour me chercher dans ma chambre et nous passames ensemble l'une des heures les plus dé-

chirantes que j'aie jamais passée. Ce fut en nous serrant mutuellement dans nos bras que nous nous quittâmes. Voilà le fruit de mon intégrité... Il m'en a bien coûté pour quitter la Russie.

ПЕРЕВОДЪ.

Рига, 30 мая 1795 года. Выѣхалъ между 9-ю и 10-ю часами. За часъ до моего отѣзда изъ С.-Петербурга, первый камердинеръ старшаго моего ученика принесъ мнѣ отъ него самое трогательное письмо и на память портретъ его и его супруги, украшенный алмазами, который цѣннѣе отъ 2000 до 2500 руб. Но великолѣпнѣе подарка безконечно превосходить дружественный и трогательный тонъ письма, который дѣлаетъ честь какъ тому, кто его писалъ, такъ и тому, къ кому оно написано. На канунъ этотъ интересный молодой человѣкъ сдѣлалъ пять верстъ нарочито, чтобы застать меня въ моей комнатѣ, и мы провели вмѣстѣ одинъ изъ самыхъ раздирательныхъ часовъ, которые я когда-либо проводилъ. Мы разстались, прижавъ другъ друга къ груди. Вотъ плоды моего прямодушія... Мнѣ очень тяжело было разставаться съ Россіей.

III.

ДВА ПИСЬМА ФР.-Ц. ЛАГАРПА КЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I,
ОТЪ 1803 И 1807 ГОДОВЪ, ИЗЪ РОЛЛА.

(Rolle, le 30 août 1803).

Sire!

Lorsque celle-ci Vous parviendra la mort aura fermé les paupières de celui que Vous appeliez Votre ami et ses derniers vœux auront été pour que Vous acheviez glorieusement pour le bonheur de la Russie ce que Vous avez commencé.

Je Vous lègue mon portrait; regardez le de temps en temps; c'est celui d'un ami austère qui n'eut de passion dominante que celle de faire du bien à ses semblables, qui se trompa sans doute aussi, mais sans pactiser jamais avec l'injustice ou la faveur et qui mettait au rang de ses premières jouissances celle de Vous

avoir vu agir sus le trône en homme convaincu de la sainteté de Vos devoirs. Je Vous lègue encore la médaille que mes concitoyens libres et reconnaissants firent frapper par acclamation à mon honneur après avoir opéré leur affranchissement. Ses inscriptions Vous rappelleront la bizarrerie de ma destinée. Vous y lirez cette grande leçon qu'à une petite distance on peut être couronné et proscrit par les mêmes hommes et que ceux que la destinée appelle à combattre d'antiques abus, à revendiquer les droits de l'espèce humaine, constamment persécutés pendant qu'ils vivent, ne doivent compter que sur la postérité pour obtenir justice. Conservez ces reliques avec mes lettres et, lorsque Vous en aurez le temps et que Vous serez seul, jetez les yeux dessus: la voix de Votre ami pénétrera encore jusques à Votre cœur.

Eclaircissez doucement Votre peuple, faites rédiger des codes, des lois appropriées au degré de civilisation actuel, en Vous réservant de les perfectionner à fur et mesure que celle-ci gagnera. Réformez Vos cours de justice et, lorsqu'elles seront bien composées, confiez leur le pouvoir judiciaire: forcez grands et petits à s'incliner devant elles; c'est ainsi qu'on s'accoutumera à respecter les lois, que le caractère national prendra de la dignité et que Vous aurez des hommes. Protégez Votre tiers-état; *c'est sur lui que Vous devez surtout compter*; servez Vous en le plus que Vous pourrez et employez dans les grandes places des hommes qui en soient tirés; ils Vous serviront de rempart contre Votre noblesse brouillonne et conspiratrice jusqu'à ce qu'elle s'amende.

Je Vous rappelle la colonisation du Midi (si possible à l'américaine) et l'établissement de jardins botaniques dans Vos 3 zones pour y cultiver les espèces diverses d'arbres et arbustes, tant indigènes qu'exotiques, tant fruitiers que pouvant servir au travail et à l'ornement.

Parmi les chefs des nations il en est peu qui méritent d'être imités. Le divin Trajan dont les images décoraient, plusieurs siècles après la mort, le foyer domestique des gens de bien, fut beaucoup trop guerrier et conquérant; ne l'imitiez pas en cela. Titus n'eut pas le temps d'attaquer les abus dans leurs racines; il fut juste et bon, mais il fallait davantage. Les Antonins furent des modèles

de bons princes. Rome était heureuse s'ils eussent été immortels. On leur a reproché avec raison de n'avoir pas mis à profit les 40 années de leur règne pour créer des institutions protectrices de la liberté, pour asseoir la monarchie sur des bases solides, également à l'abri de la licence et du despotisme. Commode, Caracalla, Eliogobale furent leur ouvrage, puisqu'ils ne firent rien pour les empêcher de naître. Alexandre Severe fut faible et influencé. Avec Votre judiciaire Vous n'avez pas besoin des Misithées. Julien paraît avoir senti l'étendue de sa tâche et il est à présumer qu'il eut réformé l'Etat s'il n'eut pas eu la manie des conquêtes et celle des cérémonies religieuses. Louis XII fit bien peu pour le peuple dont on l'a appelé le Père. Henry IV seul fit et voulut faire plus que tous ses devanciers. Il avait été simple citoyen, il avait connu l'arbitraire et souffert par les abus; aussi se proposait-il d'y mettre un terme. Ce fut un grand malheur pour son peuple que la mort prématurée d'un prince qui avait tous les moyens et l'ardente volonté de le soulager; il est bien probable au moins que ses institutions auraient prévenu la révolution en détruisant les causes. De tous les monarques modernes c'est celui qui a réuni le plus de suffrages: il était bon, humain, affable, généreux. On peut le considérer comme prince et comme simple citoyen sans que sa réputation en souffre; que ne fût-il pas devenu avec les connaissances et les moyens du XVIII siècle, avec moins de luxure et plus d'économie.

Si Frédéric le Grand eut été moins ambitieux et moins absolu, il eut réuni tous les suffrages, car il n'est aucun règne qui offre un esprit de suite mieux soutenu et jamais roi ne s'occupat davantage des institutions destinées à prévenir les abus. Il est fâcheux que la dureté de cet homme et ses dispositions violentes et despotiques, dévisées surtout de son profond mépris pour ses semblables, l'aient empêché de donner à ces institutions le développement dont elles étaient susceptibles avec des vues plus libérales. Ivan Wasiliewitch commença chez Vous le grand œuvre de la civilisation. Ce terrible despote avait des vues, une grande âme. Il voulait expulser le barbarisme, mais demeurer seul barbare. Pierre I, muni des lumières de son siècle, fit de plus grands pas. Ce fut incon-

testablement un homme extraordinaire. Son principal objet fut de mettre la Russie hors de l'âge et il y réussit; mais ses institutions eurent deux défauts: le premier d'étendre le despotisme, le second — d'élever l'édifice de la civilisation sur des fondements vermoulus. Sous ce prince Votre nation fut vraiment réduite en servitude... Impatient de voir la Russie façonnée à l'étrangère, Pierre I employa trop d'étrangers et ne vit pas qu'une nation qui a un caractère bien prononcé ne peut être façonnée d'une manière durable *que par des instruments tirés de son sein et par des institutions tendant à former doucement une nouvelle race d'hommes.*

C'est à Vous qu'il appartient de corriger tout cela Marchez sur les traces de Trajan, de Julien, des Antonins, de Henry IV et de Frédéric II non avec servilité, mais en les appréciant avec indépendance. La nature Vous a doué d'un coeur sensible, bon, généreux, d'une excellente judiciaire, de beaucoup de calme, d'une grande affabilité et de goût pour le travail; certes ce sont là de grands dons. Vous devez à Votre siècle Vos principes, Vos moyens. Enfin, et c'est à qui Vous caractérise, Vous ne croyez pas être d'une espèce différente de celle des hommes sur lesquels Vous réglez; Vous ne croyez pas avoir le droit d'être orgueilleux, Vous ne les méprisez pas; au contraire, Vous les aimez, Vous compatissez à leurs erreurs et à leurs souffrances, Vous Vous empressez de venir à leur secours, Vous pensez enfin leur devoir un bon exemple. Après dix siècles la Providence a fait naître en Russie l'homme dont elle avait besoin pour être civilisée utilement, doucement et sans troubles. Voilà Votre tâche. Qu'elle Vous soit sans cesse présente comme elle me l'était depuis Votre sixième année. Poursuivez avec courage, calme, persévérance et Vous atteindrez le but; mais n'attendez de récompense que de Votre conscience et d'éloges impartiaux que des étrangers indépendants qui ont les yeux tournés vers Vous et de la sévère, mais juste postérité. Ce n'est pas moi qui élèverai la voix du sein de la poussière pour Vous flagerner; j'ai seulement l'espoir que Votre règne portera un jour le grand caractère des 2 siècles auxquels Vous appartenez.

J'ai mis sous cachet les lettres et les billets que Vous m'avez écrits. C'est mon ami Henry Monod, ci-devant préfet et membre du petit conseil du canton de Vaud, qui en est dépositaire. Ces pièces appartiennent à Votre histoire. J'y ai joint la lettre que Vous m'avez remise pour Bonaparte. La postérité doit savoir un jour ce que Vous voulutes pour le bonheur des hommes.

Je Vous recommande mon infortunée patrie. Vous seul, Sire, lui voulez du bien par attachement aux principes. Il importe certainement à l'Europe qu'elle soit indépendante, libre, en état de défendre son territoire par ses propres forces. Après avoir réclamé Vos bons offices en septembre 1802 j'ai rempli ma tâche en qualité de président constitutionnel du Directoire Helvétique.

Je place ma veuve sous Votre protection spéciale. Vous me promites en 1802 de la faire jouir, après ma mort, de la moitié de ma pension. Si Vous voulez bien donner Vos ordres pour qu'elle n'éprouve point de difficultés, ce sera une dernière grâce que Vous m'aurez accordée; mais je Vous la demande en faveur d'une personne qui a partagé avec moi toutes les vicissitudes de la fortune et tous mes dangers.

Je regrette sincèrement de ne point Vous voir de postérité. C'est un reproche que chaque Russe a le droit de Vous faire et il m'est impossible de ne pas me rendre leur organe dans ce moment. Vous eussiez assuré le succès de Votre ouvrage en élevant Vos enfants dans Vos principes.

C'est du fond du tombeau que je Vous rappelle les engagements que Vous avez pris de ne pas perdre un moment pour Vous occuper des moyens de consolider le bonheur de la Russie et de préserver à jamais ses habitants du despotisme. Vous m'avez promis de ne jamais oublier Votre peuple, Vous me l'avez promis le 8 mai 1802 au soir, en me serrant dans Vos bras, en m'arrosant de Vos larmes. Vous me l'avez promis en me serrant encore la main depuis la portière de Votre carrosse. Ce furent Vos dernières paroles. Elles sont demeurées gravées dans mon cœur et ma mémoire; elles sont aussi sacrées que les promesses faites à un agonisant. Vous les tiendrez, n'est-il pas vrai, mon cher Alexandre?

Vivez longtemps, jouissez du bonheur et méritez-le toujours. Le tout n'est pas terminé par le trépas, et je l'espère, souvent mon ombre errera autour de Vous et mes vœux Vous accompagneront jusqu'à cette dernière heure. Adieu! mes bras s'étendent vers Vous, je sens couler mes larmes. Hélas! Vous êtes à 700 lieues et je ne puis Vous serrer contre mon sein.

Votre fidèle ami par delà le tombeau
 Frédéric-César Laharpe.

Sire!

Je rouvre ma lettre le 31 août 1807. Depuis mon départ de Russie jusques à ce jour (1802—1807) je Vous ai écrit 44 lettres sous 43 numéros. Quelques-unes traitent de sujets de la plus haute importance.

Les événements arrivés depuis 20 ans, me feraient croire ou que ces lettres ne Vous sont pas parvenues ou que Vous avez cessé d'avoir en Votre vieux ami la confiance dont Vous l'honorez et dont il était digne.

Si ces lettres Vous sont parvenues, Sire, veuillez les parcourir encore une fois et, seul dans votre cabinet, faites comparaître à la barre de Votre saine judiciaire et de Votre conscience d'une part celui qui Vous adressa ces lettres, de l'autre ceux de Vos conseillers et de Vos ministres dont les données ou les avis prévalurent auprès de Vous. Ce n'est plus pour moi, c'est pour Vous, Sire, que je demande cette grâce depuis la tombe.

Je Vous quittai en 1802 parce que la présence d'un étranger auquel Vous donniez tant de marque de confiance eût fourni à la malveillance des armes pour indisposer contre les réformes que Vous projetez, parce que cette malveillance Vous ait fait plus de mal que mes avis ne Vous auraient fait de bien. Ce fut là mon motif déterminant; tous les autres ne furent que des prétextes.

Les mêmes motifs m'empêchèrent d'aller vers Vous en 1804, depuis Tharand. Je crus d'ailleurs m'apercevoir que mon apparition à cette époque n'était pas souhaitée. Si cependant j'avais pu soupçonner que Vous seriez entraîné par des données ou incom-

plètes ou fausses, j'aurais tout bravé pour pénétrer jusques à Vous.

Dès lors je Vous ai proposé deux fois d'aller Vous faire une visite. J'avais à Vous dire beaucoup de choses que je ne pouvais plus Vous écrire; Vous avez gardé le silence; ainsi j'ai dû croire que Vous ne vouliez pas de moi.

Je ne Vous raconte point ces détails pour Vous faire des reproches; je désire seulement que Vous sachiez que jusques au bout mon attachement pour Vous fut immuable. Vous me rendrez donc cette justice lorsque j'aurai cessé de vivre, si Vous ne l'avez pas fait auparavant. Vivez heureux sans perdre jamais de vue que Vous devez être le réformateur attendu par Votre empire.

C'est en Vous serrant contre mon cœur que je trace ces lignes.

F. C. Laharpe.

Rolle, le 31 août 1807.

ПЕРЕВОДЪ.

(Роль, 30 августа 1803 года).

Ваше Величество!

Когда это письмо дойдетъ до Васъ, смерть закроетъ вѣжды того, кого Вы звали своимъ другомъ и послѣднія пожеланія котораго заключаются въ томъ, чтобы Вы славно покончили ко благу Россіи начатое Вами.

Завѣщаю Вамъ свой портретъ, смотрите на него по временамъ; это портретъ строгаго друга, господствующею страстью котораго было дѣлать благо своимъ ближнимъ, который, безъ сомнѣнія, ошибался также, но никогда не мирился съ несправедливостью, или съ милостями, и высшимъ наслажденіемъ котораго было видѣть, что Вы дѣйствуете на престолѣ какъ человекъ, убѣжденный въ святости вашихъ обязанностей.

Завѣщаю Вамъ также медаль, которую свободные и признательные сограждане мои привазили выбить въ честь мою единогласно послѣ своего освобожденія. Надписи на ней напомнятъ Вамъ о странности моей судьбы. Вы прочтете тамъ великій урокъ, какъ

въ короткій промежутокъ времени можно быть увѣнчаннымъ и изгнаннымъ одними и тѣми же людьми, и какъ тѣ, которыхъ судьба призвала для борьбы съ устарѣлыми злоупотребленіями, для требованія правъ человѣческому роду, постоянно преслѣдуемая во время жизни, должны рассчитывать только на потомство, для правильнаго надъ собою суда. Сохраните эти останки вмѣстѣ съ моими письмами, и когда у Васъ будетъ свободное время и Вы останетесь одни, бросьте на нихъ свои взоры, и тогда голосъ Вашего друга проникнетъ еще разъ въ глубь вашего сердца.

Просвѣщайте мало-по-малу народъ Вашъ; прикажите составить своды законовъ, приспособленныхъ къ современному состоянію цивилизаціи, сохраняя за собою право усовершенствовать ихъ, по мѣрѣ того, какъ эта послѣдняя будетъ двигаться впередъ. Преобразуйте Ваши суды, и когда они будутъ хорошо составлены, доверьте имъ судебную власть; заставьте большихъ и малыхъ преклоняться передъ ними, только этимъ способомъ можно приучить всѣхъ уважать законъ, только тогда національный характеръ приобрететъ достоинство, и у Васъ будутъ люди. Покровительствуйте среднему сословію: *на него въ особенности вы должны рассчитывать*; пользуйтесь имъ, гдѣ только возможно, избирайте изъ него людей на высшія должности; эти люди послужатъ для Васъ оплотомъ противъ Вашего, склоннаго къ смутамъ и заговорамъ, дворянства, пока это послѣднее не исправится.

Напоминаю Вамъ о колонизаціи юга (столь возможной по американскому способу) и объ учрежденіи ботаническихъ садовъ въ Вашихъ трехъ поясахъ для разведенія въ нихъ различныхъ родовъ деревьевъ и кустарниковъ, какъ туземныхъ, такъ и экзотическихъ, какъ фруктовыхъ, такъ и такихъ, которые служатъ для подѣлокъ и для украшенія.

Между главами націй мало есть такихъ, которыя заслуживали бы подражанія. Божественный Траянъ, изображенія котораго нѣсколько вѣковъ послѣ его смерти украшали домашніе очаги благомыслящихъ людей, былъ слишкомъ воинственъ и стремился къ завоеваніямъ; не подражайте ему въ этомъ. У Тита не было времени уничтожить злоупотребленія въ самомъ корнѣ ихъ; онъ былъ добръ и справедливъ, но этого было недостаточно. Антонины

были образцами хороших государей. Римъ былъ бы счастливъ, еслибы они были бессмертны. Но ихъ справедливо упрекаютъ въ томъ, что они не воспользовались 40 годами своего царствованія для созданія учреждений, покровительствовавшихъ свободѣ, что они не устроили монархіи на прочныхъ основаніяхъ, могущихъ одинаково защитить ее отъ распущенности и отъ деспотизма. Коммодъ, Каракалла, Геліогабалъ были ихъ созданіемъ, ибо они ничего не сдѣлали, чтобы воспрепятствовать появленію ихъ. Александръ Северъ былъ слабъ и находился подъ постороннимъ вліяніемъ. Съ Вашею разсудительностію Вы не нуждаетесь въ Мизитеяхъ. Юліанъ, по видимому, чувствовалъ всю обширность своей задачи, и можно предполагать, что онъ преобразовалъ бы государство, не будь у него манія къ завоеваніямъ и къ религіознымъ церемоніямъ. Лудовикъ XII сдѣлалъ слишкомъ мало для народа, отцомъ котораго онъ былъ прозванъ. Одинъ Генрихъ IV хотѣлъ сдѣлать больше всѣхъ своихъ предшественниковъ. Онъ былъ простымъ гражданиномъ, онъ позналъ произволь и страдалъ отъ злоупотребленій; вотъ почему онъ и рѣшился прекратить ихъ. Великимъ несчастіемъ для народа была преждевременная смерть государя, имѣвшаго всѣ средства и пламенное желаніе облегчить его; по крайней мѣрѣ, весьма вѣроятно, что его учрежденія предупредили бы революцію, уничтоживъ причины ея. Изъ всѣхъ новѣйшихъ монарховъ онъ заслуживаетъ наибольшаго одобренія: онъ былъ добръ, чело-вѣченъ, привѣтливъ, великодушенъ. Его можно разсматривать какъ государя и какъ простаго гражданина, при чемъ отъ этого его репутація нисколько не страдаетъ; чѣмъ бы онъ могъ сдѣлаться при познаніяхъ и средствахъ XVIII вѣка, будь у него поменьше властолюбія и побольше экономіи?

Еслибы Фридрихъ Великій былъ менѣ честолюбивъ и менѣ самовластенъ, онъ заслужилъ бы полное одобреніе, ибо нѣтъ ни одного царствованія, которое отличалось бы большимъ духомъ послѣдовательности, и ни одинъ государь не занимался столько учрежденіями, предназначенными для предупрежденія злоупотребленій. Прискорбно, что жесткость этого чело-вѣка и его неистовыя и деспотическія наклонности, происходившія главнымъ образомъ отъ его глубокаго презрѣнія къ людямъ, помѣшали ему придать

этимъ учрежденіямъ возможное для нихъ развитіе при болѣе либеральныхъ воззрѣніяхъ. Иванъ Васильевичъ началъ у Васъ дѣло цивилизаціи. Этотъ ужасный деспотъ имѣлъ широкіе взгляды, великую душу. Онъ хотѣлъ уничтожить варварство, оставаясь одинъ варваромъ. Петръ I, вооруженный просвѣщеніемъ своего вѣка, сдѣлалъ гораздо большіе шаги впередъ. Это былъ несомнѣнно необыкновенный человѣкъ. Главнымъ предметомъ его было двинуть Россію на цѣлые вѣка впередъ, и онъ успѣлъ это сдѣлать; но его учрежденія имѣли два недостатка: 1) они увеличили деспотизмъ и 2) онъ воздвигъ зданіе цивилизаціи на гнилыхъ основаніяхъ. При этомъ государѣ нація Ваша дѣйствительно была порабощена... Непрѣливо желая передѣлать Россію на иностранный ладъ, Петръ I пользовался слишкомъ много иностранцами и не видѣлъ, что нація, съ рѣзко очерченнымъ характеромъ, можетъ быть прочнымъ образомъ передѣлана только при помощи орудій, извлеченныхъ изъ нея самой, и *учрежденій, могущихъ мало по малу образовать новую породу людей.*

Вамъ именно предстоитъ все это исправить. Идите по слѣдамъ Траяна, Юліана, Антониновъ, Генриха IV и Фридриха II, не рабски подражая имъ, но относясь къ нимъ съ полною независимостью. Природа одарила Васъ сердцемъ чувствительнымъ, добрымъ, великодушнымъ, превосходною разсудительностью, большимъ спокойствіемъ, привѣтливостью, любовью къ труду; несомнѣнно, все это великіе дары, которыми Вы обязаны своему вѣку, своимъ принципамъ, своимъ средствамъ. Наконецъ, и это составляетъ характеристическую черту Вашу: Вы не считаете себя человѣкомъ отличной породы отъ людей, надъ которыми Вы царствуете, Вы не считаете себя въ правѣ гордиться этимъ, Вы не презираете ихъ, напротивъ, Вы ихъ любите, Вы сочувствуете ихъ заблужденіямъ и ихъ страданіямъ, Вы спѣшите придти имъ на помощь, Вы думаете наконецъ, что обязаны служить для нихъ добрымъ примѣромъ. Черезъ десять вѣковъ провидѣніе дало наконецъ Россіи человѣка, чтобы цивилизовать ее полезно, постепенно и безъ смуть. Такова Ваша задача. Пусть она будетъ постоянно предъ Вами, какъ она была предо мною съ самаго Вашего шестилѣтняго возраста. Преслѣдуйте ее мужественно, спокойно, упорно

и Вы достигнете своей цѣли, по ждите себѣ награды только отъ своей совѣсти, безпристрастныхъ похвалъ только отъ независимыхъ чужестранцевъ, обращающихъ на Васъ свои взоры, и отъ строгаго, по справедливаго потомства. Не я изъ праха своего подниму голосъ лести Вамъ, я только надѣюсь, что Ваше царствованіе будетъ со временемъ носить характеръ двухъ вѣковъ, которымъ оно принадлежитъ. Я запечаталъ въ одинъ пакетъ всѣ письма и записки, писанныя Вами мнѣ. Хранителемъ ихъ я назначаю своего друга, *Генриха Моно*, бывшаго префекта и члена малаго совѣта кантона Во. Эти документы принадлежатъ къ Вашей исторіи. Я присоединилъ къ нимъ письма къ Бонапарту, переданныя Вами мнѣ. Потомство должно узнать со временемъ, что вы желали сдѣлать для счастья людей.

Рекомендую Вамъ свое несчастное отечество. Вы одни, Ваше Величество, желаете ему блага изъ привязанности къ принципамъ. Конечно, для Европы важно, чтобы оно было независимо, свободно и въ состояніи было защищать свою территорію своими собственными силами. Попросивъ у Васъ услуги 8 ноября 1802 года, я выполнилъ свою задачу въ качествѣ конституціоннаго президента Гельветической директоріи.

Помѣщаю вдову свою подъ Ваше особенное покровительство. Вы обѣщали мнѣ въ 1802 г., что послѣ смерти моей она будетъ пользоваться половиною моей пенсіи. Если Вамъ благоугодно будетъ отдать приказанія, чтобы она не испытала при этомъ никакихъ затрудненій, то это будетъ послѣдняя милость, которую Вы мнѣ окажете, но я прошу ее въ пользу личности, дѣлившей со мною всѣ превратности судьбы и всѣ мои опасности.

Искренно сожалѣю о томъ, что у Васъ нѣтъ потомства. Это упрекъ, который въ правѣ Вамъ сдѣлать всякій русскій, и мнѣ не возможно удержаться, чтобы не быть ихъ истолкователемъ въ эту минуту. Вы обезпечили бы успѣхъ Вашего дѣла, воспитавъ дѣтей Вашихъ въ Вашихъ принципахъ.

Изъ глубины могилы напоминаю Вамъ о взятыхъ Вами на себя обязательствахъ—не терять ни минуты, изыскивая средства упрочить счастье Россіи и предохранить навсегда жителей ея отъ деспотизма. Вы мнѣ обѣщали никогда не забывать Вашего народа,

Вы обѣщали мнѣ вечеромъ 8 мая 1802 г., сжимая меня въ своихъ объятіяхъ, орошая меня своими слезами. Вы мнѣ еще разъ обѣщали у дверецъ Вашей кареты, пожимая мою руку. Это были послѣднія слова Ваши. Они остались начертанными въ моемъ сердцѣ и въ моей памяти, они также священны, какъ обѣщанія, данныя умирающему. Вы ихъ сдержите, не правда-ли, мой дорогой Александръ?

Живите долго, наслаждайтесь счастьемъ и заслуживайте его всегда. Если не все кончается смертию, а я надѣюсь на это, то тѣнь моя будетъ часто блуждать вокругъ Васъ и мои пожеланія будутъ сопровождать Васъ до этого послѣдняго часа. Прощайте! руки мои простираются къ Вамъ: я чувствую, какъ слезы текутъ изъ глазъ моихъ. Увы! Вы за 700 миль отъ меня—и я не могу прижать Васъ къ груди своей.

(подписано) Вашъ вѣрный другъ

и за могилой

Фрид. Цез. Лагарпъ.

Слѣдующее письмо находилось въ томъ же конвертѣ.

Ваше Величество,

Я снова открываю письмо свое отъ 30 Августа 1807 г. Со времени отъѣзда моего изъ Россіи до сегодняшняго дня (1802—1807 г.) я написалъ Вамъ 44 письма подъ 43 нумерами въ нѣкоторыхъ изъ нихъ я касаюсь предметовъ величайшей важности.

Событія, совершившіяся въ продолженіи 20 лѣтъ, заставляютъ меня думать, или что письма мои не дошли до Васъ, или что Вы лишили стараго друга своего довѣренности, которою Вы его почтили и которой онъ былъ достоинъ.

Если эти письма дошли до Вашего Величества, то благоволите перечестъ ихъ еще разъ и одни, въ своемъ кабинетѣ, призовите на судъ Вашего здраваго разсудка и совѣсти, съ одной стороны, того, кто писалъ Вамъ эти письма, съ другой—тѣхъ изъ совѣтниковъ Вашихъ и министровъ, данныя и мнѣнія которыхъ одержали передъ Вами верхъ. Не для себя, а для Васъ, Ваше Величество, я прошу этой милости изъ-за могилы.

Я покинул Васъ въ 1802 году, потому что присутствіе иностранца, которому Вы оказывали столько знаковъ довѣрія, доставило бы недоброжелательству оружіе противъ намѣченныхъ Вами реформъ, и такое недоброжелательство надѣлало бы Вамъ болѣе зла, чѣмъ то добро, которое могли принести Вамъ мои совѣты. Это и было рѣшительнымъ мотивомъ; всѣ другіе были только предлогомъ.

Тѣ же самые мотивы помѣшали мнѣ видѣться съ Вами въ 1804 году послѣ Таранда. Сверхъ того мнѣ казалось, что появленіе мое въ эту эпоху было не желательно. Но если-бы я подозревалъ тогда, что Васъ увлекли невѣрными или неполными данными, то я на все рѣшился бы, лишь бы проникнуть къ Вамъ.

Съ этого времени я два раза просилъ у Васъ позволеніе посѣтить Васъ. Мнѣ многое нужно было сказать Вамъ, чего написать я не могъ. Вы хранили молчаніе, изъ чего я заключилъ, что я Вамъ не нуженъ.

Пишу Вамъ эти подробности не для того, чтобъ упрекать Васъ; я желаю только, чтобы Вы знали, что привязанность моя къ Вамъ до конца была неизмѣнна; Вы отдадите мнѣ въ этомъ справедливость, когда меня уже не будетъ въ живыхъ, если не сдѣлали этого раньше. Живите счастливо, не теряя никогда изъ виду, что Вы должны быть реформаторомъ, котораго ждетъ Ваша имперія.

Прижимая Васъ къ груди своей, пишу эти строки.

(подписано) Ф. Ц. Лагарпъ.

Ролль 31 августа, 1807 г.

ИЗЪ БУМАГЪ ГРАФА Ю. А. ГОЛОВКИНА.

Печатаемые ниже документы заимствованы изъ богатаго семейными бумагами архива села Красная Пахра (Московской губернии, Подольскаго уѣзда), принадлежащаго свѣтлѣйшей княгинѣ Екатериинѣ Алексѣевнѣ Салтыковой-Головкиной.

Княжною Е. А. Салтыковою-Головкиной былъ любезно доставленъ въ редакцію сборника „Старина и Новизна“ томъ писемъ къ графу Юрію Александровичу Головкину. Въ этомъ томѣ заключаются два рескрипта—императора Александра I и великаго князя Михаила Павловича, — и свыше 100 писемъ къ графу Ю. А. Головкину: отъ князя Меттерниха (10 писемъ), графовъ Каподистрии и Нессельроде (по 22 письма), генерала Поццо-ди-Борго, гг. Анштедта, Бутенева, Италинскаго, барона Криденера и др., всѣ документы въ подлинникахъ, за время отъ 1815 г. по 1845 г.

Графъ Юрій Александровичъ Головкинъ родился въ 1749 г., умеръ 19-го января 1846 г. Онъ былъ послѣднимъ въ родѣ графовъ Головкиныхъ и приходился внукомъ первому графу Головкину, Гавріилу Ивановичу, первому русскому канцлеру. Послѣ смерти императора Петра II, графъ Г. И. Головкинъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ избраніи на престолъ Анны Иоанновны. Младшій сынъ его, графъ Михаилъ, въ послѣдніе годы царствованія Анны Иоанновны былъ вице-канцлеромъ; второй, Александръ, отецъ графа Юрія Александровича,—полномочнымъ министромъ

при Голландскихъ Генеральныхъ Штатахъ. Восшествіе на престолъ Елизаветы Петровны повлекло за собою опалу дѣятелей, которые способствовали устраненію ея отъ престолонаслѣдія ранѣе; въ числѣ другихъ и вице-капцлеръ графъ М. Г. Головкинъ былъ судимъ и осужденъ на казнь; казнь замѣнена была ему ссылкой въ острогъ Ермангъ, на р. Колымѣ, за Якутскомъ; тамъ онъ и умеръ, въ 1755 г. Брату его, графу А. Г. Головкину, тоже грозили преслѣдованіе и судъ; онъ не вернулся въ Россію, а остался за границею, гдѣ и умеръ въ 1760 г.; дѣти его были воспитаны тоже за границею и даже въ протестантскомъ исповѣданіи.

Въ послѣдній годъ царствованія Екатерины II графъ Ю. А. Головкинъ вступилъ въ русскую службу; императрица отнеслась къ нему очень милостиво и пожаловала ему огромныя имѣнія; императоры Павелъ I и Александръ I тоже относились къ нему очень благосклонно; въ первые годы царствованія императора Александра I графъ Юрій Александровичъ былъ назначенъ сенаторомъ, президентомъ Коммерцъ-коллегіи и оберъ-церемоніймейстеромъ; въ 1805 г. онъ былъ поставленъ во главѣ посольства, отправленнаго въ Китай, и при этомъ произведенъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники; неуспѣхъ посольства навлекъ на Головкина нѣкоторое неудовольствіе въ высшихъ сферахъ, и до 1816 г. онъ числился въ отпуску; однако и за это время, въ 1808 г., онъ принималъ, по волѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, ближайшее участіе во всѣхъ переговорахъ по поводу начавшагося сватовства принца Георгія Ольденбургскаго за великую княжну Екатерину Павловну. Затѣмъ графъ Ю. А. Головкинъ былъ русскимъ посланникомъ въ Карлеруэ, въ Штутгартѣ, а съ 1818 г.—въ Вѣнѣ. Въ 1822 г. онъ снова уѣхалъ въ продолжительный отпускъ, а въ 1831 г. былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта по департаменту законовъ и оберъ-камергеромъ. Послѣднія двѣнадцать лѣтъ жизни онъ былъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа и, не смотря на свой преклонный возрастъ, живо интересовался дѣлами округа и особенно университета; между прочимъ онъ первый замѣтилъ дарованія И. И. Срезневскаго и оказалъ ему поддержку въ его отношеніяхъ съ нерасположеннымъ къ нему совѣтомъ университета. Въ Харьковѣ и скончался графъ Головкинъ, почти сто-

лѣтнимъ старцемъ, окруженный глубокимъ уваженіемъ всѣхъ, кому приводилось вступать съ нимъ въ сношенія.

По самымъ именамъ корреспондентовъ графа Головкина, занимавшаго къ тому же весьма важныя дипломатическія посты, не можетъ подлежать сомнѣнію, что бумаги его весьма любопытны для изученія многихъ вопросовъ и фактовъ общеевропейской политики того времени. Въ настоящемъ выпускѣ мы на первый разъ помѣщаемъ нѣсколько документовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе общее значеніе и общій интересъ.

Рескриптъ императора Александра I отъ 12-го января 1818 г. является непосредственнымъ дополненіемъ обширной министеріальной инструкціи, отъ того же числа, какою былъ снабженъ графъ Головкинъ при назначеніи посломъ въ Вѣну (содержаніе ея изложено въ изданіи профессора Мартенса „Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами“, т. IV, ч. I, стр. 65—66). Письмо графа Каподистріи отъ 25-го марта (6-го апрѣля) 1818 г. является отвѣтомъ на первыя донесенія графа Головкина изъ Вѣны; другое изъ печатаемыхъ ниже писемъ графа Каподистріи, отъ 27-го января (7-го февраля) 1816 г., любопытно, какъ выраженіе его чувствъ и мыслей въ самомъ началѣ дѣятельности его по управленію иностранными сношеніями Россіи съ восточными землями. Письма князя Меттерниха рисуютъ отношеніе этого знаменитаго дипломата къ дѣламъ, общимъ у него съ русскимъ правительствомъ; письмо графа Нессельроде интересно, какъ выраженіе мыслей его о политикѣ Австріи и князя Меттерниха; наконецъ, два письма Бутенева и письмо барона Криденера любопытны по нѣкоторымъ подробностямъ, касающимся такъ называемыхъ „Ста дней“.

I.

РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ГРАФУ
Ю. А. ГОЛОВКИНУ.

Monsieur le Conseiller Privé Actuel Comte Golovkin.

Ayant désiré condescendre au voeu que m'a exprimé le Comte de Stackelberg, de quitter son poste de Vienne, pour vaquer au rétablissement de sa santé, je lui ai accordé la permission de suspendre l'exercice de ses fonctions actuelles, et d'entreprendre un voyage dans d'autres climats. En même temps j'ai jeté les yeus sur Vous, pour occuper, jusqu'à nouvelle disposition, cette place importante, à laquelle ma confiance et Vos longs services Vous désignent d'un commun accord.

Pleinement initié, comme Vous l'êtes, à l'esprit et à la teneur des directions générales, dont toutes mes missions se trouvent munies, Vous remplirez, je n'en doute pas, avec un entier succès, les devoirs que je Vous impose, sans que de nouvelles instructions Vous soient nécessaires. Les principes, sur lesquelles se fonde la politique de mon Empire, étant invariablement les mêmes, à l'égard de toutes les Puissances Européennes: le but que mes Ministres sont chargés d'atteindre dans leurs situations respectives demeure parellement invariable et identique: c'est le maintien de l'état de paix, défini par les traités, soutenu par une confiance réciproque, consolidé par l'intérêt d'une prospérité commune. Je ne saurais donc Vous tracer ici d'autre plan de conduite, que celui de ne point Vous écarter, dans la mission que je Vous confie, des maximes uniformes et salutaires, qui ont réglé, tant à Carlsruh, qu'à Stuttgart, l'ensemble de Vos démarches et de Vos relations, en qualité de mon représentant.

Toutefois l'application de ces principes, si simples et si constamment justifiés par l'expérience, exigera des précautions plus soutenues, et des ménagements plus prononcées, à raison de la gravité des interêts qui rentrent dans la sphère de mes relations avec

la Cour de Vienne, et qui doivent être conduits dans le sens le plus analogue à la nature du Gouvernement, auprès duquelle Vous allez résider, au caractère distinctif de son Ministère, à l'importance des questions que Vous pourrez avoir à traiter, enfin à l'extrême latitude d'influence, que les rapports existant entre les deux Empires, exercent de toute nécessité sur le système Européen.

Une seconde considération non moins importante, c'est celle des liens d'amitié fraternelle, qui m'unissent à mon Auguste Ami et Allié, Sa Majesté l'Empereur François. Je Vous recommande d'avoir toujours présent à Votre pensée ce gage précieux de l'unanimité parfaite qui doit régner entre les deux Cabinets. Vous ne le perdrez jamais de vue, et Vous aurez soin d'empreindre à toutes Vos démarches ce caractère de confiance affectueuse, qui est propre à attester la réalité inaltérable de nos sentimens personnels.

Enfin ce qui doit fixer particulièrement Votre sollicitude éclairée et vigilante, c'est la réunion projetée entre mes Alliés et moi. Il importe que mes Ministres travaillent assidûment, à ce que la totalité des questions, dont la solution a été ajournée jusqu'à cette époque, acquièrent dans l'intervalle de degré de maturité requise, pour que leur décision en commun puisse produire des résultats d'une efficacité réelle et par conséquent propice au bien général.

Les dépêches que mon Ministère est chargé de Vous adresser, Vous fourniront tous les développemens que pourrait réclamer cette définition succincte de mes intentions et de Vos devoirs. Vous Vous en acquitterez de manière à mériter tout mon suffrage dans cette nouvelle sphère d'activité, si justement proportionnée à Vos lumières et à Vos talens.

Sur ce je prie Dieu, qu'il Vous ait en sa sainte garde
(Signé) Alexandre.

Moscou. le 12 Janvier 1818.

ПЕРЕВОДЪ.

Господинъ д. т. с. графъ Головкинъ.

Снисходя къ желавію покинуть свой постъ въ Вѣнѣ и позаботиться о возстановленіи своего здоровья, которое выразилъ мнѣ графъ Штакельбергъ, Я далъ ему позволеніе прекратить исполненіе его настоящихъ обязанностей и предпринять путешествіе для перемѣны климата. Въ то же время Я обратилъ взоры на васъ, чтобы поручить вамъ, впредь до новаго распоряженія, это важное мѣсто, для занятія котораго на васъ согласно указываютъ мое довѣріе и долгая вапа служба.

Я не сомнѣваюсь, что вы, вполне ознакомленный съ духомъ и содержаніемъ общихъ наставленій, которыми снабжены всѣ мои миссіи, исполните съ отличнымъ успѣхомъ возлагаемыя мною на васъ обязанности, не нуждаясь въ новыхъ инструкціяхъ. Такъ какъ принципы, лежащіе въ основаніи политики моей имперіи относительно всѣхъ европейскихъ державъ неизмѣнно одни и тѣ же, то и цѣль, которой должны достигать мои министры, каждый на своемъ посту, остается равнымъ образомъ неизмѣнною и тождественною: это — поддержаніе міра, на условіяхъ, опредѣленныхъ трактатами, поддѣрживаемаго взаимнымъ довѣріемъ и утверждаемаго на интересѣ общаго благополучія. Я не могу поэтому указать вамъ другаго типа для вашего поведенія, какъ тотъ, чтобы вы не удалялись въ миссіи, которую Я вамъ ввѣряю, отъ простыхъ и здравыхъ принциповъ, которые управляли въ Карлсруэ и Штутгартѣ всѣми вашими поступками и отношеніями въ качествѣ моего представителя.

Однако примѣненіе этихъ принциповъ, столь простыхъ и столь постоянно оправдывавшихся опытомъ, потребуетъ болѣе настойчивыхъ предосторожностей и болѣе внимательной обходительности сообразно съ важностью интересовъ, которые входятъ въ сферу моихъ сношеній съ Вѣнскимъ дворомъ и которые должны быть проведены въ духѣ, наиболѣе соответствующемъ характеру правительства, при которомъ вы будете находиться въ качествѣ моего министра, важности вопросовъ, могущихъ подлежать вашему разсмотрѣнію и наконецъ—тому необычайно обширному вліянію, ко-

торое съ полной необходимостью оказываютъ на Европейскую систему отношенія, существующія между обѣими имперіями.

Другое, не менѣе важное, обстоятельство представляютъ узы братской дружбы, связывающія Меня съ моимъ Августѣйшимъ другомъ и союзникомъ, Его Величествомъ Императоромъ Францемъ. Я поручаю вамъ постоянно помнить объ этомъ драгоцѣнномъ залогѣ полного сдвинушія, долженствующаго царить между обоими кабинетами. Вы никогда не потеряете его изъ виду и постараетесь придать всѣмъ вашимъ поступкамъ тотъ характеръ дружжелюбнаго довѣрія, который служитъ подтвержденіемъ неизмѣннаго продолженія нашихъ личныхъ чувствъ.

Наконецъ ваше просвѣщенное и бдительное вниманіе должно быть особенно обращено на установленіе полного единенія, предложеннаго между Мною и Моими союзниками. Важно, чтобы мои министры постоянно трудились надъ тѣмъ, чтобы вся совокупность вопросовъ, рѣшеніе которыхъ было отложено до настоящаго времени, достигла бы въ ближайшемъ будущемъ степени полной зрѣлости для того, чтобы разрѣшеніе ихъ всѣхъ могло принести реальные результаты, а слѣдовательно, и послужить общему благу.

Надѣюсь, что вы будете дѣйствовать въ этой новой сферѣ дѣятельности, столь соотвѣтственной вашей долгой службѣ и вашимъ талантамъ, такъ что заслужите мое полное одобреніе. За симъ молю Бога, чтобы Онъ принялъ васъ подъ свое святое покровительство.

(Подписано:) Александръ.

Москва. 12 января 1818.

II.

ДВА ПИСЬМА КНЯЗЯ МЕТТЕРНИХА КЪ ГРАФУ Ю. А. ГОЛОВКИНУ.

J'ai reçu ce matin, Monsieur le Comte, le protocole de la séance des ministres composant la conférence à Paris, du 21 Avril. Le Baron de Vincent, après avoir différé quelques séances de remettre son vote sur la prochaine entrevue des Souverains dans l'es-

poir de voir Messieurs ses collègues munis d'ordres de leurs Cours, n'a pas cru devoir tarder au-delà de ce terme de consigner au protocole la déclaration que j'avais communiquée par Mr. le Prince de Hesse au Cabinet de Sa Majesté Impériale de Russie.

Mr. le Comte de Capo d'Istria a bien voulu me prévenir par sa lettre du 14/26 Mars, que Sa Majesté l'Empereur Alexandre, parfaitement d'accord avec le point de vue de l'Empereur mon maître, avait transmis à Mr. le Général Pozzo l'ordre d'entrer dans cette proposition. Mr. le Comte de Capo d'Istria a eu même l'attention de me communiquer la direction transmise à cet effet à ce Ministre. Mr. de Pozzo a cependant déclaré au protocole du 21 Avril, que n'étant muni d'aucune instruction relative à la proposition autrichienne, il ne pouvait que la prendre *ad referendum*.

Ne pouvant m'expliquer, Monsieur le Comte, la cause de ce retard, et entrevoyant d'un autre côté tous les inconvénients qui naîtroient pour les 4 Cabinets d'un délai ultérieur dans une décision qui ne peut atteindre, que par la plus parfaite concordance dans la marche de nos ministres respectifs en France, le but important de maintenir les quatre Cours et la France dans la plénitude des droits qui leur compètent en vertu du traité de Paris du 20 Novembre 1815, je ne puis que Vous prier, Monsieur le Comte, de bien vouloir de Votre côté concourir à faire lever une difficulté imprévue et qui ne peut être attribuée qu'au retard dans l'envoi d'un courrier ou à un croisement d'instructions. Il serait superflu que je Vous développasse la valeur que le Cabinet Autrichien met à la solution d'une question à laquelle se lie plus peut-être qu'on ne le croit celle du maintien du repos de l'Europe et de l'ordre des choses établi par les glorieux efforts des Souverains.

Recevez, Monsieur le Comte, les assurances de ma considération la plus distinguée.

(Signé) Metternich.

Vienne, le 2 Mai 1818.

à Monsieur le Comte de Gollowkin etc. etc. etc.

ПЕРЕВОДЪ.

Графъ.

Сегодня утромъ я получилъ протоколъ засѣданія министровъ, составляющихъ конференцію въ Парижѣ, отъ 21-го апрѣля. Баронъ Винцентъ, послѣ того, какъ онъ уже откладывалъ нѣсколько засѣданій выраженіе своего согласія на предстоящее свиданіе Государей, въ надеждѣ, что его коллеги будутъ снабжены приказапіями своихъ дворовъ, не счелъ возможнымъ далѣе этого срока замедлять внесеніе въ протоколъ деклараціи, которую я уже сообщалъ черезъ принца Гессенскаго кабинету Его Величества Императора Всероссийскаго.

Графъ Каподистрія письмомъ отъ 14-го (26) марта любезно предупредилъ меня, что Его Величество Императоръ Александръ, въ полномъ согласіи съ возрѣніемъ Императора, моего государя, передалъ генералу Поццо приказъ приступить къ этому предложенію. Графъ Каподистрія былъ даже такъ обязателенъ, что сообщилъ мнѣ наставленіе, посланное по этому поводу къ этому министру. Но г. Поццо заявилъ въ протоколѣ отъ 21-го апрѣля, что, не будучи снабженъ никакою инструкціей относительно австрійскаго предложенія, онъ можетъ принять его только *ad referendum*.

Не будучи въ состояніи объяснить себѣ причину этого замедленія и, съ другой стороны, видя всѣ затрудненія, которыя возникли бы для четырехъ кабинетовъ при дальнѣйшей отсрочкѣ въ рѣшеніи, которое только при полнѣйшемъ согласіи дѣйствию нашихъ министровъ относительно Франціи можетъ достигнуть важной цѣли—сохраненія для четырехъ дворовъ полноты правъ, какія имъ подобаютъ въ силу Парижскаго трактата 20-го ноября 1815 года—я не могу не просить васъ, графъ, чтобы съ своей стороны вы содѣйствовали устраненію неожиданнаго затрудненія, которое не можетъ быть приписано ни чему иному, какъ тому, что замедлилась отсылка курьера, или что курьеры разбѣхались. Излишне, конечно, мнѣ разъяснять вамъ значеніе, какое австрійскій кабинетъ приписываетъ разрѣшенію вопроса, съ которымъ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ думаютъ, связано сохраненіе въ Европѣ мира и положенія вещей, созданнаго славными трудами государей.

Примите, ваше сіятельство, увѣреніе въ моемъ глубокомъ почтеніи.

(Подписано:) Меттервихъ.

Вѣна. 2-го мая 1818.

Monsieur le Comte.

Au moment où nous nous sommes séparés à Florence, Vous m'avez remis, Monsieur le Comte, un Mémoire concernant deux affaires sur lesquelles Vous m'aviez adressé deux Notes verbales dans les derniers jours de notre séjour à Naples. J'eus l'honneur de Vous assurer alors, que je n'avais point perdu de vue les deux objets, et qu'en les transmettant à Vienne, où ils devoient être pris en considération avec les départemens de l'intérieur, j'avais recommandé à la Chancellerie de Cour et d'Etat de s'en occuper avec suite. J'ai la satisfaction de pouvoir Vous annoncer aujourd'hui, Monsieur le Comte, que l'une de ces affaires est terminée d'une manière conforme aux vœux de Votre Cour. C'est celle relative à l'extradition des conscrits déserteurs du Royaume de Pologne et à la reconnaissance du principe d'une extradition réciproque. Mr. le Baron de Stürmer, en m'en informant, m'a mandé, qu'il en avait prévenu sur le champ la Mission de Russie à Vienne; ainsi, je ne doute pas, qu'elle n'en ait rendu compte directement à Pétersbourg.

Quant à la détermination du caractère politique de l'Evêque de Cracovie, je n'ai point encore reçu de Vienne les réponses que j'attends sur cet objet, que Vous m'avez également recommandé en partant. Vous pouvez être parfaitement sûr au reste, Monsieur le Comte, que je ne le perdrai pas de vue.

J'aime à me flatter que Votre voyage en Suisse aura été heureux et favorable à Votre santé. En attendant le plaisir de Vous revoir à Vienne dans les premiers jours de Septembre, je saisis avec empressement cette occasion pour Vous renouveler, Monsieur le Comte, l'assurance de ma considération la plus distinguée.

(Signé:) Metternich.

Carlsbad. le 3 Août 1819.

ПЕРЕВОДЪ.

Графъ.

При разставаніи нашемъ во Флоренціи вы вручили мнѣ меморандумъ, касающійся двухъ дѣлъ, относительно которыхъ вы представили мнѣ двѣ словесныя ноты въ послѣдніе дни нашего пребыванія въ Неаполѣ. Я имѣлъ тогда честь увѣрить васъ, что я не упустилъ изъ виду этихъ обоихъ вопросовъ и что, сообщая о нихъ въ Вѣну, гдѣ они должны быть разсматриваемы совмѣстно съ департаментомъ внутреннихъ дѣлъ, я рекомендовалъ придворной государственной канцеляріи заняться ими немедленно. Сегодня я имѣю удовольствіе сообщить вамъ, графъ, что одно изъ этихъ дѣлъ рѣшено соотвѣтственно желаніямъ вашего двора — именно дѣло, касающееся выдачи новобранцевъ-дезертировъ изъ королевства Польскаго и признанія въ принципѣ взаимной выдачи. Баронъ Штюрмеръ, извѣщая меня объ этомъ, сообщаетъ, что онъ тотчасъ же довелъ это до свѣдѣнія русской миссіи въ Вѣнѣ; я не сомнѣваюсь, что она донесла объ этомъ прямо въ Петербургъ.

Что касается опредѣленія политическаго характера епископа Краковскаго, то я не получилъ еще изъ Вѣны ожидаемаго отвѣта по этому вопросу, который вы также рекомендовали мнѣ при отъѣздѣ; вы можете быть, впрочемъ, вполне увѣрены, графъ, что я не упущу его изъ виду.

Хотѣлось бы думать, что поѣздка ваша въ Швейцарію будетъ благополучна и благопріятна вашему здоровью. Въ ожиданіи удовольствія видѣть васъ снова въ Вѣнѣ въ первыхъ числахъ сентября я съ охотою пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы возобновить предъ вами увѣренія въ моемъ совершеннѣйшемъ почтеніи.

(Подписано:) Меттернихъ.

III.

ДВА ПИСЬМА ГРАФА КАПОДИСТРИА КЪ ГРАФУ Ю. А. ГОЛОВКИНУ.

25/13 p. cr.

St.-Petersbourg, le ^{26 Janvier}/_{7 Fevrier} 1816.

Monsieur le Comte.

Je ne sais pas laisser partir Monsieur le Général Michaud pour Stutgart sans le charger de cette lettre pour Votre Excellence. Elle vient me rapeller à Votre souvenir, Monsieur le Comte, et Vous recommander le porteur. Il a la belle commission de présenter au Roi une lettre de notre Empereur au sujet des noces ¹⁾ et de tous les sentimens qu'elles ont cimentées entre les deux Cours.

Je n'ai pas assisté aux grandes cérémonies et aux fêtes qui ont eû lieu à cette occasion. A peine arrivé il m'a été ordonné de faire ma cour à une montagne de papiers qui reclamaient en effet l'attention de quelqu'un; je m'en suis occupé, et je m'en occupe avec infiniment d'intérêt. Le travail est difficile et pénible. Mais c'est justement dans ces difficultés et dans ces peines que je trouve tous les agrémens de mon existence dans ce pays.—L'Empereur daigne me continuer Ses bontés.—S. M. vient de me conférer le grade de conseiller privé. Ce qui me console le plus, c'est que l'Empereur parait satisfait de la bonne volonté, avec laquelle je tâche de remplir mes devoirs. Elle est à toute épreuve. Et j'espère qu'elle le sera tant que j'aurai une étincelle de vie dans mon corps. Connoissant l'intérêt que Votre Excellence a pris constamment à tout ce qui me regarde, j'ai cru de mon devoir de Lui montrer en peu de mots ces notions. Celles, qui peuvent avoir trait aux affaires publiques, se réduisent à une: celle — *Maintenir invariables les résultats de la guerre.* C'est à dire les transactions par lesquelles on a *l'espoir de pacifier le Monde...* je ne dis pas de *l'avoir pacifié!* Cette distinction, qui n'est nullement scolastique, fait l'objet d'un travail, que l'Empereur a daigné approuver et

---

¹⁾ 9 (21) февраля 1816 г. состоялось бракосочетание в. кн. Анны Павловны съ королемъ Голландскимъ Вильгельмомъ II.

d'après lequel toutes nos relations diplomatiques seront réglées.— Votre Excellence en aura sa part à tems et lieu. Il a été nécessaire de commencer par les missions, dont l'intervention dans les affaires est la plus urgente. C'est celle de Paris, de Londres, de Berlin et de Vienne — viennent après celles de l'Espagne et de l'Italie et subséquemment celles de l'Allemagne. Les affaires de la Bavière nous ont occupé. Le Comte Pahlen reçoit une instruction. Nous soutiendrons fort et ferme l'Autriche. Mais elle doit à son tour remplir ses engagements envers nous. Elle a promis 50 m. âmes au P. Eugène en Italie. Elle ne peut pas les lui accorder dans cette contrée. Nous les lui demandons en Allemagne et notamment dans les objets de retrocession dont il s'agit à Munich. L'Autriche prendra son indemnisation sur le royaume de Naples, (*illisible*) par le Congrès à faire cet établissement au P. Eugène. Si l'on ne veut pas s'entendre (*sic*) à des (*sic*) pareilles conditions — tant pis pour les entêtés. Nous n'y sommes pour rien. La besogne de Francfort mérite une grande attention. Austett reçoit des directions. Il importe que la diète s'assemble, qu'elle fasse quelque chose, qu'une confédération soit constituée — je ne dis pas *une bonne confédération*, mais il faut toujours qu'il y en ait une. Elle deviendra bonne avec le tems. Sur ce chapitre comme sur plusieurs autres j'aurai l'honneur, Monsieur le Comte, de vous entretenir plus au détail à la première occasion.

Agréez en attendant mes hommages.

Capodistria.

ПЕРЕВОДЪ.

Ваше Сіятельство.

Я не хочу отпустить генерала Мишо въ Штутгартъ, не вручивъ ему письма къ вашему сіятельству. Оно напомнитъ вашему сіятельству обо мнѣ и рекомендуетъ вашему вниманію подателя. Онъ имѣетъ пріятное порученіе передать королю письмо нашего Государя по поводу бракосочетанія и выразить всѣ чувства, которыя этотъ бракъ еще болѣе укрѣпилъ между обоими дворами.

Я не присутствовалъ при самомъ бракосочетаніи и на праздникахъ, которые были даны по этому случаю. Едва я пріѣхалъ,

какъ мнѣ было повелѣно заняться горами бумагъ, которыя дѣйстви- тельно требуютъ чьего-нибудь вниманія. Я занимался и занимаюсь ими съ большимъ интересомъ. Работа это трудная и утомительная. Но именно въ этихъ трудностяхъ и въ этихъ заботахъ я и нахожу свое удовольствіе въ своей жизни въ этомъ государствѣ. Импера- торъ удостоиваетъ меня продолженіемъ своей благосклонности. Его Величество только что пожаловалъ мнѣ чинъ тайнаго совѣтника. Особенно же утѣшаетъ меня то, что Императоръ, по видимому, дово- лень тѣмъ усердіемъ, съ какимъ я стараюсь исполнять свои обязан- ности. Усердіе мое вынесетъ всякое испытаніе. И я надѣюсь, что оно останется таковымъ всегда, пока во мнѣ есть хоть искра жизни. Зная всегдашній интересъ вашего сіятельства ко всему, что меня касается, я считаю долгомъ сообщить вамъ вкратцѣ слѣдующія данныя. Тѣ изъ нихъ, которыя могутъ имѣть значеніе для обще- ственныхъ дѣлъ, сводятся къ одному положенію: *неизмѣнное сохра- неніе результатовъ войны*, иначе говоря—дѣйствія, посредствомъ которыхъ *есть надежда умиротворить міръ* — я не говорю, что *его уже умиротворили*. Это различіе, вовсе не схоластичное, составляетъ предметъ работы, которую Императоръ удостоиваетъ одобренія, и съ которою всѣ наши дипломатическія сношенія бу- дутъ сообразованы. Ваше сіятельство въ свое время и при случаѣ будете имѣть въ ней участіе. Необходимо начать съ тѣхъ миссій, которыхъ участіе въ дѣлахъ наиболѣе необходимо. А это миссіи Парижская, Лондонская, Берлинская, Вѣнская, затѣмъ Испанская, Итальянскія и, слѣдовательно, Германскія. Баварскія дѣла насъ за- нимали. Графъ Паленъ получаетъ инструкцію. Мы твердо и рѣши- тельно будемъ поддерживать Австрію, но и она должна съ своей стороны исполнить свои обязательства относительно насъ; она обѣ- щала 50 тысячъ человѣкъ для принца Евгенія въ Италіи. Она не можетъ дать ему ихъ въ этой странѣ; мы просили ихъ у нея въ Германіи и именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя составляютъ предметъ ретроцессіи, о которой идутъ переговоры въ Мюнхенѣ: Австрія возьметъ себѣ вознагражденіе въ Неаполѣ, который (назна- чень?) конгрессомъ послужитъ для устройства принца Евгенія. Если не хотятъ согласиться на это условіе, тѣмъ хуже для упрямцевъ. Мы тутъ не при чемъ. Франкфуртское дѣло заслуживаетъ большого

вниманія. Анштедтъ получаетъ наставленія. Важно, чтобы сеймъ собрался, чтобы онъ сдѣлалъ что-нибудь, чтобы была составлена конфедерація—я не говорю *настоящая конфедерація*, но надо непременно, чтобы была какая-нибудь. Она сдѣлается настоящей со временемъ. По этому пункту, какъ и по многимъ другимъ, я буду имѣть честь, графъ, разсуждать съ вами въ подробностяхъ при первомъ же случаѣ.

Въ ожиданіи этого примите увѣреніе въ моемъ почтеніи.

Каподистрія.

$\frac{29 \text{ Mars}}{10 \text{ Avril}}$ pr. courrier.

$\frac{25 \text{ Mars}}{6 \text{ Avril}}$ 1818. Moscou.

Votre courrier, Monsieur le Comte, nous est arrivé au moment où j'allais faire partir celui qui Vous était destiné. Cette rencontre a retardée (sic) et conséquemment rendue (sic) plus volumineuse l'expédition que je recommande à Votre indulgence. Elle en a besoin. Je suis seul, aidé à peine par quelques copistes. Mes bons employés sont mis hors de combat à force de travail. Ils sont restés à Moscou. L'Empereur a pris l'habitude de faire marcher son ministère en tout lieu, n'importe le tems et les moyens, comme si nous étions à Pétersbourg, où les collaborateurs et les archives viennent souvent à notre secours. Je tâche de mon mieux de satisfaire S. M. I. Mais je compte toujours sur l'indulgence de ses ministres dans l'étranger.

Venons à Vos dépêches, Mr. le Comte. Elles sont parfaites, et l'Empereur en a été très content. S. M. a lu avec bonté Votre lettre et a fort approuvé la noble profession de foi qu'elle renferme. Votre nouvelle carrière commence donc, Mr. le Comte, sous les auspices les plus heureux—et je vous en félicite de bon coeur.

Les affaires qui sont confiées par l'expédition de jour à V. E., ne sont point faciles, quoique en elles-mêmes elles présentent toute la droiture et toute la vérité qui se trouvent dans les principes et dans la marche du Cabinet de l'Empereur. Les communications, qui regardent nos opérations législatives, ne seront point les bienvenues; nous le savons d'avance. Et si nous voulions en douter, le Prince de Hombourg et le Comte de Clain nous ont mis hors de

ces embarras. Ils ne se sont point gênés à mon égard et à mon tour je ne leur ai pas laissé ignorer dans quel sens l'Empereur envisage la situation actuelle des gouvernemens en Europe et celle de l'esprit public, comment nous considérons les devoirs des uns à l'égard de leurs peuples, et de quelle manière l'Empereur croit que les gouvernemens puissent graduellement ramener les choses à une véritable stabilité. Notre doctrine à ce sujet n'est pas nouvelle et le P. Metternich moins que personne au monde doit être étonné de la voir mise en pratique actuellement. Ce sera cependant avec un grand intérêt que l'Empereur apprendra par vos dépêches, Mr. le Comte, l'effet qu'aura produit à Vienne la diète de Pologne et quelle peut être l'influence que cet événement exercera sur la politique du cabinet Autrichien. Serait-il trop hasardé, que de croire à la possibilité d'une alliance plus étroite entre l'Autriche et l'Angleterre? Si nos suppositions à cet égard ne sont pas tout-à-fait dénuées de fondement, il ne doit pas être aisé de s'en procurer la conviction. De toute manière il importe de ne point perdre de vue cette considération capitale dans toute affaire et dans toute occasion quelconque.

J'espère que V. E. approuvera la mesure que nous avons gardée, quant aux ouvertures relatives à *l'objet* et au *lieu* de l'entrevue des Souverains. Notre ligne de conduite est tracée et nous n'en sortirons pas, ni pour les grandes, ni pour les petites affaires. Nous avons signalé avec précision la clause qui regarde *l'objet* de la réunion, parce que nous avons lieu de croire, que les propositions autrichiennes sont concertées d'avance avec le Cabinet de S. James. C'est lui seul qui ne veut point avoir sur les bras l'alliance, et tâche de s'en débarrasser surtout dans les questions espagnoles... Au reste il a grand tort. Parce que la perte des colonies pour l'Espagne est bien loin de devenir une acquisition pour l'Angleterre. Le tems éclairera mieux le cabinet dans ses véritables intérêts. J'ai oublié de faire préparer une dépêche pour Vous accompagner la lettre cachetée à l'adresse du P. de Metternich—ayez la bonté, Mr. le Comte, de la supposer.

Les deux articles très importants de l'expédition regardent la dépêche adressée au G-l Pozzo sur la grande question de l'évacua-

tion de la France et celle qui va partir pour le comte Lieven au sujet des nouvelles que l'Empereur a reçu de la Sibérie—je m'abstiens de vous en parler plus en détail. Le tems presse et cette lettre est devenue trop longue.

Votre Excellence me permettra de Lui recommander particulièrement ma correspondance avec ma famille. Elle se fait par l'entremise de votre consul général à Venise, pour lequel j'ose réclamer vos bontés, Mr. le Comte. Votre prédécesseur en a été très satisfait et c'est sur ses représentations que M. de (illisible) a été avancée au grade de conseiller d'état. Voici un paquet pour lui. Si vous jugiez convenable de lui faire parvenir les imprimés qui regardent l'ouverture de la diète il ne serait pas peut-être déplacé de lui donner un mot d'instruction afin qu'il sache dans quel sens doit-il répondre, si on lui adresse des questions à cet égard. Notre éternel refrain—c'est la fidèle exécution des traités—je pense aussi, qu'il n'y aurait pas de mal si l'autre consul à Trieste était également stilé à dire ce qu'il faut dire au cas de besoin, en pareille occasion. Les pièces paraissent dans toutes les gazettes—à moins que le gouvernement Autrichien n'y mette obstacle. Et dans l'une hypothèse et dans l'autre il me semble, que ces employés en Italie ne devraient pas rester sans instructions. Si Vous partagez, M-r le Comte, cette opinion, il Vous est réservé d'y donner suite.

Le courrier qui Vous arrive est le fils cadet de Votre collègue à Constantinople. Il est auprès de moi. La santé de ce jeune homme a fortement souffert dans ces derniers tems et je lui fais courir la poste pour le guérir. C'est un excellent garçon, et très digne d'affection par la noblesse de ses sentimens. Je le recommande, M-r le Comte, à Vos bontés. Gardez-le autant que bon Vous semble—il Vous sera agréable d'avoir à Votre disposition un courrier. Il dépendra des communications que V. E. aura à nous faire de me l'expédier à Kisinev (?), à Odessa, ou à Pétersbourg.

Mille pardons, M-r le Comte, de ce griffonage.

Agréés les hommages de Votre dévoué ami et serviteur
Capodistria.

ПЕРЕВОДЪ.

$\frac{29 \text{ марта}}{10 \text{ апрѣля}}$ черезъ курьера.

$\frac{25 \text{ марта}}{6 \text{ апрѣля}}$ 1818. Москва.

Вашъ курьеръ, графъ, прибылъ къ намъ въ тотъ моментъ, когда я собирался отправить того, который былъ предназначенъ для васъ. Эта встрѣча задержала, а слѣдовательно, сдѣлала и болѣе обширной ту почту, которую я теперь рекомендую вашему снисхожденію. Она въ немъ нуждается. Я совершенно одинъ, при мнѣ лишь нѣсколько переписчиковъ. Мои настоящіе помощники ни къ чему не годятся отъ множества работы. Они остались въ Москвѣ. Императоръ завелъ привычку заставлять свои министерства работать во всякомъ мѣстѣ, не обращая вниманія на время и возможность, какъ будто бы мы были въ Петербургѣ, гдѣ сотрудники и архивы часто являются къ намъ на помощь. Я стараюсь изъ всѣхъ силъ удовлетворить Его Императорское Величество, но я постоянно разсчитываю и на снисходительность его министровъ за границую.

Обращаемся къ вашимъ депешамъ, графъ. Онѣ превосходны, и Государь ими очень доволенъ. Его Величество прочелъ благосклонно ваше письмо и очень одобрилъ благородное profession de foi, которое въ немъ заключается. И такъ, ваша новая служба начинается, графъ, при наилучшихъ предзнаменованіяхъ, и я васъ поздравляю отъ всего сердца.

Дѣла, которыя вамъ поручаются сегодняшнею почтою, далеко не легки, хотя сами по себѣ они отражаютъ всю прямоту и всю правдивость, какія заключаются въ принципахъ и дѣйствіяхъ императорскаго кабинета. Сообщенія, которыя касаются нашихъ законодательныхъ операцій, не будутъ встрѣчены радушно, мы знаемъ это напередъ. И еслибы мы усумнились въ этомъ, то князь Гомбургъ и графъ Клэнъ насъ уже избавили отъ этого заблужденія. Они не постѣснились по отношенію ко мнѣ, и я съ своей стороны не оставилъ ихъ въ невѣдѣніи, какъ Императоръ взираетъ на настоящее положеніе правительствъ Европы и на состояніе общественнаго мнѣнія, какъ мы разсматриваемъ обязанности первыхъ по отношенію къ ихъ народамъ, и какъ, по мнѣнію Императора, правительства могутъ постепенно привести дѣла въ настоящую,

устойчивость. Наше ученіе по этому предмету не ново. И князь Меттернихъ менѣе чѣмъ кто-либо въ мірѣ долженъ быть удивленъ, видя, что мы его теперь осуществляемъ на практикѣ. Поэтому Императоръ съ большимъ интересомъ узнаетъ изъ вашей депеши, графъ, о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ въ Вѣнѣ открытіе сейма въ Польшѣ и каково можетъ быть вліяніе, оказанное этимъ событіемъ на политику австрійскаго кабинета. Будетъ ли слишкомъ смѣло думать о возможности болѣе тѣснаго союза между Австріей и Англіей. Если наши предположенія по этому предмету не совершенно безосновательны, не легко будетъ добыть себѣ доказательства этого. Во всякомъ случаѣ важно никакъ не терять изъ виду этого соображенія, главнаго во всякомъ дѣлѣ и при всякомъ случаѣ.

Надѣюсь, что ваше сіятельство одобрите осторожность, которую мы сохранили въ сообщеніяхъ, касающихся *предмета и мѣста* встрѣчи государей. Наша линія опредѣлена, и мы ея не оставимъ ни для важныхъ, ни для мелкихъ дѣлъ. Мы указали съ точностью статью, которая касается *предмета* встрѣчи, такъ какъ мы имѣемъ основаніе думать, что австрійскія предложенія заранѣе согласованы съ с.-джемскимъ кабинетомъ. Онъ одинъ ни за что не желаетъ имѣть на рукахъ союзъ и старается отъ него отдѣлаться, особенно въ дѣлахъ испанскихъ. Но онъ очень ошибается, потому что потеря колоній для Испаніи—это очень далеко отъ того, чтобы быть ихъ присоединеніемъ къ Англіи. Время лучше раскроетъ истинныя намѣренія этого кабинета.—Я забылъ приказать приготовить сопроводительную депешу для письма, запечатаннаго подъ адресомъ князя Меттерниха. Будьте добры, графъ, считайте, что вы ее имѣете.

Два очень важные пункта сегодняшней почты касаются депеши, адресованной къ генералу Поццо по важному вопросу объ эвакуаціи Франціи и депеши, идущей къ графу Ливену, по поводу извѣстій, полученныхъ Императоромъ изъ Сибири. Я не стану съ вами говорить о нихъ болѣе подробно—времени у меня мало, а это письмо и такъ вышло слишкомъ длинно.

Позвольте мнѣ, графъ, рекомендовать вамъ частнымъ образомъ мою переписку съ моими родными. Она происходитъ при участіи вашего генеральнаго консула въ Триестѣ, къ которому я

осмѣливаюсь испрашивать вашей благосклонности. Вашъ предпешвенникъ былъ имъ вполне доволенъ, и по его представленію г. де-... получилъ чинъ статскаго совѣтника. Посылаю пакетъ для него. Если вы найдете умѣстнымъ сообщить ему документы, которые относятся къ открытію сейма, можетъ быть, не будетъ излишнимъ дать ему въ нѣсколькихъ словахъ инструкцію, дабы онъ зналъ, въ какомъ смыслѣ долженъ онъ отвѣчать, если къ нему обратятся съ вопросомъ по этому поводу. Нашъ постоянный приѣзвъ это—точное исполненіе трактатовъ. Я думаю также, что будетъ не худо, если и другой консулъ въ Триестѣ будетъ равнымъ образомъ настроенъ говорить то, что надо говорить въ случаѣ необходимости при подобныхъ обстоятельствахъ. Документы печатаются во всѣхъ газетахъ—если только австрійское правительство не сдѣлаетъ препятствій. И въ томъ, и другомъ случаѣ, мнѣ кажется, эти чиновники въ Италіи не должны остаться безъ инструкціи. Если вы, ваше сіятельство, раздѣляете это мнѣніе, то будьте добры и осуществите его.

Курьеръ, который ѣдетъ къ вамъ, младшій сынъ вашего коллеги по Константинополю. Онъ состоитъ при мнѣ. Здоровье этого молодого человѣка сильно пострадало за послѣднее время, и я посылаю его съ письмомъ, чтобы онъ его поправилъ. Это прекрасный молодой человѣкъ, вполне достойный любви за благородство своего образа мыслей. Я его рекомендую въ ваше распоряженіе, графъ. Держите его пока вамъ угодно. Вамъ будетъ пріятно имѣть въ своемъ распоряженіи курьера. Отъ сообщеній, которыя ваше сіятельство будете имѣть намъ сдѣлать, будетъ зависѣть—отправить ли его ко мнѣ въ Кишиневъ, въ Одессу или въ Петербургъ.

Тысячу разъ извиняюсь за эти каракули. Примите увѣреніе въ расположеніи вашего искренняго друга и слуги.

Каподистрія.

IV.

ПИСЬМО ГРАФА НЕССЕЛБРОДЕ КЪ ГРАФУ Ю. А. ГОЛОВКИНУ.

10/22 Mai. Godefroy.

Vous verrez, mon cher Comte, par le contenu de nos dépêches, que nous ne sommes guère moins allarmés qu'on ne l'est à Vienne sur la situation des affaires de France. Elles prennent en effet une tournure à reclamer nos plus sérieuses délibérations. Je Vous dirai, que l'Empereur partage à cet égard les appréhensions du Prince Metternich et nullement les opinions de l'individu que Vous avez cité dans Vos dépêches comme taxant le Baron de Vincent de trop voir les choses en noir et de s'exagérer les conséquences probables de la marche que suit le gouvernement depuis le changement de Ministère. Cet avis que mon amitié Vous devait, mon cher Comte, et que j'ai cru essentiel d'ajouter aux développements que renferment mes dépêches sur cet important sujet, Vous guidera dans vos conversations ultérieures avec le Prince Metternich, et je Vous engage beaucoup à ne point le perdre de vue.

Qu'il est dommage que Votre séjour dans ce beau pays soit troublé par les inquiétudes et les pressentiments que ne cesseront de Vous donner ces maudites affaires françaises. J'eusse désiré pour Vous le *calme* de votre Rheinfarth. Mais il me semble, que c'est un mot, que nous sommes destinés, nous et nos contemporains, à rayer de notre dictionnaire. Comme dans celui des personnes, auxquelles Votre Cour conserve affection et souvenir le nom de Gouriéff se trouve inscrit en grosses lettres, je n'ai pas besoin de Vous recommander une belle-soeur que Vous trouverez à Florence et qui sera sûrement flattée de Vous offrir dans vos moments de loisir une tasse de thé, une sonate de Steibelt et une conversation douce et agréable. Son mari est un bien brave garçon, qui ne sera pas sans intérêt pour les autrichiens par les détails qu'il pourra leur donner sur le Brésil, qu'il n'a que trop longtems habité. Présentez-le et recommandez-le de ma part au Prince de Metternich. Je vous en serai fort obligé.

D'ici je n'ai rien de bien nouveau à Vous mander excepté la nomination de M-r Speransky au poste important de gouverneur général de la Sibérie. Comme ancien inspecteur de ce pays infortuné cette nomination Vous intéressera sûrement.

Adieu, mon cher Comte, jouissez autant que vous pourrez de cette belle Italie, de ce délicieux climat, c'est toujours autant de pris sur l'ennemi, nous ici nous sommes encore affligé de plusieurs degrés de froid et d'une rivière couverte de glace.

Nesselrode.

St. Pétersbourg, 3/15 avril 1819.

Koudriaffskoy est placé dans nos bureaux.

ПЕРЕВОДЪ.

Вы увидите, любезный графъ, по содержанію депешъ, что мы нисколько не менѣе, чѣмъ въ Вѣнѣ, возмущены положеніемъ дѣлъ во Франціи. Въ самомъ дѣлѣ они принимаютъ оборотъ, вызывающій насъ на самыя серьезныя размышленія. Я вамъ скажу, что Императоръ раздѣляетъ по этому предмету опасенія князя Меттерниха, а вовсе не мнѣнія того господина, о которомъ вы говорите въ вашихъ депешахъ, и который находитъ, что баронъ Винцентъ видитъ вещи слишкомъ въ черномъ свѣтѣ и преувеличиваетъ вѣроятныя послѣдствія образа дѣйствій, которому слѣдуетъ правительство со времени смѣны министерства. Это указаніе, которое по своей дружбѣ къ вамъ, любезный графъ, я долженъ сообщить вамъ и которое я считаю существеннымъ дополненіемъ къ объясненіямъ, заключающимся въ моихъ депешахъ по этому поводу, будетъ руководить васъ при дальнѣйшихъ вашихъ разговорахъ съ княземъ Меттернихомъ и я васъ очень прошу не упускать его изъ виду.

Какъ жаль, что ваше пребываніе въ этой прекрасной странѣ омрачено безпокойствами и опасеніями, которыя вамъ не перестаютъ доставлять эти проклятыя французскія дѣла. Очень желалъ бы я вамъ спокойствія въ вашемъ Reinfahrt'ѣ; но кажется, что это слово всѣ мы, мы и наши современники, рѣшили выбросить изъ своего словаря. А такъ какъ въ словарѣ лицъ, къ которымъ вашъ дворъ сохраняетъ доброе расположеніе и добрую память, имя „Гурьевъ“ вписано крупными буквами, то мнѣ не надо реко-

мендовать вамъ одну мою родственницу, которую вы встрѣтите во Флоренціи, и которая, конечно, будетъ польщена возможностью предложить вамъ въ свободную вашу минуту чашку чая, сонату Стейбеля и пріятный и любезный разговоръ. Ея мужъ очень хорошій молодой человѣкъ и австрійцевъ онъ заинтересуетъ подробностями, которыя онъ можетъ сообщить о Бразиліи, гдѣ онъ пробылъ слишкомъ долго. Представьте его отъ моего имени и рекомендуйте князю Меттерниху. Я буду вамъ премного обязанъ.

Отсюда я не имѣю сообщить вамъ ничего хорошаго и новаго, кромѣ назначенія г. Сперанскаго на высокій постъ генераль-губернатора Сибири. Васъ, какъ давняго знатока этой несчастной страны, это назначеніе, конечно, заинтересуетъ.

До свиданія, любезный графъ; наслаждайтесь, сколько возможно прекрасною Италіей, прекраснымъ климатомъ; *c'est toujours autant de pris sur l'ennemi*; а мы здѣсь все еще страдаемъ отъ нѣсколькихъ градусовъ мороза и рѣки у насъ еще покрыты льдомъ.

Нессельроде.

Кудрявскій получилъ мѣсто въ нашей канцеляріи.

V.

ДВА ПИСЬМА А. БУТЕНЕВА КЪ ГРАФУ Ю. А. ГОЛОВКИНУ.

$\frac{28 \text{ Mai}}{9 \text{ Juin}}$

Heidelberg, le $\frac{27 \text{ Mai}}{8 \text{ Juin}}$ 1815 à midi.

Monsieur le Comte.

Dans l'incertitude si je serai réexpédié aujourd'hui je profite d'une estafette que le Général Neuffer envoie à Stuttgart, pour écrire quelques lignes à Votre Excellence.

Je suis arrivé ici hier à 8 $\frac{1}{2}$ de matin et j'ai remis sur le champ à M. le Prince Wolkonsky mes paquets pour l'Empereur et pour lui; un instant après il m'annonça que je ne serois pas réexpédié le même jour et que je devois me présenter le lendemain; ce matin le Prince m'a dit que l'Empereur ne lui avait encore donné aucun ordre à ce sujet, qu'il Lui en parleroit et que je devois revenir ce soir.

Je n'ai pas manqué de parler à Danileffsky, en votre nom, en le priant de faire placer M. de Mestral d'une manière qui lui convint mieux; il m'a assuré que le P-ce W. feroit tout ce qu'il pourroit pour obliger Votre Excellence; que d'ailleurs la chose n'étoit pas encore tout à fait décidée. Je croirais même que Votre lettre a déjà produit son effet; car le Général Stavrakoff (sic) commandant du quart. g-le est déjà ici depuis hier matin, sans que M-r de Mestral ait eû ordre de se rendre auprès de lui. M. de M. me charge de Vous exprimer sa reconnoissance pour ce nouveau témoignage de l'intérêt que Vous lui portez; il paroît déjà un peu orienté et se plaie ici, toute la Suite du P-ce lui fait très bon accueil.

Heidelberg est tellement encombré, que Sa Majesté l'Empereur s'est trouvé très mal logé en ville les deux premiers jours et habite depuis hier soir une petite maison de campagne sur les bords du Necker; il n'y a que le P-ce Wolkonski et Danileffsky avec Sa Majesté, tous les autres restent en ville. Aujourd'hui jour de l'ascension (вознесенья), l'Empereur a entendu la messe. Hier les équipages de S. M. sont arrivés, ainsi qu'une grande partie du quartier-g-l. Le G-l Varnbühler est venu ici hier soir pour complimenter LL. MM. II.; il repart demain matin pour se rendre auprès du P-ce Royal à Bruchsal.

Le C-te Balmain est arrivé hier soir en courrier de Londres, a remis ses paquets et a reçu ordre d'attendre le comte Nesselrode, qui doit arriver d'un instant à l'autre. Il m'a dit, qu'il doit se trouver des lettres du Comte de Lieven à Votre Excellence, mais qu'elles se trouvent sous le couvert du c-te de Nesselrode et les paquets ne seront guère ouverts avant son arrivée, il m'a dit aussi, que le Comte de Lieven s'était assiduellement occupé de Votre commission pour le service, qu'il en a vu déjà quelques pièces et que cela sera d'un gout charmant.

Впрочемъ, вовсе неизвѣстно, скоро ли начнутся военныя операціи и на какомъ пунктѣ: только то извѣстно, что російская армія прибудеть на Рейнъ днями восемью или десятью ранѣе, нежели полагали, то-есть около 16-го или 18-го іюня по нашему стилю. Генераль Толь назначенъ генераль-квартирмейстеромъ при Его Ве-

личествѣ, подѣ начальствомъ, однакожь, князя Петра Михайловича.— На сихъ дняхъ ждутъ сюда короля Прусскаго и тогда будетъ общій военный совѣтъ. Вреде каждый день здѣсь бываетъ. Обѣ кронпринцѣ не слышно, приѣдетъ ли сюда.

Peut-être ce soir je serai réexpédié, mais dans tous les cas cette lettre me précèdera. J'ai retrouvé beaucoup de connaissance ici, le pays est délicieux, mais je Vous assure, Monsieur le Comte, bien sincèrement que je désire déjà vivement de me retrouver à Stuttgart.

J'ose vous supplier de me rappeler au souvenir de la Sociéé est d'agréer l'hommage sincère des sentimens inaltérables de profond respect et de parfait devouement que je vous ai voués, Monsieur le Comte, à tant de titres.

A. Bouteneff.

P. S. M. de Mestral et moi, nous osons vous prier de vouloir bien faire nos complimens à M. de Rückmann.

ПЕРЕВОДЪ.

Гейдельбергъ $\frac{27 \text{ Мая}}{8 \text{ Июня}}$ 1815 въ полдень.

Графъ.

Не зная, отправятъ ли меня сегодня обратно, я пользуюсь нарочнымъ, котораго генераль Нейфферъ посылаетъ въ Штутгартъ, чтобы написать вашему сіятельству нѣсколько строкъ.

Я прибылъ сюда вчера въ 8^{1/2} ч. утра и тотчасъ передалъ князю Волконскому мои пакеты для Императора и для него, сейчасъ же послѣ этого князь объявилъ мнѣ, что я не буду посланъ снова въ тотъ же день, и что я долженъ явиться завтра; сегодня утромъ князь сказалъ мнѣ, что Императоръ не далъ еще ему по этому дѣлу никакого приказанія, и что сегодня вечеромъ я долженъ явиться вновь.

Я не преминулъ поговорить отъ вашего имени съ Данилевскимъ, прося его распорядиться о назначеніи де-Местрала наиболѣе подходящимъ для него образомъ; онъ сказалъ мнѣ, что князь Волконскій сдѣлаетъ все возможное, чтобы оказать услугу вашему сіятельству, но что, впрочемъ, дѣло еще не вполне рѣшено. Однако я

склоненъ думать, что ваше письмо уже произвело свое дѣйствіе, такъ какъ генераль Ставраковъ (sic), начальникъ главной квартиры, находится уже здѣсь съ вчерашняго утра, а г. де-Местраль не получалъ приказанія явиться къ нему.

Г. де-Местраль поручаетъ мнѣ высказать вамъ его благодарность за это новое проявленіе вниманія, которое вы ему оказываете; онъ, кажется, уже немного ориентировался и съ удовольствіемъ живетъ здѣсь; вся свита князя относится къ нему очень хорошо.

Въ Гейдельбергѣ столько народу, что даже для Его Величества Императора не нашлось хорошаго помѣщенія въ городѣ въ теченіе первыхъ двухъ дней, а со вчерашняго вечера онъ живетъ въ маленькомъ загородномъ домѣ на берегу Неккера; при Его Велиествѣ находятся лишь князь Волконскій и Данилевскій, всѣ остальные живутъ въ городѣ. Сегодня праздникъ Вознесенья; Императоръ былъ у обѣдни. Вчера прибыли экипажи Его Величества и бѣлая часть главной квартиры. Генераль Варибюлеръ пріѣзжалъ вчера привѣтствовать Ихъ Императорскія Величества; завтра утромъ онъ ѣзжаетъ къ кронпринцу въ Брюхзаль.

Графъ Бальманъ прибылъ курьеромъ изъ Лондона, вручилъ свои пакеты и получилъ приказаніе дожидаться графа Нессельроде, который долженъ пріѣхать съ минуты на минуту. Онъ передалъ мнѣ, во первыхъ, что должны быть письма отъ графа Ливепа къ вашему сіятельству, но что они лежатъ въ конвертѣ на имя графа Нессельроде, а пакеты не будутъ вскрыты до его пріѣзда, и вторыхъ, что графъ Ливенъ усердно занимался вашимъ порученіемъ на счетъ сервиза, нѣсколько предметовъ изъ котораго онъ уже видѣлъ и который будетъ чуднаго вкуса.

(Далѣе по-русски).

Можетъ быть, я буду посланъ обратно сегодня вечеромъ, но во всякомъ случаѣ письмо это предупредить меня. Я нашелъ здѣсь много знакомыхъ, страна очаровательна, но совершенно искренне увѣряю васъ, графъ, что я уже сильно желаю вернуться въ Штутгартъ.

Осмѣлюсь просить васъ напомнить обо мнѣ знакомымъ и принять искреннее увѣреніе въ неизмѣнныхъ чувствахъ глубокаго ува-

женія и совершенной преданности, которыя я вамъ, графъ, неоднократно свидѣтельствовалъ.

А. Бутеневъ.

P. S. Г-нъ де-Местраль и я осмѣливаемся просить васъ привѣтствовать отъ нашего имени г-на де-Рюксманна.

23 Juin.

Zurich, le 8/20 Juin 1815 minuit.

Monsieur le Comte.

Mon départ se trouvant encore différé, à mon grand regret, je ne veux pas tarder à transmettre les incluses à Votre Excellence, qui sont parvenues hier à M. de Krüdener et dont j'espérois être le porteur. Ce n'est plus la ratification anglaise qui suspend ma réexpédition, car M. Canning a reçu de son gouvernement l'avis, que la convention du 20 mai avoit bien été entièrement approuvée, mais que la ratification ne lui seroit transmise qu'à la première occasion, qui se présenteroit; M. de Krüdener, de concert avec M. de Schrant, ministre d'Autriche s'est donc décidé à ne pas l'attendre aussi longtems et à procéder à l'échange, dès que le ministre de Prusse, qui est dans ce moment à Neufchatel, auroit envoyé ici la sienne. C'est demain qu'on l'attend, et si elle rentre en effet, j'espère pouvoir me mettre en route dans la nuit de demain ou du moins dans la journée d'après demain, 22. du c. t.

Aujourd'hui on a reçu ici la nouvelle du commencement des hostilités du côté de Genève: un détachement de Français, du corps du g-l Desaix, s'est avancé le 17 contre Carouge; les Piémontais qui y étoient en petit nombre, se sont repliés sur Thonon, après quelque résistance. Les Français sont entrés à Carouge et ont poussé leurs avant-postes presque à une petite lieue de Thonon; les Piémontais se sont bien montrés et leur retraite n'est d'aucune conséquence, parce que les Autrichiens s'avancent rapidement par le Simplon et doivent déjà être à St.-Maurice sur le lac de Genève; après demain le F.-M.-L. Crenneville, qui commande la 1-re colonne, doit arriver à Genève. L'approche rapide des Autrichiens par le Simplon ne parait pas avoir été prévue en France, et d'après des lettres reçues ce matin de Basle, la plus grande

partie des troupes françaises, postées à Huningue et environs, en a été subitement retirée pour aller probablement renforcer les corps du M-l Suchet et du général Desaix. Quelque soient leurs préparatifs de défense et d'armements, on ne croit pas que les Français soient en mesure, de ce côté-là, de tenir tête aux colonnes Autrichiennes, arrivant à la fois par Genève, sous les ordres du F.-M.-L. Crenneville, et par le m-t Cénis sous le F.-M.-L. Bubna, d'autant plus que les habitants du Dauphiné, de la Bresse et surtout du Midi n'attendent, à ce qu'on assure de toute part, qu'un point de ralliement pour se soulever. Dans toutes ces contrées, non seulement il n'y a pas eû de corps francs organisés, mais la levée des gardes nationales a souffert des obstacles presque invincibles; il est vrai qu'il n'en est pas de même en Bourgogne, en Alsace et en Lorraine, mais les Alliés serout là pour y mettre bon ordre. Le prince de Hohenzollern est à Lörrach depuis le 17 et toutes les troupes autrichiennes paroissent se préparer au passage du Rhin. Comme il n'arrive plus de papiers ni lettres de France, on ne sait pas si Bonaparte a quitté Paris: j'ai entendu assurer à quelques officiers français, qui ont passé ici pour se rendre à Gand, que Napoléon avoit sérieusement le projet de défendre Paris, mais on a peine à croire à une résolution aussi insensée: d'après leur dire toutes les villes et presque tous les villages sur les grandes routes militaires sont devenues autant de places fortes ou fortifiées tant bien que mal, l'artillerie n'y manque pas, celle de la marine y a suppléé; mais malgré toute l'activité de Bonaparte, il n'a pas remonté sa cavallerie, et il ne sauroit, selou leur calcul, avoir dans toutes ses armées plus de 30 m. chevaux, c.-à-d. le quart de celle que possèdent les alliés, sans parler de l'énorme différence pour la bonté des chevaux. Mais tous s'accordent à dire, que plutôt les alliés entreront et moins ils éprouveront de difficultés et de résistance: de plus longs retards ne peuvent qu'augmenter les obstacles et les moyens de défense de Bonaparte.

C'est par M. de Talleyrand, frère du Ministre de Louis XVIII, se rendant par le quart. g-l imp-l à Gand que j'envoie ce paquet, qu'il remettra à son passage par Stuttgart. Je n'ai que le tems

de supplier Votre Excellence d'excuser mon griffonage et d'agr er l'hommage des sentiments de profond respect et de parfait d vouement que je lui ai consacr s.

A. Bout neff.

P. S. M. de Kr dener me prie de Vous pr senter ses hommages.

ПЕРЕВОДЪ.

23 Іюня.

Цюрихъ, 8/20 Іюня 1815. Полночь.

Ваше Сіятельство.

Такъ какъ къ моему великому сожал нію отъѣздъ мой еще отложенъ, то я не хочу медлить отсылкою къ вашему сіятельству заключенныхъ зд сь бумагъ, которыя пришли вчера отъ г. Криденера и которыя я над ялся самъ отвезти. Теперь уже не англійская ратификація задерживаетъ мое отправленіе, такъ какъ г. Каннингъ получилъ отъ своего правительства сообщеніе, что конвенція 20-го мая вполн  одобрена, но что ратификація будетъ доставлена къ нему при первой представившейся okazji; г. Криденеръ по соглашенію съ г. Шрантомъ, австрійскимъ министромъ, р шилъ однако не ждать бол е такъ долго и приступить къ обм ну ратификаціи, какъ только прусскій министръ, который теперь въ Невшатель, пришлетъ сюда свою. Ея ожидаютъ зд сь завтра и—если она прибудетъ д йствительно—я над юсь быть въ состояніи тронуться въ путь завтра въ ночь или по крайней м р  утромъ посл  завтра, то-есть, 22 тек. м.

Сегодня зд сь получены изв стія о начал  военныхъ д йствій со стороны Женевы: французскій отрядъ, изъ корпуса ген. Десе, 17-го двинулся на Каружъ; пьемонтцы, которые находились тамъ въ небольшомъ количеств , посл  н котораго сопротивленія отступили къ Тонону. Французы выступили въ Каружъ и выдвинули свои аванпосты ближе, нежели на одно ль  отъ Тонона; пьемонтцы держались хорошо и ихъ отступленіе не будетъ им ть никакихъ посл дствій, потому что австрійцы быстро подвигаются черезъ Сямлопъ и должны уже быть въ С.-Морис  на Женевскомъ озер : посл  завтра ф.-л. Кренневилль, который командуетъ пер-

вою колонною, долженъ быть въ Женевѣ. Во Франціи, кажется, не предвидѣли быстрого наступленія австрійцевъ черевъ Симплонъ и, судя по письмамъ, полученнымъ сегодня изъ Базеля, большая часть французскихъ войскъ, расположенныхъ въ Гуннингѣ и въ его окрестностяхъ, внезапно отступила, вѣроятно, чтобы идти на подкрѣпленіе корпусовъ маршала Сюше и генерала Дезе. Каковы бы ни были ихъ приготовленія къ защитѣ и въ вооруженіи, не думаютъ, чтобы съ этой стороны французы были въ состояніи задержать австрійскія колонны, наступающія сразу черезъ Женеву, подъ начальствомъ ф.-л. Кренневила, и черезъ гору Сенисъ, подъ командой ф.-л. Бубны, тѣмъ болѣе, что жители Дофинэ, Брессы и, особенно, юга только и ожидаютъ, какъ всѣ увѣряютъ, прихода (австрійцевъ), чтобы возстать. Во всей странѣ не только не было организовано вольныхъ отрядовъ, но даже сборъ національной гвардіи представилъ препятствія почти непреодолимая; правда, что иначе было дѣло въ Бургундіи, въ Эльзасѣ и въ Лотарингіи, но тамъ будутъ союзники, чтобы водворить тамъ должный порядокъ. Принцъ Гогенцоллернъ съ 17-го въ Лоррахѣ, и всѣ австрійскія войска, по видимому, готовятся къ переходу черезъ Рейнъ. Такъ какъ изъ Франціи не приходитъ сюда болѣе ни писемъ, ни бумагъ, то неизвѣстно, покинулъ ли Бонапартъ Парижъ; я слышалъ отъ нѣкоторыхъ офицеровъ, которые явились сюда, чтобы отправиться въ Гентъ, что Наполеонъ серьезно имѣлъ намѣреніе защищать Парижъ, но почти не вѣрятъ въ рѣшеніе столь безразсудное; по словамъ всѣхъ, города и почти всѣ деревни на военныхъ путяхъ сдѣланы болѣе или менѣе укрѣпленными пунктами, нѣтъ недостатка и въ артиллеріи; она пополнена съ флота; но не смотря на всѣ старанія Бонапарта, онъ не можетъ ремонтировать своей конницы и не можетъ, по ихъ расчету, имѣть во всемъ своемъ войскѣ болѣе 30 т. лошадей, то-есть, четверть того, что у союзниковъ, не говоря уже о громадномъ различіи въ достоинствѣ лошадей. Но все согласно свидѣтельствуется, что чѣмъ скорѣе вступятъ союзники, тѣмъ менѣе испытуютъ они затрудненій и задержекъ; замедленіе непременно увеличитъ препятствія для нихъ и средства борьбы у Бонапарта.

Я отправляю этотъ пакетъ черезъ г. Талейрана (брата министра Людовика XVIII), отправляющагося черезъ императорскую

квартиру въ Гентъ, — онъ оставитъ его при своемъ проѣздѣ черезъ Штутгартъ. Я же имѣю время лишь просить ваше сіятельство извинить меня за эти каракули и принять увѣреніе въ глубокомъ почтеніи и совершенной преданности.

А. Бутеневъ.

P. S. Г. Криденеръ проситъ меня засвидѣтельствовать вамъ его почтеніе.

VI.

ПИСЬМО БАРОНА А. КРИДЕНЕРА КЪ ГРАФУ Ю. А. ГОЛОВКИНУ

9 pr. estafette.

Zurich le ^{24 Avril}
_{6 Mai} 1815.

Monsieur le Comte.

Je prie Votre Excellence de recevoir mes remerciements les plus vifs pour la lettre dont Elle a bien voulu m'honorer et dans laquelle je me permets de trouver un témoignage flatteur de ses bontés pour moi. Je m'estime heureux d'avoir pu rencontrer Votre désir et faire une chose qui Vous convienne, Monsieur le Comte, en faisant passer par les mains de Votre Excellence les journaux que j'envoie à Vienne où, d'après des ordres réitérés que j'ai reçus, je dois les faire parvenir avec régularité. J'ai cédé à M. de Kauffmann la feuille du Jour pour le Roi son maître en attendant qu'il ait pu faire un abonnement.

Votre Excellence remarquera dans les Moniteurs d'aujourd'hui la Confédération Bretonne. Cette association jacobine qui n'a pu être formée sans but, me paraît une démonstration évidente des craintes qu'inspire la Vendée à laquelle on ne peut opposer d'autres forces que celle-là et qu'on prévoit devoir se soulever aussi bien que le Midi quand nous entrerons. Tous les rapports de Paris disent que le pouvoir de Bonaparte se limite de jour en jour par l'ascendant progressif des républicains, qui donnent de plus en plus le ton à l'opinion de Paris. Les principes de liberté individuelle et de liberté de la presse sont fortement saisis et les actes arbitraires deviennent difficiles et dangereux pour Bonaparte. L'armée même commence dit-on à se détacher de lui pour se laver

de l'opprobre dont elle s'est couverte aux yeux de la nation, et beaucoup des militaires disent que si Bonaparte veut encore régner en tyran, il ne régnera pas longtems. Les royalistes sont très contents parce qu'ils croient que ces dispositions peuvent tourner au profit du Roi. Dans les provinces les levées d'hommes et d'argent ne s'exécutent point et le peuple s'enhardit à refuser d'obéir à un gouvernement qu'il sait bien être illégitime et dont il prévoit la chute prochaine. Il me semble que tout cela favorise bien les alliés s'ils veulent agir avec promptitude et vigueur.

Notre Diète se tient toujours à sa coopération défensive, mais elle n'en sera pas moins la très humble servante des événements, ce qui me rassure.

Le Roi de Naples touche vraisemblablement au terme fatal de son illustre carrière. Il n'a plus que le choix de perdre une bataille ou de s'enfermer dans Ancône. Voilà le rêve du pal-frenier fini. Il en sera bientôt de même du rêve de domination universelle de son beau-frère.

Je supplie Votre Excellence d'agréer mon dévouement sans bornes et ma plus haute considération.

Le Barou de Krudener.

ПЕРЕВОДЪ.

9 черезъ курьера.

Цюрихъ, $\frac{24 \text{ апрѣля}}{6 \text{ мая}}$ 1815.

Ваше Сіятельство!

Прошу васъ принять мою живѣйшую благодарность за письмо, которымъ вы изволили меня почтить, въ которомъ я позволяю себѣ видѣть лестное свидѣтельство вашего расположенія ко мнѣ. Я почитаю себя счастливымъ, что я предупредилъ ваше желаніе и сдѣлалъ нѣчто пріятное вашему сіятельству, отправляя черезъ руки вашего сіятельства газеты, которыя отсылаю въ Вѣну, куда согласно повторительному приказанію, которое я получилъ, я долженъ отсылать ихъ регулярно. Я уступилъ г. Кауфману нумеръ „Jour“ для короля, его государя, въ ожиданіи, пока онъ абонируется на него.

Ваше сіятельство замѣтите въ сегодняшнемъ „Moniteur“ѣ извѣстіе о Бретонской копфедераціи. Это якобинское общество, ко-

торое не могло быть образовано безъ цѣли, кажется мнѣ серьезнымъ указаніемъ на опасности, какія представляетъ Вандея, которой нельзя противопоставить другихъ силъ, кромѣ тѣхъ, какія тамъ находятся, и которая, какъ предвидятъ, поднимется, равно какъ и югъ, едва мы вступимъ. Всѣ свѣдѣнія изъ Парижа говорятъ, что власть Бонапарта ограничивается день отъ дня вслѣдствіе прогрессивнаго усиленія республиканцевъ, которые все болѣе и болѣе даютъ тонъ обществу мнѣнію въ Парижѣ. Принципы личной свободы и свободы печати сильно дѣйствуютъ и произвольныя дѣйствія становятся для Бонапарта все труднѣе и опаснѣе. Говорятъ, что сама армія начинаетъ отпадать отъ него, чтобы смыть съ себя позоръ, каковымъ покрыта она въ глазахъ націи, и многіе военные говорятъ, что если Бонапартъ хочетъ еще господствовать какъ тиранъ, то онъ не процарствуетъ долго. Роялисты очень довольны, такъ какъ они думаютъ, что эти обстоятельства могутъ обратиться въ пользу короля. Въ провинціяхъ сборъ денегъ и людей не производится, и народъ готовъ отказать въ повиновеніи правительству, которое, какъ онъ хорошо знаетъ, незаконно, и котораго близкое паденіе всѣ предвидятъ. Мнѣ кажется, что все это очень благопріятно для союзниковъ, если только они захотятъ дѣйствовать рѣшительно и твердо.

Нашъ сеймъ все придерживается своего плана оборонительныхъ дѣйствій; но онъ тѣмъ не менѣе окажется покорнымъ слугою обстоятельствъ; это меня успокоиваетъ.

Король Неаполитанскій, какъ кажется, приближается къ печальному концу своей блестящей карьеры. Ему не остается другого исхода, какъ принять битву или запереться въ Авконѣ. Вотъ и конецъ мечтамъ конюха. То же скоро будетъ и съ мечтами его родственника о всемірномъ господствѣ.

Прошу ваше сіятельство принять выраженіе моей безграничной преданности и высочайшаго почтенія.

Баронъ Криденеръ.

ПИСЬМА

И. И. ДМИТРИЕВА КЪ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Господинъ предсѣдатель Общества ревнителей Русскаго Историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III, графъ Сергій Дмитріевичъ Шереметевъ, передалъ въ Общество для напечатанія въ *Старинны и Новизны* девяносто-пять писемъ Ивана Ивановича Дмитріева къ князю Петру Андреевичу Вяземскому, хранящихся въ Остафьевскомъ архивѣ.

Письма эти, обнимающія время съ 1810 по 1837 годъ, имѣютъ тѣсную и нераздѣльную связь съ письмами Карамзина также къ князю Вяземскому, напечатанными уже въ первой книгѣ *Старинны и Новизны*, ибо, какъ свидѣтельствуется князь Вяземскій, Карамзинъ и Дмитріевъ „вмѣстѣ прожили рука въ руку, душа въ душу, честное поприще дѣятельной жизни; и нынѣ изъ гроба нераздѣльво встаютъ они и являются вмѣстѣ, какъ братья“. Когда получено было въ Петербургѣ извѣстіе о кончинѣ Дмитріева, князь Вяземскій писалъ въ Москву: „Со смертію Дмитріева мы какъ будто во второй разъ погребаемъ Карамзина“.

Въ 1814 году И. И. Дмитріевъ, сойдя съ высокой ступени министра юстиціи, поселился навсегда въ Москвѣ. Еще до выхода въ отставку, онъ былъ озабоченъ приготовленіемъ пріюта для своей старости. Съ этою цѣлью онъ купилъ въ Москвѣ погорѣлое мѣсто, недалеко отъ Тверскаго бульвара и такъ называемаго Патріаршаго пруда, въ приходѣ св. Спиридонія, и приступилъ къ постройкѣ дома и разведенію сада. „Удивляюсь поэту“, писалъ онъ,—

„который равнодушенъ къ живописи, цвѣтамъ и деревьямъ, слѣдовательно, и къ природѣ. Одинъ дубъ, посаженный мною въ первое лѣто моего новоселья, доставляетъ мнѣ каждое лѣто новое удовольствіе: съ каждою весною нахожу его рослѣе и вѣтвистѣе. Посѣя цвѣточныя сѣмена, я ожидаю почти съ каждымъ утромъ пріятную себѣ новость. Вчера утѣшался всходомъ цвѣточнаго стебля; черезъ нѣсколько дней уже застаю его въ полномъ расцвѣтѣ. Украшеніемъ моего сада обязанъ я нѣкоторымъ изъ моихъ пріятелей, имѣющихъ сады или оранжереи. Подарокъ деревомъ или цвѣткомъ прочнѣе прочаго служитъ намъ памятникомъ дружбы или пріязни. Лугъ мой передъ домомъ украшается дикимъ каштаномъ: онъ подаренъ мнѣ былъ землякомъ моимъ Н. А. Дурасовымъ; мы еще въ дѣтскихъ лѣтахъ обучались въ Симбирскѣ въ одномъ училищѣ. Онъ уже давно скончался; но я и понынѣ, проходя мимо каштана, всякій разъ съ чувствомъ признательности вспоминаю его и наше дѣтство“.

М. А. Максимовичъ, въ своемъ „Перекати-полѣ“, вспоминая свою московскую жизнь, когда онъ, въ качествѣ профессора ботаники Московскаго университета, жилъ въ ботаническомъ саду, писалъ: „Возвращаюсь къ цвѣтамъ ботаническаго сада... Ради ихъ, каждую весну радовалъ меня своимъ посѣщеніемъ тогдашній старѣйшина литературный, Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ. Заставалъ онъ меня всегда въ домашнемъ неприборѣ, за письменнымъ липовымъ столомъ, оставленнымъ мнѣ на память княземъ Владиміромъ Федоровичемъ Одоевскимъ, при его переселеніи изъ Москвы въ Петербургъ. Обозрѣвая со мною въ саду цвѣточныя гряды и выставки наши, сановитый авторъ „Ермака“ каждый разъ говорилъ: „Пожалуйста, отберите для меня побольше ароматическаго“. И я нарочно для него, не довольствуясь геліотропами и розами, поручалъ садовнику выращивать по возможности все дышавшее мускусомъ и носившее на себѣ его имя—*incullus moschatus* и проч.“

„Въ Москвѣ, на Спиридоновкѣ“, пишетъ П. И. Бартевель, — „близъ Тверскаго бульвара и Патріаршихъ прудовъ, въ той части—города, гдѣ по преимуществу живутъ люди, принадлежащіе къ достаточному и образованному сословію, гдѣ тишина и нѣтъ суетливой торговли, возвышался среди обширнаго сада большой домъ

поэта и министра юстиціи Ивана Ивановича Дмитриева. Онъ самъ его выстроилъ въ 1814 году, вышедши въ отставку и поселившись въ Москвѣ, и самъ насадилъ вокругъ прекрасный садъ, изъ котораго, еще въ наши дни, раздавалось по окрестностямъ соловьиное пѣніе. Даже за два дня до кончины своей И. И. Дмитриевъ сажалъ акаціи возлѣ кухни, чтобы заслонить ее съ приѣзду. Домъ Дмитриева былъ деревянный, построенный изъ стоячихъ бревенъ, скрѣпленныхъ желѣзными обручами. Про него можно сказать, что и онъ былъ

Пріютъ, сіяніемъ музъ согрѣтый..

„Въ этомъ домѣ собирались представители ума, словесности и просвѣщенія, словомъ, вся пишущая братія, съ Прокоповича-Антонскаго до Гоголя включительно“. Князь же П. А. Вяземскій свидѣтельствуешь, что къ Дмитриеву собирались по вечерамъ „не только всѣ извѣстные литераторы, но и всякіе“. Дмитриевъ „не только отличалъ, ободрялъ молодыхъ дарованія, но когда могъ старался и давать имъ ходъ. Въ теченіе министерства своего онъ многихъ изъ нихъ призрѣлъ и зачислилъ по вѣдомству своему. Онъ говаривалъ, что во всякомъ случаѣ они грамотнѣй другихъ и могутъ правилнѣе написать дѣловую бумагу“. Мало того, въ Москвѣ Дмитриевъ „былъ очень популярень, особенно у людей по грамотной части. Къ нему прихаживали всѣ уличные поэты или шинельные, какъ онъ ихъ называлъ. Онъ благосклонно выслушивалъ ихъ стихи и помогалъ имъ денежными пособіями. Особенно жаловалъ онъ одного Фомина. Сей Фоминъ ходилъ всегда въ черномъ фланелевомъ капотѣ, вѣрно доставшемся ему, замѣчалъ Дмитриевъ, послѣ траурнаго церемоніала; за недостаткомъ пуговицъ капотъ сверху зашпиленъ былъ булавкою съ какимъ-то цвѣтнымъ камешкомъ. Дмитриевъ особенно любовался ею, угадывая, что она подарена была поэту кухаркою или прачкою, которую онъ воспѣлъ“.

Само собою разумѣется, Дмитриевъ былъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ и съ ученою братіею. Такъ, на примѣръ, когда извѣстный издатель *Сибирскаго и Азіатскаго Вѣстниковъ* и „Книги Большого Чертежа“ Григорій Ивановичъ Спасскій представилъ ему свой *Азіатскій Вѣстникъ*, то Дмитриевъ въ отвѣтъ своемъ писалъ: „Нѣтъ

сомнѣнія, чтобы *Азіатскій Вѣстникъ* не имѣлъ успѣха, равнаго успѣхамъ его предшественника (*Сибирскаго*), даже можно обѣщать еще и большаго: съ нѣкоторыхъ лѣтъ Азія обращаетъ на себя вниманіе всей ученой Европы. Вы можете много заимствовать изъ актовъ Азіатическаго Общества, существующаго въ Парижѣ, и изъ записокъ объ Азіи г. Клапрота, въ коихъ находятся двѣ довольно любопытныя статьи: 1) О границахъ Русской и Китайской и 2) Описаніе Россіи; переводы съ китайскаго. Относительно сего государства желательно было бы, чтобъ вы могли воспользоваться выписками изъ записокъ и переводовъ бывшаго архимандрита нашего Іакинфа. Простите меня, если я вмѣшался не въ свое дѣло. Одно только живѣйшее участіе во всемъ служить къ пользѣ и чести отечества заставило меня сказать, можетъ быть, больше, нежели сколько требовало приличіе“.

Прервавъ свою службу въ Варшавѣ въ 1821 году, князь П. А. Вяземскій поселился въ Москвѣ и всецѣло посвятилъ себя занятіямъ литературою. Въ это время онъ написалъ „Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева“. Прочитавъ это сочиненіе еще въ рукописи, И. И. Дмитріевъ остался имъ чрезвычайно доволенъ, и отъ избытка благодарнаго сердца написалъ слѣдующее четверостишіе:

Кого не увлечетъ талантъ сего поэта?
Ему никто не образецъ:
Онъ сыплетъ остротой, но завсегда мудрецъ
Еще въ младыя лѣта.

Четверостишіе это застало князя Вяземскаго въ Остафьевѣ, и онъ оттуда, 22-го сентября 1821 года, писалъ Дмитріеву: „Какъ возблагодарить мнѣ васъ за лестные стихи, коими ваше высокопревосходительство меня удостоили? Отнынѣ, въ самомъ дѣлѣ, пріялъ я печать Аполлона и могу сказать, что посвященъ рукою верховнаго его жреца“.

Когда, въ семидесятыхъ годахъ, я занимался, по порученію князя П. А. Вяземскаго, разборкомъ и описаніемъ его Остафьевскаго архива, среди бумагъ мнѣ попался листокъ на синей старинной бумагѣ, въ которомъ заключался цензурный отзывъ И. М. Снегирева объ „Извѣстіи о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева“. Листокъ этотъ

я тогда же представилъ князю Петру Андреевичу, съ просьбою, сдѣлать къ нему замѣчаніе. Просьба моя была исполнена, и такимъ образомъ мы теперь имѣемъ возможность познакомить читателей, какъ съ отзывомъ И. М. Снегирева, такъ и съ примѣчаніями къ оному князя П. А. Вяземскаго *). „Прочитавъ съ сердечнымъ участіемъ“, писалъ Снегиревъ, — „новое произведеніе нашего писателя, я долженъ бы начать свои замѣчанія похвалами. Но что значать похвалы неизвѣстнаго человѣка? Прибавятъ ли онѣ что-либо къ славѣ извѣстнаго автора? Освобождаю себя отъ восклицовеній простодушныхъ и заказныхъ; для слуха правдиваго они несносны; это дань лести суетному честолюбію; авторъ же другъ истины; скажу лучше чистосердечно свои мысли о нѣкоторыхъ недостаткахъ, какіе я замѣтилъ, прочитавъ про себя и вслухъ его сочиненіе.

„По моему мнѣнію, котораго впрочемъ не выдаю за приговоръ, все сочиненіе занимательно, исполнено мыслей новыхъ, свѣтлыхъ и рѣзкихъ. Жизнеописатель достоинъ описуемаго имъ мужа. Желательно только, чтобы въ планѣ было болѣе порядка, въ переходахъ болѣе постепенности, въ отступленіяхъ болѣе краткости и соотвѣтственности предмету. Сочинитель на пути своемъ къ предположенной цѣли безпрестанно останавливается, кланяется и разговариваетъ съ знакомыми и тѣмъ замедляетъ путь свой, уклоняется отъ главной цѣли. Постороннія мысли иногда затемняютъ у него главный предметъ: полный мыслей и чувствованій, онъ изливаетъ ихъ съ избыткомъ, забывая мудрую бережливость. Иное довольно намекнуть; что же остается читателю? Къ чему бы, напримѣръ, говоря о слогѣ Дмитріева, приводитъ примѣры изъ Боссюета ¹⁾. Біографъ долженъ быть пристрастенъ къ одной истинѣ, а не къ своему герою и не долженъ быть знакомъ удивленія: изображать дѣлами, а не словами. Онъ пишетъ для потомства, а повторяетъ нѣсколько разъ въ разныхъ мѣстахъ о личныхъ неудовольствіяхъ и дѣлаетъ намеки, понятные для современниковъ, и то для немногихъ. Частный кругъ одного общества не есть всемірный ²⁾.

„Остроты прекрасны у мѣста, и нашъ писатель по справедливости названъ *остроумнымъ*. Но, увя! какъ часто отъ остроты ума

*) Примѣчанія князя Вяземскаго помѣщаются вслѣдъ за сею статью подъ №№ 1, 2, 3, 4 и 5.

гаснеть жаръ сердца; а историкъ, пишущій не для однихъ современниковъ, долженъ быть безстрастнымъ: милая, высокая простота въ жизнеописаніи болѣе нравится, чѣмъ желаніе блистать островами, сколь бы онѣ ни были потѣшны³⁾). Еще скажу, что у біографа слишкомъ много *эпитетовъ*; нѣкоторые умные писатели говорятъ, будто они показываютъ упадокъ словесности. Многія сочиненія, показанныя изъ-подъ полы, читанныя въ кругу друзей любимымъ писателемъ, нравятся, плѣняются, занимая остроуміемъ и намеками, для нихъ только понятными, а для писателя интересными; но какъ выдутъ на свѣтъ, не то производятъ дѣйствіе, не такими кажутся на чужіе глаза. Странными и высканными кажутся мнѣ нѣкоторые обороты, или лучше сказать, словоизвитія; на примѣръ, *проскакиваютъ признаки, стихи мастерски выбиты, рѣшительный цветъ*. Одна новость, какъ дитя причудливости и своенравія, не составляетъ достоинства въ писателѣ; щеголяя ею, можно быть страннымъ. Въ нѣкоторыхъ словахъ нѣтъ точности и опредѣленности; я осмѣлился ихъ замѣтить⁴⁾. *Есть періоды* (ихъ немного) *слишкомъ обширные* и спутанные, гдѣ трудно найти зависимость главныхъ частей отъ постороннихъ и на оборотъ; въ расположеніи частей нѣтъ стройности и соразмѣрности. Это видно при чтеніи⁵⁾.

„Кромѣ мнѣнія объ указѣ, выходки противъ рабства (чужой пословицы) и еще нѣкоторыхъ рѣзкихъ выраженій, безъ коихъ, кажется, можно бы обойтись, я думаю, что нѣтъ ничего противнаго вѣрѣ и правительству, слѣдовательно, и цензурѣ. Читателямъ классиковъ, вѣроятно, покажется возмутительною для совѣсти выходка противъ классической словесности, увѣковѣченной въ школахъ всѣхъ народовъ тысячелѣтіями. Но это споръ нерѣшенный! Можетъ всякой думать, какъ угодно. *Умъ любитъ просторъ*, говорятъ пословица; изъ споровъ наконецъ прозябаетъ истина. Жалко только, что у насъ критика не разлучна съ насмѣшкою и личною сатирою, а часто даже и съ бранью! Мнѣніе и личность будто одно и то же?“

За симъ слѣдуютъ слѣдующія примѣчанія князя П. А. Вяземскаго:

1) „Не знаю, вѣмъ писано, но, кажется, писано по поводу біографической статьи моей о Дмитріевѣ. Довольно строго, но часто довольно вѣрно.

Очень справедливо. Но въ этихъ отступленіяхъ, можетъ быть, есть и мой недостатокъ, и мое достоинство. Я всегда былъ пораженъ сухостью нашихъ критическихъ и біографическихъ статей: и легко увлекся черезъ край въ противоположную сторону.

2) Вотъ куда хватилъ! Да кто и думаетъ о всемірности? Довольно для нашего брата и одного общества.

3) Тупое, натянутое остроуміе не годится... Но если сказанное въ самомъ дѣлѣ остроумно, то это не бѣда.

4) Замѣчаніе объ излишествѣ эпитетовъ вѣрно. Михаилъ Вьельгорскій замѣчалъ въ этомъ во мнѣ сходство—разумѣется, не по таланту—съ Шатобріаномъ и на этомъ основаніи нѣкоторое сходство и въ почеркахъ нашихъ, то-есть, Шатобріановскомъ и моемъ. Гдѣ-то сказалъ я въ *Телеграфѣ*, что новѣйшимъ писателямъ только и осталось что эпитеты, то-есть, прилагательныя, а существительныя давно уже до насъ были всѣ высказаны.

5) *Длина моихъ періодовъ*, особенно въ то время, была въ самомъ дѣлѣ утомительна. Дмитріевъ часто журилъ меня за это. Я давалъ мыслямъ и словамъ развиваться какъ изъ клубка, или какъ эти деревянные чашечки, которыя въ старину дѣлались въ Троицѣ и вкладывались одна въ другую. Послѣ я нѣсколько исправился въ этой погрѣшности; но все же не совершенно. Во всякомъ случаѣ скажу безъ хвастовства и безъ *личнаго тщепріятія*, когда наступитъ время дѣловой оцѣнки литературной дѣятельности мнѣ современной, проза моя не будетъ забыта и войдетъ въ свою законную силу, не смотря на ея недостатки и неисправности частью невольныя, частью вольныя и умысленныя. Въ прозѣ моей есть фізіономія и самобытность. Она, разумѣется, не идетъ въ подметки прозѣ Карамзина и Жуковскаго, но именно тѣмъ и отличается, что пошла не ихъ дорогою, а своими проселками. Впрочемъ и Жуковскій иногда слишкомъ многовѣщателенъ и широковѣщателенъ. Онъ слишкомъ жуется и пережевываетъ мысль свою, подобно мнѣ. Пушкинъ въ прозѣ трезвъ иногда до сухости.

Въ мое время многіе писатели жили моимъ умомъ и моею манерою. Теперь совѣстятся и боятся сослаться на меня. Je suis comte non аvenu. Но со временемъ, когда меня не будетъ, а наступитъ потомство—да чортъ ли въ немъ—моя проза выплыветъ со

своими качествами и погрѣшностями, въ полной исторіи нашей литературы, если на такую исторію сыщется другой Карамзинъ“.

„Кто не слыхалъ Дмитріева“, писалъ князь Вяземскій, — „тотъ не знаетъ, до какого искусства можетъ бытъ доведенъ русскій разговорный языкъ“. Владѣя въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, Дмитріевъ говорилъ со всѣми *исключительно* по русски, объ этомъ засвидѣтельствовалъ Жуковскій въ своей Памятной Запискѣ для Императрицы Александры Ѳеодоровны предъ путешествіемъ ея въ Москву. „Никогда не прощу себѣ“, писалъ князь Вяземскій самому Дмитріеву, — „что я не былъ въ Москвѣ вашимъ тайнымъ письменнымъ шпиономъ для потомства, вашимъ Ласкарисомъ. Сколько бы сокровищей было теперь въ моемъ меморіалѣ! Да то и бѣда, что русскій чловѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ. Спыхватился, да поздно. Теперь и радъ бы записывать разговорныя достопамятности, но записывать нечего“.

Впослѣдствіи князь Вяземскій писалъ В. Н. Карамзину: „Разговоры Дмитріева были болѣе личные и анекдотическіе. Онъ все помнилъ о себѣ: живо помнилъ то, чтѣ видѣлъ, и живописно обрисовывалъ дѣйствія и лица, которыхъ зналъ и встрѣчалъ. Разговоръ его былъ живыя записки со всею ихъ современною обстановкою“.

Самъ Пушкинъ „нерѣдко бывалъ строгъ и несправедливъ къ поэту Дмитріеву, но всегда увлекался остроумною и любезною рѣчью его“. Такъ что Записки И. И. Дмитріева представляютъ только скелетъ его живыхъ разговоровъ. Записки же свои, замѣчаетъ князь Вяземскій, — Дмитріевъ писалъ „въ мундирѣ“, и къ нимъ „должно приложить *словесныя прибавленія*, заимствованныя изъ разговоровъ, обыкновенно откровенныхъ, особливо же въ избранномъ кругу“.

Безстрастное лицо и медленная рѣчь,
А слушателя онъ умѣлъ съ собой увлечь,
И поучалъ его, то трогалъ — какъ придется,
Иль со смѣху морилъ, а самъ не улыбнется.
Какъ живо памятны мнѣ эти вечера,
Сдается, старца я заслушался вчера.

Такъ поминалъ князь П. А. Вяземскій, въ 1860 году, И. И. Дмитріева, склоняясь уже самъ къ западу жизни своей.

Николай Барсуковъ.

8 Сентября 1897 г.
Село Михайловское.

1.

Милостивый государь мой, князь Петръ Андреевич!

Чувствительно благодарю васъ за пріятное хоть и съ лишкомъ церемонное письмо ваше ¹⁾).

Увѣряю васъ съ обыкновеннымъ моимъ чистосердечіемъ, что я отъ всей души желаю вамъ возможнаго благополучія; что я почелъ бы себя счастливымъ, если бы могъ быть въ чемъ-нибудь для васъ полезнымъ, и что я съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь мой, вашего сіятельства, покорнѣйшій слуга Ивапъ Дмитріевъ.

С.-Пб. 1810-го, сентября 19-го.

2.

Милостивый государь мой, князь Петръ Андреевич!

Чувствительно благодарю васъ за честь, которою ваше сіятельство почтили меня, увѣдомляя о вашей помолвкѣ. Эту честь копечно я заслужилъ по праву только искренпей дружбы къ вашему батюшкѣ: почему и не сомнѣваюсь, чтобы вы не были увѣрены о участи моемъ во всемъ томъ, что относится и до любезнаго его сына ²⁾). И такъ, примите отъ меня искренное поздравленіе съ исполненіемъ вашихъ желаній; примите равномѣрно и неслестное увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, любви и привязанности къ вамъ вашего сіятельства покорнѣйшаго слуги Ивана Дмитріева.

Санктпетербургъ, 1811, сентября 11-го дня.

3.

Покорнѣйше прошу васъ, любезный князь Петръ Андреевичъ, пожаловать ко мнѣ откушать во вторникъ; вмѣстѣ съ старыми пріятелями и новопріѣзжими ипогородцами очень радъ будетъ васъ видѣть искренній вашъ почитатель И. Дмитріевъ ³⁾.

4.

И сію только минуту возвратился отъ молодаго Сѣверина ⁴⁾, съ которымъ странствовалъ на Воробьевы горы. Не смѣю ласкать себя свиданіемъ съ вами; но буду очень, очень жалѣть, если, не выдавъ другъ друга, разстанемся, и въ такомъ случаѣ прошу васъ принять искренное мое желаніе, чтобы вы благополучно доѣхали и возвратились; поцѣловать за меня Николая Михайловича и сказать мое почтеніе Катеринѣ Андреевнѣ, Софьѣ Николаевнѣ и Катеринѣ Николаевнѣ ^{*}). Сегодня я писалъ къ нимъ чрезъ почту. Всѣмъ сердцемъ васъ обнимаетъ вашего сіятельства покорнѣйшій слуга И. Дмитріевъ.

5.

Хотя

Не занимаясь во вѣкъ о рангахъ споромъ,
Рафаель не бывалъ коллежскимъ ассесоромъ,

но другой вѣкъ, другіе нравы, и я отъ всего сердца поздравляю васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, съ полученіемъ монаршей милости, не смотря на то, что ваша новая служба убавить, можетъ быть, число валичныхъ по сердцу моему пріятелей ⁵⁾.

Благодарю васъ за доставленіе поэмы Жуковскаго и поздравляю Любителей Россійской Словесности съ хорошею книгою ⁶⁾; поздравимъ и Василья Львовича: вчера онъ пріѣзжалъ ко мнѣ прочитатъ восемь стиховъ къ графинѣ Пушкиной, которые онъ

^{*}) Карамзинъ.

называетъ Елвоі, и прочтя ихъ, очень смѣялся ⁷⁾. За тѣмъ свидѣтельствуемъ вамъ искреннее свое почтеніе преданнѣйшій вамъ Дмитріевъ.

Москва, сентибри 5 1817.

6.

Ежели бы это было въ прошломъ году, то рѣшительно сказалъ бы вамъ, любезнѣйшій князь Петровичъ (sic): съ удовольствіемъ буду. Теперь же по неволѣ скажу вамъ съ условіемъ: если не пригласятъ меня къ придворному обѣду. Въ такомъ случаѣ прїѣду къ вамъ прямо оттуда. Между тѣмъ поздравляю васъ съ милымъ имениникомъ и съ душевною привязанностію пребуду къ вамъ навсегда преданный Дмитріевъ ⁸⁾.

6 декабря (1817).

7.

Москва. 1818, марта 28.

Не могу изъяснить, сколько я признателенъ вамъ, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, что вы и посреди ликующей Варшавы вспомнили уединеннаго москвича и даже утѣшили его сообщеніемъ новостей весьма любопытныхъ. Всѣмъ сердцемъ благодарю васъ и прошу одолжать меня и впредь подобными гостинцами. Желалъ бы я видѣть хотя одинъ изъ лучшихъ голосовъ, читанныхъ на Сеймѣ: лучшихъ, разумѣю, по важности предмета или по краспорѣчию ⁹⁾.

Теперь я догадываюсь, отъ чего запылъ добрый староста: *) онъ вѣрно потѣетъ падъ польскими баснями, при помощи Линдева лексикона. Буду передъ нимъ скромничать: авось онъ выдастъ которую-нибудь изъ нихъ за свою въ первомъ собраніи.

Исторія нашего любезнаго исторіографа у всѣхъ въ рукахъ и на устахъ: у просвѣщенныхъ и профановъ, у словесниковъ и словесныхъ, а у автора уже нѣтъ ни одного экземпляра. Примѣрное торжество русскаго умодѣля!

*) В. І. Пушкинъ.

И слышалъ о случившемся съ вами въ дорогѣ, по въ то же время утѣшенъ былъ и тѣмъ, что пропажа отыскана. Желалъ бы, чтобы первое *прояснилось* или послѣднее подтвердилось.

Между тѣмъ, поручая себя въ продолженіе вашей пріязни, съ искреннимъ почтеніемъ и привязанностью имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. Иванъ Дмитріевъ.

Р. S. Покорнѣйше прошу васъ засвидѣтельствовать милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ мое искреннее почтеніе и приказать доставить прилагаемое при семъ письмо Степану Петровичу ¹⁰⁾.

8.

Простите меня, любезный князь Петръ Андреевичъ, что я, вопреки собственному желанію, такъ долго къ вамъ не писалъ. Разныя непріятныя обстоятельства тому причиною. Я имѣлъ несчастіе потерять отца ¹¹⁾, потомъ получилъ извѣстіе о вдовствѣ бѣднаго Сѣверина, который пять мѣсяцевъ только былъ счастливъ. Жена его въ 10 часовъ вечера была здорова и веселѣ обыкновеннаго, а въ два часа ночи ея уже не стало. Онъ и теперь въ глубокой печали. Сказываютъ, что графъ Каподистріа беретъ его съ собою за границу. Можетъ быть, они уже въ дорогѣ.

По отбытіи двора я совершенно осиротѣлъ въ любезныхъ моихъ собесѣдникахъ. Съ нимъ и послѣдній Жуковской меня оставилъ. Теперь опять самъ-другъ съ княземъ Шаликовымъ. Пушкинъ въ Козельскѣ щупаетъ пульсъ у своей тетуски *), а Сонцевъ въ Каширскихъ дубравахъ груститъ объ отсутствіи К. Н. П...ы и С. С. А. ¹²⁾. Съ любезнымъ Карамзинымъ отчаяваюсь скоро увидѣться. Между тѣмъ, не могу сохранять равнодушія, читая въ *Вѣстникѣ* разныя на счетъ его колкости, и дивлюсь, какъ г. попечитель позволяетъ пропускать ихъ. О критикѣ ни слова, но подшпыливать и оскорблять исторіографа совсѣмъ неприлично. Увѣренъ, что ни онъ не будетъ отвѣчать, ни другіе за него вступаться, и очень о томъ жалѣю ¹³⁾.

Я благодаренъ вамъ, что вы позволили А. Булгакову сообщать

*) Варвары Васильевны Чичериной.

мнѣ листочки о Польскомъ сеймѣ, но былъ бы еще болѣе благодаренъ, еслибы подарили и меня полнымъ журналомъ. Мнѣ хотѣлось бы дополнить имъ собраніе политическихъ книгъ въ моей библіотекѣ.

За тѣмъ, поручая себя лестной для меня вашей пріязни и свидѣтельству вамъ и милостивой государыни княгини Вѣры Оедоровны искреннее мое почтеніе, навсегда имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Москва. 1818, августа 5.

Р. С. Дашковъ статскій совѣтникъ, а Батюшковъ надворный и въ Неаполь.

9.

Тысячу благодарностей за послѣднее ваше письмо, любезный князь Петръ Андреевичъ, и за обѣщаніе прислать журналъ Польскаго сейма. Я очень желаю имѣть его въ числѣ политическихъ книгъ. По разселеніи друзей моихъ и пріятелей по разнымъ странамъ свѣта Москва сдѣлалась для меня совсѣмъ чужбиною. Боюсь, чтобы Каченовской и вдалась не охолодилъ меня къ ней: онъ рѣшительно посягнулъ на кроткаго исторіографа; хочеть слѣдовать за нимъ шагъ за шагомъ; ученое войско его безъ сомнѣнія будетъ многочисленно, не считая чтецовъ всякихъ книжекъ, которыхъ онъ легко можетъ склонить также на свою сторону. А исторіографа беретса защищать одинъ только Василій Львовичъ своимъ бильбоке, яко Давидъ своею пращею!! Всѣ прочіе други и приверженцы прижались съ нѣжностью къ своимъ твореніямъ. Слава и честь безкорыстному, усердному рыцарю!

Шутки въ сторону, кто бы изъ насъ за пять лѣтъ могъ представить себѣ, что Карамзинъ будетъ говорить рѣчь въ торжественномъ собраніи Русской Академіи, которая такъ долго не хотѣла усыновлять его, которой президентъ такъ долго и много писалъ противъ его. А профессоръ Московскаго университета, искавшій нѣкогда его знакомства, единственно по уваженію его таланта, почитавшій его образцовымъ для себя писателемъ, не клянется быть гонителемъ славы его, и когда же? Въ то время, какъ Франція,

Германія обратили вниманіе свое едвали не въ первый разъ къ русскому автору! Въ то время, когда присный Николая Михайловича, возлюбленный сердцу его родственникъ, благочестивый князь Андрей Петровичъ начальникомъ университета!! ¹⁴⁾.

Не знаю, извѣстны ли вы, что преосвященный Филаретъ и Жуковской предложены къ избранію въ члены Русской Академіи. Вчера получилъ я требованіе моего согласія — разумѣется, что я далъ отъ всего сердца.

Ужели любезный нашъ поэтъ ви разу не настраивалъ въ Варшавѣ отечественную лиру? Я не повѣрю тому, и былъ бы очень радъ, еслибы вы при случаѣ сообщили мнѣ новыя ваши произведенія ¹⁵⁾. Между тѣмъ совѣтовалъ бы вамъ ознакомиться и съ польскою словесностію, а потомъ и насъ познакомить съ ихъ авторами. Краткое ваше обозрѣніе польской словесности было бы любопытнымъ подаркомъ для *Сына Отечества* и его читателей ¹⁶⁾. У насъ только двое начинали писать о польскихъ авторахъ, но къ сожалѣнію, они сами были худые авторы.

Простите, любезный князь, поцѣлуйте за меня ручку княгини Вѣры Ѳедоровны и будьте увѣрены въ искреннемъ къ вамъ почтеніи и привязанности вашего сіятельства покорнѣйшаго слуги Ивана Дмитриева.

Москва. 1818, октября 7-го.

10.

Милостивый государь мой князь Петръ Андреевичъ!

Спѣшу изъяснить вашему сіятельству искреннюю благодарность мою за милое ваше письмо и доставленіе мнѣ книги. Я желалъ имѣть одну реляцію, а получилъ три; можно ли же не быть довольнымъ старому судѣ, который уже привыкъ требовать *многихъ* и *крѣпкихъ* доводовъ? Къ тому же еще и съ одой, и съ портретомъ принца съ прострѣленной рукою!..

Еще большую приношу благодарность за прекрасные ваши стихи, сообщеніемъ которыхъ одолжилъ меня добрый Тургеневъ. Безъ лести скажу вамъ, что я признаю ихъ однимъ изъ лучшихъ вашихъ произведеній: они дышатъ остроуміемъ и всѣми прелестями

поэзіи. Вы увидите на концѣ письма, которые стихи особенно мнѣ полюбились ¹⁷⁾.

Съ нетерпѣніемъ буду ожидать жалобницы Ласъ-Казаса ¹⁸⁾, не забывая и прежде прошенной книги. Между тѣмъ, избалованный свисхожденіемъ вашимъ, еще покорнѣйше прошу васъ увѣдомить меня, можно ли въ Варшавѣ купить Dictionnaire historique, par une Societé des gens des Letres (помнится въ 13 томахъ) послѣдняго изданія; что онъ стоитъ, и можно ли надѣяться вѣрно получить его? *Вѣстникъ Европы* превосходенъ, назидателенъ и Русской, а все что-то тянетъ къ иностранной словесности!

Вѣроятно, вы уже прочитали и тотъ № *Вѣстника*, въ которомъ даже вспомнили и *палевыя сливки* ¹⁹⁾: какая глупая злоба! Карамзинъ имѣетъ свои причины молчать, но нельзя не удивляться, что никто за него ни слова; никто, говорю, изъ тѣхъ, которые смогли бы и должны были остремить буйную дерзость. Гдѣ же возмездіе чловѣку съ талантомъ за все то, чѣмъ онъ жертвуетъ для пользы и славы отечества. Наша публика еще ребенскъ: долго ли Каченовскому свихнуть ее, если всѣ будутъ предъ нимъ безмолвствовать? Какъ ни скромно вы отзываетесь на счетъ польской словесности, но виновать, я думаю, что въ Варшавѣ болѣе бы нашлось защитниковъ Красинскаго или Нарушевича.

Сколько ни писать, а должно кончить старымъ припѣвомъ: „Когда же мы васъ увидимъ?“ Не хочу желать противнаго вашимъ пользамъ и вкусамъ; но не могу не желать имѣть удовольствіе скорѣе обнять васъ въ Москвѣ. Между тѣмъ, съ отличнымъ почтеніемъ и искреннею пріязнію навсегда пребуду вашего сіятельства покорнѣйшій слуга И. Дмитріевъ.

Москва. 1818, ноября 23-го.

P. S. Пропу васъ поцѣловать за меня ручку княгини Вѣры Федоровны и увѣрить ее въ благодарности моей за сѣмена, равно какъ и въ отличномъ моемъ почтеніи.

Герой! Ты отразилъ ихъ неподвижнымъ взглядомъ,
Готовый пасть на нихъ съ отважной крутизны.

И уstraшенный врагъ зрѣлъ многія Полтавы...
Мужей великихъ прахъ училище гражданъ...
Другіе вознесли, а онъ Россію спасъ...

Ихъ младость превзошла и постыдила древность...
 Сдвинулъ и повлекъ (и слѣдующіе за нимъ)—
 Привѣтствіе въ Ферней, уставы Самоѣдамъ...
 Грядущаго еще не пробужденный сонъ.

Словомъ: полнота, сила, разсудокъ и живопись.

11.

Милостивый государь князь Петръ Андреевич!

Чувствительно благодарю васъ за поимку моего бѣглеца, я хотя не богатый помѣщикъ, но право и не догадывался объ его побѣгѣ²⁰⁾; если же радуюсь теперь этому случаю, то потому только, что онъ доставляетъ мнѣ удовольствіе получить отъ васъ письмо, и разрѣшилъ невольное мое молчанье²¹⁾.

Мнѣ давно хотѣлось благодарить васъ за доставленіе послѣдняго протеста оберъ-прокурора двухъ частей свѣта²²⁾. Но не могъ рѣшиться писать, думая, что, можетъ быть, какія-нибудь политическія причины заставили васъ вдругъ прервать переписку со мною. Шутки въ сторону, еслибы совѣсть моя была хотя немного не чиста: еслибы я былъ хотя нѣсколько мнителенъ, то могъ бы подумать, что какой-нибудь почтъ-директоръ шепнулъ вамъ, что я подъ замѣчаніемъ.

Благодарю васъ отъ всего сердца и за изготовленіе ко мнѣ посланія; съ петерѣвнѣемъ буду ожидать его, а между тѣмъ прошу васъ менѣе прихотничать и присылать его скорѣе²³⁾. Надѣюсь, что вы подарите меня и второю частью Карлсбадскаго конгресса; по французскимъ газетамъ я вижу, что она уже вышла.

Вѣроятно, любезный Тургеневъ увѣдомилъ уже васъ о торжествѣ исторіографа и вмѣстѣ о прекрасномъ подвигѣ президента Академіи.

О Како! гдѣ твой ядъ, и гдѣ твои побѣда...?

НВ. Это относится къ обоимъ какамъ.

Жаль, что тупые наши журналисты ни о чемъ не умѣютъ писать. Я чуть не плакалъ, читая въ *Сынъ Отечества* кудрявое и надутое описаніе академическаго собранія. Гречь уступилъ свою обязанность какому-то украинцу, а самъ общается въ этой же

книжкѣ говорить въ слѣдующей о посланіи графа Хвостова, которое уже назвалъ *прекраснымъ*. Одинъ только неизвѣстный угодилъ мнѣ въ *Благонамѣренномъ*: я выписалъ для васъ эту статью, и при семъ посылаю.

Первоклассные московскіе словесники очевидно зачахли: между тѣмъ какъ настоятель невскихъ поэтовъ, съ новымъ годомъ получа новыя силы, спускался для насъ въ мрачное царство ископаемыхъ, и вылезъ оттуда съ посланіемъ, налитаннымъ квасцами, кислотворомъ и окисленіемъ ²⁴⁾, настоятель московскихъ *) заключилъ послѣдній день стараго года французскими куплетами, которые онъ въ лицѣ Сатурна разсыпалъ въ маскарадѣ князя Б., а новый встрѣтилъ самъ-другъ съ подагрой и до сихъ поръ не разлучается съ нею. Шаликовъ хотя и сочинилъ поэмку на смерть собачки (въ 6 стихахъ), но болѣе ограничивается четверостишіями, а въ прозѣ статьей благотвореній; Измайловъ перепечатываетъ одну старую свою всякую всячину, а Мерзляковъ провѣтриваетъ только въ собраніи Общества старую рухлядь Капниста или усыпляетъ *своимъ* Тассомъ. Было время, что я хвастался московскими литераторами, а теперь пускай хвастается ими Антонъ Антоновичъ ^{24а)}.

Я уже совѣщусь, что на старостѣ лѣтъ росписался; и такъ полно. Мысленно цѣлую любезнаго поэта и съ отличнымъ почтеніемъ пребуду навсегда вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

Москва. 1820, января 26.

Р. С. Милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровѣ прощу васъ сказать мое почтеніе.

Р. С. Исписавъ уже двѣ страницы, узпалъ я, что пишу не на чистомъ листѣ. Сдѣлайте милость, простите мою опрометчивость.

На томъ же листѣ *писарскою рукою* написано:

„Сего января 8 дня, Императорская Россійская Академія имѣла второе публичное собраніе, которое отличалось отъ прошлогодняго, какъ занимательностію чтенія, такъ и числомъ посѣтителей. Засѣданіе открылось рѣчью г. президента о цѣли Академіи и

*) В. Л. Пушкинъ.

обязанностяхъ членовъ оной, за симъ секретарь читалъ краткій отчетъ о дѣйствіяхъ Академіи въ теченіи минувшаго года и переведенную имъ же изъ Тита Ливія рѣчь Аттилія Регула къ Римскому сенату. Далѣе слѣдовалъ прекрасный переводъ В. А. Жуковскаго изъ Овидіевыхъ Превращеній, именно Альціона и Ценкъсъ, который за отсутствіемъ переводчика прочитанъ былъ—съ большимъ искусствомъ—Н. И. Гнѣдичемъ. Наконецъ публика имѣла неизъяснимое удовольствіе слышать многія мѣста изъ IX тома Исторіи Государства Россійскаго, читанныя самимъ авторомъ и заключающія въ себѣ продолженіе государствованія царя Іоанна Васильевича Грознаго. Картина постепеннаго измѣненія въ нравѣ сего государя, его распутство, его жестокость, угнетеніе народа, гоненіе достойныхъ вельможъ и добродѣтель знаменитыхъ страдальцевъ изображены кистію Тацита. Глубокое молчаніе въ залѣ, умиленіе и даже слезы слушателей свидѣтельствовали торжество таланта; но общій восторгъ обнаружился въ полной мѣрѣ, когда президентъ, по единогласномъ утвержденіи Академіею предложенія его поднести почтенному исторіографу большую золотую медаль, вручилъ ему оную. Всѣ посѣтители встали, громкія рукоплесканія раздались въ залѣ и продолжались нѣсколько минутъ. Случай первый у насъ въ своемъ родѣ, день незабвенный въ лѣтописяхъ Академіи и, можетъ быть, въ сердцѣ того, кто былъ виновникомъ столь искренняго и единодушнаго восторга“. II.

12.

Милостивый государь, князь Петръ Андреевич!

Сегодня только я имѣлъ удовольствіе получить чрезъ А. И. Тургенева варшавскіе ваши гостинцы, которымъ для меня придаетъ еще большую цѣну постоянное доказательство вашей ко мнѣ пріязни. Вамъ я обязанъ многими пріятными часами въ вечернемъ моемъ уединеніи.

Между тѣмъ, признаюсь вамъ, любезнѣйшій князь, что мнѣ совѣстно получать такъ часто отъ васъ гостинцы, хотя и весьма для меня вождельные, зная, что у васъ нѣтъ собственной французской типографіи. Со всею моею признательностію къ вамъ, я желалъ бы, чтобъ вы позволили мнѣ переводить къ вамъ чрезъ

А. И. Тургенева отъ времени до времени до ста рублей на покупку брошюрокъ и другихъ сочиненій, не превосходящихъ двухъ томовъ. Мнѣ самому смѣшно послѣднее условіе: но я долженъ спѣшить насыщеніемъ себя разнообразнымъ чтеніемъ, ибо по многому примѣтно, что и смерть спѣшитъ ко мнѣ съ своимъ приговоромъ. Ежели бы вы приняли снисходительно мое предложеніе, въ такомъ случаѣ я просилъ бы васъ означать цѣну на каждой книгѣ, дабы я могъ по исходѣ суммы, опять переслать такую же. Что же касается до выбора: я совершенно довѣряю въ томъ вашему вкусу.

Я не успѣлъ еще приняться за ваши книги, но увѣренъ заранее, что онѣ вознаградятъ меня за скуку и досаду, съ которыми слушаю нашихъ скальдовъ и юристовъ съ вралистами въ собраніи Любителей Словесности или читаю *Вѣстникъ Европы*. Совѣтовалъ бы пресловутому издателю съ будущимъ годомъ назвать его: *Коробка съ иноземнымъ товаромъ и кой-какими крохами домашняго издѣлья*. Московскіе недоброжелатели Карамзина продолжаютъ надъ нимъ свои насмѣшки. Даже начали перечитывать *Московскій Журналъ* и вытаскивать оттуда фразы и его реченія ²⁵). Такимъ образомъ, кто-то изъ московскихъ угодниковъ Каченовскаго напечаталъ въ 4 № *Благонамѣреннаго* разсказъ Лужницкаго старца ²⁶). Но мнѣ самому скучно и совѣстно занимать васъ нашими литературными плюгавцами. И такъ, прекращаю свидѣтельствомъ душевнаго къ вамъ моего почтенія, съ которымъ былъ и навсегда пребудетъ вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Москва. 1820, марта 8-го.

P. S. Когда-то вы порадуете меня вашимъ посланіемъ?

P. S. Увѣренъ, что вы не подосадуете на мою искренность: мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы поправили этотъ стихъ:

За то, что и толпы etc.

Не лучше ли сказать: *затѣмъ-то и толпы*, или какъ-нибудь иначе.

Да еще послѣднее полустихіе: „союзомъ съ славой твердымъ. Мнѣ кажется, оно не связывается ни съ первымъ полустихіемъ, ни съ послѣдующимъ стихомъ.

Еще повторю, не подосаудите на мою искренность: она происходитъ единственно отъ того, что я, искренно любя вашу поэзію, хочу ей возможнаго совершенства ²⁷).

13.

Москва. 1820-го, марта 16 дня.

Отъ всего сердца спѣшу принести вамъ, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, чувствительную благодарность мою за прекрасную вашу эпистолу и за вашу ко мнѣ благосклонность, весьма для меня лестную. По моему патріотизму, по моей еще непогасшей любви къ изящной словесности и ненависти ко всему плоскому и подлому, могъ ли бы я утерпѣть, чтобъ такъ долго щадить господство у насъ худого вкуса, покровительствуемаго ценсурою, невѣжество многихъ читателей, вѣрующихъ всему, что ни скажутъ Каченовскій и Мерзляковъ? Давно бы я одурачилъ нашихъ книгопродавцевъ и покаралъ составителей сборниковъ, называемыхъ у насъ журналами; но, увы! всему есть *одна* только пора; моя уже прошла, и мнѣ остается одна только надежда на силу истиннаго таланта, который вопреки ученыхъ каедръ, возстающихъ на него журналистовъ и раболѣпнаго стада слушателей и читателей, идетъ безвредно своимъ путемъ и все превозмогаетъ ²⁸).

Въ IV книжкѣ *Благонамѣреннаго* напечатаны рассказы Лужницкаго старца, въ которыхъ выставлены многія фразы изъ *Московского Журнала*. Не следи съ Исторіей, начали тормозить Русскаго путешественника!! ²⁹).—Но мнѣ даже стыдно продолжать о томъ.

Простите, любезный князь! Вѣрьте искреннимъ чувствамъ отличнаго почтенія, которыя навсегда къ вамъ сохранить преданный вамъ И. Дмитріевъ.

14.

Спѣшу доставить при семъ къ вашему сіятельству и *Вѣстникъ Европы*; онъ не мой, а князя Шаликова, который въ запискѣ своей ко мнѣ говорить, что Каченовскій пропустилъ все то, что относится къ чести и славѣ Карамзина. Надѣюсь, что посланные отъ меня вчера листочки французскихъ газетъ, печатные и рукописные, еще застали въ Москвѣ. Будьте здоровы, подвизайтесь съ

Божью помощью и возвращайтесь къ вамъ съ новымъ произведе-
ніемъ. Вашего сіятельства искренній почитатель и покорнѣйшій слуга
Дмитріевъ ³⁰).

Маія 6-го.

15.

Милостивый государь мой князь Петръ Андреевичъ.

Между тѣмъ какъ петербургскіе ваши пріатели обрадованы ва-
шимъ приѣздомъ ³¹): я только долженъ радоваться тому, что по край-
ней мѣрѣ письмо мое дошло до васъ скорѣе, чѣмъ ожидалъ. Завидую
петербургскимъ нашимъ пріателямъ, а вы потужите обо мнѣ, что
я уже другой годъ сиротствую въ кучкѣ парнасскихъ инвалидовъ.
Ихъ только наслаждаюсь бесѣдою, да и то рѣдко. Благотворное
лѣто подняло ихъ на ноги: всѣ развозились, даже и Василий Льво-
вичъ сталъ молодцомъ: неразлученъ съ вѣрнымъ своимъ штабсъ-
капитаномъ княземъ Шаликовымъ, котораго при семъ препро-
вождается посланіе, самое свѣжее, то на бульварѣ, то въ Петров-
скомъ etc. Юнѣйшіе инвалиды послѣдуютъ по стезямъ ихъ, и я
всѣми обошёнъ.

Вы раздразили мое любопытство, и я нетерпѣливо буду ожи-
дать вашего посланія о зависти. Между тѣмъ, обнимая васъ въ
мысляхъ, съ искреннѣйшимъ почтеніемъ пребуду навсегда вашего
сіятельства покорнѣйшимъ слугою. И. Дмитріевъ.

Скажите Александру Ивановичу мое почтеніе. Буду писать
къ нему съ будущею почтою, а теперь не успѣлъ.

16.

Хотя и грустно, что я обманулся въ надеждѣ увидѣть васъ
въ Москвѣ, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, но
поздравляю васъ отъ всей души съ поворожденнымъ сыномъ. Да
будетъ онъ утѣшеніемъ и жезломъ маститой старости любезнѣй-
шаго, природнаго поэта ³²).

Чувствительно благодарю васъ за доставленіе мнѣ двухъ лю-
бопытныхъ брошюръ; благодарю тѣмъ болѣе, что вы не пожа-
лѣли для меня и своей собственности. Брошюры Прада и Кон-

стана переживутъ многія книги. Они, конечно, не оракулы, но оба очень умны, и первый обольщаетъ притомъ острою и какою-то оригинальностью своего слога. Надѣюсь, что вы доставите мнѣ и заключеніе его объ испанскихъ дѣлахъ, равно какъ и вторую часть Записокъ Бенжамена Констана. Желалъ бы я также получить отъ васъ процессы Занда и Лувеля³³), единственно въ отношеніи къ краспорѣчию адвокатовъ и прокуроровъ. Я по сю пору не могъ еще охладѣть къ судебному краспорѣчию. Мы въ этомъ родѣ еще ничего образцоваго не имѣемъ. Не лишайте меня и парнасскихъ самыхъ свѣжихъ букетовъ, пуще всего изъ вашего Партера. Когда же я дождусь посланія къ Лужницкому Фрерону³⁴).

Каталани уже два раза пѣла и изумляла. Теперь въ честь ея перекликаются наши соловьи: староста Пушкинъ и князь Шаликовъ, одинъ по французски, другой по русски³⁵).

Заключаю свидѣтельствомъ вамъ и милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Федоровнѣ искренняго почтенія, которое навсегда сохранитъ вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Москва. 1820, іюля 24-го.

17.

Чувствительно благодарю васъ, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, за доставленіе рѣчи и какой-то книги, о которой предварилъ меня Тургеневъ. Но увы! она засѣла у Николая Михайловича *), и я каждую почту жду, и не дожуся! Сдѣлайте милость присылайте впередъ прямо ко мнѣ. Я думаю, вѣрпѣ всего на имя Константина Яковлевича Булгакова³⁶)

Здѣсь пусто и скушно. Солнцевъ груститъ въ утомительномъ ожиданіи камерюнкерства³⁷). Пушкинъ все еще развозитъ по уѣзду катрени свой къ Каталани, а Шаликовъ объѣлся у Солнцева въ деревнѣ и возвратился съ лихорадкою. Не знаю, дошли ли до васъ ихъ катрени. Вотъ третій:

Что Шаликовъ сказалъ въ газетахъ Каталани?

Что у него языкъ присохъ къ гортани.

Безмолвствовать: вотъ дань тебѣ!

*) Карамзина.

А Пушкинъ что промолвилъ ей?

Что у него глаза и пара есть ушей.

До свиданья, любезнѣйшій поэтъ. Не оставляйте вашимъ воспоминаніемъ сираго старика Дмитріева.

Не оставьте прислать къ нему и актъ Польскаго сейма.

Москва. 1820, сентября 19.

18.

Петербургскіе мои друзья и пріатели мѣшаютъ мнѣ пользоваться вполне вашимъ благодѣяніемъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ: изъ числа посланныхъ отъ васъ книгъ я только получилъ *первую* часть Бенжамена Констана о стодневномъ правленіи; катихизисъ Прадта; *Annuaire de Peinture* 1819 года, который теперь у меня вдвойнѣ, ибо я давно уже его имѣю, и *de l'affaire de la loi des élections*; а двѣ книги хотя и возвѣщены мнѣ Тургеневымъ, но одна (*Mémoires pour servir à l'histoire etc.*) осталась, по его словамъ, у Карамзина, а другая, по его же словамъ, какой-то Флери (вѣрно, не старый знакомецъ кардиналъ) оставленъ у него или Карамзина до будущихъ почтъ; о новыхъ же *Mémoires sur les Cent jours par Corbulon* даже и не упоминаетъ. И такъ вы видите, что любопытнѣйшія сочиненія они придерживаютъ у себя для прочтенія, а спѣшатъ только пересылать ко мнѣ брошюры. Нельзя ли придумать лучшія средства для вѣрнѣйшаго доставленія.

Если еще не переслана была ко мнѣ (ибо я получилъ только первую часть) *Mémoires sur les Cents jours par B. Constant*, то сдѣлайте одолженіе снабдите меня и послѣднею, то-есть, второю частію. Между тѣмъ, приношу вамъ чувствительную благодарность не только за полученныя, но и не дошедшія, книги и прошу васъ впередъ присылать ко мнѣ такія только книги, которыя, по мнѣнію вашему, не могутъ быть у московскихъ книгопродавцевъ, или о которыхъ я самъ буду просить васъ. Это для того, чтобъ вамъ не покупать тѣхъ книгъ, которыя куплены уже самимъ мною, въ числѣ коихъ *Notice sur M-me de Staël-Holstein par M. de Staël-Saussure* и *Histoire de la chute de l'Empire de Napoléon par Labaume*.

Добрый староста *) наконецъ возвратился изъ уѣзда бодръ духомъ и тѣломъ: прочиталъ у меня всѣ статьи изъ 6 французскихъ газетъ объ Исторіи Карамзина, прослезился отъ умиленія и унесъ ихъ съ собою, давъ мнѣ слово пріосанясь, что онъ, одушевлясь ими, непременно что-то напишетъ на счетъ нашихъ литераторовъ и пошлетъ въ *Сынъ Отечества*—чтобы получить вѣрный отказъ. Пусть онъ пишетъ, а я всетаки желаю, чтобъ станокъ вашъ былъ не празденъ, и начатое было доточено ³⁸).

Давно бы пора намъ ознакомиться съ польскою словесностью, и я очень желаю видѣть. ваши нотисы. Поляки были первые наши учителя, ибо отъ нихъ начались въ Малороссіи школы; да и теперь могутъ служить намъ поощрительнымъ примѣромъ въ учености, вообще въ просвѣщеніи ³⁹). Кстати объ нихъ: надѣюсь, что вы не лишите меня удовольствія видѣть въ свое время Журналъ и нынѣшняго сейма.

Прощайте, любезнѣйшій поэтъ, продолжайте ваше доброе ко мнѣ расположеніе и вѣрте искреннимъ чувствамъ отличнаго почтенія, съ которыми навсегда имѣетъ честь къ вамъ пребыть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Москва. 1820, сентября 26.

19.

Москва. 1820, октября 18-го.

Милостивый государь и любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ.

Наконецъ я получилъ записки Флѣри де Корбюлона, и отъ всего сердца благодарю васъ за эту книгу. Она заставила меня провести нѣсколько уединенныхъ вечеровъ съ большимъ удовольствіемъ. Разлакомаясь по вашей дружбѣ чужеземнымъ добромъ, я прошу васъ постараться о доставленіи ко мнѣ 1) Manuscrit de S-te Hélène. 2) Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Bonay. 3) Jugement impartial sur Napoléon par Asais. 4) Histoire sur le sac de Rome par Giardini. 5) Mémoires sur la vie etc. de Suard par Ga-

*) В. Л. Пушкинъ.

rat и еще двухъ старинныхъ книгъ, естьли вамъ удастся ихъ отыскать: 1) *La relation de trois ambassades de m-r le comte de Carlisle vers Leurs Majesté Alexey Michailovits etc.* Amsterdam. 1669. 2) *Etat présent de l'Empire de Russie, par le capitaine Margeret.* Paris. 1669. Какъ бы я былъ доволенъ, еслибы вы доставили мнѣ всѣ эти книги, особливо послѣднія!

Я не пишу къ Сѣверину, полагая, что уже нѣтъ его въ Варшавѣ: ибо въ однихъ изъ французскихъ газетъ (*La Quotidienne*) пишутъ, что онъ проѣхалъ чрезъ Дрезденъ въ Мадритъ въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ. Увѣдомьте, правда ли это. Если же онъ въ Варшавѣ, то прошу за меня поцѣловать его. Татищевъ ⁴⁰) мнѣ сказалъ, что онъ ничего объ немъ не слышитъ.—Чуть не позабылъ поблагодарить васъ и за двѣ послѣднія рѣчи, которыя вчера получилъ, но еще не успѣлъ прочитать.

Что скажете вы о нашемъ „Русланѣ“, о которомъ такъ много кричали? Мнѣ кажется, это недоносокъ пригожаго отца и прекрасной матери (музы). Я нахожу въ немъ очень много блестящей поэзіи, легкости въ разказѣ: но жаль, что часто впадаетъ въ *бурлескъ*, и еще больше жаль, что не поставилъ въ эпиграфъ извѣстный стихъ съ легкою перемѣною: *La mère en défendra la lecture à sa fille.* Безъ этой предосторожности поэма его съ четвертой страницы выпадетъ изъ рукъ доброй матери ⁴¹).

Равно сожалѣю и о томъ, что наши журналисты все еще не научатся критиковать учтиво. Воейкова замѣчанія почти всѣ справедливы; но въ этомъ случаѣ и онъ сравнялся съ прочими. Для нихъ всѣ равны: и Пушкинъ, и Катенинъ, и Карамзинъ, и звенигородской городничій Микешинъ ⁴²).

А вы пожалѣйте о нашихъ московскихъ поэтахъ и пріятеляхъ. Князь Шаликовъ возвратился изъ уѣзда больной, и не на шутку. Вскорѣ потомъ и Пушкинъ столкнулся опять съ подагрой. Вы можете представить хлопоты Антона Антоновича *): на нихъ только и была надежда къ первому засѣданію словесниковъ.

Придется и кончить сожалѣніемъ, что не могу сообщить вамъ лучшихъ вѣстей. Между тѣмъ искренно желаю скорѣйшаго съ вами

*) Прокоповичъ-Антонскій.

свиданія и перебуду навсегда съ отличнѣмъ къ вамъ почтеніемъ вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Получили ли вы и Д. П. Сѣверинъ послѣднія мои письма, въ которыхъ я просилъ, не помню васъ или его, о печати. Взгляните на мою и сжальтесь надо мною и здѣшними рѣзчиками.

20.

Декабря 6-го 1820-го. Москва.

Тысячу благодарностей, любезнѣйшій князь и поэтъ, за три книжки. Я уже имѣлъ удовольствіе получить ихъ отъ княгини. Съ большимъ удовольствіемъ читалъ процессъ Прадта. Я всегда любилъ читать сочиненія такого рода—въ отношеніи къ діалектикѣ и краснорѣчію. Ради Аполлона, постарайтесь скорѣе утѣшить меня присылкою *Mémoires de Garat sur la vie et les écrits de Suard*. Карамзинъ раздражилъ мое любопытство. А здѣшній дуракъ книгопродавецъ Риссъ, хотя и недавно пріѣхалъ изъ Парижа, но ничего не привезъ изъ новостей (даже ни одного *almanach*) кромѣ „*Corbeilles des fleurs*“, „*Le langage de fleurs*“ романовъ и Якова Бема съ товарищи.

Относительно нашей словесности я утѣшаюсь только увѣреніемъ французскихъ журналовъ, что и у насъ есть *авторъ*, и ожиданіемъ девятаго тома, а наши журналисты всѣми силами стараются открыть намъ глаза на счетъ Хвостова. Въ *Невскомъ Зрителѣ* говорятъ, что отнынѣ должно раздѣлять оды на Гораціанскія, Ломоносовскія, Петровскія, Капнистовскія, Хвостовскія. Словомъ онъ ихъ гевій. Да здравствуетъ терпѣніе! Дождался и онъ цвѣтущаго времени нашей словесности. Защитники его журналисты, какіе-то Кругликовъ, Сниткинъ, Георгіевской, утверждаютъ, что онъ отличается предъ прочими силою въ мысляхъ и точностію въ выраженіи оныхъ. Жаль, что не привели въ примѣръ чувства, *преображенныя въ прахъ*, голубка съ зубами, козла съ свиною тушею и пр. Какое ободреніе для талантовъ! ⁴³).

Пишу въ день именинъ исторіографа: утѣшимся и поздравимъ другъ друга съ ними. Вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Дмитріевъ.

21.

Не могу изъяснить вамъ, любезный князь, сколько вы одолжили меня присылкою книги, такъ давно ожидаемой мною. Отъ всего сердца благодарю васъ за нее, равно и за пріятную надежду остаться въ неотъемлемомъ обладаніи *Азаисомъ* ⁴⁴). Всегда хочу васъ видѣть, теперь еще нетерпѣливѣе, чтобъ еще поблагодарить васъ лично и насладиться вашей бесѣдою. Между тѣмъ съ совершеннымъ моимъ почтеніемъ есмь и буду преданнѣйшимъ вамъ Дмитріевъ.

P. S. Прошу васъ при случаѣ сказать о цѣпѣ книги.

22.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Чувствительно благодарю васъ за табакерку съ хартіей и за двѣ книги, которыхъ я такъ давно добивался. Первый разъ въ жизнь мою получилъ я подарки для новаго года, которые для меня тѣмъ милѣе, что получилъ ихъ отъ двухъ отсутствующихъ и любимыхъ мною болѣе всѣхъ наличныхъ въ Москвѣ. Ваши на канунѣ, а отъ Сѣверина лондонскую печатку—въ самый день новаго года.

Съ старымъ годомъ мы распрощались съ подобающею честію въ маскарадѣ княгини А. А. Голицыной ⁴⁵), а новый—послѣ перваго привѣтствія отъ ветхаго князя Шаликова, которое конечно раздается во всѣхъ концахъ Россіи, будемъ праздновать сегодня у П. Е. Татищевой или у Маріи Степановны ⁴⁶); но я отпраздную его искренно въ тотъ день, когда увижусь съ вами. Между тѣмъ всею душою желаю вамъ въ продолженіи онаго всевозможнаго благополучія. Мысленно васъ обнимаю и съ отличнымъ почтеніемъ и привязанностью пребуду навсегда вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Сколько я радъ, что вы сдержали слово, столько жалѣю, что не прислали прежде ко мнѣ, нетерпѣливо желаю увидѣть посланіе ваше *) въ *Сынъ Отечества*—вы меня разсмѣшили новымъ прозвищемъ Прадту ⁴⁷).

Москва. 1821, января 2-го дня.

*) Къ Каченовскому.

23.

Отъ всего сердца благодарю любезнѣйшаго князя-поэта и автора за довѣренность. Я принялъ смѣлость замѣтить только два-три слова. Впрочемъ, все и думано, и писано прекрасно и справедливо.

И я самъ сегодня написалъ бездѣлку на счетъ журнальныхъ ссоръ и хулителей Карамзина. Хотѣлъ было ⁴⁸⁾ посылать къ вамъ, но удержусь до перваго съ вами свиданія. Преданный вамъ Дмитрѣвъ.

Четвергъ.

24.

Чувствительнѣйше благодарю васъ, любезнѣйшій мой поэтъ, за письмо ваше, отъ 17-го минувшаго мѣсяца, и винюсь передъ вами, что не предупредилъ васъ моимъ письмомъ. Давно горѣлъ желаніемъ писать: но все ожидалъ, какое будетъ послѣдствіе вашей эпистолы... Наконецъ могу васъ увѣдомить, что эпистолу вашу одинъ Пушкинъ *) *всѣмъ и каждому* въ клубѣ читаетъ, брызжетъ и всхлипываетъ отъ умиленія; другой Пушкинъ ⁴⁹⁾ не апробуетъ, вѣроятно, потому только, что встрѣчаетъ въ ней имя, давно ему противное; московскій поэтъ В... ⁵⁰⁾ того же мнѣнія; а Каченовскій напечаталъ ее въ третей книжкѣ своего Сборника и прибавилъ къ ней свои замѣчанія, съ которыхъ препровождаю къ вамъ при семъ копію ⁵¹⁾.

Что же касается до меня, то вы отгадываете, что я читалъ ее еще съ бѣльшимъ чувствомъ и удовольствіемъ, нежели съ какимъ обыкновенно читаю ваши произведенія; отгадаете также и причину тому. Отъ начала до конца ведена прекрасно; полна разсудкомъ и острою (а не *остротами*, какъ говорятъ петербургскіе авторы) и поэзіей. Сожалѣю только, что не удалось увидѣть ее прежде печати: тогда бы я попросилъ васъ сдѣлать самыя легкія поправки въ трехъ и четырехъ стихахъ, не болѣе. А именно: подъ *остріе*

*) Василій Львовичъ.

тунаго жала. Щепетильный — насмѣшки острыя, etc. Я примѣтилъ, что многіе, читая сія два стиха, останавливаются и не скоро схватываютъ мысль вашу. Также убѣдительно прошу васъ, какъ старый и присяжный рѣмачъ, не пренебрегать исправными (по технически) *богатыми* рѣмами. Кончу тѣмъ, что цѣль вашей эпистолы дѣлаетъ честь вашему благородному сердцу, а исполненіе — вашему дарованію. Вчера я писалъ къ Карамзину и шутилъ на счетъ сдѣланнаго ему сюрприза. Вѣрно, вамъ не миновать журбы его *). Но да постыдятся Батюшковъ и Жуковскій! Они не имѣли вашей энергіи подать *по авторски* явно свой голосъ въ пользу перваго нашего автора; они оробѣли возстать на его оскорбителя, а не критика, — оробѣли потому только, чтобы самимъ не попастьъ подъ его критику. А имъ надлежало поступить иначе: публика наша еще сама на себя не полагается. Смѣлость *въ печати* всегда покоряетъ ее. Прибавьте къ тому, какое направленіе даетъ это малодушное молчаніе, съ одной стороны, и наглое оскорбленіе талантовъ, съ другой, незрѣлымъ умамъ юношества. Какое возвращеніе будетъ для вкуса, сколько еще прибавится у насъ пачкуновъ въ литературѣ!

Очень, очень благодарю васъ и за книгу; началъ только читать ее. Попросилъ бы я васъ доставить мнѣ еще два Прудтова сочиненія: 1) *Memoire historique sur la Révolution d'Espagne* и 2-e) *De Révolution d'Espagne*, также и *Biographie pittoresque de députés*.

Но пуще всего желаю, какъ можно скорѣе, обнять васъ и лично увѣрить въ признательности и въ душевномъ почтеніи, которое навсегда къ вамъ сохранить вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ ⁵²).

P. S. Ради Феба постарайтесь вѣрнѣе и скорѣе доставить прилагаемое при семъ письмецо къ Сѣверину.

Москва. 1821 февраля 3-го.

25.

Милостивый государь князь Петръ Андреевич!

Вручитель сего сынъ сенатора князя Алексѣя Алексѣевича

*) См. *Старина и Новизна*. С.-Пб. 1897, отд. второй, стр. 109.

Долгорукова. Онъ дѣлаетъ еще первый шагъ въ свѣтъ, и при томъ на чужой сторонѣ, почему покорнѣйше прошу васъ принять его подъ свое покровительство и дозволить ему начать свою свѣтскую службу въ вашемъ сообществѣ. Кажется, что онъ имѣетъ добрыя качества и умѣлъ воспользоваться отцовскимъ стараніемъ о его воспитаніи. Желалъ бы, чтобы онъ, пользуясь вашею благосклонностью, сберегъ то, что имѣетъ, и еще болѣе усовершилъ себя. Между тѣмъ, съ душевнымъ почтеніемъ и привязанностью имѣю честь быть навсегда, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Москва. 1821 февраля 19 дня.

26.

(1821).

Вчера я отвѣчалъ вамъ слишкомъ наскоро, милостивый государь мой князь Петръ Андреевичъ, и поудержался послать вамъ книгу; послѣ же, прочтя въ другой разъ ваше письмо, самъ себя осудилъ. Итакъ, сдѣлайте милость, скажите мнѣ, нужна ли вамъ необходимо эта книга, такъ я, не смотря на то, что у меня теперь всѣ шкапы одинъ другимъ завалены, постараюсь ее вытащить и непременно къ вамъ доставить. Право, я совѣщусь, что, принявъ нѣкоторыя ваши слова сперва за шутку, не удовлетворилъ вашему требованію. Въ ожиданіи вашего отвѣта свидѣтельствую вамъ искреннее мое почтеніе и пребуду навсегда вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. Иванъ Дмитріевъ⁵³).

27.

(1821⁵⁴).

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, хотя ворота и были на запорѣ, по примѣру сосѣдки моей Гурьевой, но правила гостепріимства ни мало не были нарушены: мнѣ тотъ часъ дали знать о вашемъ прибытіи, и я велѣлъ просить; надѣлъ снова парикъ и кафтанъ и вѣскольکو минутъ оставался въ пріятномъ ожиданіи, какъ пришли мнѣ сказать, что вы будто, не смотря на густой ту-

манъ, поглядѣли на часы и приказали вашему экипажу отступать далѣе. Передъ тѣмъ я лишь только расстался съ графомъ Румянцовымъ *), съ сенаторомъ Малиновскимъ **), адмираломъ Саблиннымъ ⁵⁵⁾, съ комендантомъ Веревкинымъ ⁵⁶⁾, поэтомъ Волковымъ ⁵⁷⁾ и прозаикомъ Пименовымъ ⁵⁸⁾. Очень жаль, что напала раздумчивость на любезнѣйшаго поэта, съ которымъ мнѣ пріятно бесѣдовать вездѣ и во всякое время. Преданный вамъ Дмитріевъ.

Четвергъ.

28.

(Сент. 1821).

Препровождаю при семъ къ вашему сіятельству 8 и 9 № *Вѣстника Европы* и, какъ неблагодарный и закоренѣлый въ худой привычкѣ, прошу васъ опять не задерживать ихъ долго у себя, хотя они и мнѣ не больше нужны, какъ для исправной сдачи наслѣдникамъ; но порядокъ и привычка сильное дѣло. Всѣмъ сердцемъ обнимаетъ васъ Дмитріевъ.

29.

Простите меня, любезный князь, что я задержалъ ваши брошюры и даже позабылъ благодарить за нихъ въ моей запискѣ. Отъ всего сердца исполняю теперь и то, и другое. Вмѣстѣ съ брошюрами препровождаю при семъ изъ Петербурга Измайлова ⁵⁹⁾. Получа такъ скоро *Вѣстникъ*, мнѣ уже и совѣстно, что я напоминалъ вамъ о возвращеніи онаго. Бѣдный Пушкинъ въ хлопотахъ: третьяго дня очень рано засталъ его въ слезахъ, хотя и въ красной рубахѣ: онъ лишился старшаго своего брата, умершаго скоростижно ***). И плачетъ, и сердится на Солнцева, что онъ отлучкою своей взваливаетъ на него всю обузу погребальнаго обряда. Право пора въ Москву. Преданнѣйшій вамъ Дмитріевъ.

29 сентября 1821.

*) Вѣроятно, графъ Сергій Петровичъ.

***) Алексѣй Федоровичъ.

***) Петра Львовича.

30.

Извините, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, что я не могу возвратить къ вамъ книги *Jugement impartial sur Napoléon* *), а прошу васъ прямо сказать цензурному комитету, что эту книгу купили вы по моему порученію для меня и тогда же ко мнѣ переслали. Я не отопрусь отъ того, если комитетъ мени спроситъ. Очень сожалью, что въ нынѣшній пріѣздъ вашъ не удалось мнѣ съ вами видѣться. Между тѣмъ съ совершеннымъ моимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. Иванъ Дмитриевъ.

Москва. 1821 октября 7-го.

31.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Извините меня, что я рукопись вашу оставилъ у себя до свиданіи съ вами, чтобъ еще прочитать вмѣстѣ. Ни слова не скажу о моей къ вамъ признательности: она трепетала въ груди моей и обнаружилась въ глазахъ, когда я читалъ вашъ отрывокъ, а на словахъ не изъяснима. Но въ то же время, признаюсь вамъ, совѣстился, что вы умѣли искусить меня. Строгость характера требовала бы отъ меня, не зная ничего прежде публики ⁶⁰).

Препровождаю къ вамъ при семъ *И мои бездѣлки*. Отъ меня было одно только изданіе, а другое было, какъ увѣряютъ меня, безъ моего вѣдома, и вѣроятно: ибо печатали здѣсь, а я жилъ въ Петербургѣ ⁶¹).

Сообщаю также и отрывокъ изъ письма Жуковскаго. Какъ я доволенъ, что къ его слову присоединится и ваше о моемъ другѣ, еще болѣе благодарителъ! Онъ не могъ передать мнѣ прекрасной души своей: по крайней мѣрѣ, примѣромъ своимъ отвращалъ меня отъ всего низкаго.

Присовокупляю къ сему и объясненія на ваши вопросы: Ѳ. И. Козлятевъ служилъ со мною гвардіи въ Семеновскомъ полку

*) Азанса.

до полковничества, а при пожалованіи въ генераль-маіоры переведенъ былъ въ Преображенскій полкъ, изъ котораго, дослужась до генераль-лейтенантовъ, пошелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Я былъ еще сержантомъ, а онъ подпоручикомъ, когда началось наше знакомство. Нѣсколько лѣтъ я только слушалъ судъ его о русской словесности, всегда основанный на строгомъ вкусѣ; пользовался его французскою библіотекою и читалъ старыя и новѣйшія произведенія французской литературы, особенно имъ одобряемыя, чаще же всего учебныя, но собственныхъ моихъ стиховъ не смѣлъ ему показывать, равно какъ и брату моему ⁶²⁾, о которомъ упомянулъ Карамзинъ въ *Московскомъ Журналь*. Козлятевъ сталъ знать ихъ вмѣстѣ съ публикою со времени *Московского Журнала*, хотя и въ немъ, равно какъ и въ послѣдующихъ, я не ставилъ моего имени, а означалъ только буквой И. или тремя звѣздочками; но тогда я отъ него уже не таился, изъ живѣйшей благодарности за его искреннее участіе въ посильныхъ моихъ успѣхахъ. Могу сказать, что въ продолженіи нашего знакомства мы были почти всякой день неразлучны. Даже и тогда, когда онъ при императорѣ Павлѣ всегда озабоченъ былъ военною службою, а я по званію оберъ-прокурора сенатскими дѣлами, рѣдко проходилъ вечеръ, чтобъ онъ послѣ вечерней зари, не смотря на дальнее разстояніе нашихъ жилищъ, не пріѣхалъ ко мнѣ и не пробылъ у меня до поздней ночи. Знаю самъ, что нѣсколько строкъ написалъ лишнихъ, но говоря объ миломъ сердцу, невольно скажешь больше, нежели надобно.

Въ молодости и онъ писалъ стихи, но мнѣ ихъ не показывалъ. Вѣроятно, были и переводы, можетъ быть, и напечатанные, безъ его имени. Необыкновенная скромность его, однажды только въ счастливую для меня минуту, позволила ему показать мнѣ прекрасный переводъ его Тибулловой элегіи на смерть Галла, если не ошибаюсь, или послѣдняго на смерть церваго, право не помню ⁶³⁾. Между тѣмъ, и послѣдняя страница дописана. Всѣ причины имѣеть кончить и пожелать скорѣйшаго съ вами свиданія любящій васъ всею душою Иванъ Дмитриевъ.

Москва, ноября 10-го, 1821.

32.

Съ удовольствіемъ готовъ обѣдать съ вами, любезный князь Петръ Андреевичъ, обѣдать во вторникъ съ вами у Василья Львовича *). Живописанный портретъ у П. П. ⁶⁴⁾ еще менѣе похожъ, нежели этотъ, а гравированный имъ столько же пакостень, какъ и выданный, при образцовой неопрятницѣ обоихъ изданій. И такъ, не лучше ли дожидаться конца Гереновой работы? Ежели не сходень, то можно заказать другому. По крайней мѣрѣ этотъ расположенъ и отработае съ довольнымъ вкусомъ. Съ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга И. Дмитріевъ.

Декабря 11-го 1821.

33.

Возвращая вамъ при семъ, любезнѣйшій князь, журналъ и газеты, приношу благодарность вамъ мою и покорнѣйше васъ прошу выслать для меня изъ *Варшавы*: 1) *Annuaire Nécrologique à commencer de 1820* и 2) *Mémoires sur le 18 siècle—mémoires de l'abbé Morlet, deux vol. in-8.* Чувствительно симъ одолжите преданнаго вамъ Дмитріева.

Полября 29.

34.

(1821).

Съ благодарностью возвращаю вамъ, любезнѣйшій князь, французскій журналъ съ газетами и убѣдительно прошу васъ выписать на мой счетъ изъ Варшавы: 1) *Recueil de pièces authentiques sur le captif de Sainte Hélène etc.* 2) *Nécrologie ou Biographie de 1821.* Чувствительно симъ одолжите преданнѣйшаго вамъ Дмитріева.

Понедѣльникъ.

35.

Милостивый государь мой и любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ.

По приѣздѣ сюда, одна изъ главныхъ заботъ моихъ была

---

*) Пушкина.

скорѣе извиниться и оправдать себя передъ вами: я ждалъ отъ васъ писемъ съ ранняго утра до самыхъ вечерень. Наконецъ, получилъ ихъ тогда, когда уже все было натискало въ мой дормезъ, и я уже начиналъ послѣдняго себя втискивать. Признаюсь вамъ, любезный князь, что сколько я не люблю васъ, но уже не въ силахъ былъ возвыситься до такого эгоизма, чтобъ снова начинать мою работу, которая могла бы протянуться до самой ночи по неловкости моихъ сопутниковъ, еще неопытныхъ въ дорожномъ дѣлѣ. Я уже винулся въ томъ передъ К. А. и Н. М. (Карамзиными), которые довольно меня журили, а теперь прошу христіанскаго прощенія отъ моего біографа. Пускай онъ внесетъ эту черту когда-нибудь во второе изданіе, если захотятъ онымъ почитать мою память, лишь бы не пересталъ любить меня и считать добрымъ человѣкомъ.

Я живу здѣсь на мой манеръ очень пріятно. Наслаждаюсь свиданіемъ съ друзьями и доволенъ ласкою старыхъ знакомцевъ. Видѣлъ почти всѣхъ нашихъ поэтовъ и отыскалъ мои ноги. Наконецъ, свидѣтельствую вамъ и милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Ѳеодоровнѣ искреннее мое почтеніе, съ которымъ навсегда имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга. Иванъ Дмитріевъ⁶⁵).

С. Петербургъ. Іюля 9 (1822).

Р. С. Гнѣдичъ сказывалъ, что выходъ изданія ихъ остановился за вами. Оно уже отпечатано.

36.

Съ благодарностью возвращаю вамъ, любезнѣйшій князь, *Мониторъ* и два экземпляра вашего портрета. Простите великодушно вину мою: полагая, что вы всѣ четыре прислали мнѣ въ подарокъ, одинъ изъ портретовъ подарилъ брату П. П. Бекетову, большому любителю вашихъ произведеній; на другомъ, который хотѣлъ поставить въ рамы, и теперь къ вамъ посылаю, начавъ писать надпись, сдѣлалъ ошибку, и потому назначилъ было его въ мою коллекцію портретовъ и замѣнилъ его третьимъ. Надѣюсь, можно отрѣзать и наклеить его на бѣлую бумагу. Если завтра состоится обѣдъ Василя Львовича*), то прошу васъ увѣдомить меня сегодня,

*) Пушкинъ.

дабы я не далъ слова другому. Между тѣмъ свидѣтельствуеть вамъ искреннее свое почтеніе преданный вамъ Дмитріевъ.

Октября 6-го 1822.

37.

Спѣшу возвратить вамъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, ваши бумаги съ живѣйшею благодарностью за вашу ко мнѣ довѣренность. Я сдѣлалъ, чтò только могъ, а можетъ быть, еще болѣе, нежели сколько позволяла скромность свѣтскаго человѣка. Относительно же существенности вашей піесы *), я безмолвенъ: ума и души вамъ не занимать у другого... И такъ, во имя Минервы, ступайте смѣло, молодой рыцарь, на поприще чести и славы. Пусть знаютъ, что въ наше время не всѣ наши словесники были завистливы, расчетливы или малодушны, а болѣе тупы. Почитающій васъ всею душею И. Дмитріевъ.

Р. С. Карамзинъ предупредилъ мое желаніе: пишетъ, что онъ поручилъ перевести Герена, и обѣщаетъ прислать переводъ, не замѣшкавъ ⁶⁶).

1822, поября 6-го. Москва.

38.

(1822).

Покорнѣйше прошу васъ, любезный князь Петръ Андреевичъ, одолжить мнѣ дни на два второю частью писемъ Бенжаменъ-Констана „О стодневномъ правленіи“ ⁶⁷). Увѣрю въ сохранности и скоромъ возвратѣ. Между тѣмъ свидѣтельствуеть вамъ свое почтеніе преданный вамъ Дмитріевъ.

39.

Покорнѣйше благодарю васъ, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, за пріятное увѣдомленіе. Между тѣмъ прошу васъ пожаловать ко мнѣ откушать четвертаго числа. Не забуду пригласить

*) О жизни и сочиненіяхъ И. И. Дмитріева.

и Платона Петровича, Тургенева и Жихарева. Этотъ обѣдъ будетъ не изъ хвастовства, а для переговоровъ по части словесности, то и не намѣренъ увеличивать нашей бесѣды. Сѣверинъ получилъ аренду и ордена Лазаря и св. Маврикія, а Дашиковъ оплакиваетъ участь нашей литературы и предаетъ проклятію Красовскаго ⁶⁸). Наконецъ, привѣтствую васъ съ благополучнымъ совершеніемъ года, поручаю себя старой пріязни вашей въ продолженіи новаго и сердечно желаю вамъ на всю жизнь вашу возможнаго благополучія.

1822 декабря 31-го.

40.

Сердечно поздравляю васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, съ новорожденнымъ сыномъ ⁶⁹). Вчера мы съ титулярнымъ дѣдушкой его отпраздновали въ клубѣ сіе благополучное *событіе* тремя бокалами шампанскаго. Преданный вамъ Дмитріевъ.

Марта 29 (1823).

41.

Наконецъ препровождаю къ вамъ, почтенный и любезный князь Петръ Андреевичъ, работу г. Тончи. Оба просимъ васъ отписать Н. И. Гнѣдичу, что звѣзды должны остаться и по отпечатаніи на той же сторонѣ, на которой теперь написаны. И такъ, остается мнѣ ожидать, еще съ бѣльшимъ нетерпѣніемъ и удовольствіемъ, чтобъ и другой талантъ окончилъ мой портретъ, пока я еще шатаюсь въ мірѣ ⁷⁰). Преданный вамъ всѣмъ сердцемъ Дмитріевъ.

Апрѣля 28 (1823).

42.

(1823).

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ.

Проектъ вашего письма во всѣхъ отношеніяхъ выдержанъ; но, прочитавъ Давыдова письмо, признаюсь вамъ, что я желалъ бы, чтобъ вы смягчились къ Обществу: изъ письма Давыдова *) я вижу,

*) Иванъ Ивановичъ.

что Общество отдало таланту вашему полную справедливость и не возложило на васъ, а поручило секретарю своему просить васъ принять на себя описаніе гражданскихъ подвиговъ Бедкаго. Выновать только редакторъ газетной статьи, не умѣвшій приличнымъ образомъ изложить сего. И такъ, я совѣтывалъ бы вамъ отвѣчать Давыдову по первому вашему предположенію, а въ особой къ нему записочкѣ дать ему почувствовать неприличность употребленнаго въ газетной статьѣ выраженія, равно и о томъ, что вамъ не дали предварительно знать о чрезвычайномъ собраніи ⁷¹⁾. За тѣмъ всѣмъ сердцемъ васъ обнимаетъ вашего сіятельства искренній почитатель и покорный слуга И. Дмитріевъ.

43.

(1823).

Я больше доволенъ имъ, любезнѣйшій князь, нежели надѣялся. Мнѣ кажется, онъ сходнѣе Геренева и не уступаетъ ему въ искусствѣ, но кажется, что морщинъ у меня меньше (простите моему самолюбію), или онѣ для меня не такъ примѣтны. Тысячу разъ обнимаю васъ и благодарю за всѣ ваши заботы меня увѣковѣчить. Попросите Гнѣдича, чтобъ прислалъ ко мнѣ 6 оттисковъ на лучшей бумагѣ *).

44.

Съ чувствительною благодарностью за вашу ко мнѣ довѣренность, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, возвращаю ваши бумаги. Въ письмѣ я подчеркнулъ одно только слово, а въ прекрасномъ вашемъ истинно поэтическомъ отрывкѣ взялъ смѣлость замѣнить только одинъ стихъ, одно полустипіе и одно слово, что все увидите на особомъ листочкѣ ⁷²⁾. Не знаю, скоро ли увижу Бекетова; но я за него отвѣчаю ⁷³⁾: смѣло включите оглавленіе. Всѣ статуи Лѣтняго сада—рѣзца иноземныхъ художниковъ. Развѣ вы упомянете о Козловѣ, ваятелѣ статуи Суворова, но едва ли онъ стодитъ за нее стиховъ, даже и графа Хвостова. Что бы сегодня

*) Здѣсь идетъ рѣчь о портретѣ И. И. Дмитріева, приложенномъ къ изданію его сочиненій (1823 года).

вамъ пріѣхать? Сейчасъ получаю отъ Кокоскина ⁷⁴⁾ маленькую вѣсточку о представленіи сегодня „Трехъ Султановъ“ въ школъ Московскаго театра. Прощайте, до свиданья. Обнимасть васъ преданный вамъ Дмитріевъ.

1823, августа 21-го.

45.

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ.

Чувствительно благодарю васъ за ваше только приписаніе, а не за стихи къ портрету извѣстнаго... ⁷⁵⁾ Лучше бы вы прислали вмѣсто его собственные ваши стихи, написанные, какъ мнѣ сказывали, на Ревельской рейдъ ⁷⁶⁾. Нетерпѣливо жду вашего пріѣзда, сколько для васъ, столько и для того, чтобы спросить васъ о любезнѣйшемъ другѣ. Хотя я и кокетствовалъ въ отвѣтъ моемъ на послѣднее письмо его, но при чтеніи онаго сердце мое сжималось ⁷⁷⁾.

Желаю А. П. (sic) Пушкину счастливыхъ успѣховъ и на новомъ поприщѣ; достанетъ ли искусства въ сердцевѣдѣніи, сомнительно: а за прелесть стиховъ его можно ручаться ⁷⁸⁾. Дядя его еще не возвратился изъ новыхъ наслѣдственныхъ своихъ владѣній ⁷⁹⁾, а потому и въ *Дамскомъ Журналѣ* раздается только свирѣль Кокоскина, камердинера Кобозева ⁸⁰⁾; прочее же все идетъ своимъ чередомъ. До свиданья. Мысленно обнимасть васъ душевный вашъ почитатель, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга И. Дмитріевъ.

Москва, 1825, сентября 11-го.

46.

Все, чего я могъ добиться, любезный князь, отъ графа Орлова ⁸¹⁾ на счетъ „Велизера“, состоитъ только въ томъ, что переводъ онаго начатъ на Волгѣ вслѣдствіе предложенія императрицы Екатерины, и что каждый переводчикъ отдавалъ работу свою на разсмотрѣніе статсъ-секретаря Козицкаго, который соглашалъ разнообразіе въ слогъ и исправлялъ грамматическія ошибки. Водяной путь предпринятъ былъ изъ Твери и простирался чрезъ Нижній Новгородъ и Казань до Симбирска, оттуда императрица

отправилась въ Москву уже сухимъ путемъ. Съ благодарностью возвращаю вамъ послѣднюю книгу: Вильмень скученъ изрядно, или мнѣ такъ показалось отъ того, что я самъ скученъ и другой день въ легкой простудѣ. Преданный вамъ Дмитріевъ.

47.

Любезнѣйшій князь! Я самъ долго былъ въ безпокойствѣ на счетъ Николая Михайловича и не смѣлъ ожидать отъ него скоро письма. Наконецъ получилъ его и вамъ списалъ. Это не можетъ еще насъ обезпечить; по крайней мѣрѣ утѣшительно судить по письму, что онъ еще владѣетъ собою. Долго ли ждать вашего переселенія? Право пора. Когда же получимъ отъ васъ Антемархія? Преданный вамъ слуга И. Дмитріевъ.

Декабря 8 (1825).

Привѣтствую и васъ съ бывшимъ именинникомъ *). Я и самъ не имѣлъ духа поздравить его, хотя и писалъ къ нему сегодня.

48.

(1826).

Весьма охотно посылаю вамъ 6 томъ Записокъ и согласенъ на продержаніе 5-го, въ этомъ собственная корысть моя. Но я лучше бы хотѣлъ, чтобы въ *Телеграфѣ* пожурили Воейкова: выдаетъ собраніе сочиненій и переводовъ въ прозѣ 822 и 23 года, и съ ними вмѣстѣ включаетъ обветшалую прозу Козицкаго, и о ней же говоритъ, что она *обворожаетъ слухъ, пльняетъ воображеніе и убѣждаетъ разумъ*. Эту же честь дѣлаетъ и Гамалеѣ. Зачѣмъ же бѣдный Карамзинъ потѣлъ надъ ея перековерканьемъ? Стало, его проза никуда не годится. Преданный вамъ Дмитріевъ. Я не очень здоровъ и весь день дома ⁸²⁾.

---

*) Н. М. Карамзинъ.

49.

Москва, іюля 5-го, 1826.

Не укоряю васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, за слезы, пролитыя мною при чтеніи вашей приписки: я чувствовалъ въ нихъ какую-то отраду. Вы не ошиблись. Здѣсь, конечно, нѣтъ ни одного, кого бы я могъ называть своимъ сочувственникомъ въ отношеніи къ моей потерѣ. Узнавъ о ней, я и не ожидалъ получить отъ васъ скоро письма. До того ли вамъ было? ⁸³⁾ Поцѣлуйте за меня ручку Катерины Андреевны и увѣрьте, что я всѣмъ сердцемъ благодарю ее за обязательный отвѣтъ, вторичнымъ же письмомъ, и такъ скоро, совѣщусь растравлять ся горести. Поклонитесь и милымъ двумъ дочерямъ ея. По чувству моему къ покойнику, право, и я имъ всѣмъ родной. Въ другое время опечалилъ бы меня назначенный вами срокъ возвращенія, а теперь, напротивъ, самъ желаю, чтобы вы сколько можно долѣе пробыли съ ними.

Копчина примыряетъ со всѣми: даже и Каченовскій напечаталъ въ своемъ *Вѣстникѣ* переведенную имъ статью изъ *Journal de St.-Petersbourg*. ⁸⁴⁾ Писаревъ же (попечитель) вездѣ отыскиваетъ бюстъ, въ намѣреніи поставить его въ залѣ Историческаго Общества, а Иванчину - Писареву заказалъ сочинить похвальное слово. Оно уже у меня, но я не совсѣмъ доволенъ. Онъ же написалъ и эпитафію:

Согражданъ слава, мудрыхъ честь,
Безсмертный въ подвигахъ писателя, вити,
Усиль отчизнѣ ты великій даръ припестъ.
Покойся, окропленъ слезами всей Россіи! ⁸⁵⁾

Одинъ только вы, любезнѣйшій князь, можете принести достойную дань милому и незабвенному Карамзину. Не смотря на ваше предвареніе въ письмѣ къ Жихареву, Полевой не удостоилъ меня своей довѣренности.

Скажу, наконецъ, о себѣ, что я очень хилѣю: нервическіе припадки усиливаются. Къ прежнимъ печалямъ наступили еще новыя: Экономка моя, служившая мнѣ слишкомъ 25 лѣтъ съ рѣдкимъ безкорыстіемъ и усердіемъ, при смерти. Не стыжусь при-

зваться, что разлука и съ нею не легка для меня будетъ. Сколько испытаній въ толь короткое время, и въ какомъ положеніи? Когда только и отрады надежда, что другъ или испытанный приверженецъ смежитъ глаза и похоронитъ. Каково же, когда нѣтъ ни того, ни другаго! Полно. Заочно обнимаетъ васъ любящій всею душею И. Дмитріевъ.

50.

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ. Я все въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ при послѣднемъ письмѣ моемъ. Прошу васъ вручить приложенное при семъ письмецо Софьѣ Николаевнѣ и Катеринѣ Николаевнѣ. Онѣ очень, очень утѣшили меня въ моемъ безпричинномъ уныніи. Здѣсь все цвѣтеть и улучшается: дома новѣютъ; даже и развалины Бекетова выбѣлены, даже непроходимый конецъ Козики высушенъ и вымощенъ. Англійскій клубъ наслаждается по прежнему постояннымъ, всегда однообразнымъ своимъ занятіемъ: все то же и то же. По причинѣ только жаровъ чаще сидятъ противъ сквознаго вѣтра и ѣдятъ простоквашу. Прощайте, любезнѣйшій поэтъ, вспоминайте иногда преданнаго вамъ всею душею Дмитріева.

Москва, 1826, іюля 15-го.

51.

Благодарю васъ искренно, любезный князь, за ваше припошение. Скажу о себѣ, что я очень разстроены и духомъ, и тѣломъ: къ продолженію моихъ горестей я былъ ежедневнымъ свидѣтелемъ два мѣсяца мучительной болѣзни моей усердной экономки и наконецъ проводилъ ея до кладбища. Теперь никто не привѣтствуетъ меня ни съ добрымъ утромъ, ни съ добрымъ вечеромъ. Часто по цѣлому дню сижу дома, молча, какъ схимникъ. Изъ пріѣзжихъ принесъ мнѣ отраду одинъ только любезный Блудовъ, съ которымъ вижу довольно часто. Сѣверинъ хотя и живетъ наискосокъ меня въ одной улицѣ, но былъ у меня только однажды, и то на минуту, и то на третій день пріѣзда ⁸⁶). Вспомните, любезный князь,

наше недоумѣніе на счетъ одного выраженія Катерины Андреевны (*кромя одного*) въ ея письмѣ, по поводу доставленныхъ къ ней Апологовъ ⁸⁷⁾. Желалъ бы, чтобъ вы вспомнили и объяснили мнѣ, что это значило.

При публичномъ представленіи моемъ государю его величество послѣ перваго привѣтствія изволилъ мнѣ сказать: „Мы оба съ вами сдѣлали чувствительную потерю кончиною Николая Михайловича“ и кончилъ свидѣтельствомъ нѣжнаго вниманія своего къ покойному. Государыня также изъявила свое участіе.

Скоро ли вы къ намъ возвратитесь? Искренно желаю васъ видѣть, а между тѣмъ заочно васъ обнимаю и свидѣтельствую вамъ искреннее мое почтеніе. Преданный вамъ И. Дмитріевъ.

52.

Искренно благодарю васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, что вы, наконецъ, порадовали меня письмомъ вашимъ. Слава Богу, что паденіе ваше не имѣло худшихъ послѣдствій. Теперь остается желать, чтобъ вы скорѣе совершенно поправились въ вапемъ здоровьѣ и о случившемся забыли ⁸⁸⁾.

Новый дормезъ мой или второй ковчегъ, въ которомъ, кромѣ животныхъ, найдется все нужное отъ парижнаго болвана и аптечки до маленькой библіотеки, уже стоитъ въ моемъ сараѣ, и я уже сталъ-было задумывать о моемъ путешествіи чрезъ Петербургъ въ Ревель и Ригу, какъ дошелъ до [меня сл]ухъ о сборахъ Катерины Андреевны за границу, ...хъ къ намъ въ Москву, и этотъ слухъ привелъ [меня] въ недоумѣніе. Теперь отъ васъ буду ждать разрѣшенія.

Иванчинъ - Писаревъ въ деревнѣ: я послалъ къ нему выписку изъ вашего письма; но для чего бы вамъ самимъ не заняться некрологіей Измайлова ⁸⁹⁾ и не почтить этимъ прахъ истинно благороднаго писателя. Тутъ бы вамъ былъ случай поговорить и объ нынѣшнемъ ходѣ нашей словесности и ея представителяхъ Полевомъ и Ушаковѣ ⁹⁰⁾, и объ ихъ стремянномъ Сергѣѣ Глинкѣ. Эта борзая тройка, дѣйствительно, по словамъ перваго, далеко ушла отъ Ломоносова съ Карамзинымъ и мчится прямо

въ даль безумныхъ. Тутъ вы мимоходомъ могли бы сказать, что большая часть нынѣшнихъ авторовъ, за устарѣніемъ языка и слога Карамзина, начали *прислушиваться* къ языку застойной и лабазовъ etc. etc. Полюбопытствуйте прочитать или заглянуть въ іюль 22 книжку *Телеграфа*. Это совершенно произведеніе каникулъ ⁹¹⁾. Но полно объ этомъ. Скажите мнѣ, видѣлись ли вы съ Д. Н. Блудовымъ, ежели такъ, то напомните ему о ливрезонахъ Вольтера. Прошу васъ также сказать мой поклонъ Д. В. Дашкову и В. А. Жуковскому.

Наконецъ, прошу васъ пуще всего, пр[одолжить] ко мнѣ ваше благопріятство и быть [увѣрен]нымъ въ совершенномъ моемъ почтеніи и привязанности, съ коими навсегда къ вамъ пребудетъ вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Москва. 1830, іюля 22 дня.

53.

Письмо ваше, любезнѣйшій князь, я имѣлъ удовольствіе получить на другой день послѣ того, какъ посылалъ въ вашъ домъ навѣдаться объ васъ и вашемъ мѣстопробываніи. И такъ, мы вспомнили другъ друга въ одно время! Стало, есть въ насъ сочувствіе, и потому письмо ваше утѣшило меня вдвое противу всѣхъ прежнихъ.

Искренно радъ, что у васъ благополучно; и у меня въ домѣ, благодареніе Промыслу, доселѣ также. Первые дни или лучше недѣли посѣщенія холеры были тяжки и для морали, и физики. Я пытался развлекать себя выѣздами, куда можно; но вездѣ только и слышалъ о холерѣ: по улицамъ встрѣчаешь пасмурныя лица съ закутанными ртами, иногда же и четверомѣстную карету съ двумя назади или на козлахъ полицейскими: тощая тройка тащитъ ее тихимъ шагомъ. Въ клобѣ отказъ обѣдать и ужинать; комнаты опустѣли; даже и Айгустова ни однажды не видѣлъ; находишь только пять, шесть старожилковъ въ средней комнатѣ, по старому, за картами.

Это рѣшило меня заточить себя въ предѣлахъ нашей улицы: дни проводишь дома, гдѣ послѣ утренняго отчета Погодина и Маркуса ⁹²⁾ могу вѣсколько часовъ забывать о холерѣ, слушая

разказы милой К. о Бонапартѣ и умныхъ головахъ обоого пола, а вечеромъ у ближайшей сосѣдки *), съ которой взялъ слово больше одного раза не упоминать о холерѣ. Впрочемъ, все по старому. На прошедшей недѣлѣ я отъ одного отца приглашаемъ былъ въ крестные отцы, а отъ другого—быть посаженнымъ.

Но перейдемъ лучше къ вашимъ кабинетскимъ занятіямъ. Да поможетъ вамъ добрый и пытливый вашъ умъ скорѣе дописать біографію Фонъ-Визина ⁹³⁾ и приняться за исторію нашей словесности. Это, скажу безъ лести, ваше дѣло; это было бы не послужной списокъ Новикова и Греча, но полная и обдуманная критическая исторія. Боюсь только, виновать, романтической ереси. Я самъ часто желалъ, чтобы кто изъ нашихъ образованныхъ и безпристрастныхъ авторовъ сдѣлалъ выборъ изъ старыхъ нашихъ прозаиковъ и поэтовъ въ хронологическомъ порядкѣ, начиная отъ Кантемира до Карамзина. Въ этой работѣ не отказался бы и я быть вашимъ помощникомъ ⁹⁴⁾.

Какъ живой покойникъ боюсь взять вашу сторону въ пользу моихъ учителей: однакожъ, вспомя тогдашніе способы къ просвѣщенію и вмѣстѣ постоянство и разнообразіе въ важныхъ занятіяхъ Ломоносова, трудолюбіе Тредьяковскаго, игривое воображеніе Сумарокова, Майкова и Богдановича, благородныя и постоянныя усилія Хераскова,—по неволѣ почтешъ ихъ великанами въ сравненіи съ нынѣшними поэтами и прозаиками, для которыхъ и одинъ томикъ всякой всячины—Атлантово бремя.

Я раздѣляю словесность нашу на 4 періода: 1-й начинается отъ Кантемира; характеръ его: усилія приблизить книжный языкъ старинный къ новому свѣтскому, 2-й—отъ Ломоносова: то же стремленіе въ началѣ, а съ половины періода колебаніе въ выборѣ слога, ложное понятіе о высокомъ слогѣ, но вообще постоянное трудолюбіе; стараніе слѣдовать правиламъ изящнаго вкуса, изобиліе въ оригинальныхъ сочиненіяхъ и любовь къ переводамъ иностранныхъ отличныхъ сочиненій; 3-й—отъ Карамзина: счастливое усовершеніе языка, лучшія формы, строгая точность въ словахъ и мысляхъ, ясность въ изложеніи оныхъ и благозвучіе въ слогѣ; 4-му,

*) Гурьевой.

настоящему, нѣтъ имени: это анархія, рабское обезьянство, новизнамъ иностраннымъ, холопской языкъ, мечтаніе о мечтательности или безсильное стремленіе производить въ читателяхъ судороги, отрицаніе принятыхъ правилъ и вкуса и наглое презрѣніе къ предшествовавшимъ авторамъ, исключая графа Хвостова, котораго *Петербургскій Меркурій* недавно назвалъ сѣвернымъ соловьемъ, сравнилъ его съ германскою пѣвицею ⁹⁵). Этотъ періодъ я очень живо представляю въ лицѣ Полевого или Ушакова, или Х.: которой достовѣрное изображеніе увидите въ прилагаемой при семъ книжкѣ.

Отъ Дашкова нѣтъ никакихъ слуховъ; вѣроятно, онъ задержанъ въ Рязани или сидитъ въ карантинѣ. Отъ Карамзиныхъ получилъ только два письма изъ Петербурга. Жаль, что не удалось мнѣ увидѣться съ ними. Когда-то увижусь даже и съ вами? Неизвѣстность еще болѣе страшна для семидесятилѣтняго. Въ надеждѣ на *авось* прошу васъ сказать мое почтеніе княгинѣ и быть увѣреннымъ въ сердечномъ къ вамъ почтеніи и привязанности. Сіи чувства сохранить до послѣдняго вздоха преданный вамъ И. Дмитриевъ.

Москва. 1830, ноября 6-го.

P. S. Чуть не позабылъ: Пустынникомъ Балтійскаго порта не подразумѣвалъ ли С. Ваньку Каина, который сосланъ былъ въ Рогервикъ ⁹⁶).

54.

Очень охотно посылаю вамъ при семъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, *Телескопъ*, *Молву*, и 2 № *Дамскаго журнала Литературной Газеты* не послалъ, въ увѣренности, что вы ее прежде меня получили. Я уже четвертый день въ жестокой простудѣ: вчера весь день ивалъ; не знаю, чтѣ сегодня будетъ со мною. Молодымъ людямъ можно временно и отсрочивать, а мнѣ не мудрено и очень сродно желать скорѣе увидѣться съ тѣми, кои по сердцу. День мой—вѣкъ мой. Недавно получилъ отъ милой княгини Мещерской письмо, а отъ Катерины Андреевны съ ноября ни строчки: боюсь, не досадуетъ ли на меня за отказъ писать

стихи на день ея рожденія!⁹⁷⁾ Куда мнѣ гоняться за романтиками и собирать *сорз душевныхъ впечатльній и мусорз вътреной молвы*, какъ собиралъ нѣкогда великой Шевыревъ въ альбумъ его богини⁹⁸⁾.

Признаюсь, что изъ всѣхъ *нашихъ* романтиковъ уважаю и люблю и умъ, и талантъ, и сердце Пушкина и князя Вяземскаго. Это говоритъ, право, сердце, еще не простывшее къ изящному, не смотря на 70 лѣтъ и вчерашнюю икоту.

Вчера была у меня дочь покойнаго Измайлова и ввѣрила мнѣ всѣ рукописи отцовскія. Надѣюсь найти въ нихъ много достойнаго для помѣщенія въ журналахъ. Пора кончить. И такъ, до свиданья. Заочно васъ обнимаетъ преданный вамъ и умомъ, и сердцемъ И. Дмитріевъ.

Января 13 1831. Москва.

Р. С. Хорошо было бы, любезнѣйшій князь, еслибы въ *Литературной Газетѣ*⁹⁹⁾ поразговорились объ нашихъ просвѣщенныхъ печатальщикахъ или издателяхъ и въ укоръ имъ дали знать, что ни одинъ изъ московскихъ ни за что не хотѣлъ взять оставшіяся сочиненія Измайлова, отзываясь, что на него нѣтъ моды. Хвала петербургскимъ: тамъ и Хвостовъ попалъ въ моду, и издатель его уже въ 4-й разъ говоритъ объ немъ въ предисловіи.

55.

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ!

Чувствительно благодарю васъ за письмо и взаимно привѣтствую васъ съ благополучнымъ достиженіемъ новаго года. Отъ всего сердца желаю вамъ счастья, и мірскаго и душевнаго, не только въ продолженіи онаго, но и до маститыя старости. Благодарю и за доставленіе мнѣ знакомства съ г. Телешевымъ¹⁰⁰⁾. Мы не замѣшкали вспомнить моего друга; пока онъ говорилъ объ немъ, на глазахъ его наворачивались слезы. Довольно и того, чтобы мнѣ полюбить его.

Буду съ нетерпѣніемъ ждаты вступленія вашего на поприще большого и литературнаго свѣта: мнѣ же о своемъ поприщѣ рассказывать вамъ нечего: оно день отъ дня становится тѣснѣе. Любопытныхъ событій у насъ мало; маскарадъ въ собраніи, балъ Мосолова¹⁰¹⁾; французскія святки у Пашковыхъ¹⁰²⁾, и только; и

о томъ знаю по однимъ слухамъ. *Альциону* ¹⁰³⁾ вапу не забуду вручить княгинѣ, а *Сѣверныхъ Цвѣтовъ* ¹⁰⁴⁾ еще не читаль, потому что привыкъ получать альманахи въ гостинцы. *Европеецъ* представился по европейски; надѣюсь, что онъ не переименуется ¹⁰⁵⁾. Но для шутки хотѣлъ бы видѣть и *Русскую Минерву* ¹⁰⁶⁾; издаваемую, какъ сказываютъ, подъ покровительствомъ г(рафа) Х(востова). Это его вторичный *Улей* ¹⁰⁷⁾.

Поцѣлуйте за меня ручку Катерины Андреевны и Софіи Николаевны. Прошу сказать мой поклонъ и всему семейству и вспоминать иногда искренно любящаго и почитающаго васъ отшельника Патріаршихъ прудовъ.

М. 1832, января 13.

56.

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ!

И я мѣшкалъ моею перепискою, чтобы не начать ее пусто-словіемъ: ибо нечего другаго и ждать съ Патріаршихъ прудовъ отъ старика, уклонившагося даже и отъ Аглинскаго клуба, вскорѣ по принятіи онымъ била реформы ¹⁰⁸⁾.

Теперь же съ простертыми руками прижимаю васъ къ сердцу и привѣтствую съ достиженіемъ свѣтлаго праздника; искренно желаю вамъ встрѣтить и проводить его такъ же весело, какъ и сырную недѣлю, но не падать съ качели, ниже скользить по паркету.

Благодарю васъ за сообщеніе новостей, хотя не совсѣмъ новыхъ и прошу поблагодарить любезнаго Александра Сергѣевича за третій томъ его стихотвореній. Какъ нарочно случилось, что я за нѣсколько часовъ до полученія онаго былъ очень обрадованъ прикупкою шести книжекъ Онѣгина, котораго сбереглась у меня только двѣ книжки: 1 и 8. Теперь придется прикупить 1-ю и 2-ю стихотвореній, ибо я довольствовался первымъ изданіемъ въ одной книжкѣ, не зная о *новомъ*. Я не вытерпѣлъ прочитать еще разъ „Мощарта и Сальери“. По этому, говоря моднымъ языкомъ, *созданію* признаю я и мыслящій умъ, и поэтическій талантъ Пушкина въ мужественномъ полномъ созрѣніи.

Пока не успѣлъ писать къ нимъ, усерднѣйшій поклонъ по-

чтенной Катеринѣ Андреевнѣ, милой Софьѣ Николаевнѣ и всему семейству; также и милому, во всемъ неизмѣнному, кромѣ здоровья, и искренно мною любимому Василию Андреевичу; скажите ему, что я всѣмъ сердцемъ желаю, чтобы онъ былъ и здоровъ по прежнему, и продолжалъ утѣшать насъ, даже позволяю и пугать своею лирою, на всѣхъ тонахъ цѣломудренной и благозвучною.

Прошу васъ также сообщить мой усердный поклонъ, привѣтствія съ праздникомъ двумъ новымъ министрамъ ¹⁰⁹⁾ и сказать, что я вспрыгнулъ отъ радости, узнавъ о ихъ наименованіи, и по влеченію сердца хотѣлъ бы поздравить ихъ на письмѣ, но посовѣстился утрудить ихъ отвѣтомъ.

Окончиваю душевнымъ почтеніемъ и нѣжною пріязнію, которую навсегда сохранить преданный вамъ Дмитріевъ.

Москва. 1832, апрѣля 9.

Созданіе Карла XI дошло уже до своего назначенія. Въ первый день праздника и я буду въ обновѣ.

57.

Отъ всего сердца благодарю васъ, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, за долго-жданное, но не меньше пріятное, ваше письмо и за гостинецъ. Онъ будетъ эпилогомъ моей Наполеониды, то-есть, коллекціи его портретовъ въ разныхъ періодахъ жизни его.

Извѣстіе ваше о любезномъ В. А. *) истинно меня тронуло. Скажите ему мой усердный поклонъ. Дай Богъ, чтобы отсутствіе его было и ему, и намъ въ пользу, а возвращеніе въ радость друзьямъ и почитателямъ всего добраго и изящнаго ¹¹⁰⁾.

Моя же поѣздка остановилась за необходимою перекладкою печей и перестилкою половъ въ моемъ домѣ. Чѣмъ начну путешествіе: Ревелемъ или селомъ Богородскимъ, еще самъ не рѣшилъ. Хотѣлъ бы побывать на обоихъ концахъ нынѣшнимъ годомъ, если не будетъ наряда къ дальнѣйшему и невозвратному походу въ страну отцевъ нашихъ. Пріятно доживать и до 70 лѣтъ, и далѣе, но скучно одно, что будь на каждомъ шагу съ оглядкою,

---

*) Жуковскій.

робѣй при всякомъ предпріятіи, и при каждомъ желаніи невольно спрашивай самъ себя: на долго ли?

Жаль и графа, но ему падать въ привычку, и по мнѣ лучше спотыкаться, чѣмъ, по словамъ его „Прощенія съ землею“, отваживаться на полетъ въ Ампирей, не въ пухъ гораціанскаго лебеда, но *лучезарнымъ*. Вѣроятно, это аллегорія къ старому его газетову кафтану, которой онъ сберегъ по выходѣ изъ камеръ-юнкеровъ ¹¹¹).

Прощайте, пока онъ собирается летѣть, я пополазу осматривать вчерашнюю садку вокругъ новой моей бесѣдки, хотя и помню: *passé encore de bâtir, mais planter à cet âge!* А потомъ примусь за Gilbert въ Hôtel-dieu: теперь лишь привесли съ Кузнецкаго моста. Вспоминайте иногда постоянно васъ любящаго и почитающаго И. Дмитріева.

P. S. Прошу сказать тоже и Д. Н. Блудову.

Москва. 1832, іюня 21-го.

58.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ.

Еще прежде вашего отвѣта я собирался къ вамъ съ просьбою, но замѣшкалъ; теперь же вмѣстѣ съ искреннею благодарностію за ваше письмо и гостинець обращаюсь и съ нею къ вашему добродушію.

Съ давняго времени живетъ въ Петербургѣ бѣлорусской помѣщикъ Витебской губерніи Станиславъ Богуславичъ Реутъ. Заочное знакомство наше началось переводомъ его моихъ четверостишій, Ермака, и собственно его одою на взятіе Варшавы, довольно остроумною въ гораціанскомъ родѣ или тонѣ, напечатанной въ Петербургѣ. Но я, къ сожалѣнію, долженъ прибавить, что вдохновеніе посѣтило его въ темницѣ, гдѣ онъ нѣсколько мѣсяцевъ находился на содержаніи одного доброхота, изъ его заимодавцевъ, коимъ онъ задолжалъ до трехъ тысячъ...

Чтобъ не наскучить вамъ многословіемъ, сообщаю вамъ при семъ послѣднее его письмо, которое лучше меня ознакомитъ васъ съ его печальнымъ жребіемъ. Между тѣмъ, убѣдительно прошу васъ доставить ему по приложенному при семъ адресу 50 р. асс., отправленные нынѣ же въ особомъ пакетѣ чрезъ почту, и дозво-

лить Реуту прибѣгать къ вашему покровительству, когда по долговымъ его дѣламъ придется ему хлопотать и карабкаться по высокимъ крыльцамъ. Васъ любятъ и въ большомъ, и въ ученомъ свѣтѣ: не худо было бы для бѣдняка сдѣлать по подпискѣ посильную складчину. Подписка на избавленіе отъ вторичнаго заточенія разбитаго параличемъ старца едва ли не болѣе усладитъ сердце добροхотнаго дателя, чѣмъ на поднесеніе золотой табакерки за описаніе блохи, или на полученіе язвительныхъ выходокъ противъ Карамзина, подъ именемъ „Исторіи Русскаго Народа“¹¹²).

Отчасти соглашаюсь съ вами на счетъ присланной вами брошюрки, однакожь я не безъ удовольствія читаль ее: люблю, когда нашъ вступаетъ за нашихъ. Сыны новой Франціи столько же не добροхотны, и еще болѣе невѣжды, какъ и ихъ дѣды, когда имъ доводится говорить о Россіи, не смотря на то, что и прежде, и нынѣ они копышутся въ ней какъ домашніе¹¹³). Напишетъ ли нашъ Александръ Анѳимовичъ *) подобныя двѣ глупости: „М*** жалую тебя княземъ, не только княземъ, но еще и *доморускимъ*“. Засимъ слѣдуетъ замѣчаніе: „Это титло равняется съ испанскимъ грандомъ“, или: „Въ этотъ день (свѣтлаго воскресенья) всѣ состоянія дѣлаются равными: бородатый мужикъ, встрѣтается на улицѣ или въ церквѣ съ вельможею, бросается къ нему на шею и привѣтствуетъ: „Крестовски островъ“, а тотъ отвѣчаетъ ему: „Васили островъ“. Первая глупость—въ трагедіи „Петръ Великій“, недавно игранной на одномъ изъ парижскихъ театровъ, другая—въ новѣйшемъ путешествіи по Россіи.

Если увидите съ Белизаромъ, прошу васъ сказать ему, что я непременно пришлю къ нему должную сумму, коль скоро получу отъ него остальные книги по приложенной при семъ запискѣ.

Но пора кончить. Вотъ послѣдняя новость въ московскомъ ученомъ свѣтѣ. Недавно два оратора говорили съ кафедръ: Полевой—въ Комерческомъ училищѣ или Академіи „О достоинствѣ и преимуществахъ купца“¹¹⁴), а Смирновъ, на университетскомъ актѣ, о чемъ же говорилъ—неизвѣстно¹¹⁵). Университетъ, не смотря на то, что Карамзинъ и я были первые избранные въ члены, не

*) Орловъ.

удостоилъ меня ни приглашеніемъ, ниже присылкою напечатаннаго акта. Вѣроятно, о томъ и не знаетъ племянникъ Льва Алексѣевича ¹¹⁶). Засимъ: конецъ благополучну бреду. Прощайте, любезнѣйшій князь, будьте здоровы, спокойны, словомъ счастливы, и увѣрены въ постоянной къ вамъ любви и искреннемъ моемъ почтеніи.

P. S. При случаѣ прошу васъ сказать мой поклонъ В. А. Жуковскому, Д. Н. Блудову, С. С. Уварову и А. С. Пушкину, и подписаться за меня на его газету ¹¹⁷). Съ нетерпѣніемъ жду ее.

Москва. 1832, іюля 31 дня.

59.

Торопясь писать послѣднее мое письмо, я позабылъ отвѣчать вамъ, любезнѣйшій князь, на главную статью его. Теперь же на досугъ чувствительно благодарю васъ за вашъ вызовъ, истинно для меня лестный; но въ настоящемъ положеніи моемъ, когда старость ослабила мой умъ и сдѣлала меня недовѣрчивымъ къ собственнымъ силамъ; когда она не охладила во мнѣ одно только чувство благоговѣнія къ незабвенному моему другу, чего можно ожидать отъ пера моего? И въ какое же время? Когда зоишь и кавалеръ судить живыхъ и мертвыхъ и невозбранно глумить не только надъ нашей братьей, давно уже имъ уничтоженной, но и надъ самимъ Карамзинымъ? Когда онъ почти при каждой книжкѣ *Телеграфа* шевелить прахъ его. Нѣтъ, любезнѣйшій князь! Духъ кротости и смиренномудрія не есть моя добродѣтель. Не смотря на мою старость, мнѣ захотѣлось бы отвѣчать ему, а отвѣтомъ моимъ, можетъ быть, подалъ бы ему поводъ къ новому оскорбленію памяти моего друга, и тогда я отъ моей совѣстливости нигдѣ бы не нашелъ мѣста.

И такъ, отъ всей души уступаю вамъ честь быть біографомъ того, кто для обоихъ насъ чѣмъ-то священнымъ. Предлагайте мнѣ смѣло вопросы: на каждый охотно буду отвѣтствовать, а не отвѣтить, сколько знаю и какъ умѣю ¹¹⁸).

Не скрою отъ васъ, что хочется и мнѣ заплатить посильную дань моему другу, но это будетъ состоять въ двухъ-трехъ страницахъ, въ числѣ примѣчаній къ послѣдней части моихъ записокъ, о послѣднемъ годѣ жизни Николая Михайловича ¹¹⁹).

На дняхъ удалось мнѣ съ Уваровымъ ¹²⁰⁾ выслушать сряду двѣ лекціи, не сходя съ мѣста: Давыдова и Каченовскаго. Слушая перваго, сидѣлъ плотно, а послѣдняго, — уже началъ пошевеливаться и даже привставать со стула.

Вчера же у князя Дмитрія Владиміровича обѣдали Уваровъ, Загоскинъ, Самаринъ, Надеждинъ, Шевыревъ, Давыдовъ и вашъ покорный слуга. Спасибо князю. Онъ первый изъ главнокомандующихъ въ Москвѣ показываетъ вниманіе къ отечественной словесности и не чуждается нашихъ писателей. Отъ чего же? Отъ того, что самъ образованъ.

Заключаю поздравленіемъ васъ съ прибытіемъ княгини. Мнѣ очень совѣстно, что не успѣлъ отблагодарить ее за прощальный визитъ, полагая, что на другой по утру уже не застану ея, по собственнымъ словамъ ея; но послѣ узналъ отъ Ч., что она еще пробыла сутки. Прошу сказать княгинѣ душевное мое почтеніе, съ которымъ равно къ вамъ пребудетъ неизмѣнно преданный вамъ И. Дмитріевъ.

Кланяйтесь Блудову и Пушкину, нетерпѣливо жду проспектуса объ его журналѣ.

Москва. 1832, октября 12.

60.

Отъ всего сердца благодарю васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, за милое ваше письмо и взаимно привѣтствую васъ съ достиженіемъ не только новаго года, но и новаго званія. Оно для царедворца гораздо существеннѣе и благозвучнѣе, чѣмъ *по разнымъ порученіямъ* ¹²¹⁾. При первой вѣсти о томъ я уже мысленно поздравилъ высокопочтеннаго вицъ-президента, но замѣшкалъ исполненіемъ того письменно или письмомъ, все въ ожиданіи отъ васъ вопросовъ на счетъ задуманной біографіи.

И такъ, благое Провидѣніе судило и мнѣ дожить до новаго года. И я, не отставая отъ Фамусовыхъ и прочихъ, сподобился встрѣтить его подобающимъ образомъ: на канунѣ пошевелился на блистательномъ балѣ, и въ двухъ маскарадахъ, дворянскомъ и нѣмецкомъ, а въ первый день выѣхалъ изъ дома въ смиренномъ

фрагмѣ, съ благодарнымъ чувствомъ выслушалъ обѣдню и умную проповѣдь въ приходской церквѣ и возвратился во свояси; отправилъ, куда слѣдуетъ, карточки; заглянулъ въ первый номеръ *Московскихъ Вѣдомостей*, послушалъ въ нихъ адажію и фугу двухъ провозвѣстниковъ новолѣтія — извѣстныхъ чиновниковъ парнаской внутренней стражи; порадовался за степнаго помѣщика дородности поваго календаря и полюбовался выпавшими въ даръ и на мою долю изъ урны нашей словесности билетомъ на *Телескоп*¹²²), вторымъ томомъ „Орланда“¹²³), системою преподаванія словесности¹²⁴). Обѣдалъ же и провелъ весь день до ночи въ трехъ шагахъ отъ дома, у сосѣдки.

Вотъ вамъ вѣрный отчетъ въ моемъ суточномъ существованіи. Остается просить васъ засвидѣтельствовать глубочайшее мое почтеніе княгинѣ Вѣрѣ Ѳеодоровнѣ и желанія мои ей со всѣмъ семействомъ возможнаго благополучія на многіе годы.

Когда вы будете писать къ В. А. Жуковскому, то не забудьте увѣрить его, что я искренно люблю его и уважаю и всѣмъ сердцемъ желаю ему совершеннаго выздоровленія; маленькому же Гриму можете при случаѣ сказать, что я былъ и есть все тотъ же; но онъ самъ хотѣлъ казаться не тѣмъ же. Заглядывалъ къ намъ только изъ благопристойности. Мы конечно не Балланши, не Шатобріаны, но всетаки были бы ему паристѣ, нежели красныя дѣвушки, въ бесѣдѣ которыхъ онъ только и находилъ удовольствіе. Прибавлю еще, что я и теперь люблю его по прежнему, и не перестану желать, чтобъ онъ скорѣе возвратился и способности свои посвятилъ на полезную службу отечеству¹²⁵). На силу досказалъ — и такъ до свиданья съ любезнымъ вицъ-директоромъ.

P. S. *Телеграфъ* годъ отъ году распространяетъ свое вліяніе: и всѣмъ ценсорамъ, какъ они сами отзываются, запрещено пропускать на него критики, а ему разрѣшается и нынѣ глумить надъ Карамзинымъ и его почитателями, съ презрѣніемъ говорить о дворянскомъ сословіи и классицизмѣ. Чего же ожидать впередъ отъ нашей словесности? Молодость удобопреклонна. И такъ уже половина словесниковъ по милости Полевого и семинаристовъ заговорила языкомъ лабазовъ.

Прилагаю при семъ къ свѣдѣнію статью, не прощупанную цеп-

соромъ Лазаревымъ (взятымъ изъ экзекуторовъ опеунскаго совѣта). Нельзя ли попытаться помѣстить ее въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ? Разрѣшаю вамъ даже показать ее Сергѣю Семеновичу *).

Москва. 1833, января 5 дня.

61.

(1833).

Милостивый государь князь Петръ Андреевич!

Прежде всего привѣтствую васъ и ея сіятельство, княгиню Вѣру Федоровну съ наступающимъ праздникомъ Воскресенія Христа Спасителя. Искренно желаю вамъ провести его и внѣ, и вседомовно, какъ говаривали наши дѣды, благополучно и весело.

А потомъ приношу мою благодарность за доставленіе книги. Прошу васъ увѣрить г. издателя оныя, равно и г. барона Розена, въ чувствительной моей признательности за честь, оказанную отъ нихъ инвалиду 18 столѣтія. Къ послѣднему я давно собирался писать, но удержанъ былъ тѣмъ, что не знаю и теперь ни имени, его, ни адреса ¹²⁶).

Въ *Новосель*, которую давно уже я видѣлъ на сторонѣ, но не успѣлъ прочитать всего, полюбились мнѣ „Незнакомка“ замысловатая и съ разсудкомъ веселая, Бригадиръ, воспоминаніе и нѣчто. Съ перваго взгляда кажется, что удача въ отдѣлкѣ и *мышленіе* на сторонѣ прозы ¹²⁷).

Не перестаю помышлять и нынѣ о задуманномъ уже давно походѣ: желалъ бы полюбоваться вашею выставкою, а еще болѣе быть благоговѣйнымъ и благодарнымъ зрителемъ открытія памятника въ Бозѣ почивающему Александру **). Но 70 лѣтъ, съ коими никакъ не могу свыкнуться, при каждомъ житейскомъ помыслѣ приводятъ меня въ робость, чему быть, то и будетъ. Передаюсь Провидѣнію, а между тѣмъ обнимаю васъ, любезнѣйшій князь, и пребуду навсегда съ чувствомъ искренняго почтенія и пріязни вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

P. S. О сообщенныхъ уже давно запросахъ скажу вамъ послѣ праздниковъ. Не хочется соединять свѣтлаго съ мрачнымъ. Но не

*) Уварову.

***) Александровской колонны.

вытерплю и теперь сказать, что воспоминаніе о незабвенномъ Карамзинѣ нынѣ стало для меня соединено съ *сугубою* горестію, по милости журналиста и его ценсора. Кошчимъ другимъ—взгляните на виньетку: какъ весело быть Лазаревымъ! Взмогился подь самага Ивана Великаго. Еслибы случилось писать къ его начальнику Гол. *), то онъ выше бы и его былъ.

62.

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ!

Простите старости, которая не всегда повинуется моей волѣ, что я замѣшкался отвѣтомъ; но и теперь пришлось не имѣ начинать мои строки: я пораженъ былъ несчастіемъ Катерины Андреевны. Дай Богъ, чтобъ она перенесла его! Болѣе не скажу ни слова: мнѣ столько же тяжело продолжать о томъ, какъ и вамъ слушать¹²⁹).

Между многими пустыми вопросами профессора есть и дѣльные; но я знаю мастерство вопросителя, хотя и благонамѣреннаго; отгадываю, какъ тяжело будетъ написано, сколько будетъ ошибокъ въ сужденіяхъ, и потому право не хочется отвѣчать ему¹³⁰). Если ваши настоящія занятія мѣшаютъ вамъ самому заняться біографіею моего друга, и столь близкаго и къ вашему сердцу, такъ я лучше поберегу запасъ мой для будущаго историка нашей словесности, или для Андрея Николаевича. Пусть онъ будетъ біографомъ отца своего, докажетъ его заслуги отечественной словесности и устыдитъ холодныхъ молчалиниковъ или наглыхъ зоиловъ.

Приступаю опять къ сборамъ, авось скоро увидимся и поговоримъ лично поболѣе.

Между тѣмъ съ искренними чувствами почтенія и любви обнимаетъ васъ преданнѣйшій вамъ Дмитріевъ.

Москва. 1833, мая 10 дня.

63.

(1833).

Старческая совѣсть, любезнѣйшій князь, разшевелилась, и я рѣшился отложить отъѣздъ мой до пятницы, чтобъ имѣть удоволь-

*) Князю С. М. Голицыну.

ствіе провести съ вами у дорогой именинницы. И такъ, кромѣ васъ и вашихъ, всѣ прочіе здѣсь уже задержаны отъ меня завѣсою. Сообщите о томъ почтенной Катеринѣ Андреевнѣ. вмѣсто *середы* приду обѣдать къ ней завтра, а сегодня буду весь день зѣвакой въ пріятной надеждѣ проводить *вечеръ* съ вами.

Между тѣмъ препровождаю къ вашему сіятельству мою вещицу, которую покорнѣйше прошу васъ приказать положить въ ящикъ вмѣстѣ съ подаренными отъ васъ портретами. До свиданія ¹³¹).

64.

Наконецъ я опять очутился въ Москвѣ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ. Гордъ, веселъ и признателенъ къ Провидѣнію, за совершеніе на семидесятихъ годахъ двухъ тысячъ верстъ, если не болѣе.

Теперь остается воздать сердечную благодарность мою, вонервыхъ, вамъ за вашу постоянную ко мнѣ пріязнь и просить васъ быть органомъ столь же искренней моей признательности, особенно графамъ Вельегорскимъ, А. С. Пушкиву и П. А. Плетневу ¹³²). Не забудьте выставить меня учтивымъ и предъ прочими, кому заблагоразсудите, изъ участвовавшихъ на прощальномъ пиру. Этотъ день, право, одинъ изъ счастливыхъ дней въ моей жизни, и тѣмъ болѣе для меня замѣтный и пріятный, что задумали подарить меня имъ не ровестники мои, а бодрые сыны новаго поколѣнія ¹³³).

Чтобы не пропустить почты, тороплюсь на сей разъ кончить свидѣтельствомъ душевнаго почтенія и пріязни, кои навсегда сохранить къ вамъ искренно любящій васъ покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Москва. 1833, августа 3 дня.

65.

Посылаю къ вамъ при семъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, 75 рублей ассигнаціями, которые покорнѣйше прошу васъ доставить Дмитрію Николаевичу Блудову, для пріобщенія къ суммѣ пожертвованій на сооруженіе памятника историографу. Это не дань

благоприличію, а самая искренняя—и отъ кого же? Подивитесь и порадайтесь: отъ дочери Павла Ивановича Голенищева-Кутузова ¹³⁴) и ея супруга. Я умиленъ былъ ея поступкомъ и удвоилъ къ ней мое почтеніе. Я хотѣлъ бы, чтобъ они оба въ списокъ были поименованы. А Полевой, пользуясь невидимо, отъ кого и для чего, привилегіей, продолжаетъ поминать недобрымъ словомъ чествуемаго нами праведника; не забылъ его и въ послѣдней книжкѣ *Телеграфа*, если не ошибаюсь въ описаніи какого-то зданія, приписаннаго — подивитесь и этому — бывому и нынѣ выдающему себя приержепцемъ Николая Михайловича. Приписаніе его заключается въ сихъ словахъ: „Глубоко уважаемому мною археологу“ ¹³⁵).

По приѣздѣ моемъ сюда сказывали мнѣ, будто Гречъ и услужливый или оборотливый Кузень вошли въ залу искусственныхъ водъ: первый съ надежною осанкой, а послѣдній прищурясь, бросили взглядъ на собраніе, и будто одинъ сказалъ другому: „Душно! Вся зала сперлась аристократіей“ и вышли ¹³⁶).

Еще за новость сообщаю, что возвратившійся князь Сергій Михайловичъ вступилъ уже въ управленіе Московскимъ университетомъ ¹³⁷).

До свиданія, любезный князь Петръ Андреевичъ; хотя робѣю, а хочется заключить этимъ словомъ — обнимаетъ васъ всею душою преданный вамъ Дмитріевъ.

Москва. 1833, августа 9-го дня.

P. S. Прилагаю при семъ для вашего любопытства и копію съ письма Авдотьи Павловны Глинка *).

66.

Москва. 1833, сентября 17-го.

Очень радъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, что вчерашній день подаетъ мнѣ случай писать къ вамъ и прежде всего

*) При этомъ письмѣ сохранился пакетъ, на которомъ рукою И. И. Дмитріева написано: „Статская совѣтница Авдотья Павловна Глинка, урожденная Голенищева-Кутузова, препровождаетъ при семъ ассигнаціями семьдесятъ пять рублей въ составъ суммы добровольно приносимой для сооружеія монумента исторіографу Карамзину“.

поздравить васъ и княгиню со днемъ именинъ ея. Искренно желаю, чтобъ вы провели этотъ день весело.

Со времени послѣдняго письма изъ Дерпта я ничего не знаю о послѣдствіи болѣзни бѣднаго младенца. Недавно писалъ къ Катеринѣ Андреевнѣ, и, смущенный письмомъ ея, даже позабылъ поздравить Софью Николаевну съ ея именинами. Поправьте за меня упущенное мною и скажите мнѣ два слова на счетъ больного.

Не меньше любопытствую звать отъ самихъ васъ, правда ли, будто вы собираетесь въ чужіе края, но куда и зачѣмъ, добровольно или по службѣ, о томъ не слышно. Въ томъ и другомъ случаѣ желаю поселиться и возвратиться здоровымъ. Мы только вздохнемъ, что уже рѣже будемъ слышать васъ, и долго, можетъ быть, не увидимъ ¹³⁸).

Остается поблагодарить васъ за доставленіе мнѣ знакомства съ почтеннымъ барономъ Люцероде ¹³⁹). Онъ у меня обѣдалъ и еще сегодня посѣтилъ меня. А вчера или третьяго дня его въ Братцовѣ ¹⁴⁰) хоромъ цыганокъ (sic). На вопросъ нѣкоторыхъ дамъ, какое впечатлѣніе произвели въ немъ ихъ пляска и пѣсни, онъ отвѣчалъ: то же, чтó сочиненія Бальзака.

Отъ всего сердца съ искренними почтеніемъ и пріязнію обнимаетъ васъ преданный вамъ Дмитріевъ.

P. S. Что слышно о монументѣ. Отдаво ли собственное мое приношеніе Д. Н. Блудову?

67.

Благодарю васъ, любезный князь Петръ Андреевичъ, за доставленіе мнѣ портрета съ г. С.; но мнѣ бы еще пріятнѣе было по общанію вашему получить отъ васъ копію съ собственнаго вашего портрета, снятаго прусскимъ художникомъ, и съ портрета В. А. Жуковскаго, присланнаго къ вамъ изъ Швейцаріи. Передайте ему самое искреннее мое желаніе, чтобы онъ берегъ свое здоровье и порадовалъ любящихъ его москвичей своимъ свиданіемъ. Не худо бы и вамъ вмѣстѣ съ нимъ повидаться съ Москвою.

По сердечному моему участію во всемъ, чтó касается до Ка-

рамзинныхъ, я хотѣлъ бы писать къ Катеринѣ Андреевнѣ, но боюсь напомнить ей о новой потерѣ. По крайней мѣрѣ прошу васъ сказать ей, что я часто вспоминаю объ ней и семействѣ ея съ чувствомъ добраго родственника.

Не спрашивайте меня о здѣшнихъ новостяхъ: вечерніе визиты мои еще рѣже прежняго. Стоя на порогѣ жизни, стараюсь *наживаться* чаще въ домашнемъ быту: всю осень хлопоталъ преобразованиемъ моего сада по плану Финтельмана, хотя и очень помню Лафонтена: *Passe encore de batir à cet âge!*

Не хочется перемѣнить формулы, и такъ опять: *до свиданья*, обнимаеъ искренно и уважающей васъ И. Дмитриевъ.

Москва. 1833, ноября 2 дня.

68.

Отъ всего сердца благодарю васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, за ваше письмо и гостинецъ, который обличилъ меня въ моей недогадливости. Я нѣсколько минутъ былъ въ недоумѣніи, за какую вещь принять его. Сомнѣваюсь, чтобъ новый годъ такъ улыбался мнѣ, какъ вы желаете. Развѣ вы не читали предварительнаго извѣщенія *Телеграфа*? Опъ грозитъ судить меня и конечно судомъ неумытлымъ. Каково же умереть заживо? ¹⁴¹⁾

Но я надѣюсь, что пріятели мои еще будутъ признавать меня хотя живымъ покойникомъ и не прекратятъ со мною своихъ сношеній. Ваши строки имѣютъ магическую силу молодить меня.

Примите же и отъ меня взаимное привѣтствіе съ благополучнымъ достиженіемъ не только новаго года, но и 5-го класса по гражданскому служенію ¹⁴²⁾. Всею душою желаю вамъ и вашимъ всего пріятнаго и полезнаго въ мірѣ, словомъ, возможнаго благоденствія прочнаго и непрерывнаго.

Я писалъ къ Катеринѣ Андреевнѣ предъ ея именами: она не отвѣчала, потомъ обращался къ вамъ на счетъ ея, и вы ни слова. Признаюсь, это молчаніе беспокоитъ меня: здорова ли она? И что ея дѣти, вступили ли въ службу?

Пушкинъ два раза былъ въ Москвѣ и не удостоилъ свиданіемъ съ собою; но я не злопамятенъ, и подписался на *Библио-*

теку для чтенія, а не для зѣванья, чтобы слушать хотя въ ней моихъ любимцевъ. Новая *Бесѣда*, вѣроятно, не уступитъ старой. Покойница и при Державинѣ похожа была на кабинетъ восковыхъ куколъ въ ростъ человѣческой¹⁴³). На счетъ же новаго остроумца совершенно согласенъ съ вами: драгоценность его уже другой мѣсяцъ украшаетъ геніальную полку моего шкафа. И я еще не ознакомился съ нею. По языку *народно*, это правда, а все что-то отзывается Бальзакомъ или Жаненомъ. Прекрасно,... а зѣваю¹⁴⁴). Такова сила привычки къ 18 столѣтію. То же испытываю и при геніальномъ стихѣ: *Душе, проквашенная злобой*. Выраженіе сильное, новое, а признаюсь, и оно не по мнѣ.

Чтобъ наговориться съ вами досыта, скажу еще вамъ, что я по части журналистики подписался на *Ученыя Записки* Московскаго университета, *Библіотеку для Чтенія*, на *Журналъ Министертства Народнаго Просвѣщенія*, *Сѣверную Пчелу*, *Прибавленіе къ Инвалиду* (о чемъ прошу сообщить Воейкову), на *Journal de Francfort*, *Revue de Paris*, *Le premier Litteraire* (?) и *Journal Bibliographique*. Довольно запаса для семидесятилѣтняго сидня. Есть пробавиться и безъ Англійскаго клуба.

Наконецъ, въ ожиданіи дорогихъ гостей на гостепріимную стѣну нижняго кабинета *), заочно цѣлую обоихъ подлинниковъ отъ всего сердца и пребуду навсегда вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. И. Дмитріевъ.

Москва. 1834, января 5 дня.

69.

Чувствительно благодарю васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, за копію съ портрета В. А. Жуковскаго. Теперь съ нетерпѣніемъ буду ожидать и вашего. Пусть оба жилья моего дома, въ разныхъ мѣстахъ, напоминаютъ мнѣ хотя въ очеркѣ тѣхъ, которые такъ мнѣ по уму и по сердцу.

Примѣненіе ваше извѣстной пословицы къ библіотекѣ Смирдина очень встаети¹⁴⁵): право, я и самъ ее же вспомнилъ при первомъ взглядѣ на книгу, но потомъ вспомнилъ и другую: „Не красна изба углами“, и тотчасъ придвинулъ эту отечественную корчагу, это хра-

*) То-есть, портретовъ В. А. Жуковскаго и князя П. А. Вяземскаго.

нилице русскаго умственнаго капитала текущаго столѣтія, и однимъ духомъ прочиталъ статью объ *сагахъ*. Будучи совершеннымъ профаномъ въ историческомъ дѣлѣ, я ни слова не скажу ни *за*, ни противъ *саговъ*, разумѣя доселѣ ихъ преданіями былей съ примѣсью также и небылицъ. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ скандинавскія саги озарятъ новымъ свѣтомъ будущую нашу исторію; можетъ быть, какой-нибудь обритый подъ парикомъ или усастьи иноземецъ вразумитъ моего внука, малютку въ крестьянской красной рубашкѣ, и вдолбитъ ему въ головку прямое понятіе о нашемъ происхожденіи и объ истинныхъ на Руси событіяхъ. Все это хорошо, и я благоговѣю предъ сагами; но со всѣмъ тѣмъ какъ-то грустно замѣчать въ нашей словестности какое-то умышленное стремленіе къ помраченію достоинствъ и заслугъ Карамзина, хотя и должно сознаться, что никто лучше и умнѣе Брамбеуса не оправдывалъ моего друга. Какъ-то грустно даже и стыдно—уже предъ готовой могилой—узнать, что у насъ еще нѣтъ исторіи, и поколебаться въ вѣковой вѣрѣ даже и о бытіи самаго Нестора ¹⁴⁶).

Къ слову о *Библиотекѣ*: посылаю къ вамъ отрывокъ изъ 5-го номера *Московскихъ Вѣдомостей*. Онъ заставилъ здѣсь многихъ думать, будто я писалъ его. Сегодня только узналъ, что Ширавевъ, изъ угожденія Смирдину, напечаталъ эту статью подъ начальными буквами моего Созія, какого-то мальчика-корректора Ивана же Дмитриева. Зачѣмъ бы не выставить хотя его званія, чтобы защитить меня отъ напраслины. Это ясно показываетъ тупость, если не глупость, редактора или явные виды низкаго корыстолюбія. Право, и грустно, и даже стыдно говорить о томъ, а не вытерпимъ. Нельзя ли, любезнѣйшій князь, довести о томъ до свѣдѣнія С. С. Уварова и сказать къ очисткѣ моей слова два о томъ въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Инвалиду* ¹⁴⁷)?

Поздравьте отъ меня удалаго поэта камеръ-юнкеромъ. Надѣюсь, что онъ и въ области прозы не перестанетъ иногда проблескивать своей поэзіей ¹⁴⁸).

Каково же вамъ, когда я и самъ уже усталъ писавши? И такъ, извините и оставайтесь въ покоѣ. Обнимаесть всѣмъ сердцемъ искренно любящій и почитающій васъ И. Дмитриевъ.

Москва. 1834, января 19-го.

70.

Милостивый государь, князь Петръ Андреевичъ.

Мы не успѣли поздравить другъ друга съ минувшимъ праздникомъ. По крайней мѣрѣ могу васъ увѣрить, что и мысленно, и на дѣлѣ мнѣ пріятно всегда поздравлять васъ съ праздникомъ и съ чиномъ, и съ крестомъ, и съ арендою, и съ спокойствіемъ духа, и съ счастливыми стихами.

Я не въ претензіи за рѣдкія ваши письма: для старика, уже отжившаго свой вѣкъ, почитается и то за истинное благодѣяніе, когда помнятъ его заочно добрые люди въ полнотѣ своей жизни, посреди кабинетскихъ своихъ занятій, прельщенія и суетъ большаго свѣта, и освѣжаютъ иногда вялый остатокъ бытія его своимъ писаніемъ.

На вопросъ вашъ о новомъ изданіи твореній В. Л. Пушкина, могу только сказать, что недавно князь Шаликовъ уже издалъ цидулки въ стихахъ, писанныя къ нему Васильемъ Львовичемъ, по словамъ его, однимъ присѣстомъ. Содержаніемъ каждой одно и то же—постоянное приглашеніе къ обѣду. Не знаю, что было побудительною причиною сего изданія: данъ ли чувствительнаго сердца, или примѣръ Лафонтенова медвѣдя. Не на нихъ ли нашъ патріархъ собиралъ въ вашемъ клубѣ подписку? ¹⁴⁹). Кромѣ этой брошюрки и романа: „Василій Косый“ ¹⁵⁰) А. Орлова, я ни о какомъ новомъ издѣльѣ нашей московской литературы не знаю. За то вы богаты своими—откуда хлынуло такое изобиліе, такія... созданія? У меня и теперь еще не отдохнули руки отъ пудовыхъ ежемѣсячныхъ тетрадокъ вашей *Библиотеки*.

Заключаю домашнимъ событіемъ: по перемѣнившимся обстоятельствамъ, говоря приказнымъ языкомъ, я опять поступилъ членомъ въ Англійской клубъ, со внесеніемъ трехсотной пени. И отнынѣ паки лицомъ къ лицу съ нашими старожилами, и вспоминаю Батюшкова и Геркуланумъ.

Пора кончить. Съ искренней любовью и почтеніемъ обнимаетъ васъ преданный вамъ И. Дмитріевъ.

Москва. 1834, мая 5-го.

71.

(1835).

Мнѣ очень жаль, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, что я (не) могъ воспользоваться посѣщеніемъ вашимъ. Опоздалъ возвратиться только нѣсколькими минутами. Благодарю васъ за него и за *Ичелу*, которую при семъ возвращаю. Надѣюсь, что вамъ не непріятно будетъ получить при ней два экземпляра и новѣйшаго произведенія графа Хвостова. Одинъ для васъ, а другой для А. С. Пушкина. Третьяго дня вечеромъ, по словамъ слуги его, онъ пришелъ въ память; сказали ему, что по утру я посѣщаль его, и первое слово его было: „Завтра послать ко мнѣ 6 экземпляровъ“. Икота еще продолжается. Право жаль его *)¹⁵¹⁾.

72.

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ!

Конечно, вамъ уже извѣстно, чѣмъ я былъ встрѣченъ въ первый день приѣзда моего въ Москву: этотъ горестный случай причиною, что я не писалъ къ вамъ съ первою почтою¹⁵²⁾. Но я тѣмъ не менѣе изъ глубины сердца благодарю васъ за всѣ доказательства вашей доброй, можно сказать, родственной ко мнѣ пріязни, которой всю цѣну я умѣю и понимать, и чувствовать¹⁵³⁾.

Здѣсь я почти ни съ кѣмъ еще не видѣлся и объ здѣшнихъ новостяхъ ничего не знаю. И такъ остается просить васъ засвидѣтельствовать глубочайшее мое почтеніе милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Ѳеодоровнѣ и продолжать ко мнѣ вашу пріязнь, во всѣхъ отношеніяхъ для меня лестную. Я же съ дружескимъ почтеніемъ и привязанностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. Иванъ Дмитріевъ.

1835, сентября 14. Москва.

Р. С. Покорнѣйше прошу васъ при случаѣ сказать мое почтеніе Д. Н. Блудову, В. А. Жуковскому, А. С. Пушкину и графамъ Вельегорскимъ и вмѣстѣ увѣрить ихъ въ благодарности

*) На этой записочкѣ рукою князя П. А. Вяземскаго написано: „Возврати мнѣ записку“.

моей за оказанное старику на чужбинѣ снисходительное участіе, а послѣднимъ и за ихъ гостепрѣимство. Также поклониться и Дмитрію Гавриловичу съ Софьей Сергѣевною. Это прибавляю на случай, если позабылъ въ разстройствѣ духа сказать о томъ въ письмѣ къ Сергѣю Сергѣевичу¹⁵⁴). Еще просьба: Изъ прилагаемой при семъ копіи съ письма нашего университета профессора Рейса къ Д. Н. Блудову увидите, что генеральная консисторія положила сдѣлать ему выговоръ и чуть не написать ли объ отрѣшеніи его отъ должности члена въ здѣшней лютеранской консисторіи, вопреки его жалобы на секретаря, который, по словамъ его, оказалъ ему грубость. Это консисторское опредѣленіе поступить на разсмотрѣніе Дмитрія Николаевича. Нельзя ли сдѣлать мнѣ одолженіе попросить его превосходительство отъ меня, чтобъ не выдавать старика къ торжеству молодого секретаря и освободить его отъ выговора съ сохраненіемъ мѣста по консисторіи¹⁵⁵).

73.

Примите, почтенный и любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, сердечную мою признательность и за милое ваше письмо, и за привѣтствіе меня со днемъ именинъ моихъ, и за всѣ ласковые на счетъ мой отзывы, хотя и не заслуженные, но всегда лестные для меня изъ устъ вашихъ.

Изъ письма моего къ Катеринѣ Андреевнѣ можете узнать о настоящемъ моемъ положеніи. Чувствую самъ, что для меня отраднѣе было бы доживать у васъ, тамъ, гдѣ я въ двухъ поколѣніяхъ еще сохранилъ людей, съ коими по уму и по сердцу пріятно мнѣ симпатизировать. Одни любили меня еще въ молодости лѣтъ моихъ; другіе не отвращаются еще отъ моей старости, или находятъ ее довольно сносною.

Здѣсь же я только и гожусь бывать иногда у новыхъ Транжиринныхъ, и то у близорукихъ или безъ тонкаго чутья, на званныхъ обѣдахъ, для круглаго счета въ звѣздахъ и двукласныхъ, а россѣянкамъ моимъ не подъ пару, потому что сущій профанъ въ карточномъ дѣлѣ. И таеъ, приходитъ зѣвать въ Англійскомъ клубѣ; но и тотъ, очевидно, наполняется новымъ и громогласнымъ народомъ. Старожилы рѣдѣютъ, и Д. В. Чертковъ выбылъ изъ рядовъ ихъ¹⁵⁶).

Я ожидаю, что вы напомните мнѣ о молодыхъ литераторахъ. Но гдѣ же старыя? Развѣ вы не читали осьмой книжки *Наблюдателя* ¹⁵⁷). Профессоръ Шевыревъ и эксъ-студентъ Бѣлинскій ¹⁵⁸) давно уже похоронили не только нашу братью стариковъ, но, не прогнѣвайтесь, и васъ, и Батюшкова, и даже Пушкина. Г. профессоръ объявилъ, что нашъ *чопорный* (это модное слово) метръ и нашъ *чопорный* языкъ поэзіи никуда не годятся, *монотонны* (также любимое слово), для образца же выдалъ въ *Наблюдатель* переводъ въ своихъ октавахъ седьмой пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима“. Желалъ бы, чтобъ вы сличили его съ переводомъ Раича и сказали мнѣ, находите ли вы въ метрахъ и поэтическомъ языкѣ Шевырева музыкальность, силу и выразительность, которой, по словамъ его, недостаетъ въ русской поэзіи нашего времени? У насъ не доставало только *поминокъ* и *слезинокъ*, которыми г. профессоръ украсилъ свои октавы. Какъ бы то ни было, но мы отнынѣ, по словамъ его, уже не существуемъ для воспитанниковъ Московскаго университета. Отнынѣ уже начнется въ немъ новый языкъ и новая метода для развода гениальнаго племени. Да поможетъ Фебъ Шевыреву! Однакожъ... тяжело пережить отцовскій языкъ и приниматься опять за азбуку! ¹⁵⁹)

Простите меня за стариковскую болтливость и любите по прежнему. Всѣмъ сердцемъ обнимаетъ васъ до свиданья преданный вамъ И. Дмитріевъ.

Милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Феодоровнѣ и любезному вашему семейству свидѣтельствую искреннее мое почтеніе.

Москва. 1835, октября 4 дня.

74.

Москва. 1835, декабря 14.

Милостивый государь, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ! Хотя издалека, но тѣмъ не меньше отъ всего сердца привѣтствую васъ и милостивую государыню княгиню Вѣру Феодоровну съ двойною высокомонаршею милостію ¹⁶⁰).

Я еще не видался съ княземъ Петромъ Ивановичемъ: размѣнялись только визитами, но другъ друга не заставляли ¹⁶¹).

Впрочемъ, пожелавъ вамъ и любезному вашему семейству возможнаго благоденствія, съ чувствами душевнаго почтенія и искренней пріязни постоянно пребуду, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Прошу васъ сказать мое искреннее почтеніе милостивой государынѣ Катеринѣ Андреевнѣ и ея любезному семейству, В. А. Жуковскому и Петру Ивановичу Полетикѣ.

75.

Милостивый государь, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ!

Въ послѣдній день дряхлаго года привѣтствую васъ съ достиженіемъ новаго и всѣмъ сердцемъ желаю вамъ и всему вашему любезному семейству встрѣтить и проводить его, сколько возможно, лучше и пріятнѣе.

Съ тою же искренностью благодарю васъ за милое письмо ваше и литературный гостинецъ. Не вините меня, что такъ поздно хватился благодарить: мнѣ хотѣлось писать къ вамъ не прежде, какъ по свиданіи моемъ съ княгинею *); но первый мой визитъ былъ такъ неудаченъ, что не успѣлъ сказать ей и пяти словъ: она окружена была посѣтительницами. Въ другой же пріѣздъ мой получаю внезапную вѣсть у крыльца, что со вчерашняго дня княгиня уже катитъ въ дилижансѣ по гладкой Петербургской дорогѣ. Затѣмъ, наступила суматошная недѣля, и я при всей моей любви къ независимости, жалкій и незваный труженикъ свѣта, только что теперь улучилъ спокойный досугъ удовлетворить моему сердцу, которому такъ пріятно всегда сказать вамъ, хотя на письмѣ, нѣсколько словъ и отъ васъ услышать столько же.

Теперь же доволенъ буду и *однимъ*, если вы *имъ* порадуете меня на счетъ Андрея Николаевича **). Я до сихъ поръ остаюсь въ тяжкой неизвѣстности о дальнѣйшемъ ходѣ его болѣзни. Какъ мнѣ жаль Катерины Андреевны!

Но да утѣшитъ ее и васъ всемогущее Провидѣніе! Съ симъ сердечнымъ моленіемъ и съ чувствами искренняго почтенія къ

*) Вѣрою Федоровною Вяземскою.

***) Карамзина.

вамъ и милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ обнимаетъ васъ преданный вамъ навсегда И. Дмитріевъ.

Москва. 1835, декабря 31 дня.

76.

На силу вы вспомнили меня съ прошлаго года, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ! Но я съ прежнею искренностью благодарю васъ за письмо, а попеняю только за то, что не сказали въ немъ ни слова объ Андреѣ Николаевичѣ, совершенно ли онъ выздоровѣлъ, началъ ли выходить, и на чемъ рѣшилось по случаю предполагаемой поѣздки за границу.

Препровождаю при семъ очистку вашихъ вопросовъ. Можетъ быть, доставлю вмѣстѣ съ нею *посланіе* къ Фонъ-Визину¹⁶²⁾ и выписку объ немъ изъ моихъ записокъ, если первую не замѣшпають по обѣщанію прислать, а вторую соберусь съ силами выписать. Съ потери брата я что-то разстроился и упалъ духомъ. Жаль, что покойникъ не отказалъ, какъ водится, бумагъ сыну своему или по крайней мѣрѣ хотя мнѣ для передачи другимъ по моему выбору. Теперь они въ рукахъ сына, Ипполита Бекетова, не того, котораго вы знаете, а другого. Петръ Петровичъ Бекетовъ передалъ ему право своего наслѣдства, состоящаго въ ветхомъ домѣ, въ русской библіотекѣ, въ уцѣлѣвшемъ портфельѣ съ любимыми эстампами, въ десяткѣ или побольше заимодавцевъ и въ кучѣ рукописей. Хочу похлопотать на счетъ послѣднихъ. Если удастся, охотно подѣлюсь съ вами¹⁶³⁾.

Какъ я жажду получить отъ васъ, если можно, копію съ отысканной бумаги! У кого она въ рукахъ, и будетъ ли издана въ свѣтъ? Не меньше желалъ бы имѣть и съ другой, посвященной покойному и незабвенному Александру. Знаю, что она и здѣсь многимъ извѣстна посредствомъ *Золовой арфы* *)¹⁶⁴⁾.

Если можно, по словамъ покойницы нашей риторики, перейти отъ высокаго къ низкому, то рекомендую вамъ прочитать 1 и 2 книжку на текущій годъ *Телескопа*, выданнаго Надеждинымъ уже по воз-

*) Арзамасское прозвище А. И. Тургеневъ.

вращеніи его изъ Парижа. Въ нихъ замѣчателенъ взглядъ его на Парижъ съ катедральной колокольни; его же *европеизмъ* и народность въ нашей словесности; и еще нѣчто *объ ничемъ*, то-есть: отчетъ о теперешнемъ ходѣ нашей словесности, представленный ему по возвращеніи отъ сотрудника его по журналамъ эксъ-студента Бѣлинскаго, который, кажется, въ большомъ союзѣ съ Брамбеусомъ и ревнуетъ перещеголять Полевого, громитъ новыхъ литераторовъ съ исключеніемъ двухъ, о старыхъ же и говоритъ нечего: они уже давно раздавлены. Надежинъ вывезъ изъ Парижа немного новаго. По старой привычкѣ своей, съ перваго шага бросился на колокольню, и только зоркимъ глазомъ своимъ усмотрѣлъ, что парижскіе фланеры не шатаются, а *шныряютъ* по улицамъ ¹⁶⁵).

Рекомендую вамъ также заглянуть и въ двѣ послѣднія книжки *Ученыхъ Записокъ* Московскаго университета. Въ нихъ напечатана рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Дворянскаго института старшимъ его учителемъ Межевичемъ. Онъ торжественно попираетъ классицизмъ; глумитъ надъ риторикою; представляетъ музу 18 столѣтія въ карикатурѣ разфарбленную, разрумяненною и разпудренною. Каковы-то будутъ ученики его? По крайней мѣрѣ пропускъ этой рѣчи доказываетъ, что отнынѣ Московскій университетъ будетъ состоять подъ двойнымъ вліяніемъ—классическимъ и романтическимъ ¹⁶⁶).

Наконецъ, съ нетерпѣніемъ буду ждать подписки на *Современникъ*. Прошу васъ обнять за меня милаго его издателя ¹⁶⁷), также и В. А. Жуковскаго, а Катеринѣ Андреевнѣ и любезному ея семейству сказать душевное мое почтеніе, съ коимъ равно и къ вамъ, и милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Ѳеодоровнѣ навсегда имѣю честь быть преданнымъ. И. Дмитриевъ.

Москва. 1836, марта 3 дня.

77.

Христось воскресъ!

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ!

Вмѣстѣ съ христіанскимъ привѣтствіемъ и братолюбивымъ объятіемъ, благодарю васъ искренно за послѣднее ваше письмо и

гостинцы. Вы такъ добры, что всегда умѣете чѣмъ-нибудь занять и потѣшить дѣтскую мою старость.

Нетерпѣливо буду ждать отъ васъ или Василю Андреевича обѣщанной копии съ записки или съ письма Николая Михайловича, но желалъ бы я получить эту бумагу вполнѣ, въ какомъ видѣ читали мы съ вами ее у Катерины Андреевны, то-есть, съ постскриптомъ отъ автора ¹⁶⁸). Съ не меньшимъ нетерпѣніемъ желаю получить и біографію Фонъ-Визина, и *Современникъ*, въ твердой увѣренности, что онъ будетъ не похожъ на своихъ товарищей. Жаль только, что великъ положенъ срокъ на прочтеніе каждой книжки, какъ будто мы еще по складамъ читаемъ. Лучше бы хотя по тоненькой тетрадкѣ, но каждый мѣсяцъ. Пускай щеголяетъ дородностью своей *Библиотека для чтенія*. Я очень благодаренъ Василю Андреевичу и Александру Сергѣевичу за ихъ обѣщаніе, равно какъ и прочимъ, поименованнымъ въ вашемъ письмѣ за обязательное ихъ обо мнѣ воспоминаніе. Свидѣтельствую всѣмъ имъ мое почтеніе и привѣтствіе съ праздникомъ.

Къ дополненію посланныхъ справокъ сообщаю вамъ еще новую изъ здѣшняго архива Иностранной Коллегіи. Можетъ быть, и она къ чему-нибудь пригодится. По крайней мѣрѣ выигрываемъ то, что вмѣсто одного веселаго, нашли четырехъ и всѣхъ умныхъ, что не такъ часто случается въ семействахъ. Но въ праздники недосугъ писать и читать письма. И такъ, до будней. Преданный вамъ всею душою Дмитріевъ.

Прошу васъ засвидѣтельствовать искреннее мое почтеніе милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ и поздравить ея сіятельство съ наступившимъ праздникомъ, равно какъ и любезныхъ дѣтей вашихъ.

P. S. Посланія по сию пору еще не отыскалъ: авось достану отъ его сына, если найду его въ Москвѣ.

Москва. 1836, марта 26-го.

78.

Можетъ быть, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, вы уже считаете меня въ странѣ отцевъ нашихъ, такъ давно не по-

лучая отвѣта на ваше письмо: не вините меня. Это произошло отъ усердія моего вмѣстѣ съ отвѣтомъ послать къ вамъ и *посланіе* къ Фонтъ-Визину. Многіе изъ современниковъ Николаева ¹⁶⁹⁾ и любителей старины, начиная съ Малиновскаго до Макарова ¹⁷⁰⁾, общали мнѣ отыскать эту рѣдкость, но и до сихъ поръ не сдержали своего слова. Наконецъ, я, узнавъ о пребываніи здѣсь сына самого автора *), обратился къ нему съ моей просьбою, и вотъ вамъ своеручный отвѣтъ его къ моему оправданію.

Примите же теперь, хотя и позднюю, но искреннюю признательность мою за ваше письмо и доставленіе *Современника*. Я имъ очень доволенъ, особенно же записками объ Арзерумѣ, Султаномъ Гиреемъ, который и порадовалъ, и удивилъ меня. Не правда ли, что онъ пишетъ по русски несравненно исправнѣе, и съ бѣльшимъ вкусомъ, чѣмъ нѣкоторые изъ рецензентовъ *Телескопа*, *Молвы* и фельетона *Съверныя Пчелы*? Всего же болѣе полюбился мнѣ обзоръ новой нашей словесности, изложенный съ искусствомъ или по нынѣшнему художественно и съ безпристрастіемъ. Чей это, Пушкина или Плетнева? ¹⁷¹⁾ Съ удовольствіемъ также пробѣжалъ я и князя Козловскаго. Онъ вмѣстѣ со мною началъ стихотворствовать и подавалъ большую надежду, но вдругъ умолкъ. Тогда я не зналъ его лично, а сошелся съ нимъ во время моего министерства ¹⁷²⁾. Онъ, мнѣ кажется, имѣетъ что-то сходнаго съ княземъ Бѣлосельскимъ по своей любезности ума и простодушію; но въ искусствѣ русскаго слова послѣдній далеко уступаетъ первому ¹⁷³⁾.

Прошу васъ доставить прилагаемое при семъ письмо къ А. С. Пушкину. Уговорите его издавать *Современникъ* по мѣсячно, а не по третямъ года. Впрочемъ, не заботясь о формѣ, можно надѣяться, что *Современникъ* перещеголяетъ *Наблюдателя*. Къ слову объ немъ. Укажу вамъ на неуклюжее объясненіе, въ которомъ и я замѣшанъ въ послѣдней книжкѣ, и вотъ по какому случаю: Недовольный Воейковымъ, помѣстившимъ въ 25 № *Литературныхъ Прибавленій* стихотвореніе-эпиграфъ съ полнымъ именемъ и прозвищемъ какого-то моего тезки и однофамильца, безъ оговора, что стихи не

---

*) То-есть, А. С. Хвостова.

мои, а моего Созія, я говорилъ издателю *Наблюдателя*, нельзя ли приличнымъ образомъ объяснить публикѣ о появленіи подѣ моимъ именемъ и прозвищемъ новаго сподвижника на словесномъ нашемъ иподромѣ. Онъ охотно взялся, и чрезъ два дня прислалъ мнѣ на просмотрѣніе уже отпечатанный листочикъ. Но *объясненіе* его мнѣ очень не полюбилось и по высокопарнымъ отзывамъ обо мнѣ, и по неограниченной грубости противъ моего Созія. Возвращая ему листочикъ, я прошу его смягчить свое объясненіе, и для образца посылаю ему нѣсколько строкъ, набросанныхъ мною наскоро. Онъ отвѣчаетъ мнѣ, что этого сдѣлать уже нельзя, потому что листокъ уже пропущенъ ценсурю, и о выходѣ книжки уже объявлено въ московскихъ газетахъ.

Сообщаю вамъ и мою программу и повѣряю вамъ, любезный князь, мою защиту: разумѣется, въ такомъ случаѣ, когда неуклюжее объясненіе возбудитъ враговъ *Наблюдателя* къ насмѣшкамъ, и блѣдная тѣнь моя, ибо я уже не существую въ литературномъ мірѣ, вызвана будетъ предъ грозный трибуналъ Бѣлинскаго или Брамбеуса ¹⁷⁴).

Наконецъ, еще прошу васъ, и прошу васъ съ чувствомъ дружбы, сдержать свое обѣщаніе, сообщить мнѣ копию съ двухъ манускриптовъ Николая Михайловича, послѣ его имени ¹⁷⁵). Полно писать. Съ сердечнымъ почтеніемъ и привязанностью къ вамъ обнимаетъ васъ преданный И. Дмитріевъ.

Р. С. Милостивымъ государынямъ княгинѣ Вѣрѣ Федоровнѣ и Катеринѣ Андреевнѣ съ ея семействомъ свидѣтельствую душевное мое почтеніе.

Прошу васъ также сказать мой низайшій поклонъ В. А. Жуковскому, графамъ Вельегорскимъ, Полетикѣ, Сербиновичу и Н. Я. Плюсковой, если встрѣтитесь съ нею ¹⁷⁶).

Москва. 1836, мая 4 дня.

79.

Не хочу по здѣшнимъ слухамъ откладывать до скорого съ вами свиданья, а теперь же поздравляю васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, и ея сіятельство почтенную вашу супругу съ

новымъ семьяниномъ, который съ первыхъ шаговъ въ общество уже обратилъ на себя общее вниманіе. Искренно желаю, какъ самый ближній вашъ родственникъ, молодымъ во всѣхъ отношеніяхъ счастья, не разлучнаго съ вашимъ ¹⁷⁷).

Между тѣмъ, прошу васъ по прежнему питать и подкрѣплять старость мою литературною пищею, разумѣется, удобоваримую: на первый же случай доставить мнѣ *пристройку* услужливаго и безкорыстнаго *Зодчія* ¹⁷⁸). Но я еще съ бдѣльшимъ нетерпѣніемъ желалъ бы получить отъ васъ обѣщанную *рукопись* и біографію Фонъ-Визина въ печати. Поклонитесь отъ меня Василю Андреевичу и передайте благодарность мою за обѣщаніе. Пушкинъ, хотя и не простясь со мною оставилъ Москву, но я очень благодаренъ ему и за то, что далъ мнѣ видѣть себя два раза.

Да благословитъ Всевышній нашего путешественника и возвратитъ его совершенно здоровымъ. Скажите мое почтеніе Катеринѣ Андреевнѣ и милому ея семейству. Наконецъ, прошу васъ повѣрить, что я очень радъ вашему выздоровленію, и останусь навсегда съ прежнею къ вамъ привязанностью и уваженіемъ постоянно преданный вамъ И. Дмитріевъ.

Москва. 1836, мая 28-го, четвергъ.

80.

Третьяго дня я имѣлъ удовольствіе видѣть у себя молодую и милую чету, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, и спѣшу за эту честь принести вамъ чувствительную мою признательность *).

Я все надѣялся, что порадованъ буду свиданіемъ съ вами ко дню именинъ вашихъ и отпраздную его по старинѣ вмѣстѣ съ вами въ Остафьевѣ, но не такъ случилось. Примите по крайней мѣрѣ заочное мое привѣтствіе съ искреннимъ желаніемъ вамъ прочнаго здоровья и благоденствія, гдѣ бы вы ни были ¹⁷⁹).

По всему кажется, что мы сдѣлали скачокъ изъ зимы прямо въ осень, однакожь все идетъ своимъ чередомъ—и Петровское наполнено любителями природы. Скажу и о себѣ, что я хотя и не такъ дѣятеленъ, какъ П. И. или Л. А., по настоящимъ положе-

*) Петра Александровича и Марію Петровну Валуевыхъ.

ніемъ моимъ еще доволенъ. Съ нетерпѣніемъ жду обѣщанныхъ рукописей, біографіи Фонъ-Визина и, хотя совѣстно смѣшивать съ ними, пристройки А. Θ. В. ¹⁸⁰). Между тѣмъ, прошу васъ вѣрить неизмѣннымъ чувствамъ привязанности и уваженія преданнаго вамъ навсегда Ивана Дмитріева.

Москва. 1836, іюня 28.

81.

(1836, августъ).

Отъ всей души радуюсь близкому съ вами свиданію, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, и благодарю васъ за петербургскіе гостинцы, хотя и не въ прокъ, а въ ссуду ¹⁸¹).

Я виноватъ передъ Марьей Петровной и Петромъ Александровичемъ *), что еще не отплатилъ имъ за ихъ пріятное посѣщеніе. Но прежде мѣшало тому ихъ отсутствіе, а потомъ мое нездоровье, отъ котораго и теперь еще не совсѣмъ освободился. Постараюсь однакожь, во что ни станеть, еще побывать въ Остафьевѣ, которое по многимъ отношеніямъ возбуждаетъ во мнѣ пріятныя и отчасти меланхолическія воспоминанія.

Между тѣмъ, съ чувствами душевнаго почтенія обнимаетъ искренно любящій васъ И. Дмитріевъ.

Р. S. Прошу васъ тотчасъ дать мнѣ знать о вашемъ прибытіи въ Москву. Я брошусь къ вамъ на встрѣчу еще прежде нашего коменданта. Ежели вы скоро будете писать въ Петербургъ, то прошу васъ передать и отъ меня благодарный поклонъ Катеринѣ Андреевнѣ съ ея семействомъ, Жуковскому, Блудову и Пушкину и сообщить послѣднимъ двумъ, что я радъ получить отъ нихъ и отчетъ, и вторую книжку. Ширяевъ мнѣ отказалъ потому, что билетъ полученъ мною отъ самого издателя.

Воскресенье.

82.

Милостивый государь любезный князь Петръ Андреевичъ!

Вы обѣщали взять на себя ходатайство за бѣднаго юношу-книгопродавца Кузнецова: вотъ вамъ его записка, излагающая вполнѣ

*) Вагуевымъ.

исторію календаря, которымъ добрый отецъ его думалъ обезсмертить себя и доставить услажденіе благочестивымъ читателямъ, не предчувствуя того, что доставить имъ своему сыну хлопоты и, можетъ быть, совершенное разореніе.

Сдѣлайте милость обратите ваше вниманіе на его записку и „Христіанскій Календарь“, который при семъ препровождаю, и попытайтесь исходатайствовать на выпускъ его христіанскаго разрѣшенія, безъ чего бѣдный юноша, обремененный отцовскими долгами, имѣющій на рукахъ еще сестру и двухъ братьевъ, легко можетъ погибнуть. Покажите и записку, и календарь предварительно почтенному Сербиновичу. Я увѣренъ, что и онъ не найдетъ достаточной причины къ отказу въ дачѣ билета¹⁸²).

Вотъ и еще просьба: при первомъ свиданіи съ Дмитріемъ Николаевичемъ *) прошу васъ увѣрить его въ искренней благодарности за экземпляръ отчета Внутренняго Министерства. Я любовался европейскимъ отчетомъ и желалъ бы, чтобы онъ былъ болѣе извѣстенъ публикѣ. Благодаренъ ему и за то, что не забыто въ отчетѣ и объ монументѣ близкаго моему сердцу. Слышу, что уже вышелъ и третій номеръ *Современника*, но я боюсь, чтобъ не прождать мнѣ его до новаго года. Съ душевнымъ почтеніемъ обнимаетъ васъ преданный вамъ навсегда Дмитріевъ.

Москва. 1836, октября 22 дни.

83.

Не знаю, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, успѣю ли переслать къ вамъ впору кое-что объ Державинѣ, потому что статья объ немъ на нѣсколькихъ страницахъ: я же, не имѣвшій никогда въ домашнемъ быту моемъ перепищика, не могу нынѣ писать долго; рука моя часто дрожитъ и отказывается отъ службы. Но я не отказываю вамъ въ посильныхъ моихъ услугахъ, только не торопите¹⁸³).

На этотъ же разъ сообщаю вамъ двѣ выписки о В. П.

---

*) Блудовымъ.

Петровѣ, о которомъ въ моихъ „Запискахъ“ приходится мнѣ говорить, проходя два мои возраста: юношескій и зрѣлый. Я очень радъ, что мы одинаково понимаемъ поэта, едва ли знакомаго нашимъ смирдистамъ и полевистамъ.

Когда вы станете писать объ немъ, не забудьте сказать, что въ 70-хъ годахъ, находясь въ Лондонѣ, переводилъ съ оригинала Мильтоповъ *Потерянный рай*, по тогдашнему полуславянскимъ нарѣчіемъ. Въ 777 году напечатано было только три пѣсни для однихъ его друзей, а въ продажѣ ихъ не было. Однакожъ у меня есть одинъ экземпляръ изъ собственной его библиотеки, даже съ его на крышкѣ рукописаніемъ. Это мнѣ даръ вдовы его. Переводъ посвященъ князю Петру Ивановичу Репнину. Вотъ вамъ и копія съ его дедикаціи.

О сынѣ его могу только сказать, что онъ записанъ былъ мною въ департаментъ министерства юстиціи и остался послѣ меня въ 14 классѣ; потомъ добровольно пожертвовалъ своимъ офицерствомъ и записался въ учебное заведеніе Н. Н. Муравьева, чтобы усовершенствовать себя въ математическихъ наукахъ; дослужился опять до офицерства, и уже былъ, какъ сказывали мнѣ, при какомъ-то генералѣ адъютантомъ, а теперь въ отставкѣ и живетъ здѣсь. Совершилъ ли онъ, или еще продолжаетъ переводъ Иліады, не знаю. Изъ стихотвореній же его извѣстна мнѣ только его напечатанная трагедія; стихи въ ней, конечно, глаже отцовскихъ и совсѣмъ не вялы, но сама трагедія, какъ и всѣ наши—допотопно-романтическія¹⁸⁴).

Пока еще тянется утлый мой челночокъ въ пристани, постараюсь кое-что выбрать изъ моихъ „Записокъ“ и для біографіи Николая Михайловича приобщить крохи мои въ видѣ смиренной лепты къ вашему капиталу.

Что же касается до путешествія Василія Львовича, то хотя, и позволилъ перепечатать, но теперь пришелъ въ раздумье: не лучше ли подождать возвращенія Сергѣя Львовича? Если онъ разрѣшитъ отъ себя и сестрицы, то да будетъ какъ вамъ угодно, только съ тѣмъ, чтобы эту случайную бездѣлку облечь, какъ вы сами хотѣли, въ біографическую форму и поправить въ ней ошибку: вмѣсто Фокса съ Шериданомъ надлежитъ поставить *Гитта*¹⁸⁵).

Конецъ вашему долготерпѣнію. Съ уваженіемъ и признательностью обнимаеъ васъ Иванъ Дмитріевъ.

Москва. 1836, ноября 13 дня.

84.

Не дожидаясь вашего отвѣта, посылаю къ вамъ при семь и другую выписку изъ моихъ „Записокъ“, не для вашего сборника, но только къ вашему свѣденію. Можетъ быть, что-нибудь изъ нея пригодится для вашей или В. М. *) біографіи Николая Михайловича¹⁸⁶).

Сегодня отправился къ вамъ въ дилижансѣ А. И. Тургеневъ. Я хотя и не отправилъ съ нимъ моей посылки, боюсь, чтобъ она не изпепелилась у него за пахузой, въ постоянномъ его архивѣ; но прошу васъ сказать ему, что я очень, очень благодаренъ ему за извѣстіе его о графѣ Сергѣѣ Петровичѣ Румянцовѣ. Дай Богъ ему здравствовать, и спасибо иноплеменнымъ, что отдали ему полную справедливость. Дожидай же чего добраго отъ нашихъ журналистовъ. Мы любимъ только хвалить своихъ ровесниковъ и бѣжать далеко, по словамъ *Телеграфа*¹⁸⁷).

Теперь я принимаюсь за выписку о Державинѣ. Между тѣмъ поздравляю васъ съ нашей любезной имянинницею. Любящій и уважающій васъ всею душою И. Дмитріевъ.

Москва. 1836, ноября 21 дня.

85.

Одна уже благодарность за вашу дѣятельность и доброхотство къ нашей словесности дѣлаеъ меня на все сговорчивымъ передъ вами, любезный князь Петръ Андреевичъ. Очень охотно пошлю къ вамъ въ будущую пятницу (27 ч.) по тяжелой почтѣ и завѣтный переводъ Мильтона. Мнѣ уже недолго владѣть имъ: пускай же онъ еще при мнѣ перейдетъ въ руки того, кто мнѣ по сердцу, чѣмъ лежать ему неприкосновеннымъ, почти въ забы-

*) Перевощикова.

томъ шеафѣ, въ ежедневномъ ожиданіи участи Бекетовской бібліотеки, заваляться въ никольскихъ книжныхъ лавкахъ, или, что и того хуже, попасть въ мѣшокъ разнощика книгопродавца. Пускай онъ разшевелитъ умственную вашу энергію и заставитъ васъ произвести что-нибудь дѣльное и небезполезное для современныхъ и будущихъ нашихъ словесниковъ ¹⁸⁸). Настоящій или нынѣшній владѣлецъ рукописей и книгъ П. П. Бекетовъ въ деревнѣ. Онъ хотя и зналъ, что я интересовался первыми, по ни на что не вызвался, и, Богъ вѣдаетъ, что съ ними будетъ. Мнѣ очень жаль, что въ числѣ ихъ погибнуть или, можетъ быть, попадутъ въ недостойныя руки, подаренныя отъ меня покойнику ¹⁸⁹): сатира Тредьяковскаго на Кулябку, нигдѣ не напечатанная; проектъ слова Императрицѣ Екатерины II, писанный *рукой* Ломоносова, и уже напечатанный въ журналѣ *Другъ Просвѣщенія*, изданномъ Бекетовымъ, и еще стихи, читанные въ присутствіи Петра Великаго при спускѣ новаго корабля; они начинаются такъ:

Петръ рыбакъ здѣлалъ лодку,
Ловить на ней крупную рыбу плотку.
Плотку въ печь
Испечь,
Щуку въ колодку.

* * *

Не уйдетъ отъ него и сомъ,
Крупный болванъ съ большимъ усомъ... etc.

Замысловатый поэтъ Ширяевъ хотѣлъ характеризовать подъ именами рыбъ всѣ того времени кабинеты. Не знаю, одного ли съ нимъ поколѣнія нынѣ здравствующій и конечно памятный вамъ по каждому номеру Московскихъ газетъ коммерціи совѣтникъ и почетный гражданинъ Ширяевъ ¹⁹⁰).

До свиданія. Прошу кланяться отъ меня всѣмъ, кто меня по добру вспомнить и сказать мою благодарность борзому скорописцу за письмецо его изъ дилижанса *). Обнимаетъ васъ преданный вамъ И. Дмитріевъ.

Москва. 1836, ноября 25 дня.

*) А. И. Тургеневу.

86.

Посылаю къ вамъ, любезный князь Петръ Андреевичъ, и послѣднюю выписку. Предоставляю и ее въ полное ваше распоряженіе, но только съ тѣмъ, чтобъ не выдавать меня на старости лѣтъ моихъ, въ случаѣ нападковъ на меня отъ смирдистовъ, если вы заблагоразсудите помѣстить посылку мою въ вашемъ сборникѣ. По крайней мѣрѣ въ извиненіе неисправности моего слога можете сказать имъ, что я не классикъ, не романтикъ, ни даже вдохновенный, а просто смиренный самоучка, прогулявшій всю молодость свою зѣвакою въ цвѣтникахъ поэзіи. Но поможетъ ли это мнѣ въ оправданіе, когда, по словамъ *Телеграфа* и *Живописнаго Обозрѣнія*, и Карамзина языкъ устарѣлъ, и „проза Жуковского, безспорно, должна быть поставлена выше Карамзина прозы, какъ истинное, безыскусственное выраженіе глубокаго чувства, до чего не достигалъ Карамзинъ“? ¹⁹¹⁾

Къ слову о *Телеграфѣ* сообщу вамъ литературную замѣтку о *Молвѣ* въ послѣднихъ, помнится мнѣ, книжкахъ *Телескопа*: издатель ея, нѣкто Бѣлинскій, объявляетъ, что попался ему случайно старинный переводъ Шекспировой трагедіи „Юлій Цезарь“, и что онъ не могъ надивиться исправности перевода и уму *неизвѣстнаго* переводчика въ книгѣ, напечатанной за 30 лѣтъ до нашего геніальнаго времени. Въ радости же отъ этой находки сообщаетъ читателямъ и *предисловіе* переводчика, ни мало не подозрѣвая, что этотъ „Юлій Цезарь“ переведенъ и выданъ *Карамзинимъ*—съ коимъ *Телескопъ*, какъ и *Телеграфъ*, не очень симпатизировалъ—почти въ одно время съ „Эмилией Галоти“, Лессинговой трагедіей, еще до его путешествія. Но еще болѣе подивимся тому, что и А. Ѳ. Воейковъ, давній почитатель Карамзина и неутомимый преслѣдователь двухъ рыцарей нашего времени, также не зналъ имени переводчика, и его предисловіе перепечаталъ какъ диковинку, въ своихъ *Литературныхъ Прибавленіяхъ*. Передайте ему эту замѣтку: авось онъ объявитъ имя переводчика „Юлія Цесаря“ новому антикарамзинскому поколѣнію ¹⁹²⁾.

Я держусь *новизны*, какъ слова, освященнаго уже давностями, и вѣроятно академическимъ словаремъ, а *новиню*, сколько помню

я, наши низовыя только старухи называли новые холсты, льняные и посконные¹⁹³).

Но мнѣ совѣстно занимать васъ такими пустяками, между тѣмъ, какъ давно хочется спросить васъ о здоровьѣ Катерины Андреевны и ея семейства. Еще въ ноябрѣ поздравилъ ихъ съ двумя именинницами, но съ тѣхъ поръ ничего объ нихъ не слышу. Я право не привязчивъ къ условіямъ этикета, а хочу только успокоить себя на счетъ здоровья Катерины Андреевны и ея семейства.

До свиданья, обнимаеъ васъ отъ всего сердца преданный и любящій васъ И. Дмитріевъ.

Р. С. Почтенному Гримму Балланшьичу или Балланшевичу прошу васъ передать мой вижайшій поклонъ и сказать ему, что у насъ на святкахъ ожидаютъ балъ за баломъ *).

Москва. 1836, декабря 18 дня.

87.

Вчера въ письмѣ моемъ къ вашему сіятельству позабылъ я напомнить вамъ о двухъ братьяхъ Кузнецовыхъ, здѣшнихъ книгопродавцахъ, теперь увѣдомляю васъ, что уже послано отъ здѣшной ценсуры представленіе въ главную ценсуру, въ которомъ, вѣроятно, изложены причины, почему она не выдала билета книгопродавцамъ на полученіе изъ типографіи всего завода „Христіанскаго Календаря“. Причины могутъ быть важными по одному только убытку и разоренію, которые понесутъ бѣдные молодые книгопродавцы, получившіе въ наслѣдіе отъ отца кучу долговъ, если конфисковано будетъ ихъ изданіе, стоящее имъ около 20 т., если не болѣе. Обращаюсь къ доброму вашему сердцу: будьте новымъ Орфеемъ, или лучше будьте добрымъ христіаниномъ и употребите всѣ ваши умственные и душевные силы на смягченіе строгихъ формъ къ освобожденію „Христіанскаго Календаря“ и къ спасенію двухъ несчастныхъ его издателей, ихъ матери и сестеръ отъ совершеннаго разоренія¹⁹⁴).

Декабря 19-го (1836).

---

*) А. И. Тургеневу.

Р. С. Скажите почтенному Сербиновичу душевное почтеніе, которое навсегда и къ вамъ сохранить преданный вамъ И. Дмитриевъ.

88.

Не вините меня, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, что я такъ долго не благодарилъ васъ за послѣднее ваше письмо и за добрую вѣсть объ общанномъ освобожденіи „Христіанскаго Календаря“, хотя эта вѣсть не сбылась еще и понынѣ.

Благодарительное мое письмо уже начато было въ свое время, но остановилось въ ходу своемъ по случаю поразившаго меня извѣстія о судьбѣ незабвеннаго Пушкина. Съ той минуты до сего времени не хотѣлось мнѣ брать въ руки пера, да и вамъ, конечно, было не до моихъ писемъ¹⁹⁵).

Теперь же возобновляю мое ходатайство, единственно изъ жалости, объ Кузнецовыхъ. Здѣшняя цензура еще не получила на счетъ ихъ никакого рѣшенія, или по крайней мѣрѣ до нихъ ничего не доходитъ, а между тѣмъ положеніе ихъ день отъ дня хуже. Я уже сегодня писалъ къ самому Сербиновичу, а потому еще прошу и васъ пособить мнѣ въ моемъ ходатайствѣ.

Между тѣмъ свидѣтельствую вамъ и милостивой государынь княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ душевное мое почтеніе, заочно васъ обнимаю и пребуду навсегда преданнѣйшій вашъ И. Дмитриевъ.

Москва. 1837, февраля 25 дня.

89.

Я не злопамятенъ и отъ чистаго сердца благодарю, любезнѣйшій князь, за *Современникъ*, на который билетъ полученъ здѣсь отъ почетнаго гражданина Ширлева, и за *вождедьное* ваше писаніе.

Современникъ, сколько ни желалъ его видѣть, съ первыхъ страницъ возобновилъ грусть мою, но это не помѣшало мнѣ однимъ духомъ прочитать всѣ стихи покойнаго (и въ настоящемъ смыслѣ) Пушкина, и всѣ они дышатъ очаровательной его поэзіей!

Съ такимъ же чувствомъ повторилъ и остатки незабвеннаго

друга. Наконецъ, облегчилъ грусть мою вашими прекрасными стихами и хреникой А. И. Тургенева ¹⁹⁶). Прочее же дочитаю въ дорогѣ: послѣ завтра (въ субботу) съ Божьяго благословенія задумываю выѣхать въ Псковъ, въ Ригу, въ Ревель, а оттуда побывать еще въ Петербургѣ.

Вы меня тронули, милый князь, памятью вашей объ участи бѣднаго сироты Кузнецова. Увы! предписаніе начальства (изъ Петербурга) удвоило только ожесточеніе цензора-астронома *) и братіи; придравшись къ слову, помнится, *по разсмотрѣніи*, они изъ печатнаго уже календаря (истинно христіанскаго) вымарали нѣсколько статей, а по прочимъ статьямъ, назидательнымъ, нѣсколько разъ уже разсмотрѣннымъ въ прежнихъ изданіяхъ, положили отправить экземпляръ календаря еще на разсмотрѣніе духовной цензуры. И чѣмъ же опорочивается эта книга, которую вѣрно бы съ большимъ удовольствіемъ и пользою занимался добрый простолюдинъ, чѣмъ жизнь Ваньки Каина и шута Балакирева? Опорочивается тѣмъ, что названа *календаремъ*, хотя уже послѣ напечатанія ея выпущены въ свѣтъ не только Экономическій, но даже и *Скаковой* календарь. Зачѣмъ помѣщены въ ней статьи, заимствованныя изъ *Академическаго* календаря? Но онѣ были пропущены и напечатаны еще до объявленнаго повелѣнія о непечатаваніи никакихъ статей изъ Академическаго календаря. Кончу тѣмъ, что весь заводъ, напечатаніе коего стоило нѣсколькихъ тысячъ рублей, придется перепечатывать съ прибавкою еще нѣсколькихъ тысячъ, а бѣдный издатель вышедшій только изъ юношескаго возраста, съ двумя меньшими братьями и сестрою, совершенно разорятся, и будутъ, можетъ быть, доживать вѣкъ свой христовымъ подавнѣемъ ¹⁹⁷).

Простите, что я или сердце мое заговорилось, позабылъ о слабости вашего зрѣнія. Простите и въ другомъ смыслѣ—до скорого свиданья, если будетъ на то Всевышняго соизволеніе. Всѣмъ сердцемъ обнимаю васъ искренно любящій и почитающій васъ И. Дмитріевъ.

Москва. 1837, іюня 24-го, четвергъ.

---

*) Д. М. Перевощикова.

90.

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичь!

Еще не издавшись съ В. П. Давыдовымъ ¹⁹⁸), я далъ слово Ниволаю Петровичу Новосильцову ¹⁹⁹) обѣдать у него въ пятницу. Нынѣ онъ былъ еще у меня, и никакъ не хочетъ перемѣнить своего дня, почему и прибѣгаю къ вамъ съ покорнѣйшею моею просьбою: нельзя ли одолжить меня, испрося у Владиміра Петровича другого дня для нашего обѣда—*среды* или *четверга*, а въ субботу Сарское Село увидить меня уже въ костюмѣ рыцаря плачевнаго образа, но только не съ лансомъ въ рукахъ, а съ мирною подорожною, можетъ быть, уже и послѣднею въ здѣшней юдоли. Несносный возрастъ! Не дасть забыться ни на минуту ²⁰⁰). Преданный вамъ Дмитріевъ.

С.-Пб. 1837, іюля 20-го.

Записочки безъ означенія датъ:

91.

Сію минуту я только увидѣлъ прекрасный подарокъ княгини, за который прошу васъ, любезный князь, передать ей живѣйшую благодарность мою, пока не принесу ея лично. Между тѣмъ свидѣтельствую обоимъ душевное мое почтеніе и привѣтствіе съ нынѣшнимъ праздникомъ.

P. S. Сегодня вечеромъ я дома. Очень радъ буду видѣть васъ и нашихъ пріятелей.

Воскресенье.

92.

Всѣмъ сердцемъ благодарю и цѣлую любезнаго князя Петра Андреевича. Но болѣе, etc. веселіе мое безмѣрно: я молчу. *Пой.*

93.

- 1) О ложномъ понятіи нашихъ авторовъ о словѣ „народность“.
- 2) Объ истинномъ значеніи національной гордости.
- 3) Какъ у насъ прежде и нынѣ понимаютъ поэзію, ошибочное понятіе большей части старыхъ и новыхъ поэтовъ.
- 4) О частомъ употребленіи слова геніальность, и въ чемъ полагаетъ его геніальное поколѣніе XIX столѣтія.
- 5) О искаженіи отечественнаго слова послѣ Карамзинскаго періода. Примѣры.

Рукою князя П. А. Вяземскаго отмѣчено въ скобкахъ: „Дмитріева“.

ПРИМѢЧАНІЯ.

---

1) Въ 1810 году И. И. Дмитриевъ былъ еще министромъ юстиціи.

2) 27-го августа 1811 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитриеву изъ Москвы: „Нашъ князь нечаянно объявилъ намъ, что онъ помолвилъ жениться на княжнѣ Гагариной, дочери Кологривовой, Прасковѣ Юрьевнѣ. Мы не имѣли даже ни малѣйшаго подозрѣнія... Между тѣмъ, мы должны разстаться, то-есть, жить въ разныхъ домахъ: онъ думаетъ скоро жениться и переѣхать въ Остафьево; а твой исторіографъ, не очень здоровый, не очень веселый, занимается теперь хлопотами новаго, особеннаго хозяйства... Не подумай, любезнѣйшій, чтобы я былъ сердитъ на князя: люблю его, какъ истинно родного. Онъ будетъ писать къ тебѣ о своей женитьбѣ. Повторяю сердечную мою просьбу, чтобы ты былъ всегда его покровителемъ и милостивцемъ, въ память его отцу и вслѣдствіе дружбы ко мнѣ. Если переживешь меня, то милостію своею къ нему будешь доказывать, что помнишь и мертваго друга...“ Въ другомъ своемъ письмѣ, отъ 13-го сентября 1811 года, Карамзинъ писалъ Дмитриеву: „Бѣжу теперь всякій день къ нашему больному князю, который лежитъ въ домѣ своей невѣсты. У него жестокой кашель съ лихорадкою, и легко можетъ открыться чахотка. Вообрази наше положеніе горестное!“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитриеву*. С.-Пб. 1866, стр. 154—156).

3) Судя по водяному знаку бумаги, письмо это должно быть писано въ 1814¹⁸¹⁵ году, а этотъ годъ очень важенъ въ жизни И. И. Дмитриева. Въ этомъ году онъ оставилъ постъ министра юстиціи. „Въ 1814 году“, писалъ онъ, — „сентября съ 20-го дня возобновилась московская жизнь моя! Но я уже не могъ обѣщать себѣ тѣхъ пріятныхъ наслажденій, посреди коихъ текли счастливые дни мои въ продолженіе первой моей отставки; прибавка нѣсколькихъ лѣтъ заста-

вляеть насъ взирать на многое уже другими глазами; къ тому же изъ короткихъ моихъ знакомыхъ нѣкоторыхъ уже не было въ мірѣ; другіе разбѣхались, кто въ резиденцію, кто въ губернію на постоянное житье. Одинъ только Карамзинъ могъ бы замѣнить мнѣ всѣ утраты, но и съ нимъ не надолго увидѣлся“.

Въ Москвѣ, на первыхъ порахъ, И. И. Дмитриевъ поселился, по предложенію канцлера графа Н. П. Румянцова, въ московскомъ домѣ канцлера (*Взглядъ на мою жизнь*. М. 1886, стр. 239, 237).

4) Дмитрій Петровичъ *Съверинъ* (род. 1791 † 1865), впоследствии чрезвычайный посланникъ при Баварскомъ дворѣ. Отецъ его былъ сослуживцемъ И. И. Дмитриева, и стараніями послѣдняго сынъ его сослуживца былъ опредѣленъ въ Иностранную Коллегію. Д. П. Съверинъ былъ совоспитанникомъ князя П. А. Вяземскаго, товарищемъ по службѣ Д. В. Дашкова, а потому „двери Арзамаса открылись предъ нимъ настезь“. 3-го августа 1896 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитриеву изъ Царскаго Села: „Умной и доброй Съверинъ въ *большомъ ходу*, какъ говорится, по дѣламъ дипломатическимъ: онъ лучшій работникъ у графа Капо д'Истріа и ѣдетъ при немъ съ государемъ, слѣдственно, увидишь его *14 августа въ Москвѣ*“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитриеву*, стр. 087, 193). „Гдѣ ты“, писалъ Съверину, въ 1853 году, князь П. А. Вяземскій, — „тамъ Святая Русь, не только во имя или пожалуй еще не столько во имя Нессельроде, сколько во имя Дмитриева, котораго ты былъ питомцемъ, какъ я былъ питомцемъ Карамзина“ (*Русская Старина* 1898, янв., стр. 92).

5) 25-го августа 1817 года князь П. А. Вяземскій, по высочайшему указу, всемилостивѣйше пожалованъ въ коллежскіе ассессоры, и вмѣстѣ повелѣно ему было находиться при тайномъ совѣтникѣ Новосильцовѣ.

6) В. Л. Пушкинъ въ посланіи своемъ къ графинѣ Софіи Алексѣевнѣ Мусиной-Пушкиной (впоследствии княгиня Шаховская) пишетъ:

Въ стихахъ баллады любишь ты—
Желанье исполняю:
Жуковского тебѣ мечты
Днѣвъ *Спящихъ* посылаю и пр.

(*Стихотворенія Василія Пушкина*. С.-Пб. 1822, стр. 33). В. И. Саитовъ относитъ это стихотвореніе къ 1817 году (*Сочиненія В. Л. Пушкина*. С.-Пб. 1893, стр. 89).

7) Извѣстный авторъ „Опаснаго Сосѣда“, Василій Львовичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ, 27-го апрѣля 1770 года, отъ второго брака его отца, Льва Александровича, съ Ольгою Васильевною Чичериною. Л. А. Пушкинъ принадлежалъ къ числу вѣрныхъ слугъ императора Петра III и отказался присягать Екатеринѣ, за

что и былъ посаженъ въ крѣпость, но черезъ два года выпущенъ на свободу. Разставшись навсегда съ службою и владѣя большимъ состояніемъ, онъ жилъ въ Москвѣ открыто и роскошно, по временамъ удаляясь въ свои помѣстья, особенно въ село Болдино, Лукьяновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи (Сайтовъ. *Сочиненія В. Л. Пушкина*. С.-Пб. 1893, стр. VIII). Сынъ его В. Л. Пушкинъ, повѣствуетъ Вигель, „почитался въ нѣкоторыхъ московскихъ обществахъ, а еще болѣе почиталъ самъ себя образцомъ хорошаго тона, любезности и щегольства. Екатерининскій офицеръ гвардіи, онъ совсѣмъ не имѣлъ мужественнаго вида. За важною его поступью и довольно гордымъ взглядомъ скрывались легкомысліе и добродушіе. Властящее существованіе его въ свѣтѣ умножилось еще женитьбой на красавицѣ Капитолинѣ Михайловнѣ (Вышеславцева, впоследствии Мальцова). Самъ онъ былъ весьма некрасивъ. Рыхлое, толстѣющее туловище на жидкихъ ногахъ, косое брюхо, кривой носъ, лицо треугольникомъ, ротъ и подбородокъ à la Charles-Quint, а болѣе всего рѣдѣющіе волосы не съ большимъ въ тридцать лѣтъ его старообразили. Къ тому же беззубіе увлаживало разговоръ его. Вообще дурнота его не имѣла ничего отвратительнаго, а была только забавна. Какъ сверстникъ и сослуживецъ И. И. Дмитріева по гвардіи и какъ ровесникъ Карамзина, шель онъ нѣсколько времени какъ будто равнымъ съ нимъ шагомъ въ обществахъ и на Парнасѣ, и оба позволяли ему называться ихъ другомъ. Но вскорѣ первый прибралъ его въ руки, обративъ въ безсмѣнные свои потѣшники. Карамзинъ же, глядя на него, не могъ иногда не улыбнуться, но съ видомъ тайнаго, не обиднаго сожалѣнія. Дмитріевъ вѣрно въ шутку посовѣтовалъ ему приняться за Русскіе стихи, а онъ и въ правду сдѣлался весьма неплохимъ поэтомъ“ (*Записки Ф. Ф. Вишеля*. Изданіе *Русскаго Архива*. М. 1891, I, стр. 187—188), о чемъ свидѣтельствуеетъ книжка, носящая заглавіе: *Стихотворенія Василія Пушкина*. С.-Пб. Въ Типографіи Департамента Народнаго Просвѣщенія. 1822 (съ гравированнымъ портретомъ автора). Въ 1812 году, изъ Нижняго Новгорода, К. Н. Батюшковъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Василій Пушкинъ забылъ въ Москвѣ книги и сына: книги сожжены, а сына вынесъ на рукахъ его слуга. Отъ печали Пушкинъ лишился памяти и насилу вчера могъ прочитать Архаровымъ басню о соловьѣ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 224). Здѣсь же В. Л. Пушкинъ написалъ *Къ жителямъ Нижняго Новгорода*:

Примите насъ подъ свой покровъ,
О Волжскихъ жители береговъ и пр.

По свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, И. И. Дмитріевъ, „любилъ Пушкина, но не щадилъ его своими шутками: онъ говаривалъ,

что эти стихи напоминаютъ ему колодника, который подь окномъ проситъ милостыню и оборачивается съ ругательствомъ къ уличнымъ мальчишкамъ, которые дразнятъ его“ (ibid., стр. 242—243).

В. Л. Пушкинъ любилъ добродушно оказывать вниманіе и поощреніе молодымъ новичкамъ на поприщѣ литературномъ. Онъ по вечерамъ угощалъ ихъ чаемъ, а нерѣдко приглашалъ ихъ къ себѣ и обѣдать. Одинъ изъ такихъ новобранцевъ былъ въ Москвѣ частымъ посѣтителемъ его. „А къ какому роду поэзіи чувствуете вы въ себѣ болѣе склонности?“ спросилъ его однажды Пушкинъ съ участіемъ и нѣкоторою классическою важностью. „Признаюсь“, отвѣчалъ тотъ смиренно,— „любилъ бы я писать сатирическіе стихи, да родственники отсовѣтовали, говоря, что такими стихами могу нажить враговъ себѣ и повредить карьерѣ своей по службѣ“. „А скажите мнѣ что-нибудь изъ вашихъ сатирическихъ стиховъ“. „Вотъ, на примѣръ, эпитафія:

Подъ камнемъ симъ лежатъ два друга:
Колбасникъ и его супруга“.

Въ старой Москвѣ живалъ одинъ Левашевъ, очень образованный, пріятнаго обхожденія, славящійся актерскимъ искусствомъ своимъ на домашнихъ театрахъ, но, по несчастью, до нельзя пристрастный къ пиву. Дмитріевъ, который былъ съ нимъ въ пріятельскихъ сношеніяхъ, рассказывалъ, что въ короткихъ ему домахъ онъ не стѣснялся, но все-таки немного совѣстился частыхъ требованій любимаго своего напитка; а потому и выражалъ свои требованія разнообразными способами: то повелительнымъ голосомъ приказывалъ слугѣ подать ему стаканъ пива, то просилъ вполголоса, то мелькомъ и какъ будто незамѣтно въ общемъ разговорѣ. Дмитріевъ примѣняетъ эти различныя интонаціи къ Василию Львовичу Пушкину, большому охотнику твердить и повторять свои стихи. „И онъ“ замѣчаетъ Дмитріевъ,— „то восторженно прочтетъ свое стихотвореніе, то нѣсколькими тонами понизитъ свое чтеніе, то ухватится за первый попавшійся предлогъ и прочтетъ стихи свои, какъ будто случайно“.

Милоновъ, въ одной изъ своихъ сатиръ, зло задѣлъ В. Л. Пушкина. Ошеломленный неожиданнымъ нападеніемъ и чувствительно уязвленный, Пушкинъ долго не могъ опомниться, сѣтовалъ на человѣческую неблагодарность и жалобно говорилъ: „Да что же я ему сдѣлалъ худого? Не позже какъ на той недѣлѣ Милоновъ вечеромъ пилъ у меня чай. Никакъ не могъ я подозрѣвать въ немъ такого коварства“.

О кончинѣ его, въ августѣ 1830 года, князь П. А. Вяземскій записалъ слѣдующее въ своей *Старой Записной Книжкѣ*: „Вѣднѣй Василій Львовичъ скончался, 20-го числа, въ началѣ 3-го часа пополудни. Я пріѣхалъ къ нему часовъ въ 11-ть... Онъ меня узналъ, протянулъ

мнѣ уже холодную руку свою... На лицѣ его ничего не выражалось, кромѣ изнеможенія. Испустилъ онъ духъ спокойно и безболѣзненно, во время чтенія молитвы при соборованіи... На канунѣ былъ уже онъ совсѣмъ изнемогающій, но, увидя Александра Пушкина, сказалъ ему: *Какъ скученъ Катенинъ!* Передъ этимъ читалъ онъ его въ *Литературной Газетѣ*. Александръ Пушкинъ говоритъ, что онъ при этихъ словахъ и вышелъ изъ комнаты, чтобы дать дядѣ умереть исторически... На погребеніи его были депутаціи всей литературы, всѣхъ школъ, всѣхъ партій: Полевые, Шаликовъ, Погодинъ, Языковъ, Дмитріевъ и Лжедмитріевъ, Снѣгиревъ. Никиты мученика протопопъ въ надгробномъ словѣ упомянулъ о занятіяхъ его по словесности и вообще говорилъ просто, но пристойно. Я въ Пушкинѣ теряю одну изъ сердечныхъ привычекъ жизни моей... Черты младенческаго его простосердечія и малодушія могутъ составить любопытную главу въ исторіи сердца человѣческаго. Онѣ придавали что-то смѣшное личности его, но были очень милы“ (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, VIII, стр. 271, 71, 345—346; IX, стр. 137—138).

8) 3-го октября 1817 года въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* было напечатано: „30 сентября, въ 10-мъ часу пополудни, всемилостивѣйшій государь императоръ Александръ Павловичъ изволилъ ошастливить прибытіемъ своимъ древнюю столицу Москву съ ихъ императорскими величествами государынями императрицами Елизаветою Алексѣевою и Марією Ѳеодоровною, и ихъ императорскими высочествами великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ и великою княгинею Александрою Ѳеодоровною, также съ его королевскимъ высочествомъ, принцемъ Вильгельмомъ Прускимъ“ (№ 79). Въ Москвѣ, 17-го апрѣля 1818 года, въ день преподобныхъ Зосима и Савватія Соловецкихъ, близъ св. мощей Алексѣя митрополита, великая княгиня Александра Ѳеодоровна разрѣшилась сыномъ первенцомъ, нареченнымъ Александромъ.

9) 15-го апрѣля 1818 года князь П. А. Вяземскій писалъ, изъ Варшавы, И. И. Дмитріеву: „Не подавайте нищему, а пишите изрѣдка ко мнѣ. Ваше письмо было для меня истиннымъ благодѣяніемъ: читая и перечитывая его, забывалъ я о Варшавѣ, былъ въ Россіи, былъ въ Москвѣ... Честь имѣю доставить вамъ рѣчь, произнесенную государемъ сегодня, при закрытіи сейма. Журналъ его засѣданій долженъ быть извѣстенъ вашему высокопревосходительству посредствомъ А. Я. Булгакова“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1691).

10) Степанъ Петровичъ Жихаревъ, извѣстный авторъ *Дневника Студента* и *Чиновника*, носившій въ Арзамасѣ прозвище Громобоя. Отъ современниковъ его П. И. Бартенева довелось слышать, что „продолжая службу по министерству иностранныхъ дѣлъ, Жихаревъ былъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. Затѣмъ онъ перемѣнилъ службу и былъ въ

Москвѣ прокуроромъ губернскаго правленія, женился на Федосѣ Дмитріевнѣ Нечаевой, разбогатѣлъ, имѣлъ большой домъ въ Москвѣ (подъ Новинскимъ, нынѣ Куманиной), сдѣланъ оберъ-прокуроромъ Московскаго сената и, наконецъ сенаторомъ. Но позднѣе имущественныя дѣла его разстроились, и онъ кончилъ дни свои почти въ нуждѣ. Единственный сынъ его Платонъ Степановичъ скончался въ 1838 году, а дочь Варвара Степановна была за княземъ Елимомъ Петровичемъ Мещерскимъ (*Записки С. П. Жижарева*. Изданіе *Русскаго Архива*. М. 1890, стр. 3, 448).

11) Еще будучи министромъ юстиціи, И. И. Дмитріевъ, въ концѣ 1812 года, посѣтилъ своего престарѣлаго родителя Ивана Гавриловича, жившаго въ своемъ Симбирскомъ селѣ Богородскомъ. „Послѣ долго-временныхъ трудовъ“, писалъ Дмитріевъ, — „противоборствій и неприя-тностей, наконецъ я увидѣлъ себя опять въ томъ самомъ домѣ, который былъ моимъ ровесникомъ... Изъ страны эгоизма, изъ высокихъ черто-говъ я очутился подъ низменною кровлею, у подошвы горнаго хребта, покрытаго дубовымъ лѣсомъ, въ уединенномъ семействѣ, гдѣ не было ни одного сердца, ни мнѣ чуждаго, ни ко мнѣ хладнаго. Я нашель отца моего въ глубокой старости, осмидесяти лѣтъ. Всегдашнее сообщество его составляли меньшей мой братъ, пожертвовавшій сыновней любви всѣми выгодами честолюбія и независимости, двѣ мои сестры и малолѣтняя сиротка, дочь покойнаго моего брата. Отецъ мой отвель для житья моего свой кабинетъ, куда я нѣкогда вхаживалъ съ трепе-томъ для отчета въ заданномъ мнѣ урокъ. Съ какимъ удовольствіемъ взглянулъ я на старинный зеленый шкафъ съ книгами, бывшій пред-метомъ моей зависти! Я увидѣлъ въ немъ давнихъ моихъ знакомцевъ... Да простятъ меня товарищи министры за воспоминаніе о такихъ мелочахъ... Нѣжность отца моего, противорѣчившая угрюмой его на-ружности въ молодыхъ лѣтахъ, удовольствіе, сіявшее въ глазахъ его при видѣ сына, достигшаго значительной степени, искреннія ласки всего семейства могли бы тогда сдѣлать меня совершенно счастливымъ, если бы не мѣшалъ тому врѣзанный въ сердце моему образъ любезной матери. Она за годъ предъ тѣмъ скончалась“ (*Взглядъ на мою жизнь*. М. 1866, стр. 220—221).

12) Матвѣй Михайловичъ Сонцевъ былъ женатъ на Елизаветѣ Львовнѣ Пушкиной.

13) 22-го августа 1818 г. князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву изъ Варшавы: „Закономъ природы всякая тварь имѣеть здѣсь свое опредѣленное назначеніе: лягушка рождена квакать въ бо-лотѣ, а Каченовскій писать изъ Лужниковъ площадную брань. О Мо-чаловѣ, актерѣ императорскаго театра, запрещается судить гласнымъ образомъ; надъ Карамзинымъ позволяютъ надсмѣхаться наглыми и

безстыдными шутками... Жаль, что нѣтъ, ни Дашкова, ни Блудова! Мнѣ не прилично сражаться за Карамзина, и къ тому же надлежащее оружіе не по моей силѣ: Каченовскаго эпиграммами не доѣдешь. Его надобно бить лѣтописями. Вижу отсюда, какъ горячится В. Л. Пушкинъ, но его опасно выпускать на драку“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1692—1693). Дмитріевъ былъ проникателенъ. „*Исторія Государства Россійскаго*“, писалъ князь Вяземскій,—„встрѣтила противниковъ. Часть молодежи нашей, увлеченная вольнодумствомъ, политическимъ суетумудріемъ современнымъ и легкомысліемъ замышляла въ то время несбыточное преобразование Россіи. Съ чутьемъ вѣрнымъ и проникательнымъ, она тотчасъ оцѣнила важность книги, которая была событіе, и событіе, совершенно противодѣйствующее замысламъ ея. Книга Карамзина есть непреложное и сильное свидѣтельство въ пользу Россіи, каковою содѣлало ее Провидѣніе, столѣтія, люди, событія и система правленія; а они хотѣли на развалинахъ сей Россіи воздвигнуть новую по образу и подобию своихъ мечтаній. Медлить было нечего. Колкіе отзывы, эпиграммы, критическія замѣчанія, предосудительныя заключенія посыпались на книгу и на автора изъ среды потаеннаго судилища. Судіи не могли простить Карамзину, что онъ исторіографъ, слѣдовательно, по словамъ ихъ, наемникъ власти; что онъ монархической писатель,—слѣдовательно, запоздалый, *не постигающій духа и потребности времени*. Всѣ сіи обвиненія въ смыслѣ судей были основательны и раціональны. Имъ не хотѣлось самодержавія; какъ же имъ было не подкапываться подъ твореніе писателя, который чистымъ убѣжденіемъ совѣсти, глубокимъ соображеніемъ отечественныхъ событий и могуществомъ краснорѣчія доказывалъ, что мудрое самодержавіе спасло, укрѣпило и возвысило Россію. Вспомните еще, что Карамзинъ писалъ тогда *Исторію* не совершенно въ духѣ государя... Соображалъ всѣ сіи обстоятельства, легко постигнуть, какъ досаденъ былъ Карамзинъ симъ молодымъ умамъ, алкавшимъ преобразованій и политическаго переворота. Они признали въ писателѣ личнаго врага себѣ и дѣйствовали противъ него непріятельски... И самое 14 декабря не было ли, такъ сказать, критика вооруженною рукою на мнѣніе, исповѣдуемое Карамзиннымъ, то-есть, *Исторію Государства Россійскаго*...“ (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Изданіе графа С. Д. Шереметева. С.-Пб. 1879, II, стр. 211—226).

14) Князь Андрей Петровичъ Оболенскій былъ въ то время попечителемъ Московскаго учебнаго округа и чрезъ Вяземскихъ былъ въ свойствѣ съ Карамзиннымъ.

15) Въ отвѣтъ на это князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Тургеневъ прислалъ вамъ мои стихи и предупредилъ мое требованіе. Они прошли нижній судъ; теперь они въ судѣ послѣдней

инстанціи. Съ благоговѣніемъ и трепетомъ ожидаю приговора; но и съ надеждою, что, каковъ онъ ни будетъ, а вы увѣдомите меня о немъ хотя черезъ Арзамасскаго прокурора Василя Львовича (Пушкина). Сдѣлайте милость, обвините меня по всѣмъ пунктамъ, не щадите меня; у меня есть утѣшеніе: исправиться! Ваша рука легка: и побете, такъ побои пойдутъ въ прокъ“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1695).

16) „Слѣдя вашему совѣту“ писалъ князь П. А. Вяземскій И. И. Дмитріеву,—„я поменьку знакомясь съ польскимъ языкомъ. Это знакомство можетъ быть полезнѣе знакомства съ польскою словесностью, которая, какъ мнѣ сдается, еще менѣ нашей имѣетъ свой природный образъ, а слѣплена по французскому образцу. Польская проза предпочитается польской поэзіи. Я ничего не знаю скучнѣе польскаго стиха и польской просодіи, которая заключается вся въ одномъ правилѣ: удареніе бываетъ всегда на предпоследнемъ слогѣ. И потому стихи ихъ всѣ желскіе... Теперь здѣсь много занимаются очищеніемъ языка, который испещренъ нѣмецкими и французскими словами... Пребываніе и такъ сказать владычество жидовъ въ Польшѣ должно много было способствовать развращенію языка, но между тѣмъ сохранились здѣсь многія слова коренныя славянскія, которыя и намъ могли бы пригодиться. Надобно Шишкову пріѣхать сюда поохотиться; но вотъ бѣда: у него чутье обманчивое“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1694—1695).

17) *Петербургъ* (см. *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Изданіе графа С. Д. Шереметева. С.-Пб. 1880, III, стр. 157—160).

18) Записки Лазь-Казаса, вопіющія противъ жестокихъ притѣсненій, коимъ подвергался Наполеонъ на островѣ Св. Елены. „Если все, что онъ говоритъ, правда“, писалъ князь П. А. Вяземскій,—„и должно признаться, рассказы его носятъ печать истины, то въ самомъ дѣлѣ англичане не великодушные враги, и Наполеонъ истинный мученикъ“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1696).

19) Здѣсь И. И. Дмитріевъ указываетъ на „Записки Лужницкаго старца“, въ которыхъ между прочимъ читаемъ: „Велите жъ покуда приготовить хорошаго крѣпкаго кофе, да принесите густыхъ *палевыхъ сливокъ*“ (*Вѣстникъ Европы*, 1818, октябрь, № 20, стр. 311). *Палевыя сливки*—выраженіе Карамзина.

20) „Въ сказкѣ Дмитріева „Искатели фортуны“, свидѣтельствуешь его племянникъ М. А. Дмитріевъ,—„во *всѣхъ* изданіяхъ его сочиненій пропущенъ былъ одинъ стихъ, который находится только въ *Аонидахъ* Карамзина (ч. 2, стр. 86). Выписываю здѣсь нѣсколько стиховъ, и отмѣчаю этотъ стихъ курсивомъ:

...И напоследокъ встрѣтилъ
Ту самую страну, куда издавна мѣтилъ,
Любимый уголокъ фортуны, то-есть, Дворъ.

Присталъ къ нему, и по обряду,
Не дожидаяся ни зову, ни наряду,
 Всѣхъ жителей его онъ пачаль посѣщать.

„Странно, что ни самъ авторъ, ни издатели, ни одинъ изъ бывшихъ при печатаніи его сочиненій

Уставщиковъ кавыкъ и строчныхъ препинаній—

никто не замѣтилъ этого пропуска. Первый открылъ этотъ стихъ князь П. А. Вяземскій, и удивилъ этимъ автора („Мелочи изъ запаса моей памяти“. М. 1869, стр. 130, см. также письмо къ И. И. Дмитріеву князя П. А. Вяземскаго, *Русскій Архивъ*, 1866).

21) Не получая долго писемъ отъ князя П. А. Вяземскаго, И. И. Дмитріевъ писалъ В. Л. Пушкину: „Простите меня, любезный Василій Львовичъ, что я на словахъ только благодарилъ васъ вчера за одну брошюру. Письмо же ваше, равно какъ и проектъ письма, вытряхнулись изъ брошюры уже по уходѣ вашего человѣка. Чувствительно вамъ обязанъ. Надѣюсь, что вы не откажетесь одолжить меня и тѣмъ, чтобы увѣрить Вяземскаго, что я очень, очень благодаренъ ему за Карлсбадскій конгрессъ, что рука моя порывалась писать къ нему; но онъ самъ пересталъ (не знаю почему) писать и наложилъ на меня невольное молчаніе. Субота“.

22) Оберъ-прокуроромъ двухъ частей свѣта называли Прадта (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1702).

23) 10 января 1820 года, изъ Варшавы, князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „У меня есть на совѣсти грѣхъ стихотворный, посланіе къ вамъ оконченное, но по нѣкоторымъ неисправностямъ еще недостойное быть вамъ представленнымъ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1700).

24) Графъ Дмитрій Хвостовъ родился 19-го іюля 1757 года, въ С.-Петербургѣ, воспитывался въ Московскомъ университетѣ. „Въ памяти моей“ пишетъ Вигель,—„возникаетъ одно крупное лицо—Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, первый и послѣдній графъ сего имени, былъ извѣстенъ всей читающей Россіи... Когда и какъ затѣялъ онъ нѣсколько поколѣній смѣшить своими стихами, этого я не знаю; знаю только по наслышкѣ, что лѣтъ до тридцати пяти слылъ онъ богатымъ женихомъ и потому присватывался ко всѣмъ знатнымъ невѣстамъ, которыя съ отвращеніемъ отвергали его руку. Наконецъ, пришла по немъ одна княжна Горчакова. Этотъ союзъ вдругъ поднялъ его: будучи не совѣтъ молодъ, неблагообразенъ и неуклюжъ, пожалованъ былъ онъ камеръ-юнкеромъ пятаго класса. Тутъ начинается его извѣстность... Онъ имѣлъ характеръ неблагородный, наружность подлую и нарядъ всегда засаленный... Онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи, но втирался безъ разбору во всѣ литературныя общества, и во

всѣхъ оставался нулемъ, хотя, разумѣется, нигдѣ въ глаза не смѣли его дурачить“ (*Записки Ф. Ф. Вигеля*. М. 1892, III, стр. 144—145). На Хвостова обратилъ вниманіе и Державинъ. Онъ совѣтовалъ ему держаться лучше „скромнаго пастушескаго рода, а не надуваться за Пиндаромъ“ (*Сочиненія Державина*, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. С. Пб. 1865, II, стр. 486). Не смотря на то, что Хвостовъ былъ другъ лютаго врага Карамзина П. И. Голенищева-Кутузова, съ которымъ вмѣстѣ издавалъ журналъ *Другъ Просвѣщенія*, Карамзинъ циталъ нѣкоторое расположеніе къ графу Хвостову. 20-го сентября 1824 года онъ писалъ къ И. И. Дмитріеву: „Я смотрю съ умиленіемъ на графа Хвостова и на книжницу Прозоровскую: на перваго за его постоянную любовь къ стихотворству, на другую—за такую же любовь къ двору, ни мало не охлаждаемую преклонными годами. Это рѣдко и потому драгоцѣнно въ моихъ глазахъ. Смѣйся, если угодно: я уважаю Хвостова, и болѣе юныхъ стихотворцевъ, которыхъ имена вѣжу въ журналахъ, и которыхъ также не читаю; онъ дѣйствуетъ чѣмъ-то разительнымъ на мою душу, чѣмъ-то теплымъ и живымъ. Увижу, услышу, что графъ еще пишетъ стихи, и говорю себѣ съ пріятнымъ чувствомъ: „вотъ любовь, достойная таланта!“ Онъ заслуживаетъ имѣть его, если и не имѣеть. Въ этомъ смыслѣ написалъ я нѣкогда въ Album своей ближней: „Желаю тебѣ быть достойною счастья еще болѣе, нежели быть счастливою“. Столько строкъ въ письмѣ къ другу посвятить размышленію о графѣ Хвостовѣ не есть ли доказательство моего особеннаго къ нему уваженія—къ поэту, а не къ человѣку: ибо онъ самъ ставитъ въ себѣ поэта гораздо выше человѣка“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 379—380).

Но не такъ благодушно относился къ Хвостову Пушкинъ.

Когда разнесся въ Петербургѣ ложный слухъ о кончинѣ Хвостова, то Пушкинъ писалъ Плетневу: „Съ душевнымъ прискорбіемъ узналъ я, что Хвостовъ живъ. Посреди столькихъ гробовъ, столькихъ раннихъ и безцѣнныхъ жертвъ Хвостовъ торчитъ какимъ-то кукишемъ похабнымъ. Перечитывалъ я на дняхъ письмо Дельвига; въ одномъ изъ нихъ пишетъ онъ мнѣ о смерти Д. Веневитинова. Я въ тотъ же день встрѣтилъ Хвостова, говоритъ онъ, и чуть не разругалъ его: зачѣмъ онъ живъ? Вспомни мое пророческое слово: Хвостовъ и меня переживетъ. Но въ такомъ случаѣ именемъ нашей дружбы заклинаю тебя его зарѣзать—хоть эпиграммой“. Но Хвостовъ остался живъ, и узнавъ, что стихотвореніе Пушкина „Клеветникамъ“ Россіи не всѣмъ одинаково понравилось, принялъ недружелюбнаго къ себѣ поэта подъ свое покровительство и написалъ ему длинное посланіе; когда же узналъ, что Пушкинъ живетъ на Фурштадтской у Таврическаго сада, то пріѣхствовалъ его новымъ посланіемъ:

Любитель музъ съ зарею майской,
 Спѣши къ источникамъ ключей;
 Ступай послушать на Фурштатской,
 Поеть гдѣ Пушкинъ соловей.

Стихи эти, по видимому, примирили Пушкина съ долгоживотностью Хвостова. Кѣмъ-то вышеприведенные стихи были положены на музыку, и графъ Хвостовъ послалъ ихъ къ женѣ Пушкина, который писалъ подносителю: „Жена моя благодаритъ васъ за принесенный и неожиданный подарокъ. Позвольте и мнѣ принести вашему сіятельству сердечную мою благодарность. Я въ долгу предъ вами: два раза почтили вы меня лестнымъ ко мнѣ обращеніемъ и пѣснями лиры заслуженной и вѣчно юной. На дняхъ буду имѣть честь явиться съ женою на поклоненіе къ нашему славному и любезному патриарху“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1890. III, стр. 92, 332—333). Въ Петербургѣ, въ 1820 г., вышла слѣдующая брошюра: „Посланіе Ломоносову о рудословіи. Читано въ годовомъ собраніи С.-Петербургскаго Минералогическаго Общества, января 7 дня, 1820. Сочиненіе графа Хвостова. Почетнаго члена онаго Общества“ (С.-Пб. 1820 in 4°).

„Хвостовъ сказалъ: *Суворовъ мнѣ родня, и я стихи плету*. Полная біографія въ нѣсколькихъ стихахъ“,— замѣтилъ Блудовъ: „тутъ въ одномъ стихѣ все, чѣмъ онъ гордиться можетъ и стыдиться долженъ“ (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1883. VIII, стр. 125).

24 а) Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій былъ въ то время предсѣдателемъ Общества Россійской Словесности. По свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, „Дмитріевъ любилъ Антонскаго, но любилъ и трунить надъ нимъ, оцѣпъ застѣнчивымъ, такъ сказать, пугливымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ легко смѣшливымъ. „Признайтесь, любезнѣйшій Антонъ Антоновичъ“, говорилъ онъ ему однажды,—„что вашъ университетъ совершенно безжизненное тѣло: о движеніи его и догадываешься только, когда ѣдешь по Моховой и видишь сквозь окна, какъ профессора и жены ихъ переворачиваютъ на солнцѣ большія бутылки съ наливками“ (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1883. VIII, стр. 324).

25) *Московский Журналъ* на 1791 и 1792 годы; издалъ Николай Карамзинъ, 8 частей. Москва, въ Университетской Типографіи. 1791—1792. Въ моей бібліотекѣ имѣются двѣ книжки этого рѣдкаго нынѣ изданія, подаренныя мнѣ полковникомъ лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка Николаемъ Николаевичемъ Ермоловымъ, изъ его Еланьской бібліотеки, Пензенскаго уѣзда. Книжка третья. Мартъ 1791 г. На оберткѣ надпись: „Изъ книгъ Александра (Федоровича) Ермолова“. Книжка первая. Апрель 1792. Съ тою же надписью.

26) Нѣкто, скрывшійся подъ литерами *ий=ом*, напечаталъ въ *Благонамъренномъ*, издаваемомъ въ С.-Петербургѣ А. Измайловымъ, „Разказы Лужницкаго старца и мои воспоминанія о немъ“ (*Благонамъренный*, 1820, февр., № IV, стр. 217—238).

27) Здѣсь рѣчь идетъ о посланіи князя П. А. Вяземскаго къ И. И. Дмитріеву (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Изданіе графа С. Д. Шереметева. С.-Пб. 1880, III, стр. 296—297). Посланіе это написано въ отвѣтъ на присылку авторомъ новаго изданія стихотвореній его и было напечатано въ *Полурной Звѣздѣ* 1823 года. Начинается оно такъ:

Я получилъ сей даръ; наперсникъ Аполлона,
Другъ вкуса, вѣрный стражъ Парнасскаго закона.

24-го апрѣля 1820 года князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву изъ Варшавы: „По числу ошибокъ, въ немъ вами замѣченныхъ, заключаю, что вы прочли его или съ малымъ вниманіемъ, или съ большою благосклонностію; но, признаюсь, охотно придерживаюсь послѣдняго мнѣнія. Повинуюсь вашему приговору, постараюсь перемѣнить выраженіе: „За то, что и толпы“ (мнѣ казалось, что если можно сказать: *что и народу*, то позволительно сказать: *что и толпы*; но еще и прежде замѣчанія вашего получилъ я и отъ Жуковскаго выговоръ за это полустышіе), а другой стихъ перемѣнилъ такимъ образомъ:

Влестящая чета, союзомъ съ славой твердымъ
Ты Музамъ честь и стыдъ симъ тунейдцамъ гордымъ.

(*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1700—1701).

28) Не смотря на это сознаніе, князь П. А. Вяземскій и въ прозѣ, и въ стихахъ продолжалъ призывать И. И. Дмитріева къ дѣятельности. „Я все еще въ надеждѣ“, писалъ онъ изъ Варшавы, 24-го апрѣля 1820 года, — „что молитва моя дойдетъ до Бога, и онъ вложитъ въ васъ желаніе дѣйствія. Намъ, рядовымъ ратникамъ, худо жить безъ полководца: подъ крыломъ его смѣлѣе дерешься съ неприятелемъ и охотиѣ идешь впередъ“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1701).

29) См. примѣчанія 25—26.

30) На этой записочкѣ года не означено, но судя по водяному знаку бумаги, на которой она писана, относится къ 1820 году.

31) 7-го іюня 1820 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву изъ Царскаго Села: „Свиданіе съ княземъ Петромъ было для насъ печальнымъ сердечнымъ удовольствіемъ. Опъ проживеть у насъ еще съ недѣлю или болѣе; а тамъ опять въ Варшаву, гдѣ однакожь не думаетъ остаться надолго. Зрѣть умомъ и характеромъ, какъ сынъ „достойный отца“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 289).

32) 2-го іюня 1820 года родился въ Варшавѣ князь Павелъ Петровичъ Вяземскій. То же желаніе выражалъ позднѣе его отцу и Жуковскій, который, 8-го іюля 1847 года, писалъ ему изъ Эмса: „Много, много у тебя взяла жизнь; самые тяжелые опыты посѣтили твою душу, тѣмъ болѣе тяжкіе, что ты не охотникъ дѣлиться своею ношею и тащишь ее молча на собственныхъ плечахъ своихъ. Радуетъ меня за тебя однако то, что слышу отъ тебя и слышалъ отъ многихъ о *Павлѣ*. Теперь онъ тертый калачъ, сказалъ бы я объ немъ, еслибъ только понималъ смыслъ этой русской пословицы. Онъ прошелъ черезъ огонь опыта и не сгорѣлъ въ черный уголь, а окрѣпъ, можетъ быть, въ сталь. Ты, по своимъ лѣтамъ, еще можешь быть ему нѣсколько времени товарищемъ въ здѣшнемъ свѣтѣ, можешь идти съ нимъ рука въ руку: миѣ этого счастья не имѣть. Когда мой сынъ станетъ на свои ноги, я уже буду безъ ногъ, если проживу столько, и онъ будетъ для меня только посохомъ, предохраняющимъ отъ паденія“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1070—1071).

33) Карлъ Зандъ, студентъ, убійца Коцебу, казненъ 26-го мая 1820. года. Въ февралѣ того же 1820 года *Лузелъ* убилъ въ Парижѣ наслѣдника французскаго престола герцога Беррійскаго. Д. Н. Свербеевъ рассказываетъ, что Пушкинъ въ театрѣ, ходя по рядамъ кресель, показывалъ знакомымъ портретъ Лувеля и при этомъ рѣзко отзывался о французскомъ правительствѣ (*Сочиненія А. С. Пушкина*. С.-Пб. 1887. VII, стр. 132).

34) Еще 24-го апрѣля 1820 года князь П. А. Вяземскій писалъ изъ Варшавы И. И. Дмитріеву: „Если Богъ благословитъ, а пресловутый Яценковъ, урожденный Яценко, не заклеитъ печатью отверженія, то, можетъ быть, въ скоромъ времени увидите вы въ *Сынѣ Отечества* посланіе къ почтеннѣйшему Михаилу Трофимовичу: о зависти. Оно теперь въ отдѣлкѣ, но, сдѣлайте одолженіе, не разглашайте тайны. Мысль эта довольно удачна; не знаю, каково будетъ исполненіе“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1701—1702).

35) Анжелика Каталани, первая концертная пѣвица своего времени. Род. 1784 † 1843 г. Въ 1820 году, 21-го іюня, Карамзинъ изъ Царскаго Села писалъ И. И. Дмитріеву: „Съ нѣкотораго времени я не очень здоровъ. Однакожь слушаемъ Каталани, здѣсь и въ Павловскомъ. Прекрасное удивительное пѣніе!“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 290). Изъ Царскаго же Села, 12-го іюня 1820 года, князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Хвостовъ при миѣ пріѣзжалъ къ госпожѣ Каталани, объявилъ ей о своемъ мадригалѣ и, кажется, немного смѣшался, замѣтя меня въ комнатѣ“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1705).

36) Князь П. А. Вяземскій отправилъ къ И. И. Дмитріеву за-

писки Бенжамена Константа: „О стодневномъ царствованіи Наполеона“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1705—1706).

37) Матвѣй Михайловичъ Сонцевъ, свидѣльствуетъ князь П. А. Вяземскій, „былъ представленъ Юсуповымъ въ камергеры. Въ Петербургѣ нашли, что по чину его достаточно ему и званія камеръ-юнкера. Но Сонцевъ, кромѣ того, что уже былъ въ степенныхъ лѣтахъ, пользовался вдоль и поперекъ такимъ объемистымъ туловищемъ, что юношеское званіе камеръ-юнкерства никакъ не подходило ни къ лицу, ни къ росту. Князь Юсуповъ сдѣлалъ новое представленіе на основаніи физическихъ уваженій, которое и было утверждено. Сонцевъ наконецъ пожалованъ ключемъ. Вся эта продѣлка не могла ускользнуть отъ лѣтописца, подобнаго Неѣлову, онъ записалъ въ свой Московскій Временникъ слѣдующее четверостишіе:

Черезъ дядю, брата или друга
Иной по службѣ дастъ скачекъ;
Другого вывезетъ сестра или супруга,
Но онъ сталъ камергеръ черезъ собственный пупокъ.

(*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1883. VIII, стр. 159).

38) 21-го декабря 1820 года, изъ Варшавы, князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Прислалъ ли вамъ Тургеневъ мой соръ, посланіе къ Михайлѣ Трофимовичу? И его отправилъ для напечатанія въ *Сынъ Отечества*. Не знаю, посмѣютъ ли? Этотъ Каченовскій походитъ на усастую старушку, которую въ Петербургѣ всѣ уважаютъ и боятся, неизвѣстно изъ чего. Смѣю спросить васъ, сказать мнѣ свой судъ искренній и строгій о стихахъ и дать совѣты для исправленія, буде они исправленія стоѣтъ“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1709). Это знаменитое посланіе начинается стихомъ: *Передъ судомъ ума сколь, Каченовскій, жалокъ* (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, III, стр. 219—223).

39) 21-го августа 1820 г., изъ Варшавы, князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Статья въ *Сынъ Отечества*, о польской словесности напечатанная, если не хорошо, то по крайней мѣрѣ довольно вѣрно изложена. Жалѣю, что мнѣ не удалось опередить ее; впрочемъ это болѣе отчетъ, чѣмъ картина, и многое еще остается досказать“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 176—177).

40) Татищевъ, вѣроятно, Дмитрій Павловичъ (род. 1767 † 1845), бывший долго русскимъ посломъ въ Вѣнѣ.

41) „Русланъ и Людмила“, первая поэма Пушкина, начатая имъ еще въ Лицѣѣ, вышла въ свѣтъ въ маѣ 1820 года; послѣдніе листы ея допечатывались во время высылки его изъ Петербурга. 7-го іюня

1820 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Ты, по моему мнѣнію, не отдаешь справедливости таланту или *поэмкѣ* молодого Пушкина, сравнивая его съ Энеидою Осипова: въ ней есть живость, легкость, остроуміе, вкусъ; только нѣтъ искуснаго расположенія частей, нѣтъ или мало интереса; все сметано на живую нитку“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 290, 0134).

42) По всѣмъ вѣроятіямъ, здѣсь Дмитріевъ разумѣетъ обширную критическую статью А. Ѳ. Воейкова, напечатанную въ *Сынъ Отечества* 1820 года, №№ IV—XXXVII, подъ которыми поставлена начальная буква фамиліи Воейкова: В.

43) *Невскій Зритель*, ежемѣсячное изданіе, выходившее въ С.-Петербургѣ. Въ этомъ журналѣ была помѣщена статья И. Георгіевскаго, подъ заглавіемъ: „Взглядъ на стихотворенія пѣвца Кубры“ (посвящается Обществу Любителей Россійской Словесности). (Августъ, 1820, стр. 168—199). Журналъ этотъ издавался съ 1820 года по іюль 1821 Сниткинымъ, Кругликовымъ, Рожковымъ и Яковлевымъ.

44) 21-го декабря 1820 года князь П. А. Вяземскій, изъ Варшавы, писалъ И. И. Дмитріеву: „Не дождавшись медлительной присылки книгопродавца, посылаю вамъ (*сочиненіе Азаиса*) изъ своей бібліотеки; а по пріѣздѣ моемъ въ Москву можемъ помѣняться“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1708).

45) Вѣроятно, княгиня Александра Андреевна Голицына, рожд. *Хрущова*, † послѣ 1826 г., супруга князя Алексѣя Ивановича Голицына, подполковника, писателя, р. 1765, † 1807 (см. *Родъ князей Голицыныхъ*, стр. 114, № 147).

46) У Долгорукова (т. III, 227) показаны: Алексѣй Евграфовичъ Татищевъ (с. 97) † 1832, женатъ на *Маріи Степановнѣ* Ржевской † 1852, и у него сестра *Прасковія Евграфовна* † 1841 (но она вышла замужъ—когда не обозначено—за князя Грузинскаго). Быть можетъ, въ 1821 году эта Прасковія Евграфовна была еще дѣвицею, и тогда можно было бы допустить, что Дмитріевъ говоритъ о ней и о *Маріи Степановнѣ* (примѣчаніе К. А. Губастова).

47) Прадтъ, неутомимый публицистъ того времени, который на каждый случай, на каждое событіе издавалъ брошюру, какъ Хвостовъ оду, былъ сперва аббатомъ, раздавателемъ милостыни при Наполеонѣ, впослѣдствіи архіепископомъ и злѣйшимъ врагомъ Наполеона. 21-го декабря 1820 года князь П. А. Вяземскій писалъ изъ Варшавы къ И. И. Дмитріеву: „Совѣщаніе Троппавское обложено непроницаемою таинственностію. Но намъ только дотерпѣться до преподобнаго *Малиновскаго*, l'archevêque de Malines (те-есть, Прадта); онъ весь соръ вынесетъ изъ избы“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1709).

48) 18-го января 1821 г. князь П. А. Вяземскій, изъ Варшавы, пи-

саль И. П. Дмитріеву: „Исполнивъ обязанность свою европейскаго вѣстника, позвольте мнѣ обратиться къ *Вѣстнику Европы* и просить отъ васъ приговора моему посланію (къ *Каченовскому*). Къ вамъ приступаю *со страхомъ и довѣріемъ*, со страхомъ за исправности въ слогѣ; съ вѣрою въ чувство, съ коимъ будете судить о побужденіи, водившимъ рукою моею; но признаюсь, не смѣю поднять мысленно глаза на Николая Михайловича. Лобъ Каченовскаго не такъ сморщится отъ стиховъ моихъ, какъ его, и заранѣе спрячусь за вами отъ стрѣлъ его гнѣва. Помилуйте и спасите меня“ (*Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1710). Въ это же время и самъ И. И. Дмитріевъ написалъ басню, подъ заглавіемъ „Дѣти и мыльные пузыри“

Откуда визгъ и крикъ далече раздается?

Читатель разсмѣется,

Когда ему скажу, что этому виной:
Ребята, на площадь собравшія толпой,
На воздухъ пузырьки въ соломенку пущали;
Но игры дѣтскія не далеки отъ ссоръ:
Они за пузырьки въ такой пришли задоръ,
Что начали игрой, а дракой окончили.

Не той ли важности у насъ

Въ журналахъ авторскія брани?

Воюютъ дѣлый годъ за буки и за азъ,
А мы зѣвотою за то имъ платимъ дани.

Не кстати, а хвалю примѣръ Карамзина:

Что ставить онъ въ отпоръ хулителямъ? Безпечность.

Онъ зритель пузырей: и что же ихъ война?

Зоидамъ *часовать*; его твореньямъ *вѣчность*.

Во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ сочиненій И. И. Дмитріева этой басни не встрѣчается, подлинникъ ея хранится въ Остафьевскомъ архивѣ.

49) Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ (род. въ 1769 † 1825) былъ сынъ того преображенскаго офицера Михаила Алексѣевича Пушкина, который въ 1762 году участвовалъ въ возведеніи Екатерины II на престолъ, а жизнь окончилъ заточникомъ въ Тобольскѣ. Мать А. И. Пушкина была княжна Наталья Абрамовна Волконская. Сынъ ихъ былъ оставленъ на попеченіи куратора Московскаго университета И. И. Меллиссино. А. М. Пушкинъ получилъ образованіе въ духѣ философіи XVIII вѣка и впоследствии сталъ отъявленнымъ волтеріанцемъ и атеистомъ. Служилъ въ гвардіи и въ отставку вышелъ генераль-маіоромъ; въ 1806—1807 гг., при первомъ образованіи милиціи, онъ состоялъ въ штатѣ начальника московскаго ополченія, князя Ю. В. Долгорукаго,

а въ 1810 году получилъ должность члена Мастерской и Оружейной Палаты и званіе камергера. Со времени выхода изъ военной службы онъ поселился въ Москвѣ, занимался разными промышленными предпріятіями и блисталъ въ тамошнемъ высшемъ обществѣ своимъ остроуміемъ и сценическимъ талантомъ. „Прямой сынъ Вольтера“, пишетъ князь Вяземскій,—„энциклопедистъ съ русскою закваскою, воспитанникъ дяди своего Мелиссино, бывшій въ военной службѣ и въ походахъ, слѣдовательно, не чуждый русской жизни и ея особенностей. Трудно опредѣлить его: одно можно сказать, что онъ былъ соблазнительно-обворожительнень... Онъ былъ необыкновенно простъ въ обхожденіи...“ Одною изъ постоянныхъ жертвъ его остроумія былъ его родственникъ В. Л. Пушкинъ (Л. Майковъ. *Сочиненія К. Н. Батюшкова*. С.-Пб., 1886, III, стр. 686—690.

50) Александръ Абрамовичъ *Волковъ* въ нашей литературѣ извѣстенъ слѣдующими произведеніями: 1804 г.—„Страсть сердца моего“; 1811 г.—„Даръ Музамъ“; 1820 г.—„Освобожденная Москва“; 1822 г.—„Четыре возраста жизни“ (Сегюра), переводъ съ французскаго; 1823 г.—„Правда о пожарѣ Москвы“ гр. Ростопчина (переводъ съ французскаго).

51) Это стихотвореніе Каченовскій перепечаталъ въ своемъ *Вѣстникѣ Европы* подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Посланіе ко мнѣ отъ к. Вяземскаго“, снабдивъ его слѣдующими примѣчаніями:

1) Изъ 2 книжки *Сына Отечества*. Сему скромному, благонамѣренному и дѣльному „Посланію“ по всей справедливости надлежало бы явиться прежде въ *Вѣстникъ Европы*; но знаменитый авторъ, какъ уже извѣстно публикѣ, произнесъ объѣтъ предъ издателями *Сына Отечества* нигдѣ, кромѣ ихъ журнала, не печатать своихъ стихотвореній.

2) *Передъ судомъ ума сколь, Каченовскій! жалою...*

Благодарность издателямъ *Сына Отечества*! Поставивъ запятую и знакъ восклицательный, они отвели ругательство отъ меня, и подозрѣніе въ дурномъ умыслѣ отъ г-на Вяземскаго, котораго выпренній геній, презирающій правила и грамматики, и синтаксиса, легко могъ просмотрѣть ничтожные знаки препинанія.

3) *Какъ оный вѣчный огонь при алтарь Весталокъ*

....Чалмоносна Порта!

Но что же къ ней прибрать мнѣ въ риѳму, кромѣ чорта?

Изъ *Соч. Дм.*

4) *Отъ Кяхты до Аѳинъ, отъ Лужниковъ до Рима.*

Браво, браво! *Charmant!* Надобно только замѣтить здѣсь (для потомства), что стихотворецъ разумѣетъ не Лужники Троицы, не Замоскворѣцкіе, а Лужницкую слободку, что за Дѣвичьемъ Подемъ, иначе Малые Лужники, гдѣ живетъ извѣстный *Старецъ*.

5) . . . . .

Пропуски ничѣмъ невознаградимы. Но мы утѣшаемся надеждою увидѣть сіе „Посланіе“ дополненнымъ, исправленнымъ и приумноженнымъ въ такъ называемыхъ *Образцовыхъ Сочиненіяхъ*.

6) Внемлите, какъ теперь *пулливые невѣжды*...

Прекрасное выраженіе Ломоносова. Прим. *Соч.*

7) *Зачѣмъ искать чужихъ примѣровъ? Скажешь ты...*

Ну, этого я не скажу. Чужихъ дѣлъ я не знаю, и знать не стараюсь. Отъ клеветы можно защититься законами и преслѣдовать виновнаго, а еще и того лучше—простить его.

8) *Пасъ учитъ Карамзинъ презрѣнью клеветы*

Te veniente die, te decedente canebam

Vet Poet.

9) *Ты правъ.—Еще пойму соперничества ревность...*

Протестую! Этого я не говорилъ и не скажу; ибо тутъ есть слова, къ которымъ иные могутъ привязаться, могутъ взять ихъ на свой счетъ. И вы сами... Но зачѣмъ вы хотите меня ссорить съ вашими врагами?

10) *Въ безбрежныхъ областяхъ надоблачной Державы...*

Вотъ сунуло куда! (*Вѣстникъ Европы*, 1821. Январь № 2, стр. 98—106).

52) Это желаніе И. И. Дмитриева скоро исполнилось. 24-го мая 1821 г. Карамзинъ писалъ ему изъ Царскаго Села: „Князь-поэтъ съ нами, и мы всякій день говоримъ о тебѣ“. Въ другомъ же письмѣ, отъ 10-го іюня, Карамзинъ писалъ: „Душевно огорчились я и жена непріятностію Петра Андреевича: Новосильцовъ пишетъ къ нему официально, что за нескромные разговоры его о политикѣ не велѣно ему возвращаться въ Варшаву. Для объясненія государь позволилъ мнѣ придти къ нему въ кабинетъ и милостиво сказалъ, что князь Петръ можетъ имѣть мѣсто въ Петербургѣ, если хочетъ; но князь не хочетъ“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитриеву*, стр. 307—308).

53) Судя по водяному знаку бумаги, письмо это писано въ 1821 году, послѣ іюля.

54) Судя по водяному знаку бумаги письмо это писано въ 1821 году.

55) Вице-адмиралъ Алексѣй Ивановичъ, сенаторъ седьмого Департамента (*Мѣсяцесловъ*, 1821. I, 298).

56) Съ 4-го сентября 1821 г. состоялъ московскимъ комендантомъ генераль-лейтенантъ Веревкинъ I (*Списокъ комендантамъ*. Напечатанъ по 1 іюня 1829 года, стр. 60).

57) См. примѣчаніе 50-е.

58) Дмитрій *Пименовъ* въ русской литературѣ извѣстенъ слѣдующими переводами: 1809 г.—„Нравственныя разсужденія герцога де-ла-Рошефуко; переводъ съ французскаго. Москва. Въ Типографіи Бекетова“;

1818 г.—„О сущности красоты и прелести. Переводъ съ французскаго. Москва. Въ Типографіи Селивановскаго“. Дмитріевъ, пишетъ князь Вяземскій, „жалуюсь на Пименова, послѣдняго питомца князя Б. В. Голицына, который посѣщаль его довольно усердно: сидитъ два часа и ни слова не промолвитъ, говорилъ, что онъ приходитъ держать его подъ карауломъ“ (*Полное Собрание Сочиненій князя П. А. Вяземскаго. С.-Пб 1884. IX, стр. 10*).

59) Владиміръ Васильевичъ Измайловъ, род. 1773 † 1830, ученикъ Подшивалова и подражатель Карамзина. Поклонникъ Руссо, онъ выступилъ на литературное поприще съ сентиментальною повѣстью „Ростовское озеро“, пропитанною сочувствіемъ къ крестьянамъ и природѣ. Измайловъ, „подобно Карамзину, въ молодости своей былъ увлекаемъ очаровательною идеею какого-то блаженства; вмѣстѣ съ нимъ содрогнулся отъ ужаса, когда плачевная существенность, разрушивъ сны мечтательной философіи, открыла передъ нимъ кровавую сцену человѣческихъ заблужденій“. По словамъ М. А. Дмитріева, Измайловъ „въ подражаніе Карамзину, поѣхаль путешествовать по Южной Россіи. Это путешествіе, въ подражаніе ему же, онъ описаль въ письмахъ“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, стр. 048*).

60) Здѣсь рѣчь идетъ о трудѣ князя П. А. Вяземскаго: „О жизни и сочиненіяхъ И. И. Дмитріева“, написанномъ для новаго изданія стихотвореній его (1823). 22-го сентября 1821 года князь Вяземскій писалъ Дмитріеву изъ Остафьева: „Біографія давно послана мною къ Гнѣдичу... Я любопытенъ знать—что скажетъ о ней цензура? Во всякомъ случаѣ я рѣшился отстаивать до конца авторскія права, дарованныя намъ ценсурнымъ уставомъ 1804 года, сею дворянскою грамотою благороднаго нашего сословія“ (*Русскій Архивъ, 1866, стр. 1711*).

61) „И мои бездѣлки“. C'est là tout mon talent, je ne fais s'il suffit. La Fontaine. М. 1795.

62) Братъ Ивана Ивановича, Александръ Ивановичъ Дмитріевъ, род. 1759, ум. 1798. Онъ писалъ прозою и стихами; изъ литературныхъ трудовъ его особенно замѣчательнъ переводъ „Лузіады“ Камюэнса (2 части, М. 1788).

63) Ѳедоръ Ильичъ Козлятевъ; о немъ Карамзинъ говорилъ: „Это такой человѣкъ, что я за версту сниму передъ нимъ шляпу“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, стр. 0162*).

64) Платонъ Петровичъ Бекетовъ. О годѣ рожденія и кончины его свидѣтельствуесть надпись на могильномъ камнѣ въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ: „Подъ симъ камнемъ положено тѣло премьеръ-маіора и кавалера Платона Петровича Бекетова. Родился ноября 11 дня 1761 года, скончался 1836 года, января 6“. Бекетовъ жилъ и умеръ на дачѣ своей подъ Симоновымъ. Двоюродный братъ И. И. Дмитріева

и дальній родственникъ Карамзина, онъ былъ истиннымъ другомъ просвѣщенія. Съ 1798 года, поселившись въ Москвѣ, онъ основалъ типографію, издавалъ книги, собиралъ древности, завелъ у себя кабинетъ нумизматической и минералогической и принималъ участіе въ изданіи журналовъ. На канунѣ 1812 года былъ утвержденъ императоромъ Александромъ I уставъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Правила для избранія въ члены этого Общества были начертаны самыя строгія; кромѣ извѣстности въ ученое свѣтѣ сочиненіями, или *отличными* свѣдѣніями въ Россійской исторіи и древностяхъ, надлежало быть извѣстному „*по трудолюбію и жизни неразстѣянной*, дающей время и возможность быть дѣятельнымъ“. И вотъ, „сановники и мужи ученые“ избрали въ предсѣдатели Общества П. П. Бекетова, *отставнаго майора*. „Явленіе“, по замѣчанію П. М. Строева, — „для пынѣшняго поколѣнія загадочное: теперь и въ старшины клубовъ избираютъ большею частію генераловъ“. Изъ протоколовъ засѣданій Общества 1811 и первой половины 1812 годовъ видно, что „какой-то *энтузіазмъ* одушевилъ и членовъ, и людей стороннихъ; можетъ быть, его раздѣляли всѣ просвѣщенные москвитине“. Бекетовъ въ званіи предсѣдателя оставался до 1823 года и, по свидѣтельству П. М. Строева, былъ „душою и двигателемъ“ Общества. „Мнѣ кажется“, писалъ Строевъ, — „въ залѣ нашихъ собраній портретъ этого достойнаго мужа могъ бы имѣть мѣсто“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1890. III, стр. 67—68).

65) Въ первыхъ дняхъ іюня 1822 года И. И. Дмитріевъ отправился въ Петербургъ для свиданія съ двоюродною сестрою Анной Николаевной Смирновой и Карамзинымъ. Последняго онъ нашелъ въ Царскомъ Селѣ. Переночевавъ у Карамзина, Дмитріевъ на другой же день отправился въ Петербургъ, и тотчасъ послалъ къ оберъ-камергеру А. Л. Нарышкину письмо съ просьбой исходатайствовать ему позволеніе представиться императору и обѣимъ императрицамъ. Но на другой день, прежде нежели дошло письмо, государь изволилъ прибыть въ столицу, и Дмитріевъ удостоился получить приглашеніе къ обѣденному столу на Каменный Островъ. Неожиданное появленіе Дмитріева во дворцѣ изумило всѣхъ приглашенныхъ къ столу. Государь, вступивъ съ императрицею въ приемную комнату, съ ласковымъ видомъ изволилъ попенять Дмитріеву, для чего не хотѣлъ идти въ Царскосельскій садъ, чтобъ не встрѣтиться съ нимъ до представленія: *такіе чины*, примолвилъ его величество, *не у мѣста между Семеновскими сослуживцами*. Послѣ же обѣденнаго стола государь, откланявшись гостямъ и проходя мимо Дмитріева, изволилъ сказать ему: *просимъ же впередъ не стѣсниться*. Въ Царскомъ Селѣ Дмитріеву, по высочайшему повелѣнію, былъ отведенъ одинъ изъ Китайскихъ домиковъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ

Карамзинимъ. Съ наступленіемъ 22-го іюля, по высочайшему же повелѣнію, приготовлено было въ Петергофѣ для Дмитріева помѣщеніе въ дворцовомъ домѣ, назначенномъ для помѣщенія членовъ государственнаго совѣта. „Пребываніе мое въ Царскомъ Селѣ“, писалъ Дмитріевъ,—„заставило многихъ думать при дворѣ и въ городѣ, что я буду опять министромъ юстиціи или просвѣщенія. Уже нѣкоторые изъ запасливыхъ на всякій случай чиновниковъ, и даже высшихъ особъ, закидывали мнѣ поклоны и визитныя карты. Я сожалѣлъ отъ себя о напрасномъ ихъ безпокойствѣ и скоро вывелъ ихъ изъ заблужденія, ибо августа 9-го числа отправился въ Москву, простясь съ любезнымъ Карамзинимъ и со всѣми любимцами и докучателями фортуны“ (*Взглядъ на мою жизнь*. М. 1866, стр. 245—248).

66) 30-го октября 1822 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву изъ Царскаго Села: „Нарочно для тебя я велѣлъ перевести статью славнаго нѣмецкаго историка Герена о моей Исторіи и пришлю ее тебѣ“ (*Письма П. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 340).

67) „*Mémoires sur les cent jours*. Paris. 1822“.

68) Александръ Ивановичъ *Красовскій*, прославившій свое имя цензурскою дѣятельностью, былъ сынъ протоіерея Петропавловскаго собора и члена Россійской академіи. Онъ окончилъ курсъ наукъ въ гимназіи Академіи Наукъ и затѣмъ поступилъ въ 1796 году переводчикомъ въ канцелярію той же Академіи; въ 1800 году опредѣленъ бібліотекаремъ въ Императорскую Публичную Библіотеку, а въ 1810 году занялъ должность секретаря Библіотеки. Въ 1821 г. назначенъ въ цензурный комитетъ цензоромъ (*Русская Страница*, 1874, № 1, стр. 106—140).

69) 28-го марта 1823 года у князя П. А. Вяземскаго родился сынъ князь Петръ. 5-го апрѣля того же 1823 года Карамзинъ изъ Петербурга привѣтствовалъ родителя: „Отъ всей души поздравляемъ васъ съ рожденіемъ милаго *второго* князя Петра. Дай Богъ, чтобы онъ имѣлъ умъ, дарованіе и душевное благородство *перваго!*“ (*Старина и Новизна*. С.-Пб. 1897. Кн. I, стр. 138). Князь Петръ *второй* умеръ въ младенческихъ лѣтахъ и погребенъ въ Остафьевѣ близъ паперти тамошней церкви во имя Святыя Троицы, но надгробная надпись, вопреки достовѣрнаго показанія Карамзина *о годъ рожденія младенца*, гласитъ: „Погребены тѣла младенцевъ... Князя Петра, родившагося 28 марта 1821 года, умершаго 18 апрѣля 1823 года“ (Графъ Сергій Шереметевъ. *Остафьево*. С.-Пб. 1889, стр. 15).

70) Изданіе стихотвореній И. И. Дмитріева, 1823 г.

71) А. А. Писаревъ, въ письмѣ своемъ къ А. А. Прокоповичу-Антонскому (отъ 26-го мая 1825) писалъ: „Препровождаю изъ моего кабинета... медаль, которая выбита была отъ Правительствующаго Сената, 20 ноября 1772, въ честь И. И. Бецкому, за *любовь къ отечеству*,

находя сіе приношеніе мое нынѣ весьма приличнымъ, когда въ чрезвычайномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, 1823, мая 23 дня, положено было почитать похвальнымъ словомъ память Бецкаго, что поручено дѣйствительному члену князю П. А. Вяземскому“ (*Труды Общества Россійской Словесности*. М. 1826. VI, стр. 298—299).

Въ протоколѣ чрезвычайнаго собранія Общества Любителей Россійской Словесности, 1823 года мая 23-го, въ ст. 12-й сказано: „Общество, почитая долгомъ изящной словесности воздавать достойныя благодаренія заслугамъ знаменитымъ на различныхъ поприщахъ подвизавшимся соотечественникамъ, особенно для наукъ и просвѣщенія незабвеннымъ, признало нужнымъ почитать похвальными словами память русскихъ меценатовъ, Шувалова, Бецкаго и Завадовскаго. Исполненіе сего священнаго долга признательности къ Шувалову и Завадовскому принялъ на себя А. Ѳ. Мерзляковъ, а къ Бецкому Общество поручило князю П. А. Вяземскому (*Московскія Вѣдомости* 1823. № 46). Секретаремъ Общества въ то время былъ И. И. Давыдовъ.

72) Стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго „Петербургъ“ (Отрывокъ) было написано въ 1818 году, но напечатано было только въ 1824 году (*въ Полярной Звѣздѣ. Карманной книжкѣ на 1824 годъ для любителей и любителей Русской Словесности*, изданной А. А. Бестужевымъ и К. Рылѣвымъ. С.-Пб., стр. 256—259). Предъ печатью князь Вяземскій отправилъ свой „Петербургъ“ для просмотра къ И. И. Дмитріеву, который на „особомъ листочкѣ“ сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія:

Я зрю сей (все односложныя) Петроградъ—по моему, кажется лучшимъ: Я вижу градъ Петровъ etc.

Сопутственныхъ (темно).

Взыскало дань—со веѣмъ не низкое и не подъяческое, напротивъ, словенское и въ высокомъ слогѣ понынѣ употребляется.

И на рѣшетку зрю—стихъ прекрасный.

Къ рѣшеткѣ можно прибратъ маленькій желтый дворецъ Петра Великаго, онъ стоитъ на углу сада къ Невѣ. Въ немъ и теиерь еще виденъ на одной вырѣзанной двери крестъ его работы.

Стихъ: Тамъ зодчій etc. къ вѣкамъ—потщась простерть признаюсь, я желалъ бы, чтобы этотъ стихъ былъ передѣланъ.

Забылъ написать въ письмѣ: Малиновскій говорилъ, что надобно вамъ отыскать старуху Авдотью Алексѣевну Аргамакову, которая знаетъ всю подноготную о Фонѣ-Визинѣ

Замѣчаніе И. И. Дмитріева: *И на рѣшетку* (Лѣтняго Сада) зрю—стихъ прекрасный, относится къ слѣдующему:

Желѣзо, покорясь вліянію огня,
 Здѣсь легкостью дивитъ въ прозрачности ограды,
 За коей причется и смотритъ садъ прохлады.
 Полтавская рука сей разводила садъ!

Желтый Дворецъ Петра Великаго въ Лѣтнемъ Саду;

Вотъ скромный домъ, ковчегъ воспоминаній славный —
 Свидѣтель онъ надеждъ и замысловъ державныхъ!
 Здѣсь мыслилъ Петръ объ насъ: Россія! здѣсь твой храмъ!
 О, если жизнь придать безчувственнымъ стѣнамъ,
 И тайны царскихъ думъ извлечь изъ хладныхъ сводовъ,
 Какой бы мудрости тотъ гласъ отзывомъ былъ,
 Какихъ бы истинъ громъ внезапно поразилъ
 Благоговѣйный слухъ властителей народовъ!

Стихъ: *Тамъ Зодчій—etc... къ вѣкамъ потщась простерть*
 Напечатанъ въ такомъ видѣ:

Тамъ зодчій смѣлясь путь къ безсмертію простерть...

(*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго. С.-Пб 1880.*
 III, стр. 159).

Сестра Д. И. Фонъ-Визина Феодосія Ивановна (р. 1744), съ 1764 г.
 была за мужемъ за Василиемъ Алексѣевичемъ Аргамаковымъ (*Князь Лобановъ-Ростовскій. Русская Родословная Книга. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. 1895. II, стр. 312*).

73) Еще 22-го сентября 1821 года князь П. А. Вяземскій писалъ
 И. И. Дмитріеву изъ Остафьева: „Вы говорили мнѣ однажды о намѣ-
 реніи г. Бекетова издать творенія Фонъ-Визина и предложить мнѣ за-
 няться извѣстіемъ о жизни и сочиненіяхъ его... Я здѣсь на досугъ радъ
 имѣть опредѣленную работу и во всякомъ случаѣ съ удовольствіемъ
 соглашусь быть угоднымъ г. Бекетову“ (*Русскій Архивъ, 1866, стр. 1711*).

74) Федоръ Федоровичъ *Кокочкинъ*, камергеръ, почетный членъ
 Московскаго университета, родился въ Москвѣ, 20-го апрѣля 1773 года;
 обучался въ домѣ родителей своихъ и въ Московскомъ университетѣ;
 служилъ сначала въ гвардіи, потомъ по министерству юстиціи; съ
 1819 года состоялъ членомъ Театральной дирекціи. Въ литературѣ
 Кокочкинъ извѣстенъ удачнымъ переводомъ Мольерова „Мизантропа“
 (*Гречъ. Учебная Книга Россійской Словесности. С.-Пб. 1822, стр. 608*).
 И. И. Дмитріевъ, знавшій давно Кокочкина, какъ человѣка хорошей
 фамиліи, образованнаго и съ умомъ, въ то время, какъ былъ мини-
 стромъ юстиціи, предложилъ ему мѣсто московскаго губернскаго про-
 курора. Предварительно захотѣлъ онъ посоветоваться съ его тестемъ
 Иваномъ Петровичемъ Архаровымъ. Архаровъ отвѣчалъ такъ слово

въ слово: *Охъ, мой отецъ! велика твоя милость; да малый-то къ театру больно привязался!* По замѣчанію современниковъ, „много вредила Кошкину на сценѣ какаля-то важность и торжественность, которая была въ немъ и въ обыкновенномъ обращеніи“ (*М. Дмитріевъ*. Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869, стр. 175—176).

75) „Приписаніе“ князь П. А. Вяземскій сдѣлалъ въ письмѣ Карамзина къ И. И. Дмитріеву, изъ Царскаго Села, 2-го сентября 1825 года, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Желалъ доказать, что я путешествовалъ не безъ пользы и возвращусь не съ пустыми руками, имѣю честь препроводить къ вамъ надпись, найденную мною подъ портретомъ графа Хвостова, въ Хотиловскомъ трактирѣ; портретъ подаренъ трактирщицѣ его сіятельствомъ:

Желалъ бы Графъ я Вашъ портретъ иметь,
Исполните мое преискреннѣ желанье,
Клинусь Вамъ всемъ, какъ умереть,
Сочту большимъ я его воздаянье.

Я набожно слѣдовалъ правописанію подлинника.. Я снялъ портретъ со стѣны для списанія стиховъ и оставилъ его на столѣ; хозяйка, принужденная повѣсить его опять на мѣсто, сказала при семъ: „Охъ! какой же неугомонный этотъ графъ! Всѣ проѣзжающіе снимаютъ его!“ Примите сію бѣдную дань и приобщите ее къ богатымъ матеріаламъ, собираемымъ вами въ *Музеумъ Хвостовскомъ* (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 403—404).

76) Въ 1825 году князь П. А. Вяземскій путешествовалъ въ Ревель. 31-го іюля 1825 года Карамзинъ писалъ Дмитріеву: „Мысли твои о службѣ князя П. А. весьма основательны... Куда ни кипъ, такъ клинъ. Онъ уменъ, любезенъ, но не знаетъ, что дѣлать въ свѣтѣ, и скучаетъ; гордъ и перѣшителенъ: а я не имѣю духа за него рѣшиться. Ждемъ его возвращенія изъ Ревеля“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 401—402). Надо полагать, что это путешествіе въ Ревель вдохновило князя Вяземскаго написать стихотвореніе „Ночь въ Ревелѣ“, хотя оно было напечатано гораздо позднѣе (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С-Пб. 1880. IV, стр. 274—277).

77) 2-го сентября 1825 года Карамзинъ изъ Царскаго Села писалъ И. И. Дмитріеву: „Грустно, мрачно, холодно въ сердцѣ, и не хочется взять пера“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 402).

78) 2-го сентября 1825 года, изъ Царскаго Села, П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Пушкинъ въ своей псковской ссылкѣ готовитъ трагедію Борисъ Годуновъ... Вотъ надежды въ засѣвѣ“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 404).

79) Въ 1824 году, скончалась тетка В. Л. Пушкина, Варвара Ва-

сильевна Чичерина и завѣщала ему свое состояніе (*Сочиненія А. С. Пушкина*. С.-Пб. 1887. VII, 132).

80) Въ *Дамскомъ Журналѣ* 1825 года мы встрѣчаемъ стихотворенія М. Кобозева, подъ которыми подписано Одесса.

81) Графъ Григорій Владиміровичъ Орловъ, сенаторъ и ученый, жилъ по большей части во Франціи и Италиі. Будучи сенаторомъ съ 1812 года, Орловъ возвратился въ Россію только по воцареніи императора Николая и умеръ въ іюнь 1826 года. Во время плаванія по Волгѣ дядя его графъ Г. Г. Орловъ перевелъ *пятую* главу Мармонтелева „Велизарія“ (*А. Барсуковъ*. Разказы изъ Русской Исторіи XVIII вѣка. С.-Пб. 1885, стр. 104). „Ни одно сочиненіе“, писалъ И. И. Дмитріевъ,— „не заслужило у насъ такого отличія, какъ политическій и нравственный романы Мармонтеля. Въ 1769 году вышло два перевода его. Одинъ напечатанъ въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ „Велисарій“, безъ имени переводчика; а другой въ Москвѣ, подъ названіемъ „Велизеръ“. Послѣдній совершенъ самою Екатериною съ ея вельможами и царедворцами... Императрица перевела только девятую главу. Замѣтимъ, что вся девятая глава дышетъ либерализмомъ, ненавистію къ ласкателямъ и самовластію“. „Велизеръ“ былъ посвященъ переводчиками архіепископу Тверскому Гавріилу, (впослѣдствіи митрополитъ Новгородскій) (*Взглядъ*, стр. 96, 285).

82) „Собраніе новыхъ Русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1821 по 1823, часть первая. Въ Санктпетербургѣ, 1825“. Въ предисловіи „*Отъ издателей*“ читаемъ: „Здѣсь напечатано нѣсколько старыхъ прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій, которыя не включены издателями *Образцовыхъ Русскихъ Сочиненій и Переводовъ*. Мы рѣшили лучше нарушить порядокъ, нежели справедливость. Стихи князя Кантемира и Петрова и теперь еще имѣютъ свою цѣну; проза Ломоносова, Хераскова, Козицкаго, Гамалѣя, Подшивалова и теперь еще обворажаетъ слухъ, плѣняетъ воображеніе и убѣждаетъ разумъ“.

83) Въ этой припискѣ къ письму К. А. Карамзиной, изъ Ревеля, отъ 22-го іюня 1826 года, князь П. А. Вяземскій между прочимъ писалъ: „Какъ живо представляю себѣ вашу горестъ, тѣмъ болѣе тяжкую, что почти не съ кѣмъ вамъ дѣлится ее“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 426—428).

84) *Некрологія* (Изъ *Journal de St. Petersbourg*). Подъ этою статью Каченовскій означилъ только свою начальную литеру К. (*Вѣстникъ Европы* 1826 года, май—іюнь, стр. 69—72).

85) Серпуховскій помѣщикъ, владѣлецъ села Рудина, нѣкогда числившагося „въ старыхъ вотчинахъ за боярипомъ Ѳеодоромъ Васильевичемъ Шереметевымъ“, и постоянно въ немъ жившій, Николай Дмитріевичъ Иванчинъ-Писаревъ принадлежалъ къ писателямъ Карамзинской

школы. Впослѣдствіи онъ прославился своею цѣнною книгою „Поѣздка по Коломенскому уѣзду“. До 1826 года онъ былъ извѣстенъ въ нашей литературѣ слѣдующими сочиненіями: 1813 года—„Пѣснь Россійскихъ воиновъ на истребленіе Наполеоновскихъ армій“; 1819—„Сочиненія и переводы въ стихахъ“; въ 1827 году онъ напечаталъ въ Москвѣ въ двухъ частяхъ книжку подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Духъ Карамзина или избранныя мысли и чувствованія сего писателя, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ обзорѣній и историческихъ характеровъ“. Объ этомъ сочиненіи А. И. Тургеневъ между прочимъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Пробѣжалъ сегодня акаѳистъ Иванчина-Писарева нашему исторіографу. И за намѣреніе отдать справедливость спасибо“ (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1884, IX, 92). Погодинъ же съ своей стороны объ этомъ сочиненіи замѣтилъ слѣдующее: „Авторъ распространяется весьма много о зоилахъ, будто старавшихся унизить Карамзина, и въ такихъ громоносныхъ выраженіяхъ, что всякій, незнакомый съ русской литературой, представитъ себѣ легіонъ злонамѣренныхъ критиковъ...“ Далѣе Погодинъ продолжаетъ: „Авторъ упоминаетъ о недостаткѣ совѣтниковъ. „Кто у насъ говорилъ о немъ такъ, какъ говорилъ о Цицеронѣ Плиній? Кто писалъ къ нему, какъ писалъ Плиній къ Тациту? Какой Буало вѣщалъ ему: „Пиши — я ручаюсь за потомство“. На это Погодинъ возражаетъ: „Авторъ позабылъ, что Карамзину былъ другомъ Дмитріевъ, что Державинъ говорилъ ему:

Пой Карамзинъ,
И въ прозѣ гласъ слышенъ соловьиный“.

По поводу кончины Н. Д. Иванчина-Писарева (въ 1849 г.) И. М. Снегиревъ сказалъ: „Дай Богъ, чтобы подобные дѣятели у насъ не переводились“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1892. VI, 306; 1889. II, 145—146; 1896. X, 544).

86) Еще 2-го сентября 1825 года, изъ Царскаго Села, князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Я былъ у нашего Сѣверина, который блаженствуетъ на розахъ любви и Гименея; жена его очень мила, домъ у нихъ красивый, и домашній бытъ очень хорошо устроенъ“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 404).

87) *Аполони въ четверостишіяхъ*. М. 1825.

88) 17-го іюня 1830 года князь П. А. Вяземскій, изъ Петербурга писалъ И. И. Дмитріеву: „Зная ваше благосклонно-сатирическое мнѣніе обо мнѣ, я увѣренъ, что если и прихожу вамъ иногда на память, то не иначе какъ въ вихрѣ вѣчнаго движенія, увлеченный волною бала, спектакля или обѣда — теперь въ Малой Морской, черезъ часть на Петергофской дорогѣ, а черезъ два—на Черной рѣчкѣ. Ахъ! Вашими устами бы медъ пить... Но дѣло совсѣмъ не такъ, какъ вы полагаете.

Я—домосѣдъ; вотъ уже двѣ недѣли, какъ я не выхожу изъ комнаты... и едва хожу по комнатѣ. Меня вывалили изъ дрожекъ или правильнѣе повалили съ дрожками на Каменноостровскомъ мосту и зашибли больно лѣвую ногу“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 605).

89) См. примѣчаніе 85-е. По поводу кончины В. В. Измайлова (въ 1830 году) князь П. А. Вяземскій, 17-го іюня 1830 года, писалъ И. И. Дмитріеву: „Пожалѣвъ о смерти добраго Измайлова, подумалъ я и о вашей грусти. Вы любили его и имѣли въ немъ собесѣдника, съ которымъ можно было вамъ мѣняться не одними словами, а и мыслями. Закажите по данному вами плану некрологическую статью о немъ Иванчину-Писареву и подарите ея *Литературную Газету*. Измайловъ оставилъ по себѣ честную память, которую надобно сберечь. При нынѣшнемъ упадкѣ нравственномъ нашего литераторства должно выставить въ примѣръ и въ пристыженіе имена литераторовъ честныхъ, добросовѣстныхъ и чистыхъ. Покойникъ принадлежалъ къ сему числу; изъ твореній его, можетъ быть, и не многому научишься, но изъ жизни его научишься уважать занятія литературныя и облагораживать свои способности“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 610—611).

90) Василій Аполлоновичъ *Ушаковъ* былъ сотрудникомъ *Московского Телеграфа* и другомъ Булгарина, о чемъ онъ печатно заявилъ, разбирая сочиненіе послѣдняго „Димитрій Самозванецъ“. „Приступаю къ разсмотрѣнію романа“, писалъ онъ,—„сочиненнаго моимъ короткимъ пріятелемъ, и о сихъ моихъ сношеніяхъ съ авторомъ предварительно увѣдомляю всѣхъ, острящихъ жало на новое произведеніе моего друга“; при этомъ онъ жалуется „всей просвѣщенной Европѣ“ на „безграмотныхъ писакъ, боярскихъ дѣтокъ“, которые „вмѣнили и вмѣняють въ ужасный грѣхъ Булгарину, что онъ родился не въ Россіи, а въ Польшѣ“. Одновременно съ „Димитріемъ Самозванцемъ“ Булгарина вышла въ свѣтъ и VII-я глава „Евгенія Онѣгина“, о которой въ томъ же *Телеграфѣ* писали: „Первая глава Онѣгина и двѣ три слѣдовавшія за нею нравились и плѣняли, какъ превосходный *опытъ* поэтическаго воображенія общественныхъ причудъ. Но *опытъ* все еще продолжается, краски и тѣни одинаковы и картина та же. Цѣна повизны исчезла—и тотъ же „Онѣгинъ“ нравится не такъ, какъ прежде. Надобно прибавить, что поэтъ и самъ утомился. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ даже повторяетъ самъ себя. „Онѣгинъ“ будетъ рудникъ для эпитафій, а не органическое существо“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1890. III, 86, 25—26).

91) Здѣсь И. И. Дмитріевъ, вѣроятно, разумѣлъ юмористическое прибавленіе къ *Московскому Телеграфу* 1830 года, № 12, іюнь: „Новый живописецъ Общества и Литературы“. Въ статьѣ „Слова, насъ учили,—дымъ“ осмѣивается исторія русской литературы, въ которой между прочимъ

читаемъ: „Херасковъ, нашъ Гомеръ, воспѣвшій древнія брани, пройдетъ въ храмъ безсмертія! Пусть ноютъ сердца зоиловъ: они вреда не нанесутъ ему; его „Кадмъ и Гармонія“ станетъ рядомъ съ Телемакомъ. Костровъ рѣшилъ споръ семи городовъ о рожденіи Омира: онъ усыновилъ его Россіи. Петрова перестанутъ читать, когда вовсе читать перестанутъ. Мы имѣемъ уже у себя своихъ Шольё, Лафаровъ, Делилей, своихъ Доратовъ и Мармонтелей, своихъ Дюсисовъ, своихъ Мильвуа и Панаровъ! Потомки черезъ пятьсотъ лѣтъ будутъ искать слѣдовъ Карамзина на берегахъ Лизина пруда и говорить: *онъ имѣлъ душу, онъ имѣлъ сердце!* Безсмертную „Душеньку“ диктовали сами граціи. Безсмертіе Нелединскаго утверждено слезами милыхъ. Озеровъ, счастливый подражатель Дюсиса, умереть только тогда, когда потомки русскихъ не будутъ походить на Танкреда, живо изображеннаго имъ въ „Дмитріѣ Донскомъ...“ (стр. 212).

92) М. П. Погодинъ издавалъ, подъ заглавіемъ „Вѣдомости о состояніи города Москвы“, московскіе бюллетени во время холеры (см. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. III, 47, 206, 209, 213, 216, 238, 239).

93) 30-го октября 1830 года, изъ Остафьева, князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Фонъ-Визинъ будетъ обязанъ за свою біографію холерѣ. Ревностно занимаюсь ею“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 613).

94) 30-го октября 1830 года, изъ Остафьева, князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Чтобы напитаться стариною нашею, перечиталъ я множество русскихъ книгъ прошлаго столѣтія; дошло дѣло даже и до Тредьяковскаго. Эти чтенія даютъ мнѣ большую охоту написать обзорѣніе русской словесности и выдать „Русскую Библіотеку“, то-есть, выборъ изъ нашихъ стариковъ, которые право были лучше насъ, по крайней мѣрѣ сочинѣе. Въ одномъ Сумароковѣ болѣе мыслей и остроумія, чѣмъ во всѣхъ журналистахъ нашихъ. Въ числѣ новостей ограничиваюсь убійственной литературою Маркуса и Погодина, а прочаго не читаю“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 613—614).

95) *Петербургскій Меркурій*, не *Петербургскій*, а *Сѣверный Меркурій*—литературная газета, издававшаяся Михаиломъ Бестужевымъ-Рюминымъ, въ С.-Петербургѣ, въ 1830—1832 годахъ.

96) Князь П. А. Вяземскій спрашивалъ И. И. Дмитріева: „Не знаете ли вы, есть ли у Сумарокова комедія, написанная на Эмина? Въ комедіи его „Ядовитый“ есть лицо Геростратъ, которое должно быть на кого-нибудь нацѣлено, и мнѣ сдается не на Эмина ли? Онъ говоритъ въ одной сценѣ: „О Юпитеръ, о Магометъ, о безмолвный пустынный Балтійскаго порта!“ — Что значитъ этотъ пустынный? (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 613—614).

97) Въ письмѣ своемъ къ И. И. Дмитріеву (отъ 15-го ноября 1830 года) К. А. Карамзина дѣйствительно напоминала ему о днѣ своего рожденія: „Пишу къ вамъ на канунѣ дня, въ который минеть мнѣ полвѣка, съ глубокимъ чувствомъ благодарности къ Провидѣнію за то счастье, которое оно дало мнѣ вполне вкусить въ семь мірѣ; никто не любилъ и не былъ любимъ болѣе меня и какими сердцами!“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 436).

98) Здѣсь, по всѣмъ вѣроятіямъ, И. И. Дмитріевъ разумѣеть стихи С. П. Шевырева, написанные имъ въ альбомѣ княгини З. А. Волконской.

99) Еще 14-го декабря 1830 года, изъ Остафьева, князь П. А. Вяземскій извѣщалъ И. И. Дмитріева о запрещеніи *Литературной Газеты* и по этому поводу писалъ: „Какая польза отъ того, что цензурный уставъ писанъ не Шихматовымъ, а Дашковымъ, что товарищъ министра просвѣщенія Блудовъ, а не какой-нибудь Фотій, когда ни тотъ, ни другой не могутъ отстаивать существующаго закона, или писателей, лишаемыхъ законныхъ правъ своихъ! Нѣтъ сомнѣнія, что государь уважилъ бы истину, еслибы кто раскрылъ ее предъ нимъ. Но всѣ молчатъ. Не даромъ сказалъ мой Фонъ-Визинъ: *Тутъ нѣтъ вѣрности къ государю, идъ нѣтъ ея къ истинѣ*“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 614—615)

100) Телешовъ состоялъ при дѣтяхъ Н. М. Карамзина.

101) *Ө. С. Мосоловъ*, извѣстный коннозаводчикъ, о которомъ упоминаетъ С. П. Жихаревъ въ своихъ *Запискахъ* (изд. *Русскаго Архива*. М. 1890, стр. 132—133, 200).

102) Андрей Ивановичъ *Пашковъ*, ген.-маіоръ, въ должности егермейстера, р. 1792, † 1850. Ж. I, гр. Екатерина Дмитріевна *Зубова*, † 1821. 2, гр. Аделаида Гавриловна *Моденъ*, р. 1803, † 1844. Онъ былъ внукъ Александра Ильича Пашкова, женатаго на Даріи Ивановнѣ Мясниковой, извѣстной богачкѣ своего времени (примѣчаніе К. А. Губастова). Домъ Пашкова въ Москвѣ (нынѣ Московскій Публичный и Румянцовскій музеи), по свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, „отличающійся самобытною архитектурою, красивый и величавый, съ бельведеромъ, съ садомъ на улицу, а въ саду фонтаны, пруды, лебеди, павлины и заморскія птицы; по праздникамъ игралъ въ саду домашній оркестръ. Какъ бывало ни идешь мимо дома, такъ и прильнешь къ желѣзной рѣшеткѣ; глазѣшь и любишь; и всегда рѣшетка унизана дѣтьми и простымъ народомъ“ (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1883. VIII, 468)

103) *Альціона*, альманахъ на 1832 годъ. Изданъ барономъ Розеномъ. С.-Пб. 1832.

104) *Съверныя Цвѣты* издавались барономъ Дельвигомъ, въ С.-Петербургѣ, съ 1825 года.

105) Въ сентябрѣ 1831 года И. В. Кирѣевскій вошелъ въ Московскій цензурный комитетъ съ прошеніемъ объ исходатайствованіи ему дозволенія издавать съ будущаго 1832 года журналъ, подъ названіемъ *Европеецъ*. Въ засѣданіи главнаго управленія цензуры, бывшемъ 13-го октября 1831 года, послѣдовало разрѣшеніе. „Поздравляю всю братію“, писалъ Пушкинъ Языкову, — „съ рожденіемъ *Европейца*. Готовъ съ моей стороны служить вамъ чѣмъ угодно, прозой и стихами, по совѣсти и противъ совѣсти“. Все, что было знаменитаго, благороднаго въ литературѣ нашей, соединилось около Кирѣевского для безкорыстной возвышенной дѣятельности. Въ новый 1832 годъ вышелъ первый номеръ *Европейца*, а 13-го февраля того же 1832 года запрещено его дальнѣйшее изданіе. Все напечатанное въ двухъ вышедшихъ въ свѣтъ книжкахъ *Европейца*, по справедливому замѣчанію М. А. Максимовича, не представляетъ „ничего возмутительнаго, ничего такого, что могъ бы вычеркнуть самый подозрительный цензоръ нашего времени“ (объ этомъ прискорбномъ событіи въ нашей литературѣ см. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*, III, 367—368; IV, 5—8, 10—12, 16, 37; V, 469—470; VII, 404).

106) *Русская Минерва*, не *Русская*, а *Сѣверная Минерва*, которая начала издаваться въ Петербургѣ Иродіономъ Вѣтрипскимъ, съ января 1832 года.

107) *Улей*, помѣсячное изданіе, выходившее въ Петербургѣ съ января 1811 по декабрь 1812 года,

108) „Долго былъ И. И. Дмитріевъ“, пишетъ князь Вяземскій, — „постояннымъ членомъ Англійскаго клуба: вдругъ, за что-то на него прогнѣвавшись, отослалъ свой билетъ; вскорѣ послѣ, соскучась, опять записался“ (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1882. VII, 161).

109) Императоръ Николай I, по вступленіи на престоль, пожелалъ возложить на Карамзина сочиненіе бумагъ государственныхъ; но Карамзинъ почему-то нашель это несомвѣстнымъ съ занятіями исторіографа и указалъ государю, вмѣсто себя, на двухъ арзамасцевъ, владѣвшихъ отечественнымъ языкомъ въ совершенствѣ и достойныхъ быть изъяснителями монаршей мысли предъ народомъ. Выборъ Карамзина палъ на Дашкова и Блудова (*Погодинъ*. Н. М. Карамзинъ. М. 1866. II, 465). Въ 1832 году оба они сдѣлались министрами: Дмитрій Васильевичъ Дашковъ—министромъ юстиціи, а Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, на мѣсто графа А. А. Закревскаго, министромъ внутреннихъ дѣлъ (*Ивановъ*. Опытъ біографій генераль-прокуроровъ и министровъ юстиціи. С.-Пб. 1863, стр. 153—180).

110) 3-го іюня 1832 года князь Вяземскій, изъ Петербурга, писалъ И. И. Дмитріеву: „Жуковскаго здоровье такъ плохо, что рѣшеніемъ

медиковъ, присланныхъ къ нему на совѣщаніе отъ императора, положено ему ѣхать въ Эмсъ; а на зиму въ Италію, или въ Южную Германію. Я перекрестился отъ радости и распѣловаль доктора Арендта, когда узналъ, что дѣло рѣшено“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 618).

111) 3-го іюня 1832 года князь Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву, изъ Петербурга: „Желаю воскресить для васъ А. Е. Измайлова, сообщу вамъ одинъ анекдотъ о графѣ Хвостовѣ. Онъ публично упалъ и растянулся на землѣ, на Елагинскомъ гуляньѣ, садясь въ коляску свою. Жена завизжала, и весь народъ бросился смотрѣть его и слушать ее; но все обошлось безъ бѣды, и графа подняли, какъ ни въ чемъ не бывало. Приключеніе это, вѣроятно, будетъ воспѣто самимъ Хвостовымъ. Былъ и другой случай подъ деревомъ въ Лѣтнемъ саду... Впрочемъ, бѣдный Хвостовъ жалокъ; онъ такъ дряхлъ и разслабъ, что недолго осталось ему публично падать, писать и...“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 619—620).

112) 17-го сентября 1832 года князь Вяземскій, изъ Петербурга, писалъ И. И. Дмитріеву: „Благодѣтельное пособіе вашего высокопревосходительства бѣдному Реуту пришло въ самую пору и послужило ему добрыми проводами въ дальній путь. Онъ вскорѣ послѣ того и скончался“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 622).

113) Рѣчь идетъ о *Письмахъ* князя Мещерскаго, сына оберъ-прокурора Св. Синода, о которыхъ князь Вяземскій такъ отозвался: „Письма нѣсколько синодскія, а съ другой стороны, много ребяческаго жара и болтовни, много самохвальства, не только патріотическаго, которое извинительно и даже увлекательно, когда оно поддержано дарованіемъ, но много самохвальства личнаго и вовсе неприличнаго. Признаюсь, излишній патріотизмъ и въ самомъ эпиграфѣ. Выходя на бой съ Европою, смѣшно взять Шаховскаго герольдомъ своимъ, смѣшно имѣть и союзникомъ себѣ и *mr. Masclet*. Съ ними недалеко уйдешь и никого не испугаешь. Впрочемъ, книгу все прочесть можно съ любопытствомъ и съ желаніемъ автору болѣе зрѣлости въ мысляхъ, ибо благонамѣренность одна въ подобныхъ случаяхъ недостаточна“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 621—622).

114) Въ Петербургѣ разнесся слухъ, что Полевой будетъ въ числѣ депутаціи, которая отправится изъ Москвы благодарить государя отъ лица купечества (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 622).

115) Семенъ Алексѣевичъ Смирновъ, профессоръ російскаго законовѣдѣнія въ Московскомъ университетѣ, которое преподавалъ съ 1811 по 1834 годъ. Ѳ. Л. Морошкинъ, приступая къ жизнеописанію Смирнова, замѣтилъ: „Въ прежнія времена, когда большая часть профессоровъ жили въ отдаленіи отъ большого свѣта, много было между ними оригиналовъ съ особымъ стилемъ осанки, походки, тѣлодвиженій и привычекъ! Къ

этому разряду профессоръ античной эпохи отчасти принадлежит С. А. Смирновъ. Въ 1832 году онъ произнесъ рѣчь „О началѣ и происхожденіи Россійскихъ законовъ, духъ ихъ и постепенномъ усовершенствованіи“ (*Биографическій Словарь Профессоровъ и Преподавателей И. Московскаго Университета*. М. 1855. II. 418—419).

116) Упрекъ И. И. Дмитриева относится къ Дмитрію Павловичу Голохвастову, который по матери своей Елизаветѣ Алексѣевнѣ Яковлевой былъ роднымъ племянникомъ сенатора Льва Алексѣевича Яковлева и двороднымъ братомъ А. И. Герцена. Съ 1832 года Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ былъ назначенъ помощникомъ попечителя Московскаго учебнаго округа. Въ сочиненіяхъ его двоюроднаго брата А. И. Герцена мы находимъ живую и яркую характеристику этого почтеннаго человѣка: „Въ домѣ его родителей (на Тверской) царствовала обдуманная, важная скука и официально учтивый, благосклонный тонъ съ чувствомъ собственнаго достоинства, который à la longue чрезвычайно надѣдалъ. Дмитрій Павловичъ лѣтъ 18-ти походилъ на сорокалѣтняго мужчину... Онъ былъ блондинъ съ британски-рыжеватымъ оттѣнкомъ, съ свѣтло-сѣрыми глазами, которые онъ любилъ щурить, и которые говорили о невозмущаемомъ штилѣ души. Съ лѣтами фигура его все больше и больше выражала чувство полного уваженія къ себѣ... Говоря, онъ почесывалъ третьимъ пальцемъ лѣвой руки волосы на вискахъ, всегда подвитые и правильно причесанные, притомъ онъ постоянно держалъ губы на благосклонной улыбкѣ... Правильныя черты его вмѣстѣ съ стройнымъ и довольно высокимъ ростомъ, съ тщательно округленными движеніями, съ шейнымъ платкомъ, котораго узелъ *никогда не былъ ни великъ, ни малъ*, придавали ему какую-то торжественную красоту посаженнаго отца, почетнаго свидѣтеля... или по крайней мѣрѣ человѣка, пріѣхавшаго поздравить съ Рождествомъ Христовымъ, или наступившимъ новымъ годомъ... Вся его жизнь была рядомъ наградъ за успѣхъ и нравственность. Онъ ихъ вполнѣ заслужилъ... Онъ говорилъ по французски съ тою непорочною правильностью, съ которой французы никогда не говорятъ... 14-ти лѣтъ онъ не только участвовалъ въ управленіи имѣніемъ, но перевелъ на французскій языкъ въ прозѣ всю *Rocsiady* Хераскова... Между тѣмъ, правильно осмотрѣвши Европу и выучившись по англійски, Дмитрій Павловичъ возвращался вооруженный планами Девонширскихъ фермъ и Корнвельскаго конскаго завода. Моремъ плыли сѣльные и вѣяльныя машины, необыкновенныя плуги и модели всякихъ агрономическихъ затѣй“. Вскорѣ послѣ того Дмитрій Павловичъ вступилъ въ законный бракъ. Женильба его, повѣствуетъ двоюродный братъ его, — не была „дѣломъ безумной страсти. Онъ тщательно выбралъ умную и дѣльную жену. Онъ изъ династическихъ интересовъ желалъ прямыхъ наслѣдниковъ, чтобъ оградить родовое имѣнье

праотцевъ“. Определеіе Дмитрія Павловича въ помощники попечителя Московскаго учебнаго округа совершилось такимъ образомъ: Императоръ Николай I „захотѣлъ перемѣнить военное управление Московскаго университета на статское. На дорогѣ между Москвой и Петербургомъ онъ назначилъ попечителемъ князя Сергія Михайловича Голицына“, который въ свою очередь сталъ искать себѣ помощника, и „взглядъ его остановился“ на Голохвастовѣ. Въ проѣздѣ государя черезъ Москву Голицынъ представилъ ему Голохвастова, и послѣдній вышелъ отъ государя помощникомъ попечителя. Съ этого времени, повѣствуетъ его двоюродный братъ, Дмитрій Павловичъ „началъ примѣтно толстѣть, наружность его выражала еще больше важности и фракъ сталъ носить какъ-то пошире, безъ звѣзды, но видимо предчувствуя ее“.

Ядовитый старикъ, отецъ Герцена, И. А. Яковлевъ такъ отзывался о своемъ любимомъ племянникѣ: „Я его люблю и привыкъ любить, да онъ всего этого и заслуживаетъ. Конечно, есть и у него свои пресмѣшные недостатки... Скорая карьера вскружила ему голову... Къ тому же родъ его службы такой—ѣздить кураторомъ, учениковъ бранить, да все съ школярами привыкъ говорить свысока..., поучаетъ ихъ, тѣ слушаютъ его на вытяжкѣ... Онъ и думаетъ, что со всѣми можно говорить тѣмъ же тономъ... Даже голосъ у него перемѣнился... Я знаю, ну, онъ привыкъ въ декастеріяхъ... А тутъ эти писаришки—все *вашпревосходительство! вашпревосходительство!* Ну, затмѣніе“ (*Сочиненія А. И. Герцена*. Женева. 1879. VII, 232—343, 326—327).

117) 3-го іюня 1832 года князь Вяземскій, изъ Петербурга, писалъ И. И. Дмитріеву: „Въ литературномъ мірѣ, за исключеніемъ общаго позволенія, даннаго Пушкину, издавать газету и съ политическими извѣстіями, нѣтъ ничего новаго. Но и это—важное событіе, ибо подрываетъ журнальный откупъ, снятый Гречемъ и Булгаринымъ“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 619). Событія, происходившія въ то время въ Польшѣ и Европѣ, сильно волновали Пушкина и вызвали въ немъ потребность выступить на поприще публициста. Онъ писалъ графу Бенкендорфу слѣдующее: „Съ радостью взялся бы я за редакцію политическаго и литературнаго журнала, то-есть, такого, въ которомъ печатались бы политическія и заграничныя новости, около котораго соединялъ бы писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приближилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію“. Въ 1832 году эта мысль Пушкина близка была къ воплощенію, и Любимовъ съ восторгомъ писалъ Погодину: „Вѣрно, слышали вы о предложеніи Пушкина издавать ежедневную газету. Отъ души желаю всякаго успѣха. Авось, тогда нѣсколько поумолкнутъ Полевые, Булгарины,

Гречи и вся нечистая и не русская ихъ братія... Вы не будете По-годинъ, если не будете съ своей стороны помогать столь доброму подвигу..." Самъ же Пушкинъ писалъ Погодину: „Знаете ли вы, что государь разрѣшилъ мнѣ политическую газету? Дѣло важное, ибо монополія Греча и Булгарина пала. Вы чувствуете, что дѣло безъ васъ не обойдется“. Газетѣ своей Пушкинъ думалъ дать заглавіе *Дневникъ*. Гоголь былъ противъ этого предпріятія Пушкина и писалъ И. И. Дмитріеву: „Газеты Пушкинъ не будетъ издавать, и лучше! Въ нынѣшнее время приняться за опозоренное ремесло журналиста не слишкомъ лестно и для неизвѣстнаго человѣка; но генію этимъ заняться—значить помрачить чистоту и непорочность души своей и сдѣлаться обыкновеннымъ человѣкомъ“. И дѣйствительно, Пушкинъ откладывая день за день исполненіе своего предпріятія, наконецъ совсѣмъ потерялъ его изъ виду и забылъ о немъ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1890. III, 275; 1891. IV, 95—97).

118) 17-го сентября 1832 года князь Вяземскій писалъ, изъ Петербурга, Дмитріеву: „Мы въ это послѣднее время часто говорили съ Пушкинымъ о необходимости жизнеописанія Карамзина. Это совершенно дѣло ваше, по сердцу, по уму, по обстоятельствамъ; это необходимое пополненіе собственныхъ вашихъ „Записокъ“, вторая половина жизни вашей. Вся жизнь Карамзина слилась съ вашею, и память ваша—одно ея живое хранилище. Если вы уже не хотите приступить къ труду полному и цѣльному, то передайте по крайней мѣрѣ мнѣ изъ памяти своей біографическіе матеріалы, и я подъ руководствомъ вашимъ буду приводить ихъ въ единство.....Время уходитъ и мы уходимъ. Многое изъ того, что видѣли мы сами, перешло уже въ баснословныя преданія, или и вовсе поглощено забвеніемъ. Надобно сдавать свои драгоценности въ сохранный мѣсто (*Русскій Архивъ*, 1886, стр. 623—624).

119) Эти двѣ-три страницы о Карамзинѣ написаны Дмитріевымъ еще при жизни исторіографа, 10-го января 1826 года, и напечатаны въ его „Взглядъ на мою жизнь“ (М. 1866, стр. 251—254).

120) По вступленіи своемъ въ должность товарища министра народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ, въ 1832 году, выразилъ министру князю Ливену желаніе „посвятить время на обзорніе Московскаго университета и части учебнаго округа“ и просилъ повергнуть сіе желаніе высочайшему „благоуваженію“. На докладѣ министра государь начерталъ: *Согласенъ, обратитъ особое вниманіе на Московскій университетъ и гимназіи* (подробности объ этомъ обзорніи см. *Жизнь и Труды М. П. Погодина* С.-Пб. 1891. IV, 71—85, 98—99). Вскорѣ послѣ своихъ арзамасскихъ товарищей Дашкова и Блудова и самъ Уваровъ 21-го марта 1833 года сдѣлался министромъ.

121) Съ 18-го апрѣля 1830 года князь П. А. Вяземскій состоялъ

чиновникомъ особыхъ порученій министерства финансовъ; а 21-го октября 1832 года всемилостивѣйше повелѣно ему быть исправляющимъ должность вице-директора департамента внѣшней торговли. 31-го декабря 1832 года онъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Вы требуете собственноручнаго свидѣтельства отъ меня въ моемъ настоящемъ званіи... Точно, я нижеподписавшійся—*исправляющій должность вице-директора департамента внѣшней торговли*, и тѣмъ болѣе могу васъ въ томъ удостоить: по милости Божіей приходилось мнѣ въ иное утро подписываться въ томъ до четырехъ сотъ разъ и болѣе. Послѣ того нельзя не вѣрить тому и не затвердить этой истины, отъ которой иногда зарыбитъ у меня въ глазахъ и такъ надоѣсть мнѣ имя мое, что для роздыха и развлечения радъ бы вмѣсто князя Петра Вяземскаго написать: *графъ Димитрій Хвостовъ* (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 625).

122) *Телескопъ*, журналъ современнаго просвѣщенія, издаваемый Николаемъ Надеждинымъ, въ Москвѣ, съ 1831—1836 г.

123) „Неистовый Орландъ“ *Л. Аріоста*. Переводъ *Раича*. М. Часть 1-я. 1832. Часть 2-я. 1833. Часть 3-я. 1837.

124) „Система Россійской Словесности“, составленная Императорскаго Московскаго университета профессоромъ *Иваномъ Давыдовымъ*. М. 1832.

125) 31-го декабря 1832 года князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Вотъ что маленький Гриммъ (А. И. Тургеневъ) писалъ ко мнѣ изъ Венеціи: „Я давно собирался попросить тебя дать знать И. И. Дмитріеву, что я очень огорченъ его холодностію въ послѣдніе дни моего пребыванія въ Москвѣ, и что если я виноватъ, то невинно, и потому ему легко простить мнѣ и любить меня по старому (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 625).

126) 2-го февраля 1833 года князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Баронъ Розенъ, издатель *Альціоны*, просилъ меня представить альманахъ его патріарху нашей словесности“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 627).

127) Въ то время, когда строгій приговоръ состоялся въ Петербургѣ надъ *Европейцемъ* Кирѣевскаго, книгопродавецъ А. Θ. Смирдинъ перемѣстилъ свой книжный магазинъ на Невскій проспектъ, и этотъ обыкновенный случай, по словамъ книгопродавца Смирдина, доставилъ ему „счастіе видѣть у себя на *новосельѣ* почти всѣхъ извѣстныхъ литераторовъ“. Графъ Д. И. Хвостовъ, по выраженію Смирдина, „маститый поэтъ нашего времени“, сдѣлалъ „отъ своей музы“ привѣтствіе. На этомъ пиру, по свидѣтельству Смирдина, „гости литераторы, изъ особенной благосклонности ко мнѣ, вызвались, по предложенію В. А. Жуковскаго, подарить меня на *новосельѣ* каждый своимъ произведеніемъ“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1891. IV, 16—17). Та-

кимъ образомъ, въ 1833 году появилось въ Петербургѣ *Новоселье*. Часть первая. Изъ заключающихся въ немъ статей И. И. Дмитриевъ обратилъ вниманіе на слѣдующія: „Незнакомка“, барона *Брамбеуса* и „Бригадиръ“, князя *В. Ѳ. Одоевскаго*, съ посвященіемъ И. С. Мальцеву и съ эпиграфомъ изъ И. И. Дмитриева:

Жилъ, жилъ, и только что въ газетахъ
Осталось: „выѣхалъ въ Ростовъ“.

Новоселье украшено випьеткою, рисованною Брюловымъ и гравированною Галактионовымъ; она изображаетъ обѣденный столъ, во главѣ котораго сидитъ И. А. Крыловъ. Въ моей библиотекѣ имѣется второе изданіе первой части *Новоселья*, сдѣланное въ 1845 году.

128) 2-го февраля 1833 года князь Вяземскій писалъ Дмитриеву: „Въ самое то время, какъ я собирался составить съ позволенія вашего біографическіе вопросы о Карамзинѣ, явился ко мнѣ Перевощиковъ, бывший казанскій, а послѣ дерптскій профессоръ, и сказалъ мнѣ о намѣреніи своемъ написать жизнь Николая Михайловича. Вотъ вопросы мнѣ имъ представленны. Нѣкоторые изъ нихъ замѣчательны своею *простосердечностію*... Перевощиковъ ума не очень остраго и глубокомысленнаго, но литературные труды его не безъ достоинства... Во всякомъ случаѣ трудъ его не будетъ помѣхою моему, и я охотно даю ему шагъ предомно“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 628—629).

129) Въ это время скончался въ Дерптѣ внукъ Карамзиной, князь Николай Петровичъ Мещерскій.

130) См. примѣчаніе 128-е.

131) Письмо это написано во время пребыванія И. И. Дмитриева въ Петербургѣ, лѣтомъ 1833 года. 22-е іюля — день именинъ дочери князя Вяземскаго, княжны Маріи Петровны.

132) 14-го августа князь Вяземскій писалъ Дмитриеву: „Могу увѣрить васъ, что вы оставили въ насъ живѣйшее и пріятнѣйшее впечатлѣніе. Наши отношенія всѣ такъ подѣ, разговоры наши такіе протоколы, мы всѣ такія официальные лица, что право обладаетъ душу и умъ свѣжестью и благоуханіемъ, какъ побесѣдуешь съ человекомъ изъ другой и высшей сферы“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 631).

133) Въ *Съверной Пчелѣ* былъ напечатанъ отрывокъ изъ письма П. А. Плетнева (отъ 15-го іюля 1833 года), въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Вчера, на дружескомъ обѣдѣ, куда собралось нѣсколько почитателей знаменитаго поэта нашего И. И. Дмитриева, по случаю отъѣзда его изъ Петербурга, послѣ заздравнаго и прощальнаго тоста почетному гостю, Д. Н. Блудовъ предложилъ тостъ за благополучное окончаніе предпріятія, задуманнаго благодарными земляками Карамзина, замѣчая при томъ, что никто не имѣетъ столько правъ начать открывающуюся

по сему предмету подписку, какъ И. И. Дмитріевъ, который началъ, вмѣстѣ съ безсмертнымъ другомъ своимъ, великое дѣло преобразованія нашего языка. Тостъ сей принятъ былъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Замѣчательно, что между участниками въ этомъ дружескомъ праздникѣ почти никого не было, кто бы, такъ сказать, не образовалъ вкуса своего произведеніями того, въ чью честь собрались они, и того, кому готовились воздать послѣдній долгъ благоговѣнія. Изъ чужестранцевъ присутствовалъ здѣсь саксонскій посланникъ, баронъ Люцероде; но любовью его къ русскому языку, въ изученіи коего оказалъ онъ примѣрные усилія, судя особенно по краткости времени пребыванія своего въ Россіи, просвѣщеннымъ уваженіемъ къ русскимъ писателямъ, и вообще къ русской славѣ, и онъ былъ не чужимъ на семъ литературномъ праздникѣ, и имѣлъ полное право быть и собесѣдникомъ нашимъ, и участникомъ въ открытой подпискѣ. Общество состояло изъ двадцати особъ, денегъ собрано при семъ случаѣ 4,525 рублей. Зачинщики сего добраго дѣла, симбирскіе дворяне, надѣмся, простятъ намъ, что мы поспѣшили преждевременно отозваться на поданный ими голосъ, и примутъ съ радушіемъ усердное приношеніе“ (*Съвертая Пчела*, 1833, № 162).

134) Авдотья Павловна, супруга О. Н. Глинки, была дочь попечителя Московскаго университета тайнаго совѣтника Павла Ивановича Голенищева-Кутузова, который былъ, между прочимъ извѣстенъ своею ненавистью къ Карамзину. Когда исторіографъ нашъ получилъ орденъ Владиміра 3-й степени, Кутузовъ счелъ своею священною обязанностью довести до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго (10-го августа 1810 года) слѣдующее: „Ревную о единомъ благѣ, не могу равнодушно глядѣть на распространяющееся у насъ уваженіе къ сочиненіямъ г. Карамзина; вы знаете, что оныя наполнены вольнодумскаго и якобинскаго яда. Но его послѣдователи и одобрители подняли теперь еще болѣе голову, ибо его сочиненія одобрены пожалованіемъ ему ордена и рескриптомъ. О семъ надобно очень подумать, буде не для насъ, то для потомства. Государь не знаетъ, какой гибельный ядъ въ сочиненіяхъ Карамзина кроется. Оныя сдѣлались классическими. Какъ могу то воспретить, когда оныя рескриптомъ торжественно одобрены? Карамзинъ явно проповѣдуетъ безбожіе и безначаліе. Не орденъ ему надобно дать, а давно бы пора его запереть; не хвалить его сочиненія, а надобно бы ихъ сжечь“ (*Русскій Архивъ*, 1896, № 3, стр. 450).

135) Здѣсь, вѣроятно, И. И. Дмитріевъ указываетъ на статью Н. А. Полевого: „Древнѣйшая великокняжеская гробница въ Кремлѣ Московскомъ“, которая посвящена *Его Превосходительству Алексію Федоровичу Малиновскому, глубокоуважаемому сочинителю Археографу Русскому* (*Московскій Телеграфъ*, 1833. № IX, стр. 3—33).

136) Въ концѣ мая 1833 года Гречъ, въ первый разъ въ жизни, посѣтилъ Москву. Свою поѣздку туда онъ описалъ въ рядѣ писемъ, напечатанныхъ въ *Сѣверной Пчелѣ* 1833 года (№№ 124, 142, 177); но въ нихъ мы не нашли о посѣщеніи Гречемъ искусственныхъ минеральныхъ водъ, въ сопутствіи нѣкоего Кузена. Во время пребыванія Греча въ Москвѣ въ *Сѣверной Пчелѣ* появилась слѣдующая корреспонденція изъ Москвы: „Всѣ здѣшніе литераторы обрадованы пріѣздомъ сюда небывалаго у насъ гостя, Н. И. Греча: всѣ, по возможности, его принимаютъ, приголубливаютъ, угощаютъ. Вчера давалъ ему обѣдъ здѣшній книгопродавецъ А. С. Ширяевъ, пригласивъ къ оному многихъ ученыхъ и писателей, между прочими гг. профессоровъ: Каченовскаго, Цвѣтаева, Перевощикова, Давыдова, Побѣдоносцева, Снѣгирева, доктора Кильдюшевскаго, директора Практической Академіи Шредера, П. А. Курбатова, князя П. И. Шаликова, Н. А. Полевого, С. А. Селивановскаго, Семена и др. Искренняя пріязнь, непринужденная веселость и русское радушіе предсѣдали въ семъ обѣдѣ, который въ отношеніи гастрономическомъ долженъ былъ оправдать и оправдалъ предъ гостемъ нашимъ славу московскаго хлѣбосольства. При возглашеніи здравія Гречу прочтены были стихи, на сей случай сочиненные, между которыми обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе:

Русскимъ сердцемъ и душою,
Чистымъ русскимъ языкомъ,
Ты давно въ роднѣ съ Москвою!

. . . . .

...Ты живешь отъ насъ далече,
Но мы сердцемъ близъ тебя!..
И Святую Русь любя—
Русака мы любимъ въ Гречѣ!“

(*Сѣверная Пчела*, 1833. № 129).

До отъѣзда И. И. Дмитриева въ Петербургъ, 15-го іюня 1833 года, у него обѣдалъ, пріѣхавшій оттуда, Гречъ, и „во весь обѣдъ“, пишетъ князь Вяземскій, „разсказывалъ анекдоты о Булгаринѣ и не весьма выгодно для чести его, и послѣ каждого: *да не подумайте*, что онъ подлець, совсѣмъ нѣтъ, а уродъ, сумасбродъ, да не подумайте, что онъ злой человѣкъ, напротивъ предобрая душа, а уродъ“ (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1884. IX, 163).

137) 29-го апрѣля 1830 года попечителемъ Московскаго учебнаго округа былъ назначенъ вельможа московскій князь Сергій Михайловичъ Голицынъ. Новый попечитель, кажется, не особенно сближался съ университетскою ученою братією и держалъ себя отъ нея въ почтительномъ отдаленіи. По крайней мѣрѣ князя П. А. Вяземскаго очень

удивило, что па данномъ княземъ Голицыномъ балѣ не было ни одного члена университета, и по этому поводу князь Вяземскій замѣтилъ: „Наши вельможи думаютъ, что ученость нельзя пускать въ гостиную“. По поводу назначенія князя Голицына Снегиревъ писалъ: „Недавно университетъ получилъ себѣ главу. Онъ богатъ, благочестивъ и патриотъ, и въ большомъ свѣтѣ живетъ уединенно. Нашъ университетъ имѣетъ нужду въ защитникѣ и покровителѣ, ибо противъ него нерѣдко встаютъ тѣ, которые всѣмъ ему были обязаны“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1890. III, 8).

138) 1-го октября 1833 года, изъ С. Петербурга, князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Я ѣздилъ если не совсѣмъ въ чужіе края, какъ извѣстила о томъ московская молва, но по вашимъ слѣдамъ ѣздилъ въ русскіе чужіе края, то-есть, въ Дерптъ, гдѣ около двухъ недѣль погостилъ у Карамзиныхъ“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 633).

139) Баронъ Люцероде былъ саксонскимъ посланникомъ въ Петербургѣ. Онъ еще и прежде выучился довольно хорошо по русски и во все пребываніе въ Россіи продолжалъ заниматься русскимъ языкомъ и русскою литературою. Между прочимъ перевелъ онъ на нѣмецкій языкъ одно изъ стихотвореній Кольцова; 1-го октября 1833 года, изъ С.-Петербурга, князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Собесѣдникъ вашъ баронъ Люцероде на нахвалится Москвою и благосклоннымъ приемомъ вашимъ. Вообще онъ очень доволенъ путешествіемъ своимъ по Россіи и смотрѣлъ на нее глазами доброжелательнаго и образованнаго иностранца, что встрѣчается весьма рѣдко въ отношеніи къ намъ“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 634). См. примѣчаніе 133-е.

140) Село *Братцево* находится въ Московскомъ уѣздѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ Прѣсенской заставы. Нѣкогда село Братцево принадлежало Корсакову, а въ настоящее время принадлежитъ княгинѣ Софіи Александровнѣ Щербатовой (рожденной графини Апраксиной).

141) Но *Московскому Телеграфу* не удалось исполнить свою угрозу. 18-го апрѣля 1834 года князь П. А. Вяземскій писалъ Дмитріеву: „А что говорятъ въ Москвѣ о паденіи *Телеграфа*?.. Признаюсь, существованіе *Телеграфа* въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ, могло быть сочтено за неприличность не только литературную, но и политическую; а все жаль, что должны были прибѣгнуть къ усиленной мѣрѣ запрещенія, когда давно должны были дѣйствовать законныя мѣры воздержанія. *Телеграфъ*, удержанный въ границахъ цензуры, а не пользующійся, не въ примѣръ другимъ, правомъ какой-то лиценціи, упалъ бы самъ собою, особливо же при появленіи *Библиотеки*, которая вообще удовлетворяетъ потребностямъ нашей провинціальной и журналолюбивой публики... Запрещеніемъ *Телеграфа* въ глазахъ многихъ дѣлается

жертвою, и во всякомъ случаѣ заплатившіе подписчики его становятся жертвами“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 638—639).

142) 6-го декабря 1833 года высочайшимъ указомъ князь П. А. Вяземскій произведенъ въ статскіе совѣтники и утвержденъ вице-директоромъ департамента внѣшней торговли.

143) 23-го декабря 1833 года, изъ Петербурга, князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Въ числѣ литературныхъ явленій намъ обѣщаютъ и привидѣніе: покойная *Бесѣда*, вызвана изъ гроба Шишковымъ и Оедоровымъ и уже вербуетъ народъ подъ свой саванъ“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 635).

144) Подъ *новымъ остроумцемъ*, по всѣмъ вѣроятіямъ, разумѣется баронъ Брамбеусъ, о которомъ 23-го декабря 1833 года, изъ Петербурга, князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Путешествіе барона Брамбеуса раскупается и превозносится на-расхватъ. Не смотря на всю эту славу, я, признаюсь, могъ съ трудомъ дочитать десятокъ страницъ его. Шутки натянута, холодны, тяжеловѣсны. Сатира не въ цѣль, одни холостые заряды...“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 635—636).

145) 14-го августа 1833 года, изъ Петербурга, князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Самое заглавіе—нелѣпость. *Библіотека для чтенія!* Да для чего же и можетъ служить Библіотека? Московскій Нащокинъ говоритъ: „послѣ того можно сказать: карета для ѣзды“. Что за глупость: *рѣзкость сужденій*, къ коимъ прибѣгали журналисты, какъ къ самому крайнему средству. Не въ рѣзкости сужденій бѣда, а въ неприличности, въ пристрастіи, въ наглости, въ невѣжествѣ, въ плоскости, въ подлости оныхъ. Рѣзкое сужденіе, но добросовѣстное и на благонамѣренномъ понятіи основанное, не пятно журналу, а напротивъ, заманка и подстреканіе для читателя. Тупыя, пошлыя безцвѣтныя сужденія—вотъ что моритъ читателя и журналъ. *По важности содержанія и благородному тону* не будетъ уступать лучшимъ иностраннымъ журналамъ сего рода! Точно харчевникъ, который, открывая харчевню свою, увѣряетъ почтеннѣйшую публику, что она не уступитъ лучшимъ рестораціямъ. Что значитъ журналъ, который заранѣе объявляетъ, что не будетъ входить въ споры ни съ какими журналами и не отвѣчаетъ ни на какія критики! Да стало быть онъ не журналъ! Журналъ—дѣйствующее лицо; онъ долженъ быть на площади, въ толпѣ, въ тѣсотѣ народной, отвѣчать направо и налево, заирать разговоры, пренія, быть всегда на ногахъ, въ движеніи, до поту лица своего. А что за журналъ, то-есть, трибунъ литературный, который объявляетъ: „не говорите со мною, потому что я никому отвѣчать не буду“.—Такъ спать ложись и валяйся на печи, а на площадь не суйся.—Дѣло не связываться съ негодными, не драться на кулачки; но сказать, что не отвѣчаешь ни на какія критики, глупо и неловко, потому что солжешь:

будешь отвѣчать, покрѣпишься - покрѣпишься да и сорвешься. Если судить по вывѣскѣ, такъ немного добра ожидать отъ новаго журнала“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 632).

146) Въ 1-мъ номерѣ *Библиотеки для чтенія* была напечатана статья Сенковского подъ заглавіемъ: „Скандинавскія саги въ отношеніи къ русской исторіи“.

147) Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* появилось слѣдующее *Библиографическое извѣстіе*: „Наконецъ и въ Москвѣ полученъ и прочитанъ первый номеръ журнала, издаваемого А. Ф. Смирдинымъ: *Библиотека для чтенія!* Кто не порадуется этому и съ патріотическою гордостью не скажетъ: И мы не отстаемъ на поприщѣ просвѣщенія отъ иноземцевъ! И у насъ есть свой журналъ, своя словесность!—Не касаясь другихъ русскихъ періодическихъ изданій, болѣе или менѣе, прямо или косвенно, смотря по своимъ силамъ и понятіямъ наблюдающихъ движеніе современнаго европейскаго просвѣщенія, перелистуемъ январскую книгу *Библиотеки*: Державинъ, Сенковский, Пушкинъ, Жуковский, баронъ Брамбеусъ, Гречъ, Козловъ, Полевой, Булгаринъ, Погодинъ, баронъ Розенъ, Скобелевъ, Максимовичъ, Яценковъ—съ своими оригинальными статьями въ отдѣленіяхъ русской словесности, наукъ, промышленности и сельскаго хозяйства, статьями, достойными соперничества съ ученымъ свѣтомъ.—Далѣе: иностранная словесность, художества, критика, литературная лѣтопись и смѣсь—сколько разнообразія, ума, учености и пользы для всѣхъ классовъ и состояній и все это въ *одной книгѣ* (въ 550 страницъ чистой, изящной печати), а ихъ должно быть двѣнадцать, въ составленіи коихъ, подъ редакцію гг. Греча и Сенковского, участвуютъ почти *все* извѣстные своими дарованіями и произведеніями въ стихахъ и прозѣ русскіе писатели! Помоги, Боже, совершиться великому и славному предпріятію!.. Прочитавъ съ особеннымъ удовольствіемъ и пользою всѣ статьи первой книги журнала *Библиотека*, мы невольно однакожь, и болѣе другихъ, останавливались въ особенности надъ четырьмя статьями: 1) *О. И. Сенковского*: „Скандинавскія саги въ отношеніи къ русской исторіи: сія статья величайшей важности и учености и по своей новостности и оригинальности взгляда *должна* сдѣлать весьма значительный переворотъ въ событіяхъ русской исторіи и дать новое направленіе критикѣ исторической (какъ жаль, что, не разработавъ предварительно и критически *все* извѣстные матеріалы, у насъ принимаются *вновь* за составленіе *русскихъ исторій!*); но кто и когда ее оцѣнитъ; кто у насъ Аристархи; гдѣ и кто наши строгіе цѣнители и судьи? Удѣлъ подобныхъ статей одинаковъ: *сужденіе предоставитъ потомству*, или *иностранцамъ*. А современники? а русскіе? *Одни* отдыхаютъ послѣ небывалыхъ трудовъ, или чинятъ перья и *готовятся* писать; *другіе* занялись бы дѣльнымъ и полезнымъ, но всепожирающее время и занятія

другого рода, а иногда и лѣнь, поглощаютъ всѣ добрыя предпріятія и оставляютъ на *одномъ началѣ*, какъ бы не зная, что конецъ вѣнчается дѣло; *третьи*, за преклонностью лѣтъ или слабостью здоровья, или, наконецъ, боясь мнимой укоризны современниковъ, не хотятъ, или не имѣютъ досуга приняться за трудъ и въ разборѣ чужого труда изложить откровенно свое мнѣніе; *четвертые*, наконецъ, поступаютъ слишкомъ осторожно (но едва ли благоразумно: ибо отъ столкновенія разныхъ мнѣній высѣкается истина), слѣдуя *похвальному* правоученію Молчалина: „Въ мои лѣта не должно смѣть—свое сужденіе имѣть.“ И развѣ мы не видали множества примѣровъ, какъ принимаются и оцѣниваются у насъ, въ Россіи, многія умныя, ученые и полезныя книги, стоившія авторамъ великихъ трудовъ и пожертвованій, и даже сократившія жизнь? Какъ, напримѣръ, приняли и оцѣнили историко-критическія изысканія г. Венелина: „О болгаряхъ въ отношеніи ихъ къ россиянамъ“? Иные втихомолку посмѣялись; другіе побранили, поострились; третьи бросили какъ бы невзначай, украдкою и боязливо, нѣсколько похвальныхъ словъ и — замолчали; преступное молчаніе! И вотъ прошло *пять* лѣтъ; ожидали мнѣнія и рѣшенія Эверса—онъ умеръ—и книга *почти* забыта: ни худа, ни добра!.. Что ежели бы оживилъ нынѣ безсмертный Карамзинъ?.. Но мы не кстати увлеклись въ горячности литературнаго патріотизма... Съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидая въ слѣдующей книгѣ журнала обѣщанной Эймундовой саги, *долженствующей* озарить новымъ, прекраснымъ свѣтомъ сбивчивый XI вѣкъ русской исторіи, и въ особенности княженіе Ярослава Владиміровича, мы продолжимъ теперь сію статью объ исторіи отечественной, какъ любимой нами наукѣ и нынѣ *современной* по направленію исторической критики. За взглядомъ на Скандинавскія саги слѣдуютъ: 2) „Взглядъ на исторію Россіи, отъ кончины Іоанна Калиты до кончины Іоанна III“ (1341—1505 г.)—статья *Н. А. Полеваго*; 3) „Историческіе афоризмы“ *М. П. Погодина*: мысли о первоначальномъ, повсемѣстномъ введеніи христіанской вѣры чрезъ женщинъ и о принятіи реформаціи разными племенами. Мысли авторовъ въ обѣихъ статьяхъ изложены вездѣ рѣзко, смѣло, новы и отчетливы; и 4) минуя въ семь извѣстій богатство отдѣленій словесности русской и иностранной и прочихъ частей журнала, съ ихъ весьма замѣчательными и любопытными статьями, мы остановимся на оригинально-изящной повѣсти барона *Брамбеуса*: „Вся женская жизнь въ нѣсколькихъ часахъ“, повѣсти, чрезвычайно заманчиво, съ острою ума и глубокимъ познаніемъ свѣта и сердца человѣческаго рассказанной. — Впрочемъ, разбирать и оцѣнивать всѣ статьи первой книги *Библиотеки для чтенія* и извлекать все хорошее, дѣльное, умное, значило бы распространить *краткое* „Библиографическое извѣстіе“ на нѣсколько номеровъ сихъ *Вѣдомостей*, и

главное, имѣть столько же свѣдѣній и познаній въ наукахъ, словесности и художествахъ, сколько аббатъ Медцофанти въ лингвистикѣ. Хвала и честь А. Ф. Смирдину, воскресившему въ нашъ вѣкъ времена умнаго и трудолюбиваго Новикова! Онъ первый, послѣ Новикова и „Исторіи“ *Карамзина*, принялся за сооруженіе памятника нашей словесности, достойнаго русскихъ и могущаго показать и намъ, и всему міру наше богатство, нашу славу—въ литературѣ! Но исполнится ли его великое и смѣлое предпріятіе? Ежели пріятное и доброе *начало* не обманываетъ нашего предчувствія, то мы смѣло ожидаемъ и хорошихъ послѣдствій, и окончанія. Но какъ *приметъ* это публика: поддержитъ ли она это предпріятіе подпискою на сей журналъ? И дастъ ли ему ходъ и успѣхъ—полный и блистательный? Разбудятъ ли наконецъ русскіе писатели публику звуками родного, гармоническаго, отечественнаго языка, или они пронесутся мимо, какъ по пустыни Аравійской? Узнаемъ скоро. Помогите, Боже! Заключимъ сіе извѣстіе искреннимъ, пламеннымъ желаніемъ: да поддержитъ отечественная публика наша своимъ *ободреніемъ* общепользное, истинно-патріотическое предпріятіе г. Смирдина, и да не ослабѣетъ благородная ревность отечественныхъ литераторовъ и ученыхъ къ трудамъ на пользу, честь и славу нашего отечества!“

Ив. Дм.

По поводу порученія, возложеннаго И. И. Дмитріевымъ на князя П. А. Вяземскаго, послѣдній 18-го апрѣля 1834 г. писалъ: „Мнѣ должно вамъ теперь дать отчетъ въ неисполненіи одного порученія вашего по поводу статейки, напечатанной въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* о первой книгѣ *Библиотеки*. По совѣщаніи съ Жуковскимъ признали мы благоразумнѣе не давать дальнѣйшаго хода этому дѣлу, за неимѣніемъ благонадежнаго мѣста, куда послать апелляцію. Добросовѣстность редакціи *Инвалида* также нѣсколько на инвалидномъ положеніи, крива и хрома. На нее опереться нельзя: какъ разъ выдастъ. Съ нею никакого дѣла имѣть нельзя, ни важнаго, ни бездѣльнаго. *Съверная Пчела* изъ одного пчельника съ *Библиотекою*. Ея устами медъ пить, того и смотри, что поперхнешься. Между тѣмъ я, по приказанію вашему, говорилъ С. С. Уварову о лжеподписи краснорѣчиваго панегириста. Точно грустно, что нѣтъ у насъ ни одного добросовѣстнаго журнала, куда можно было бы передать безпристрастное и честное слово“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 637—638).

148) 9-го января 1834 года, изъ С.-Петербурга, князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Я забылъ поздравить ваше высокопревосходительство, какъ оберъ-камергера нашихъ поэтовъ при лучезарнѣйшемъ дворѣ Феба, съ новымъ камеръ-юнкеромъ, поэтомъ Александромъ Пушкинымъ. Что скажетъ о томъ Полевой?“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 637). Съ своей стороны, С. Н. Карамзина писала И. И. Дмитріеву: „Пушкинъ крѣпко боялся дурныхъ шутокъ надъ его неожиданнымъ камеръ-юнкер-

ствомъ, но теперь успокоился, ѣздитъ по баламъ и наслаждается торжественною красотою жены, которая, не смотря на блестящіе успѣхи въ свѣтѣ, часто преискренно страдаетъ мученіемъ ревности, потому что посредственная красота и посредственный умъ другихъ жепщинъ не перестаетъ кружить поэтическую голову ея мужа“ (*Письма Н. М. Карамзина*, стр. 439).

149) В. Л. Пушкинъ скончался въ Москвѣ 20-го августа 1830 года. 18-го апрѣля 1834 года князь Вяземскій писалъ, изъ Петербурга, Дмитріеву: „Что за новое изданіе стихотвореній покойнаго Василя Львовича, предпринимаемое въ Москвѣ и на которое графъ Хвостовъ собираетъ подписку въ Англійскомъ клубѣ? Кто издатель?“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 639). „Записки въ стихахъ Василя Львовича Пушкина“ были изданы въ Москвѣ въ 1834 году; въ предисловіи къ этому изданію князь П. И. Шаликовъ писалъ: „В. Л. Пушкинъ пріобрѣлъ извѣстность поэта, любовь читателей, ласки свѣта и дружбу короткихъ знакомцевъ: вотъ мысли, побудившія меня издать сіи *Записки*, неважныя по своему содержанію, относящіяся единственно ко мнѣ, но пріятныя для воспоминаній о человѣкѣ, который своимъ житейскимъ простосердечіемъ уподоблялся *Лафонтену* болѣе, нежели кто-либо изъ нашихъ баснописцевъ. Какъ же не желать, чтобъ *сохранилось* все, что ни относится къ дарованію и характеру автора? Не скрываю и собственныхъ чувствъ: для меня *лестны* его записки, имѣющія въ глазахъ моихъ еще и ту цѣну, что онѣ—какъ знаю очень хорошо—суть *экспромтъ*; къ нимъ присовокупляю и нѣкоторые изъ отвѣтовъ своихъ“.

150) „Василя Косые или оптическое путешествіе по столамъ приказныхъ. Сочиненіе Александра Орлова. М. 1834“.

151) Послѣ этого посѣщенія И. И. Дмитріева графъ Д. И. Хвостовъ прожилъ еще нѣкоторое время и скончался 22-го октября того же 1835 года.

152) 8-го сентября 1835 года скончался въ Москвѣ двоюродный братъ Дмитріева, Иванъ Петровичъ Бекетовъ, родившійся въ 1766 году. Тетка его, Екатерина Аѳанасьевна, была замужемъ за Иваномъ Гавриловичемъ Дмитріевымъ, отцомъ писателя (Князь *Лобановъ-Ростовскій*. Русская Родословная Книга. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. 1895. I, 40). 26-го сентября 1835 года князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Намъ очень прискорбно было узнать, что Москва готовила вамъ такую печальную встрѣчу. Ваше московское одиночество еще стало тѣснѣе. Право, назначьте Москву подмосковною своею и живите тамъ лѣто, а остальное время года съ нами, или по крайней мѣрѣ выберите Петербургъ своимъ увеселительнымъ домомъ и пріѣзжайте къ намъ ежегодно мѣсяца на два или на три“ (*Русскій Архивъ*, 1863, стр. 640).

153) Въ 1835 году князь П. А. Вяземскій имѣлъ несчастіе похо-

ронить свою дочь княжну Надежду Петровну, а 26-го сентября того же года онъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Друзьямъ вашимъ было такъ отрадно послѣ разлуки съ вами найти въ васъ въ неизмѣнной полнотѣ все, чѣмъ они всегда такъ въ васъ дорожили. Мы истинно отдохнули и помолодѣли съ вами. Я же наиболѣе душевно вамъ благодаренъ. Въ тяжелой скорби моей, охолодѣвшій совершенно ко всѣмъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, я снова находилъ уже забытую сердцемъ отраду въ тихомъ и пріятномъ развлеченіи живительной и занимательной бесѣды. Отъѣздъ вашъ оставилъ незамѣстимое мѣсто въ семейномъ кругу нашемъ“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 639).

154) Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, впоследствии министр внутреннихъ дѣлъ, былъ женатъ на внучкѣ Карамзина, Софѣ Сергѣевнѣ Кушниковой.

155) Фердинандъ - Фридрихъ Рейссъ родился въ Тюбингенѣ 6-го февраля 1778 года. Предокъ его Вольфангъ Рейссъ былъ возведенъ въ дворянское достоинство, въ 1531 году, императоромъ Карломъ V. Отецъ Фердинанда, Христіанъ Рейссъ, бывший профессоромъ медицины въ Тюбингенѣ, по свидѣтельству профессора Геймана, и у насъ въ Россіи приобрѣлъ извѣстность однимъ изъ своихъ сочиненій: „Dispensatorium“, которымъ русскіе фармацевты долго руководствовались при составленіи лекарствъ и фармацевтическихъ препаратовъ. Подъ руководствомъ отца Фердинандъ Рейссъ приобрѣлъ первое образованіе въ домѣ родительскомъ; оставаясь дома до 1800 года, онъ получилъ въ это время въ Тюбингенскомъ университетѣ степень лиценціата медицины. Въ 1800 году онъ отправился къ родному своему дядѣ, профессору и оберъ-библіотекарю М. Д. Рейссу, въ Геттингенѣ, гдѣ и получилъ, въ 1801 году, степень доктора медицины и хирургіи. Въ 1803 году Московскій университетъ пригласилъ его занять кафедру химіи съ званіемъ экстраординарнаго профессора. Въ дѣятельности Рейсса, какъ профессора, свидѣтельствуешь Гейманъ, „обнаружилась глубокая многосторонняя ученость и строго-логическая система“. вмѣстѣ съ тѣмъ Рейссъ былъ отличнымъ знатокомъ древнихъ языковъ. Въ 1818 году онъ произнесъ рѣчь: „О достоинствѣ древнихъ и о пользѣ изученія древнихъ языковъ, особенно латинскаго“. Кромѣ профессорскихъ трудовъ, Рейссъ былъ занятъ, въ теченіе нѣкотораго времени управленіемъ одной изъ старѣйшихъ московскихъ аптекъ, Покровской. По оставленіи управленія аптекою, въ 1822 году, Рейссъ принялъ званіе университетскаго бібліотекаря. Въ моей бібліотекѣ имѣется рѣдкая нынѣ книга, подъ заглавіемъ: „Расположеніе бібліотеки Императорскаго Московскаго университета“ (*Ordo Bibliothecae Universitatis Caesareae Mosquensis*), сдѣланное бібліотекаремъ *Фердинандомъ-Фридрихомъ Рейссомъ*. Москва. Въ Университетской типографіи. 1826. Въ 1832 году Рейссъ вышелъ въ

отставку, а съ 1833 года состоялъ ассистентомъ евангелической консисторіи; въ 1839 году переселился въ Штутгартъ, гдѣ и скончался 2-го апрѣля 1852 года (Биографическій Словарь профессоръ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета. М. 1855. II, 329 — 340). 26-го сентября 1835 года князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Я передалъ Д. Н. Блудову и поклонъ вашъ, и порученіе, присоединивъ къ оному и мою покорнѣйшую просьбу, изъ благодарности къ бывшему попечителю, у котораго провелъ я нѣкоторое время въ домѣ при Московскомъ университетѣ. Дмитрій Николаевичъ сказалъ мнѣ, что онъ готовъ дѣлать все возможное, сколько изъ желанія исполнить волю вашу, столько же изъ уваженія къ профессору Рейссу, котораго онъ лично знаетъ“. По поводу житія князя Вяземскаго у профессора Рейсса Д. В. Давыдовъ говорилъ первому: „Я не зналъ, что отецъ твой готовилъ тебя въ аптекари“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 640).

156) По всѣмъ вѣроятіямъ, генераль-маіоръ Дмитрій Васильевичъ Чертковъ. Онъ родился 18-го апрѣля 1763 года, былъ женатъ во второмъ бракѣ на Любови Петровнѣ Козляниновой и скончался 7-го августа 1835 года. (Князь *Лобановъ-Ростовскій*. Русская Родословная Книга. С.-Пб. 1895. II, 363).

157) Паденіе, въ 1834 году, *Московскаго Телеграфа* и возникновеніе и процвѣтаніе, въ союзѣ съ *Сѣвѣрною Пчелою*, *Библиотеки для чтенія* возбудили въ Погодинѣ и его друзьяхъ мысль основать въ Москвѣ новый журналъ. Главными двигателями этого предпріятія были Мельгуновъ и Андросовъ. Объ этомъ предпріятіи Погодинъ счелъ долгомъ увѣдомить своего друга М. А. Максимовича. „Въ Москвѣ“, писалъ онъ, — „затѣялся журналъ, по мысли князя Д. В. Голицына, который хочетъ, чтобы Москва учила вкусу и литературѣ и т. п. Собралось денегъ тысячъ двадцать. Редакторъ Андросовъ, сотрудники: Гоголь, Кирѣевскій, Хомяковъ, Лысковъ, Шевыревъ и т. п.“ Въ день именинъ Погодина, 8-го ноября 1834 года, Шевыревъ и С. Т. Аксаковъ завтракали у именинника и толковали о журналѣ. Въ концѣ 1834 года Андросовъ, состоявшій при Московскомъ генераль-губернаторѣ, князѣ Д. В. Голицынѣ, подалъ прошеніе о дозволеніи ему съ 1835 года издавать журналъ подъ названіемъ *Московскій Наблюдатель*. Цензурное начальство, принимая въ соображеніе, что въ Москвѣ, гдѣ въ то время существовалъ одинъ, издаваемый Надеждинымъ *Телескопъ*, чувствуется потребность въ повременномъ изданіи, которое могло бы служить нѣкоторымъ противодѣйствіемъ петербургскимъ журналамъ, находящимся почти въ однѣхъ рукахъ, то-есть, Греча, Булгарина и Сенковского, и въ уваженіе „засвидѣтельствванія Московскаго генераль-губернатора, что Андросовъ сколько по благороднымъ своимъ качествамъ и отличной нравственности, столько же по трудолюбію и познаніямъ, совершенно

способенъ къ выполнению предпринимаемаго имъ изданія журнала“ — нашло возможнымъ удовлетворить просьбу Андросова, и 9-го декабря 1834 года воспослѣдовало высочайшее соизволеніе на изданіе журнала. Кромѣ Андросова, въ изданіи *Московского Наблюдателя* приняли участіе: Баратынскій, Гоголь, М. Дмитріевъ, И. В. Кирѣевскій, Мельгуновъ, князь Одоевскій, Павловъ, Погодинъ, Хомяковъ, Шевыревъ и Языковъ. Въ *Московскомъ Наблюдателѣ* Шевыревъ вступилъ въ отчаянную борьбу съ противнымъ лагеремъ. Критическія его статьи возбуждали сочувствіе Пушкина, князя Вяземскаго и ненависть начинавшаго уже входить въ силу Бѣлинскаго, которому писалъ Н. В. Станкевичъ: „Братъ писалъ мнѣ, что ты послѣднею статьею рѣшительно убилъ Шевырева... Въ часть добрый! Но вспомни, что Погодинъ всѣхъ насъ называетъ *рецензентами* и ждетъ, чтобы мы сами что-нибудь сдѣлали. Начинай же что-нибудь дѣлать“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1891. IV, 228—232, 352—353).

158) Виссаріонъ Григорьевичъ *Бѣлинскій* принадлежалъ къ кружку Станкевича. Фамилія его происходитъ стъ села Бѣльни, въ Нижне-ловскомъ уѣздѣ, Пензенской губерніи. Дѣдъ нашего критика, о. Никифоръ былъ священникомъ въ этомъ селѣ. Въ преданіяхъ семьи осталась почтительная память объ его благочестивой жизни. Отецъ Бѣлинскаго, состоя лѣкаремъ флотскаго экипажа, былъ женатъ на дочери флотскаго офицера. Во время нахождения ихъ въ Свеаборгѣ у нихъ, въ февралѣ 1810 года, родился сынъ Виссаріонъ (*Пытинъ*. Бѣлинскій его жизнь и переписка. С.-Пб. 1876 I, 6—7). Благодушный и безпристрастный князь В. Ѳ. Одоевскій писалъ: „Бѣлинскій былъ одною изъ высшихъ философскихъ организацій... Въ немъ было сопряженіе Канта, Шеллинга, Гегеля, сопряженіе вполне органическое, ибо онъ никого изъ нихъ не читалъ: онъ не зналъ по нѣмецки, весьма плохо понималъ по французски... Нѣкоторыя ихъ положенія перешли къ нему по наслышкѣ... Всякій разъ, когда мы встрѣчались съ Бѣлинскимъ, это было рѣдко, мы съ нимъ спорили жестоко; но я не могъ не удивляться, какимъ образомъ онъ развивалъ цѣлый органическій философскій міръ *sui generis*. Въ Бѣлинскомъ совершился своеобразно тотъ переходъ, который въ философскомъ мірѣ совершился появленіемъ Гегеля послѣ Шеллинга. Напрасно противники Бѣлинскаго укоряютъ его въ томъ, что онъ не понималъ Гегеля. Нѣтъ! Онъ его вовсе не зналъ, но сблизился съ нимъ точно также, какъ математикъ, не зная работы другого математика, сближается съ нимъ въ выводахъ единственно развитіемъ данной теоремы. Дѣло не въ томъ, хороши ли эти всѣ теоріи, но въ томъ, что развиты въ себѣ самомъ цѣлый рядъ философскихъ теорій, развившихся въ философской атмосферѣ міра, не далось бы дюжинному человѣку“. Но эта *высшая философская организація* была исключена изъ

Московского университета *за малыя способности*, какъ сказано въ опредѣленіи университетскаго совѣта. Если вѣрить Ксенофону Полевому, Бѣлинскій былъ нѣсколько времени гувернеромъ въ пансіонѣ Погодина, который могъ его познакомить съ Надеждинымъ. Какъ журналистъ, Надеждинъ воспользовался дарованіями Бѣлинскаго, и послѣдній вскорѣ обратилъ на себя вниманіе своими „Литературными мечтаніями“, напечатанными въ *Мольтѣ*. Свободными отношеніями къ авторитетамъ Бѣлинскій вызвалъ къ себѣ сочувствіе Каченовскаго, а Гречъ, прочитавъ эти „Мечтанія“, отозвался объ авторѣ ихъ: „Умный человѣкъ, но горькій пьяница, и пишетъ свои статьи, не выходя изъ запоя“. Въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ М. А. Максимовичъ (Михайлова Гора, 11-го мая 1870 года), поминая старину, писалъ: „Помню я, въ университетской квартирѣ Надеждина сидитъ бывало пишущій встрепанный юноша за письменнымъ столомъ, на которомъ лежалъ французскій лексиконъ, и съ его помощью переводитъ статьи разныя для *Телескопа*. Что это за фигура? спрашивалъ я. Это исключенный изъ университета студентъ Бѣлинскій“. Но къ этому *исключенному студенту* Надеждинъ имѣлъ такое довѣріе, что когда въ 1835 году уѣхалъ за границу, передалъ ему во время своего отсутствія изданіе *Телескопа*. „А мы“, писалъ Н. В. Станкевичъ,—„понемногу всѣ станемъ ему помогать. За это берутся и еще нѣкоторыя особы“. Въ то время къ кружку Станкевича, а особенно къ Бѣлинскому, Погодинъ относился очень дружелюбно. „Былъ у меня Бѣлинскій“, пишетъ онъ,—„малый съ чувствомъ, какіе попадаютъ рѣдко. Обращалъ его къ умѣренности“. У Бѣлинскаго Погодинъ встрѣчался со Станкевичемъ, Бодянскимъ и др. Онъ любилъ „толковать съ ними о литературѣ“. А между тѣмъ въ это же время Бѣлинскій написалъ рѣзкую статью о трудѣ Погодина „Начертаніе Русской Исторіи“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1891. IV, 304—306).

159) Преемникомъ скончавшагося Мерзлякова въ Московскомъ университетѣ Погодинъ желалъ видѣть Степана Петровича Шевырева; того же желали Жуковскій и Пушкинъ, а послѣдній даже писалъ Плетневу: „Куда бы не худо посадить Шевырева на опустѣвшую кафедру Мерзлякова, добраго пьяницы, но ужаснаго невѣжды. Это была бы побѣда надъ университетомъ, то-есть, надъ предрасудками и вандализмомъ“. Шевыревъ въ это время пребывалъ въ Италіи и оттуда, въ 1831 году, прислалъ Погодину свое разсужденіе „О возможности ввести италіанскую октаву въ русское стихосложеніе“, съ образчикомъ перевода седьмой пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима“. По поводу этой присылки Погодинъ писалъ автору разсужденія: „Я не рѣшилъ еще, печатать ли твое разсужденіе, или прямо подать въ совѣтъ университетскій. На безпристрастность и благонамѣренность совѣта я не надѣюсь: Каченовскій, пользующійся выгодами литературной кафедры,

упрется руками и ногами на несоотвѣтствіе программѣ. Съ другой же стороны, Надеждинъ... и старый твой пріятель Снегиревъ тебѣ будутъ рады, но главные защитники въ Петербургѣ—Блудовъ, Жуковский и Дашковъ. Пушкинъ ѣдетъ туда, облеченный во всеоружіе брани за тебя. Совѣсть и любовь къ университету говорятъ мнѣ, что это мѣсто долженъ занимать ты“. Но, призывая Шевырева на кафедру, Погодинъ самъ находилъ, что въ разсужденіи его объ *Октавахъ* „вольность искусственная, вотъ главный недостатокъ“, и въ то же время писалъ ему: „Больше смѣлости.. Твои *Октавы* будутъ тогда великое, полное завоеваніе, а теперь только счастливые набѣги, опыты силы и смѣлости, частныя побѣды. Разсужденіе твое вырвалъ у меня изъ рукъ Кубаревъ и только вчера возвратилъ, сказавъ мнѣ, что онъ почерпнулъ изъ него много поучительнаго и важнаго для своихъ изслѣдованій. Пушкинъ очень доволенъ, но, рѣшительно не любя Тасса, умоляетъ тебя приняться за Данта“. Предупреждая своихъ критиковъ, Шевыревъ писалъ Веневитинову: „У меня написалась эпиграмма на самого себя... Я послалъ ее къ Погодину, чтобъ онъ напечаталъ въ *Телеграфѣ*, но онъ такой лѣнтяй. Подошли ее пожалуйста къ Полевому или Булгарину...:

Эпиграмма — Октава.

Риѣмачъ, стихомъ россійскимъ недовольный,
Затѣялъ въ немъ лихой переворотъ:
Сталъ стихъ ломать онъ въ дерзости крамольной,
Всѣмъ риѣмамъ далъ безчиннѣйшій разводъ,
Ямбъ и хорей пустилъ бродить по вольной.
И всѣхъ грѣховъ какой же вышелъ плодъ?
Дождь съ воплемъ, вѣтромъ, громомъ согласился,
И страшный міръ гармоній оглушился“.

(*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1890. III, 304—306).

Въ словесномъ отдѣленіи Московскаго университета, 9-го ноября 1832 года, состоялось такое опредѣленіе членовъ онаго: „Приняли въ уваженіе, напечатанное въ *Телескопѣ*, разсужденіе Шевырева „О возможности ввести италіанскую октаву въ русское стихосложеніе“ и признали оное сочиненіемъ, доказывающимъ ученое знаніе италіанскаго и отечественнаго языковъ; но для точнаго выполненія 26 § Устава почитаютъ необходимо нужнымъ, чтобы Шевыревъ написалъ и представилъ диссертацию, имѣющую предметомъ основательное изслѣдованіе одного изъ ученыхъ предметовъ, коими онъ преимущественно занимался“ (Біографическій Словарь Московскаго Университета. М. 1855. II, 611). Когда состоялось это опредѣленіе, Шевыревъ уже возвратился изъ Италіи. Въ московскомъ обществѣ появленіе Шевырева произвело впечат-

лѣніе, и онъ безпрестанно получалъ приглашенія, Погодинъ не отставалъ отъ своего друга. Изъ Дневника перваго (подъ 2 сентября, 19, 23 и 30 октября 1832 года) узнаемъ: „Разъѣзжалъ съ Шевыревымъ...“ Подъ его „эгидою“ Погодинъ проникъ даже къ И. И. Дмитріеву и „былъ имъ принятъ очень ласково. Бесѣда шла объ Италиі. Вмѣстѣ обѣдали у Чертковыхъ, а вечеръ провели опять у И. И. Дмитріева“. „Я радъ“, пишетъ Погодинъ, — „что примирился съ нимъ передъ смертью“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1891. IV, 87—88). Надо замѣтить, что Погодину было отказано отъ дома у И. И. Дмитріева за критики Арцыбашева на „Исторію Государства Россійскаго“, которыя печатались въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, издававшемся двумя друзьями, Погодинымъ и Шевыревымъ. Этимъ обстоятельствомъ можно, конечно, объяснить нерасположеніе Дмитріева и къ Шевыреву. Въ *Московскомъ Наблюдателѣ* 1835 года Шевыревъ напечаталъ свой переводъ седьмой пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима“ съ предисловіемъ, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Отрывки предлагаемаго перевода были помѣщены въ одномъ московскомъ журналѣ. Этотъ опытъ былъ исполненіемъ той теоріи русской октавы, которую изложилъ я въ особомъ разсужденіи. Едва ли какой-нибудь опытъ въ поэтическомъ мірѣ получаетъ успѣхъ, когда онъ является при своей теоріи. Но, кромѣ того, этотъ опытъ, перекроенный въ отрывки экономическимъ разсчетомъ журнала, имѣлъ, можетъ быть, несчастіе явиться въ эпоху гармонической монотоніи, которая раздавалась тогда въ мірѣ нашей поэзіи и еще наполняла всѣ уши, начиная надоѣдать понемногу. Эти октавы, гдѣ нарушались всѣ условныя правила нашей просодіи, гдѣ объявлялся совершенный разводъ мужскимъ и женскимъ риемамъ, гдѣ хорей впутывался въ ямбъ, гдѣ двѣ гласныя принимались за одинъ слогъ,—эти октавы, пугающія всею рѣзкостью нововведеній, могли ли быть кстати въ то время, когда слухъ нашъ лелѣяла какая-то нѣга однообразныхъ звуковъ, когда мысль спокойно дремала подъ эту мелодію и языкъ превращалъ слова въ одни звуки?..“ (*Московский Наблюдатель*, 1835 года, ч. III, 5—6). Князь П. А. Вяземскій заступился за Шевырева и писалъ И. И. Дмитріеву: „Я совершенно согласенъ съ вами въ отношеніи къ переводу Шевырева: въ языкѣ и стихахъ его часто встрѣчаются невѣрности, отзывающіяся Мерзляковымъ, который, по словамъ Жуковскаго, *побирался у сосѣдей*, когда настоящее слово, слово собственное, не ложилось подъ перо, или не могло уломаться въ стихъ. Жаль мнѣ, что Шевыревъ пустился на подобную проказу, потому что въ немъ есть умъ, знаніе, способность, и, держась дороги своей, могъ бы онъ идти хорошо и далеко. Онъ—не поэтъ, а литераторъ въ родѣ Баранта. Критическія статьи его всегда заслуживаютъ вниманія. Но журналистъ онъ тоже неудачный“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 642).

160) Въ вознагражденіе усердной и полезной службы по управленію департаментомъ внѣшней торговли, во время болѣзни директора онаго, князю П. А. Вяземскому, 23-го ноября 1835 года, всемилостивѣйше повелѣно производить, вмѣсто аренды, не въ примѣръ дугимъ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, по 1200 рублей.

161) Князь Петръ Ивановичъ Мещерскій, женившійся въ 1828 году на Екатеринѣ Николаевнѣ Карамзиной.

162) 25-го февраля 1836 года князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Нѣтъ ли также въ бумагахъ вашихъ извѣстнаго посланія А. С. Хвостова Фонъ-Визину, гдѣ онъ называетъ его *юдскиихъ умовъ безмѣнъ* и пр.?“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 643--644).

Александръ Семеновичъ Хвостовъ, бригадиръ и повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополь при Екатеринѣ II, тайный совѣтникъ, управляющій Государственнымъ банкомъ для дворянства при Александрѣ I. Умеръ 67 лѣтъ отъ роду. Женатъ былъ на Екатеринѣ Яковлевнѣ Скоропадской (*Руммель*. Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. 1887. II, 587). Въ литературѣ извѣстенъ онъ болѣе по преданію, какъ счастливый острословъ и тонкій эпикуреецъ, нежели по своимъ сочиненіямъ, изъ которыхъ только два до сихъ поръ обратили вниманіе потомства, именно: „Ода къ безсмертію“ (Хочу къ безсмертію пріютиться) и „Посланіе къ Фонъ-Визину“. А. С. Хвостовъ приходился двоюроднымъ братомъ графу Д. И. Хвостову (*Гротъ*. Сочиненія Державина. С.-Пб. 1866. III, 413).

163) 6-го января 1836 года скончался въ Москвѣ другой двоюродный братъ И. И. Дмитріева, Платонъ Петровичъ Бекетовъ. См. примѣчаніе 64-е. 25-го февраля того же 1836 г. князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Что сдѣлалось съ бумагами П. П. Бекетова? Въ нихъ должно быть много неизданныхъ рѣдкостей по части нашей литературы. Кому достались онѣ?“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 643).

164) Здѣсь разумѣются „Бумаги Н. М. Карамзина для моихъ сыновей, когда они выростутъ: 1) Мнѣніе Русскаго Гражданина. 2) NB. Для Потомства. 3) Новое прибавленіе. 4) О манифестѣ 12 декабря 1825 года. 5) Дли свѣдѣнія моихъ сыновей и потомства“.

165) 8-го іюня 1835 года Н. И. Надеждинъ, вмѣстѣ съ Д. М. Княжевичемъ, выѣхалъ изъ Москвы. Погодинъ его провожалъ и записалъ слѣдующее въ своемъ Дневникѣ: „Обѣдъ у Аксакова на провожанье Надеждина. Очень разстроены. Поѣхалъ провожать его. Мимо Сухово-Кобылиныхъ. Она, кажется, подъ окошкомъ. Онъ перекрестился и скинулъ шляпу предъ Страстнымъ монастыремъ“. Погодинъ проводилъ Надеждина до Черной Грязи, и дорогою послѣдній *разказывалъ ему свою исторію*. Въ концѣ того же 1835 года Надеждинъ вернулся въ Москву изъ своего путешествія и сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: „Послѣ

шестимѣсячнаго отсутствія, возвратясь изъ чужихъ краевъ, издатель *Телескопа* и *Молвы* считаетъ первѣйшею обязанностью испросить благосклоннаго извиненія у своихъ читателей за крайнее замедленіе въ выдачѣ книжекъ *Телескопа* и *Молвы* и перерывъ въ выходѣ листовъ *Молвы*, случившійся послѣ отъѣзда его за границу... Между тѣмъ, укрѣпясь въ здоровьѣ, освѣжась отдыхомъ и новыми могущественными впечатлѣніями во время путешествія по образованнѣйшимъ странамъ Европы, по Германіи, Франціи и Италіи,—онъ считаетъ долгомъ загладить прежнюю свою вину предъ читателями и заплатить за ихъ благосклонную къ себѣ снисходительность“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1891. IV, 311—312, 353—354).

166) Василій Степановичъ Межевичъ (1813—1849 гг.) произнесъ рѣчь въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ „О народности въ жизни и поэзіи“ (*Ученыя Записки Императорскаго Московскаго Университета* 1836 г., янв., № VII, 94—146. VIII, 272—308). Въ 1833 году поступилъ въ Московскій дворянскій институтъ знаменитый археографъ Николай Васильевичъ Калачовъ, и здѣсь, подъ руководствомъ В. С. Межевича, съ особенною любовью занимался русскою словесностью. Погодинъ къ Межевичу не благоволилъ. Подъ 23-мъ января 1841 года Погодинъ записалъ въ своемъ Дневникѣ: „Гадость во рту. 24-го—лучше, но слабъ, и видно, что желчь дѣйствуетъ... Ставили пѣвки: пять *Межевичей*, пять *Бѣлинскихъ* и пять *Сенковскихъ*“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1892. V, 390; VI, 19).

167) Еще въ ноябрѣ 1827 года князь П. А. Вяземскій писалъ Жуковскому: „Радуюсь, что мой *Современникъ* пришелъ тебѣ на вкусъ. Кому же, какъ не тебѣ, быть главою такого предпріятія? По крайней мѣрѣ Пушкину. Мнѣ, пожалуй, и откажутъ въ позволеніи издавать журналъ. Васъ посоветится. Самъ Блудовъ скорѣе будетъ покровительствовать Булгарину, чѣмъ мнѣ, или журналу, выходящему подъ моимъ содѣйствіемъ, что между прочимъ уже и было. Другой стези мнѣ на дѣйствіе нѣтъ, кромѣ литературной или даже журнальной, потому что Богъ разбѣнялъ мое приданое на мелочь“. Въ послѣдній день 1835 года Пушкинъ обратился къ графу А. Х. Бенкендорфу съ просьбою о дозволеніи ему издавать *Современникъ*. „Отказавшись“, писалъ онъ,—„отъ участія во всѣхъ нашихъ журналахъ, я лишился и своихъ доходовъ. Изданіе *Современника* доставило бы вновь независимость, а вмѣстѣ и способъ продолжать труды, мною начатые“. Вскорѣ послѣ этого письма, а именно 14-го января 1836 года, графъ Бенкендорфъ писалъ Уварову: „Камеръ-юнкеръ, титулярный совѣтникъ Александръ Пушкинъ просилъ разрѣшеніе издать въ нынѣшнемъ 1836 году четыре тома статей чисто литературныхъ, историческихъ, ученыхъ, также критическихъ. Его императорское величество на такуюю просьбу

г. Пушкина изволил изъязвить высочайшее свое соизволеніе“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1890. III, 10. 1891. IV, 373—374).

Но не съ одною матеріальною цѣлью получать доходы предпринялъ Пушкинъ изданіе *Современника*. Была цѣль высшая. Какъ прежде *Литературною Газетою*, такъ теперь *Современникомъ* Пушкинъ и его друзья стремились противодѣйствовать вредному вліянію Греча, Булгарина, Сенковскаго и другихъ, которые издѣвались и закидывали грязью всё тѣ высшіе политическіе и нравственные идеалы, которымъ поклонялись и служили Пушкинъ и его друзья (*Собраніе Сочиненій князя П. П. Вяземскаго* Изданіе графа С. Д. Шереметева. С.-Пб. 1893, стр. 535).

168) См. примѣчаніе 164-е.

169) Николай Петровичъ Николевъ родился въ 1758 году, воспитанъ былъ въ домѣ княгини Е. Р. Дашковой и служилъ въ гвардіи. На 27-мъ году, по слабости зрѣнія своего, вышелъ онъ въ отставку маіоромъ. Вскорѣ потомъ ослѣпъ онъ совершенно, и въ семь-то состояніи занятія литературою служили ему отрадою и утѣшеніемъ. Важнѣйшее его сочиненіе есть „Сорена“, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, возбудившая (1781) вниманіе всей публики и благоволеніе Екатерины. Россійская Академія приняла Николева въ число своихъ членовъ. Онъ скончался въ январѣ 1816 года (*Гречъ*. Учебная книга россійской словесности. С.-Пб. 1822. IV, 478—479).

170) Михаилъ Николаевичъ Макаровъ первоначальную извѣстность въ нашей литературѣ получилъ съ 1804 года изданіемъ вмѣстѣ съ студентомъ Славяно-греко-латинской академіи И. В. Смирновымъ *Журнала для милыхъ*. Въ первый разъ Макаровъ, встрѣтивъ Карамзина въ типографіи, тотчасъ поднесъ ему билетъ на *Журналъ для милыхъ*. Карамзинъ поблагодарилъ его и сказалъ: „Въ первый разъ еще вижу дѣтей журналистами“. Въ то время Макарову было однако 17 лѣтъ. *Съверный* же *Вѣстникъ* Мартынова поспѣшилъ дать совѣтъ, чтобы *милыя* и въ руки не брали этого журнала. Цѣль Макарова была не одно угожденіе милымъ, но „низпровергнуть варварскія укрѣпленія Шишкова противъ Карамзина“ (*М. Дмитріевъ*. Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869, стр. 78—79). Въ „Парнасскомъ Адресъ-Календарѣ“ Воейкова значится: „Макаровъ, XIV класса, издатель *Журнала для милыхъ*; управляетъ департаментомъ шлифованія на московскихъ улицахъ камней“ (*Русская Старина*, 1874. IX, 614).

171) Въ 1836 году вышелъ первый томъ *Современника*, издаваемого Александромъ Пушкинымъ. Въ этомъ томѣ между прочимъ было напечатано: „Путешествіе въ Арзрумъ“, *А. Пушкина*; „Долина Ажитугай“, *султана Казы-Гирея*; „О движеніи журнальной литературы“, *Н. Гоголя*

и „Разборъ Парижскаго математическаго ежегодника“, князя *Козловскаго*.

172) Сынъ премьеръ-маіора князя Бориса Петровича и княгини Анны Николаевны (рожд. Бологовской) князь Петръ Борисовичъ Козловскій († 1840), находился посланникомъ въ Туринѣ, потомъ въ Штутгардтѣ, и весьма извѣстенъ былъ въ свое время замѣчательнымъ умомъ своимъ и обширными познаніями (Князь *П. Долгоруковъ*. Россійская Родословная Книга. С.-Иб. 1855. I, 202—204). Въ качествѣ русскаго посланника въ Туринѣ князь Козловскій былъ призванъ на Вѣнскій конгрессъ, чтобы содѣйствовать присоединенію Генуэзской области къ Пиемонту. Поздѣе провелъ онъ довольно много времени въ Англіи. Князь Варшавскій познакомился съ Козловскимъ во время путешествія по Европѣ великаго князя Михаила Павловича, при которомъ Паскевичъ находился. Паскевичъ полюбилъ его и при первомъ удобномъ случаѣ приблизилъ къ себѣ. Въ теченіе многихъ лѣтъ просиживалъ онъ съ нимъ ежедневно въ своемъ варшавскомъ кабинетѣ по нѣскольку часовъ сряду далеко за полночь. Князь Козловскій долго не жилъ въ Россіи. Въ Петербургѣ новое поколѣніе и люди новаго порядка не знали его, столь извѣстнаго въ царствованіе императора Александра I. Старые люди успѣли забыть о немъ, или помнили только нѣкоторыя его странности, рѣзкія сужденія и острия слова. Онъ нашелъ въ Петербургѣ, кромѣ родственниковъ своихъ, нѣкоторыхъ вѣрныхъ пріятелей. Для него этой малой аудиторіи было недостаточно... Ему нужны были просторъ и многочисленные слушатели. „Онъ“, пишетъ князь Вяземскій,— „часто передавалъ мнѣ сѣтованія скорби своей. Наконецъ является онъ ко мнѣ однажды съ нѣсколькимъ просвѣтленнымъ лицомъ. Что же оказалось? Онъ почти торжественно объявляетъ мнѣ, что льдыная преграда пробита, и что, по приглашенію Шишкова, обѣдаетъ онъ у него сегодня. Свыкшійся съ европейскими понятіями, онъ думалъ, что членъ государственнаго совѣта, бывшій министръ просвѣщенія, президентъ Академіи долженъ занимать въ обществѣ и высокое, и передовое мѣсто. Смѣясь, вынужденъ былъ я разсѣять его обольстительное заблужденіе. Мой бѣдный Козловскій впалъ опять въ уныніе. Мнѣ стало жаль его, а дѣлать нечего. Къ удовольствію нашему“, продолжаетъ князь Вяземскій,— „мы находимъ Козловскаго въ лучшемъ положеніи. Дни его тяжкаго испытанія и опалы приходили къ концу... Двери Михайловскаго дворца гостепріимно и радушно раскрылись предъ нимъ... Онъ вскорѣ сдѣлался приближеннымъ и почти домашнимъ при этомъ дворѣ... Великая княгиня Елена Павловна, само собою разумѣется, раздѣляла сочувствіе супруга своего къ Козловскому и была къ нему такъ внимательна, что, зная его любовь къ наукамъ, давала въ честь его академическіе обѣды, приглашая на нихъ наши ученые знаменитости.

Тутъ Козловскій изъ дипломата, изъ блестящаго свѣтскаго человѣка, дѣлался настоящимъ профессоромъ. Императоръ Николай, вѣроятно, не имѣлъ сначала особеннаго благорасположенія къ Козловскому... Государь увидалъ однажды Козловскаго на вечерѣ въ Михайловскомъ дворцѣ. Козловскій былъ слабъ на ногахъ. Онъ сидѣлъ въ углу комнаты. Государь прямо подошелъ къ нему. Козловскій, разумѣется, съ усиліями хотѣлъ встать предъ нимъ. Государь мощною дланью своею усадилъ его. „Помилуйте, государь“, сказалъ Козловскій, — „когда сижу предъ вами, мнѣ кажется, что шестьдесятъ милліоновъ подданныхъ лежатъ у меня на плечахъ...“ Государь продолжалъ съ нимъ милостиво разговаривать. Онъ спросилъ его, зачѣмъ хочетъ онъ поселиться и служить въ Варшавѣ? „Чтобы проповѣдывать полякамъ любовь къ вашему величеству и къ Россіи“. „Ну“, сказалъ ему на то Императоръ, улыбаясь: „Какъ вы ни умны, а при всемъ умѣ и дарованіяхъ вашихъ, вѣроятно, цѣли вы своей не достигнете“. Послѣ того Козловскій бывалъ и при большомъ дворѣ. Въ заключеніе князь Вяземскій описываетъ намъ домашнюю обстановку и наружность князя Козловскаго: „До цинизма доходящее неряшество обстановки комнаты его было изумительно. Онъ лежалъ въ затасканномъ и засаленномъ халатѣ; изъ-за распахнувшихся халата и сорочки выглядывала его жирная и дебелая грудь. Столъ обставленъ и заваленъ былъ головными щетками, окурками сигаръ, объѣдками кушанья, газетами. Стояли стклянки съ разными лѣкарствами, графины и недопитые стаканы разнаго питья. Въ неліцепѣрной простотѣ виднѣлись здѣсь и тамъ посуда, вовсе не столовая, и мебель, вовсе не салонная... Въ Козловскомъ была еще другая прелесть, была особенно притягательная сила, и эта сила заключалась въ его дородствѣ и неуклюжествѣ. Толщина, при нѣкоторыхъ условіяхъ, носить на себѣ какой-то отпечатокъ добродушія, развязности и какого-то милаго неряшества; она внушаетъ довѣріе и благопріятно располагаетъ къ себѣ. Надъ толщиной не насмѣхаешься, а радушно улыбаешься ей. Съ нею обыкновенно соединяется что-то особенно комическое и располагающее къ веселости“ (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Изданіе графа С. Д. Шереметева. С.-Пб. 1882. VII, 231—257). Въ моей библиотекѣ имѣется прекрасный портретъ князя П. Б. Козловскаго, доставшійся мнѣ отъ П. А. Валугева; подъ портретомъ находится слѣдующая надпись: *Felix qui potuit rerum cognoscere causas!* Kozloffsky. 13-го апрѣля 1836 года, изъ Петербурга, князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Не смотря на сухое заглавіе и даже главное содержаніе статьи князя Козловскаго (котораго, вѣроятно, знаете вы по слухамъ и по европейской молвѣ, если не знали лѣтъ за двадцать пять лично), совѣтую вамъ прочесть ее. Языкъ и слогъ его, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пятенъ, очень замѣчательны

въ человѣкѣ, который всю жизнь свою провелъ за границу. Онъ собирается въ Москву, и вы найдете въ немъ любезнаго, просвѣщеннаго и добродушнаго чудака“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 647).

173) Князь Александръ Михайловичъ Бѣлосельскій-Бѣлозерскій (род. 1752 † 26 декабря 1809 г.) былъ при Екатеринѣ Великой посланникомъ сперва въ Дрезденъ, потомъ въ Туринъ, въ то же время онъ былъ членомъ Россійской Академіи. Будучи въ Туринѣ, онъ сочинилъ и напечаталъ въ 1790 году въ Дрезденѣ, на французскомъ языкѣ книжку, подъ заглавіемъ: „Диалогія или философическая картина человѣческаго ума“. Есть еще его сочиненія русская опера, подъ заглавіемъ: „Олинька или первоначальная любовь“, напечатанная въ Москвѣ, въ 1791 году (*Евгеній*. Словарь Русскихъ свѣтскихъ писателей. М. 1845. I, 70—71).

174) Эпиграфъ къ № 25 *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду* былъ слѣдующій:

За Эвридикою и въ адъ Орфей сходилъ,
Для Эвридики онъ и жизни не щадилъ;
А я—какъ смерть возьметъ къ себѣ мою жену,
Я—даже въ самый рай за ней не загляну.

И. Дмитріевъ.

Въ напечатанномъ *Объясненіи* между прочимъ читаемъ: „Мы уполномочены и сами считаемъ обязанностію предостеречь читателей, что нѣкоторыя стихотворенія и статьи, печатаемая въ разныхъ изданіяхъ съ подписью: *Иванъ Дмитріевъ*, нисколько не принадлежать и не могутъ принадлежать славному ветерану нашей словесности. Считаемъ за должное замѣтить, что еслибы кому судьба, по странному капризу, опредѣлила въ другой разъ назваться Михаиломъ Ломоносовымъ, Гавріиломъ Державинымъ, Николаемъ Карамзинымъ, Иваномъ Дмитріевымъ, Иваномъ Крыловымъ, Денисомъ Фонъ-Визинимъ, Василиемъ Жуковскимъ и такъ далѣе, то изъ *благоразумія*, являясь съ такимъ *опаснымъ во второй разъ* именемъ въ литературѣ, слѣдовало бы поставить на немъ какой-нибудь особенный знакъ...“ (*Московскій Наблюдатель*. М. 1836, VI, смѣсь, стр. 372—373).

175) См. примѣчаніе 164-е. 8-го августа 1838 года, изъ Остафьева, князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Препровождаю къ вашему высокопревосходительству одну изъ рукописей Н. М. Карамзина. Я взялъ ее нарочно для васъ у Екатерины Андреевны, чтобы скорѣе удовлетворить вашему любопытству“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 647—648).

176) Настасья Яковлевна Плюскова, пожилая фрейлина, пріятельница И. И. Дмитріева.

177) 22-го мая 1836 года княжна Марія Петровна Вяземская вышла замужъ за Петра Александровича Валуева.

178) По всѣмъ вѣроятіямъ, здѣсь Дмитріевъ разумѣетъ извѣстную сатиру А. Ѳ. Воейкова подъ заглавіемъ: „Домъ сумасшедшихъ“, которая постепенно сочинялась въ теченіе 1814—1838 годовъ. Въ 1874 году эта сатира была издана П. А. Ефремовымъ (*Русская Старина*. 1874. Т. IX, стр. 581—611) Кроме того, Воейковъ написалъ „Парнасскій Адресъ-Календарь“ (1818—1820), въ которомъ о Дмитріевѣ читаемъ: „И. И. Дмитріевъ, дѣйствительный поэтъ 1-го класса. По прошенію уволенъ отъ поэзіи въ царство дружбы и славы, съ пошеніемъ лавроваго вѣнка“ (*ibid.*, стр. 612).

179) Еще прежде на подобное поздравленіе князь П. А. Вяземскій отвѣчалъ И. И. Дмитріеву: „Я все-таки именинникъ въ одномъ Остафьевѣ. Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ бы то ни было, я—просто безымянный. Тамъ сердце, память и всѣ чувства души даютъ какой-то особенный смыслъ Петрову дню и смыслъ *не переводимый*, во всѣхъ отношеніяхъ этого слова. Ни на какой языкъ и никакъ съ мѣста его не переведешь. Сколькихъ уже нѣтъ, которые праздновали съ нами этотъ день; изъ живыхъ—какъ многихъ судьба разбросала и растасовала: кого вверхъ, кого внизъ, а все разрознила“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 620—621).

180) См. примѣчаніе 178-е.

181) 8-го августа 1836 года, изъ Остафьева, князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Вчера успѣлъ я только что проѣхать черезъ Москву и пересѣсть изъ дилижанса въ коляску и отправился въ Остафьево къ своимъ молодымъ (Валуевымъ) и къ своей новорожденной Машенькѣ, и я спѣшилъ изъ Петербурга попасть къ ней на обѣдъ. Пробуду здѣсь, вѣроятно, до среды. Нетерпѣливо желаю лично засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 647).

182) Участіе, принятое И. И. Дмитріевымъ въ судьбѣ книгопродавцевъ Кузнецовыхъ, свидѣтельствуемъ о добромъ его сердцѣ. Начальникъ московской цензуры Д. П. Голохвастовъ, 13-го декабря 1836 года, вошелъ съ представленіемъ въ главное управленіе цензуры, изъ котораго мы узнаемъ, что отецъ Ивана и Александра Кузнецовыхъ, Александръ Ивановъ, еще въ 1820 году изготовилъ для напечатанія книгу, подъ заглавіемъ: „Христіанскій Мѣсяцесловъ“; при подачѣ оной на разсмотрѣніе въ харьковскій цензурный комитетъ встрѣтилось затрудненіе въ томъ, что привилегія печатать календари дарована единственно Академіи Наукъ. Когда же было доведено о томъ до свѣдѣнія бывшаго въ то время министра народнаго просвѣщенія, князя А. Н. Голицына, то онъ призналъ, что изданіе Кузнецова не есть годовой календарь, но родъ столѣтняго календаря, и что „продажа издаваемого ежегодно Академіею календаря не потерпитъ никакого ущерба“ отъ напечата-

нія „Христіанскаго Мѣсяцеслова“. Такимъ образомъ, означенный мѣсяцесловъ былъ въ 1821 году въ Харьковѣ выпущенъ въ свѣтъ. Вскорѣ послѣ того А. И. Кузнецовъ обратился къ князю А. Н. Голицыну съ просьбою о дозволеніи напечатать оную книгу вторымъ изданіемъ, исправленнымъ и дополненнымъ, на что 2-го іюня 1823 года и получилъ разрѣшеніе. Вслѣдствіе сего Кузнецовъ представилъ оригиналь „Мѣсяцеслова“ въ московскій цензурный комитетъ, гдѣ Перевощиковъ и Снегиревъ одобрили оный и выдали оригиналь съ дозволеніемъ печатать. Стеченіе разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ, а именно: разстройство состоянія, долговременная болѣзнь и наконецъ самая смерть издателя остановили печатаніе „Мѣсяцеслова“. Остановка эта длилась до 1835 года, когда московскій купецъ Василій Ивановъ Хвастуновъ оказалъ пособіе на окончаніе печатанія этого изданія. Въ 1836 году книга была отпечатана и представлена въ московскій цензурный комитетъ; но къ выпуску ея въ свѣтъ въ комитетѣ нашли препятствія, о которыхъ Голохвастовъ и доносилъ въ главное управленіе цензуры.

2-го ноября 1836 года князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „По совѣту Сербиновича прибѣгнулъ я именемъ вашимъ къ посредничеству Д. Н. Блудова, который сообщилъ мнѣ слѣдующее: По мнѣнію г. Буткова, просьба Кузнецова не можетъ быть не удовлетворена... Не мѣшало бы вамъ, если вы желаете добра просителямъ, замолвить о нихъ слово графу Строганову при встрѣчѣ съ нимъ и передать ему здѣшній отзывъ о семъ дѣлѣ...“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 648—649).

183) Князь П. А. Вяземскій, собираясь издавать *Старину и Новизну*, 2-го ноября 1836 года писалъ И. И. Дмитріеву: „Я намѣренъ издать историческій и литературный сборникъ и желалъ бы упрочить достоинство его вашимъ милостивымъ участіемъ. Не соблаговолите ли (пишу въ мундирномъ фракѣ и за вице-директорскимъ столомъ, казеннымъ перомъ, подъ которое нѣкоторыя слова ложатся сами собою) наградить меня отрывками изъ вашихъ записокъ, на примѣръ, относительными до Державина, Карамзина, вашихъ первоначальныхъ литературныхъ трудовъ и пр.“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 649).

184) Въ томъ же письмѣ, отъ 2-го ноября 1836 года, князь Вяземскій писалъ къ Дмитріеву: „Въ другой разъ обращусь къ вамъ съ вопросами о Петровѣ-лирикѣ. Мнѣ хочется издать его не полного, а въ выборѣ, и приложить къ стихамъ его замѣчанія и біографическое извѣстіе. У насъ его совсѣмъ не знаютъ. Я его теперь перечитывалъ и объѣдался его сочными выраженіями и особенно жирными рифмами. Много въ стихотвореніяхъ его темнаго: надобно и къ нимъ ключъ, какъ къ Державинскимъ, а этотъ ключъ и всѣ ключи къ литературнымъ преданіямъ нашимъ въ рукахъ у васъ одного. Кажется, я слыхалъ отъ васъ, что вы знавали сына Петрова, также поэта

и переводчика Илиады. Гдѣ отыскать его?..“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 650).

185) Въ концѣ апрѣля 1803 года В. Л. Пушкинъ предпринялъ путешествіе по Европѣ и въ теченіе 1803—1804 годовъ посѣтилъ Германію, Францію и Англію. Это путешествіе дало поводъ И. И. Дмитріеву написать „маленькую поэму, которую онъ напечаталъ отдѣльною книжечкою въ Москвѣ, въ 1808 году, подъ заглавіемъ: „Путешествіе NN въ Парижъ и Лондонъ“. Эта книжка никогда не была въ продажѣ. Нѣсколько экземпляровъ розданы были пріятелямъ автора, „отъ котораго“, пишетъ Пушкинъ, — „имѣлъ я счастье получить и свой (чуть ли не послѣдній). Я храню его какъ памятникъ благосклонности, для меня драгоцѣнный. Въ этой маленькой поэмѣ съ удивительною точностью изображенъ весь Василій Львовичъ“ (*Сочиненія А. С. Пушкина*. С.-Пб. 1887. V, 212). Желая перепечатать эту рѣдкую книжку въ своей *Старинѣ и Новизнѣ*, князь П. А. Вяземскій, 2-го ноября 1836 года, писалъ И. И. Дмитріеву: „Пушкинъ сказывалъ мнѣ, что у него есть поэтическая шутка ваша о путешествіи Василя Львовича. Онъ мнѣ уступаетъ ее, если только вы на это согласитесь. Я вложилъ бы ее въ біографическую рамочку на память милому покойнику, коего добродушная тѣнь, вѣрно, не оскорбится моею нескромностью, а напротивъ, порадуетъ ей. При жизни своей онъ охотно читалъ эти стихи наизусть, — по смерти своей радъ онъ будетъ, что другіе ихъ читаютъ. А стихи хоть и шуточные, но принадлежатъ къ лучшимъ сокровищамъ нашей поэзіи, и жаль держать ихъ подъ спудомъ“. Въ другомъ письмѣ своемъ, 18-го ноября 1836 года, князь Вяземскій писалъ: „Относительно „Путешествія Василя Львовича“ позвольте мнѣ здѣсь взять этотъ грѣхъ на свою совѣсть предъ Сергѣемъ Львовичемъ и сестрицею его... Только вы молча разрѣшите меня“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 649—651).

186) 9-го декабря 1836 года князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Позвольте мнѣ украсить мой сборникъ, который Пушкинъ совѣтуетъ мнѣ называть *Старина и Новина*, а не *Новизна*, и отрывкомъ вашимъ о Карамзинѣ... Этотъ отрывокъ такъ занимателенъ и такъ живописенъ и *портретенъ*! А въ нашей литературѣ именно ничего портретнаго и нѣтъ. Благодаря новымъ критикамъ, *личностей* довольно, а *лицъ* нигдѣ не найдешь“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 652).

187) Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ (род. 1755) учился въ Лейденскомъ университетѣ (1774 г.), потомъ былъ камергеромъ при дворѣ Екатерины II и, служа по дипломатической части, посланъ былъ въ Парижъ и въ Берлинъ, въ которомъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ съ 1785—1788 г. Въ „Старой записной книжкѣ“ князя П. А. Вяземскаго читаемъ: „Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ, блестящій вельможа временъ Екатерины, человекъ

отмѣннаго ума, большой образованности, любознатель по всѣмъ отраслямъ науки, былъ до глубокой старости подверженъ страсти къ карточной игрѣ, которой предавался, такъ сказать, запоемъ“ (*Полное Собрание Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1883. VIII, 95—96). Графъ С. П. Румянцовъ пережилъ своего друга И. И. Дмитриева, не смотря на то, что пятью годами былъ его старше, и скончался въ 1838 году.

188) 18-го ноября 1836 года князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Не довершите ли вы благодаренія своего присылкою мнѣ, разумѣется, заимообразно и на короткое время, рѣдкаго вашего экземпляра перевода трехъ пѣсней „Потеряннаго Рая“. Статьи о твореніяхъ Петрова я теперь написать не успѣю, а по поводу у насъ неизвѣстнаго перевода его могъ бы я накинуть о немъ нѣсколько словъ и приложить къ нимъ ваши выписки. Нынѣ же переводъ Шатобріана подновилъ въ общей памяти и самого Мильтона: оно будетъ кстати“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 650—651).

189) О судьбѣ, постигшей бумаги П. П. Бекетова, А. Н. Корсаковъ пишетъ: „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ нужно было побывать у одного изъ здѣшнихъ мастеровъ, чтобы сдѣлать въ его заведеніи кое-какіе заказы. Разговаривая съ хозяиномъ, я замѣтилъ въ его мастерской, среди разнаго хлама, какія-то связки бумагъ, значительно уже испорченныхъ и сыростью, и ѣдкою пылью. На вопросъ мой: что это за бумаги? Хозяинъ отвѣчалъ, что это такъ—старье разное... Случается заворачивать кое-что, такъ вотъ молодцы берутъ, добавилъ онъ. Я поднялъ одну связку и взглянулъ: четкій старинный почеркъ бросился мнѣ въ глаза.—„Дайте мнѣ ихъ просмотрѣть“, сказалъ я хозяину.—„Да хоть совсѣмъ возьмите—этого добра-то на Неглинной много“, отвѣчалъ онъ. Торгъ былъ непродолжителенъ. Хозяйскій „молодецъ“ снесъ „старье“ въ мои сани, и черезъ часъ я имѣлъ уже удовольствіе разсматривать бумаги листикъ за листикомъ“. И это „старье“ было только частью тѣхъ бумагъ, о которыхъ князь П. А. Вяземскій такъ заботливо спрашивалъ у И. И. Дмитриева (*Русскій Архивъ*, 1880, III, 327—328).

190) Въ „Опытѣ Историческаго Словаря о Россійскихъ писателяхъ“, собран. *Николаемъ Новиковымъ* (С.-Пб. 1772, стр. 246), сказано: „Ширяевъ, Михайло, сочинилъ привѣтственную рѣчь Петру Великому, на Полтавскую побѣду въ 1721 году“.

191) См. примѣчаніе 186-е.

192) Намека на статью Бѣлинскаго, напечатанную въ *Молвь*, Воейковъ писалъ: „Теперь въ томъ же журналѣ, въ которомъ такъ широко доказывали, будто бы мы до переводчика Шиллеровой трагедіи „Іоанны д'Аркъ“ не имѣли понятія ни объ англійской, ни о германской

литературѣ, радуются, что отыскали переводъ Шекспировой трагедіи „Смерть Юлія Цезаря“, сдѣланный въ осьмидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія“ (*Литературныя Прибавленія*, 1836, №№ 94 и 95).

193) Въ „Словарѣ Академіи Россійской“ (С.-Пб. 1814. III, 1406) читаемъ: „*Новизна*. 1) Качество вещи новой; 2) новое приключеніе или новое извѣстіе“.

„*Новина*, ум. новинка. 1) Въ просторѣчии называется холстина, особливо суровая, небѣленая; 2) ранній плодъ; 3) новая пашня, распаханная по вырубленіи и выжженіи стоявшаго на ней лѣса“.

194) См. примѣчаніе 182-е. 21-го января 1837 года князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Поставляю себѣ пріятною обязанностію увѣдомить ваше высокопревосходительство, что дѣло Кузнецовыхъ рѣшено, какъжется, въ ихъ пользу и по вашему желанію. Нужно только будетъ перепечатать заглавный листъ и исполнить нѣкоторые цензурные обряды. Но книга отъ погибели спасена“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 652).

195) 17-го іюня 1837 года князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Незадолго до кончины Пушкинъ перечитывалъ ваши сочиненія и говорилъ о нихъ съ живѣйшимъ участіемъ и уваженіемъ. Особенно удивлялся онъ мастерской отдѣлкѣ вашего шестистопнаго стиха въ переводахъ Попе и Ювенала. Козловскій убѣждалъ его перевести Ювеналову сатиру „Желанія“, и Пушкинъ изучалъ прилежно даныя вами образцы“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 655).

196) 17-го іюня 1837 года князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Тургеневъ порадовалъ насъ пріятною надеждою на свиданіе съ вами нынѣшнимъ лѣтомъ. Милости просимъ! Ожидаемъ и зовемъ васъ всѣмъ сердцемъ и всѣми помышленіями нашими, хотя нашъ тѣсный кругъ ужасно осиротѣлъ, и осталось въ немъ пустое мѣсто, которое намъ уже не замѣститъ“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 655).

197) *Современникъ*, литературный журналъ А. С. Пушкина, изданный по смерти его княземъ П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, А. А. Краевскимъ, княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и П. А. Плетневымъ. Томъ пятый. С.-Пб. 1837. Въ этомъ томѣ былъ напечатанъ отрывокъ изъ рукописи Карамзина „О древней и новой Россіи, въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ“ (до смерти Екатерины II), съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Мы почитаемъ себя счастливыми, имѣя возможность представить нашимъ читателямъ хотя отрывокъ изъ драгоценной рукописи. Они услышатъ, если не полную рѣчь великаго нашего соотечественника, то по крайней мѣрѣ звуки его умолкнувшаго голоса. А. Пушкинъ“. Въ томъ же томѣ было напечатано стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго „На память“, въ которомъ оплакивается кончина Пушкина.

И, вѣрный памятникъ сердечныхъ слезъ и стона,

Вамъ затвердить одно рыдающій мой стихъ:

Что яркая звѣзда съ родного небосклона
 Внезапно сорвана средь бури роковой,
 Что пѣсни лучшія поэзіи родной
 Внезапно замерли на лирѣ онѣмѣлой,
 Что палъ во всей порѣ красы и славы зрѣлой
 Нашъ лавръ, нашъ вѣщій лавръ, услада нашихъ дней,
 Который трепетомъ и сладкозвучнымъ шумомъ
 Отъ сна воспрянувшихъ пророческихъ вѣтвей
 Вѣщаль глаголь боговъ на сѣверѣ угрюмомъ,
 Что навсегда умолкъ любимый нашъ поэтъ,
 Что скорбь постигла насъ, что Пушкина ужъ нѣтъ!

198) 17-го іюня 1837 года князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „Кончено ли дѣло книгопродавца Кузнецова, и кончено ли въ пользу его? Я по крайней мѣрѣ употребилъ всѣ средства къ тому, и меня обнадежили въ успѣхѣ. Если же нѣтъ еще рѣшительнаго конца, то я готовъ опять хлопотать“ (*Русскій Архивъ*, 1868, стр. 655) И. И. Дмитріевъ за нѣсколько дней до своей кончины, въ Англійскомъ клубѣ „съ большимъ участіемъ“ рассказывалъ Погодину „исторію бѣднаго книгопродавца Кузнецова, у котораго остановлено изданіе „Христіанскаго Календаря“, и который теперь совсѣмъ разоряется; бранилъ привязчивыхъ цензоровъ: „не стыдно ли двумъ ученымъ сословіямъ, гражданскому и духовному, университету и академіи, напасть такъ на бѣдняка, и изъ чего? Изъ - за какихъ-то пустяковъ! Я пришлю его къ вамъ, и вы увидите въ чемъ дѣло. А незаконное пропускаютъ!“ (*М. Дмитріевъ*. Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869, стр. 153).

199) Владиміръ Петровичъ Давыдовъ родился въ 1809 году отъ перваго брака отца его, Петра Львовича, съ графиней Натальей Владиміровной Орловой, дочерью графа Владиміра Григорьевича Орлова. Высочайше утвержденнымъ, 20-го марта 1856 года, миѣніемъ государственнаго совѣта дозволено внуку графа Владиміра Григорьевича Орлова, камергеру Владиміру Петровичу Давыдову, принять имя и титулъ дѣда своего и потомственно именоваться *графомъ Орловымъ-Давыдовымъ* (Князь П. Долгоруковъ. Россійская Родословная Книга. С.-Пб. 1857. IV, 428, 435). Во время пребыванія И. И. Дмитріева, въ 1837 году, въ Петербургѣ, В. П. Давыдовъ только что вернулся изъ своего путешествія по Востоку и занимался приготовленіемъ къ печати своихъ „Путевыхъ записокъ, веденныхъ во время пребыванія на Іоническихъ островахъ, въ Греціи, Малой Азіи и Турціи, въ 1835 году“. Часть I-ая напечатана въ 1839, а II-ая въ 1840 году, въ Петербургѣ въ типографіяхъ Эдуарда Праца и Е. Фишера. При этой книгѣ изданъ великолѣпный „Атласъ рисунковъ къ путешествію Владиміра Давыдова“, исполненныхъ

Брюловымъ, Ефимовымъ и др. Это рѣдкое, въ настоящее время, изда-
ніе имѣется въ нашей библиотекѣ, оно украшено слѣдующею автогра-
фическою подписью путешественника: *Александру Платоновичу Барсу-*
кову на добрую память отъ автора (22-го февраля 1876 года).

Въ концѣ дней своихъ, графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ обогатилъ
русскую литературу обширнымъ сочиненіемъ, подъ скромнымъ загла-
віемъ: „*Биографическій очеркъ графа Владиміра Григорьевича Орлова*
Составленъ внукомъ его графомъ Владиміромъ Орловымъ-Давыдовымъ“
(въ двухъ томахъ. С.-Пб. 1878), и тѣмъ оправдалъ афоризмъ Погодина:
Музы благодарны.

200) Николай Петровичъ Новосильцовъ, впоследствии сенаторъ,
товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. Женатъ былъ на графинѣ
Екатеринѣ Ивановнѣ Апраксиной. Умеръ 2 октября 1856 года (Князь
П. Доморужковъ. Россійская Родословная Книга. С.-Пб. 1857. IV, 168).

201) 13-го августа 1837 года князь П. А. Вяземскій писалъ И. И.
Дмитріеву: „Имѣю честь поздравить ваше высокопревосходительство съ
благополучнымъ возвращеніемъ восвояси, ибо я знаю, что вы благо-
получно, бодро и въ добрый часъ пріѣхали, застали еще московскія
веселья, августѣйшихъ гостей, Жуковского и поспѣли на высочайшую
вечеринку, гдѣ были вы очень милостиво обласканы....Мы живемъ по
старому, тихо и однообразно. Петербургъ опустѣлъ и присмирѣлъ по
отъѣздѣ своихъ хозяевъ:

Пусты дома, пусты рощи,
Пустота у насъ въ сердцахъ...

Одиночество нѣсколько оживлено пребываніемъ здѣсь Дениса Да-
выдова, въ которомъ сохранились попрежнему веселость и живость не-
истощимая“. Въ другомъ своемъ письмѣ, 22-го сентября 1837 года, князь
Вяземскій между прочимъ писалъ: „Имѣю честь поздравить ваше вы-
сокопревосходительство со днемъ вашихъ именинъ, душевно жалѣя,
что не могу за столомъ у дорогого именинника осушить задравный
бокаль въ честь ему на многія и многія лѣта“ (*Русскій Архивъ*, 1868,
стр. 655—658).

Послѣ непродолжительной болѣзни, 3-го октября 1837 года, И. И.
Дмитріевъ скончался и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. Надъ мо-
гилой его поставленъ точно такой же памятникъ, каковой надъ Карам-
зинымъ. Это было его желаніе. На гробовомъ камнѣ начертаны слова
Святого Апостола Павла: *Подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ не-*
тлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе (1 Кор., 15, 53).

10-го іюля 1897 года.
С.-Петербургъ.

ИЗЪ БУМАГЪ ГРАФА М. Н. МУРАВЬЕВА.

Бумаги графа Михаила Николаевича Муравьева, выдержки изъ которыхъ нынѣ предлагаются, бережно хранились у единственной и любимой его дочери Софіи Михайловны Шереметевой. Лишь въ годъ ея кончины, уѣзжая весною въ с. Сырецъ, гдѣ она имѣла обыкновеніе проводить съ семьєю лѣто, и чувствуя себя очень уже слабой и изнуренной послѣ двухъ послѣдовательныхъ нервныхъ припадковъ, Софія Михайловна неожиданно привезла ко мнѣ всѣ бумаги отца своего и отдала мнѣ ихъ на сохраненіе. Я не забуду ея голоса и ея выраженія, когда она передавала мнѣ эти драгоценныя для нея бумаги, связанныя съ именемъ того, кто для нея дороже былъ всѣхъ на свѣтѣ, и памятью котораго она неизмѣнно жила.

Въ томъ же 1880 году Софія Михайловна скончалась въ с. Сырецѣ.

Своевременно сообщено было о бумагахъ графа М. Н. Муравьева старшему внуку *) Михаила Николаевича, дипломатическая служба котораго вынуждала постоянное его пребываніе за границей. Съ его согласія бумаги продолжали храниться сначала у меня, а затѣмъ въ музеѣ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности.

Извѣстно, что біографія графа М. Н. Муравьева, начатая Кропотовымъ, такъ и осталась за смертью послѣдняго не доконченною.

*) Нынѣ министръ иностранныхъ дѣлъ, съ разрѣшенія котораго бумаги эти печатаются.

Затѣмъ въ *Русской Старинѣ* появились записки Муравьева, по одному изъ списковъ ходившихъ по рукамъ и точность котораго нуждается въ провѣркѣ. Самое печатаніе ихъ производилось безъ должнаго безпристрастія и оказалось снабженнымъ на поляхъ различными замѣтками, знаками восклицанія и пр., обличающими нѣкоторую возбужденность. Впрочемъ появленіе ихъ въ печати было преждевременно и затрогивало слишкомъ много живыхъ лицъ. Оглашеніе этихъ записокъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ напечатаны, могло имѣть лишь цѣлью произвести на читающихъ впечатлѣніе по возможности неблагопріятное.

Конечно, графъ М. Н. Муравьевъ неудобенъ для полнаго замалчиванья. У него были, какъ и всегда бываетъ съ людьми не заурядными, ожесточенные враги и восторженные поклонники. Но разобраться въ біографіи Муравьева вовсе не такъ легко, и она очень сбивчива для тѣхъ, которые желали бы пайти въ ней подтвержденія того или другаго предвзятаго взгляда.

Какъ бы то ни было, Муравьевъ лицо историческое, занимающее своеобразное положеніе среди дѣятелей царствованія императора Александра II; но при всей содержательности записокъ историческаго лица, все же онѣ не могутъ соперничать съ его перепискою, въ которой главнымъ образомъ и нужно искать извѣстнаго дѣятеля съ его не показной стороны.

Если же по многимъ причинамъ неудобно было печатаніе записокъ Муравьева, то обнародованіе переписки его можетъ представлять еще большія затрудненія. Тѣмъ не менѣе мы рѣшаемся, въ виду уже оглашеннаго значительнаго матеріала 60-хъ годовъ, предложить нѣкоторые отрывки изъ бумагъ Муравьева, бросающіе свѣтъ на отношенія лицъ, прикосновенныхъ главнымъ образомъ къ пожару 1863 года.

На закатѣ дней своихъ, уже въ старости и по окончаніи своего политическаго поприща въ Литвѣ, суждено было М. Н. Муравьеву стать лицомъ въ лицу къ Цесаревичу Александру Александровичу.

Наслѣдникъ не разъ бесѣдовалъ съ нимъ и, слѣдуя гостепріимному своему русскому обычаю, угощалъ его обѣдомъ; онъ не забывалъ при этомъ и привычекъ Муравьева, всегда и неизмѣнно курив-

шаго трубку. Цесаревичъ не преминулъ угостить его послѣ обѣда трубкою и къ тому же съ любимымъ имъ Жуковымъ табакомъ.

Мнѣніе о Муравьевѣ у него сложилось опредѣленное и сочувственное; оно никогда не подвергалось колебанію, не смотря на значительное число извѣстныхъ и вліятельныхъ лицъ, ему не сочувствовавшихъ.

Однажды за завтракомъ у Цесаревича въ Александровскомъ Царскосельскомъ дворцѣ въ числѣ присутствующихъ былъ князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ, „гуманный внукъ воинственнаго дѣда“, какъ называлъ его Ѡ. И. Тютчевъ.

По обычаю своему князь Суворовъ говорилъ много, не стѣняясь въ выраженіяхъ, размахисто пересуживая и порицая, какъ всегда. Рѣчь зашла о комъ-то, котораго онъ сталъ особенно рѣзко поносить и въ видѣ сильнѣйшаго доказательства противъ него онъ заключилъ характеристику слѣдующими словами:

„Enfin pour tout dire, c'est une recommandation de Mouravieff!“

„Et c'est pour moi la meilleure des recommandations!“ отвѣчалъ ему Цесаревичъ.

Графъ Серій Шереметевъ.

Москва. 7 іюля.

Милостивый государь графъ Михаилъ Николаевичъ!

Вы не можете сомнѣваться въ моей живѣйшей готовности оказать всякую по моимъ силамъ услугу дѣлу, которому я служу до упада силъ. Вы не можете также сомнѣваться въ моемъ глубочайшемъ уваженіи лично къ вашему сіятельству и желаніи исполнить всякое ваше порученіе, въ которомъ я, по убѣжденію моему, могу дѣйствительно быть полезенъ. Мнѣ было столько же отрадно, сколько и лестно убѣдиться изъ вашего письма въ вашемъ добромъ обо мнѣ мнѣніи. Приговоръ вашъ имѣетъ особенную цѣну. Если вы находите, что трудъ мой былъ и можетъ быть не бесполезенъ для общаго дѣла, то я могу съ спокойнымъ чувствомъ выслушивать приговоры другихъ, думающихъ иначе.

Вы призываете меня дѣйствовать съ новою силой противъ той язвы, которая такъ злодѣйски распространялась въ нашемъ молодомъ поколѣніи и которая впрочемъ давно уже не для кого не была тайною, хотя теперь только обратила на себя серьезное вниманіе правительства. Мудрено ли, что несчастные молодые люди передъ слѣдственною комиссіей исповѣдываютъ самыя дикія и разрушительныя ученія, когда эти ученія проповѣдывались открыто и въ школахъ, содержимыхъ правительствомъ, и въ журналахъ, которые проходили черезъ его цензуру и даже получали отъ него пособія. Ваше сіятельство можете быть увѣрены, что я буду, сколько достанетъ у меня силъ, продолжать дѣйствовать противъ

послѣдствій этой заразы, а еще болѣе противъ причинъ, ее производящихъ. Но для того, чтобъ усиленно дѣйствовать, я долженъ строго держаться въ предѣлахъ моей дѣятельности. Мнѣ было бы, конечно, въ высшей степени полезно узнать многое лично отъ васъ самихъ; но поѣздка въ Петербургъ, хотя бы и кратковременная, крайне затруднительна для меня въ настоящее время. Я не могу оставить свой постъ и на два дня, не подвергаясь разстройству въ моихъ занятіяхъ. Всѣ свѣдѣнія, которыя нашли бы вы полезнымъ сообщить мнѣ, я принялъ бы съ величайшею признательностію и поспѣшилъ бы воспользоваться ими въ интересахъ общаго дѣла. Впрочемъ, если ваше сіятельство повторительно скажете мнѣ, что считаете въ настоящее время пріѣздъ мой въ Петербургъ особенно нужнымъ, и что той же цѣли нельзя достигнуть инымъ способомъ, то я, не смотря ни на что, поспѣшу моимъ пріѣздомъ. Изъ приписки въ вашемъ письмѣ я могу заключить, что пріѣздъ мой въ Петербургъ предвидится также и г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. Смѣю увѣрить васъ, что для меня достаточно знать только то, что вы желаете этого или считаете это нужнымъ, и что вышеупомянутое обстоятельство нисколько не можетъ облегчить для меня поѣздку въ Петербургъ или болѣе расположить меня къ ней.

О моемъ чувствѣ относительно вашихъ великихъ государственныхъ заслугъ я уже столько разъ свидѣтельствовалъ въ печати, что здѣсь ограничусь только изъясненіемъ чувствъ личнаго глубочайшаго уваженія и преданности, съ коими честь имѣю пребыть, вашего сіятельства покорный слуга

Мих. Катковъ.

2.

Спѣшу отъ всего сердца поздравить васъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Михаилъ Николаевичъ, съ полученіемъ перваго изъ російскихъ ордеповъ, столь славно вами заслуженнаго, какъ свидѣтельствуютъ и положеніе дѣлъ, и милостивый Его Величества рескриптъ, наполненный лестными и вполне справедливыми похвалами вашимъ дѣйствіямъ. На сей разъ голубая Андреевская лента почты представляетъ собой полосатую Святого Георгія. Дай

Богъ, чтобы вы долго украшались ею и, чтобы она была всегда свидѣтельницаю вашихъ подвиговъ и успѣховъ на пользу и славу Русскаго престола и отечества.

Вамъ отъ всей души преданный

Гр. Д. Блудовъ.

P. S. Могу ли я просить васъ передать мое поздравленіе съ изъявленіемъ истиннаго и совершеннаго почтенія Пелагеѣ Васильевнѣ.

Да! При семъ случаѣ позвольте мнѣ благодарить васъ за вниманіе, которое вы обратили на дѣла моего внука Шевича. Онъ въ числѣ, можетъ быть, многихъ нашихъ земляковъ терпитъ въ чужомъ пиру похмѣлье.

Получено въ Вильнѣ, 10-го сентября 1863 года, отъ графа Дмитр. Ник. Блудова.

3.

St.-Petersbourg, le 17 septembre 1863.

Mon général.

Je suis très-sensible à la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'adresser sous la date du 14 septembre, ainsi qu'aux expressions obligeantes que vous appliquez constamment à l'action du ministère des affaires étrangères. Elle n'a, vous le savez, d'autre mérite que de reproduire fidèlement la pensée de l'Empereur.

Nos dernières réponses ont soulevé un orage dans le journalisme français. Je le crois en grande partie factice et l'or de l'émigration y aura eu une large part. Le noeud de la question politique est à Londres. Si le Cabinet Anglais persiste dans l'attitude qu'il a prise après nos réponses du 1-er juillet, le Cabinet des Tuilleries, quelque puisse être son mauvais vouloir, ne risquera pas, je pense, une action isolée. Mais nous n'aurons à cet égard de certitude qu'après la première entrevue du baron Brunnow avec lord Russell; elle doit avoir lieu vers le 6 ou le 7 octobre n. st. à l'époque du retour d'Ecosse du premier secrétaire d'état de S. M. Britannique.

Toute la question se réduit à ce que la révolte soit étouffée avant les approches du printemps. Vous accomplissez, mon général,

votre tâche avec une énergie et un succès que l'Empereur et la Russie apprécient hautement. C'est un service qui à lui seul peut remplir toute une carrière. Mr. le comte Berg est entré dans la même voie avec une résolution calme qui autorise le meilleur espoir.

A côté de la question de dignité sur laquelle notre Auguste Maître ne transige jamais, nous avons eu principalement en vue dans nos réponses les provinces qui vous sont confiées. C'est pourquoi notre réplique à la France contient un passage qui met péremptoirement un terme à tout échange d'idées se rattachant à des parties de l'empire qui n'ont rien de commun avec le droit international qu'on invoque. Nous sommes décidés à nous maintenir sur ce terrain. Je m'estime très heureux que moralement notre diplomatie ait pu concourir à la tâche que vous avez acceptée avec tant d'abnégation et que vous amenez à bon terme, j'en suis sûr, avec un succès qui sera la digne récompense du patriotisme avec lequel vous avez répondu à l'appel de notre bien aimé Souverain.

Je vous remercie des informations pleines d'intérêt dont vous avez bien voulu me faire part. L'encyclique de l'Evêque de Samogitie a aussitôt été reproduite dans le *Journal de St.-Petersbourg*. Rome s'est fourvoyée par les processions et prières publiques ordonnées en faveur de l'infortunée Pologne. Vous avez peut être jeté un coup d'oeil sur l'article de notre feuille officielle française où nous expliquons le sens dans lequel toute la Russie s'associerait à ces prières. C'est la seule réponse que nous ferons. N'ajoutez aucune foi aux soi-disantes réclamations que nous aurions élevées auprès du St. Siège. Il n'en a pas été fait, il n'y en aura point et je ne trouve dans les dépêches de notre chargé d'affaires à Rome aucune trace d'une initiative quelconque prise par notre Légation.

J'apprends avec regret que votre santé n'est pas des meilleures. La mienne aussi ne bat que d'une aile. Mais je suis persuadé, mon général, que pour vous comme pour moi c'est une question secondaire et que lorsqu'il s'agit de servir l'Empereur et le pays dans une crise aussi décisive que celle d'aujourd'hui, nos humbles efforts leur seront consacrés tant qu'il nous restera un souffle de vie.

Je me rappelle que lors des massacres de Constantinople à l'é-

poque de la révolution grecque en 1821, nous y avions comme conseiller de Légation Mr. Serge Tourguéniéff. Sa vieille mère, terrifiée, le suppliait de quitter son poste et de revenir en Russie. Pour toute réponse, il lui envoya son portrait lithographié que j'ai vue, en écrivant au-dessous „До насъ ли?“

Agréez, mon général, l'assurance de mes sentiments les plus dévoués.

Gortchacov.

A Son Excellence Mr. le Général Mouraviev.

ПЕРЕВОДЪ.

С.-Петербургъ, 17-го сентября 1863 г.

Ваше Превосходительство!

Чувствительно благодаренъ вамъ за письмо, которымъ вы меня почтили отъ 14-го сего сентября, равно какъ и за вашу любезную предупредительность, которую вы постоянно выказываете въ дѣйствіямъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Оно, какъ вамъ извѣстно, не имѣетъ ничего иного въ виду, какъ выразить въ точности мысль государя.

Наши послѣдніе отвѣты подняли цѣлую бурю во французской журналистикѣ. Въ ея большинствѣ я считаю ее подкупленною, и золото эмиграціи, по видимому, играло здѣсь большую роль.

Центромъ политическаго вопроса является Лондонъ. Если Англійскій кабинетъ будетъ продолжать предначертанную имъ политику послѣ нашихъ отвѣтовъ отъ 1-го іюля, то и Тюльерійскій кабинетъ, какъ бы худо онъ ни былъ настроенъ, не рискнетъ, я полагаю, дѣйствовать безъ поддержки. Но въ этомъ мы не будемъ увѣрены ранѣе перваго свиданія барона Бруннова съ лордомъ Русселемъ; оно должно состояться, приблизительно, между 6 и 7 октября нов. ст. во время возвращенія изъ Шотландіи перваго государственнаго секретаря Ея Британскаго Величества.

Весь вопросъ сводится къ тому, чтобы возстаніе было подавлено до наступленія весны. Ваше превосходительство исполняете свою задачу съ энергіей и успѣхомъ, которые государь и Россія высоко цѣнятъ. Это—заслуга, которая одна можетъ прославить

вашу жизнь. Графъ Бергъ дѣйствуетъ въ томъ же направленіи съ твердою рѣшимостью, которая позволяетъ надѣяться на все лучшее.

Рядомъ съ вопросомъ о достоинствѣ, отъ котораго Его Императорское Величество никогда не отступится, мы въ нашихъ отвѣтахъ имѣли главнымъ образомъ въ виду области вамъ довѣренныя. Вотъ почему наша отвѣтная нота Франціи заключаетъ въ себѣ пунктъ, безусловно полагающій предѣлъ всякому обмѣну мыслей касательно частей имперіи, не имѣющихъ ничего общаго съ международнымъ правомъ, на которое ссылаются. Мы рѣшились держаться на этой почвѣ. Считаю себя счастливымъ, что нравственно наша дипломатія имѣла возможность содѣйствовать той задачѣ, исполненіе которой вы приняли на себя съ такимъ самоотверженіемъ, и которую вы проведете въ скоромъ времени, какъ я увѣренъ, съ полнымъ успѣхомъ; онъ послужитъ достойнымъ вознагражденіемъ вашего патріотизма, съ которымъ вы откликнулись на призывъ нашего горячо любимаго Монарха.

Приношу вамъ благодарность за глубоко интересныя свѣдѣнія, которыя вы любезно мнѣ сообщили. Окружное посланіе епископа Самогитскаго было тотчасъ же напечатано въ *Journal de St.-Petersbourg*.

Римъ сдѣлалъ ложный шагъ, допустивъ общественныя процессіи и молитвы, возносимыя за благо злополучной Польши. Быть можетъ, вы пробѣжали сообщеніе нашей оффиціальной французской газеты, гдѣ мы объясняемъ смыслъ, при которомъ вся Россія присоединилась бы къ этимъ молитвамъ. Это единственный отвѣтъ, который мы дадимъ. Не придавайте ни малѣйшей вѣры такъ называемымъ протестамъ, которые мы будто бы предъявили Святому Престолу: ихъ не было, и никогда не будетъ, и въ депешахъ нашего уполномоченнаго въ Римѣ я не нахожу ни малѣйшаго слѣда какой бы то ни было инициативы, предпринятой нашимъ посольствомъ.

Съ прискорбіемъ узнаю, что здоровье ваше дурно. Я и самъ еле-еле дышу, но, я убѣжденъ, ваше превосходительство, что для васъ, какъ и для меня, это вопросъ второстепенный, и когда дѣло идетъ о службѣ Царю и Отечеству въ такую рѣши-

тельную минуту, какова нынѣшняя, наши слабыя силы будутъ всецѣло имъ отданы до послѣдняго издыханія.

М припоминаю, что въ періодъ константинопольской рѣзни, во время греческаго возстанія 1821 года, тамъ былъ совѣтникомъ посольства Сергѣй Тургеневъ. Его престарѣлая мать, приведенная въ ужасъ, умоляла его покинуть свой постъ и возвратиться въ Россію. Въмѣсто всякаго отвѣта онъ послалъ ей свой литографированный портретъ (я его видѣлъ) съ подписью внизу: „До насъ ли?“

Примите, ваше превосходительство, увѣреніе въ моей полной преданности.

Горчаковъ.

4.

St.-Petersbourg. 15 octobre 1863.

Veillez permettre, mon général, que j'ajoute quelques mots confidentiels à la lettre d'office que j'ai l'honneur de vous écrire aujourd'hui au sujet du prince Schahofsskoï. Il a été abattu par des malheurs de famille, mais il se retrempera en ayant le bonheur de servir sous vos ordres, c'est-à-dire sur un terrain qui doit attirer les hommes d'élite et d'abnégation. Je m'applaudis que vos bontés lui en fournissent l'occasion. Je suis persuadé qu'il les justifiera, car c'est un employé très intelligent, très dévoué et très sûr. Je me suis empressé de donner mon consentement. Mais il faudra que le prince Schahofsskoï se mette en règle en demandant à passer au ministère de l'intérieur.

Ce matin la fameuse dépêche anglaise m'a été enfin remise. Je vous en envoie confidentiellement la primeur. Vous verrez qu'ils se sont bien gardés de déchirer le Traité de 1815, ce qui leur eût ôté le seul droit de nous parler de la Pologne.

Jusqu'ici les deux autres cours gardent un silence complet.

Veillez agréer mes hommages dévoués.

Gortchacow.

S. Ex. Mr. l'Aide de camp Général Mouravieff.

ПЕРЕВОДЪ.

С.-Петербургъ. 15-го октября 1863.

Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, присовокупить нѣсколько частныхъ словъ къ оффиціальному писъму, которое я вамъ написалъ сегодня по поводу князя Шаховскаго. Онъ былъ подавленъ семейными несчастіями, но онъ воспрянетъ, имѣя счастье служить подъ вашимъ начальствомъ, то-есть, на томъ поприщѣ, которое привлекаетъ къ себѣ людей избранныхъ и самоотверженныхъ. Радуюсь, что ваша доброта доставляетъ ему такую возможность. Я убѣжденъ, что онъ ее оправдаетъ, потому что это подчиненный очень умный, очень преданный и очень надежный. Я не замедлилъ дать свое согласіе. Но нужно еще, чтобы князь Шаховской взялся за это дѣло и испросилъ переходъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Сегодня утромъ я наконецъ получилъ знаменитую англійскую депешу. Конфиденціально посылаю вамъ эту новинку. Вы увидите, что они побоялись разорвать трактатъ 1815 года, что отняло бы у нихъ едипственную возможность говорить съ нами о Польшѣ.

До сихъ поръ два прочихъ двора сохраняютъ полное молчаніе.

Примите увѣреніе въ полномъ почтеніи.

Горчаковъ.

Его Превос. Г-ну Генераль-Адъютанту Муравьеву.

5.

Милостивый государь графъ Дмитрій Николаевичъ.

Спѣшу принести вашему сіятельству и всѣмъ подписавшимъ письмо, при которомъ доставлена мнѣ икона Св. Архангела Михаила, живѣйшую и глубокую благодарность за столь лестное вниманіе ко мнѣ.

Икону эту я сохраняю въ семействѣ своемъ какъ драгоценную святыню, которая будетъ напоминать мнѣ то знаменательное для

меня время, когда Провидѣнію и Августѣйшему Монарху нашему угодно было избрать меня дѣятелемъ и споспѣшникомъ къ подавленію крамолы и мятежа въ здѣшнемъ краѣ; въ особенности мнѣ пріятно будетъ воспоминаніе о томъ горячемъ сочувствіи, которое выразилось такъ единодушно и торжественно во всей Россіи въ минуту рѣшительной борьбы въ этой странѣ коренного русскаго начала съ чуждымъ элементомъ, посягнувшимъ на уничтоженіе здѣсь православія и русской жизни. Въ тяжелой этой борьбѣ благословеніе Божіе и мужество доблестныхъ нашихъ войскъ помогли стереть крамолу.

Возсылая за то благодареніе Всевышнему, я молю Его, чтобы событія, совершившіяся нынѣ въ этомъ краѣ и не разъ уже здѣсь повторявшіяся, послужили полезнымъ опытомъ и указаніемъ для будущаго.

Примите, ваше сіятельство, увѣреніе въ отличномъ моемъ къ вамъ почтеніи и преданности.

№ 2553. 10 ноября 1863 г. Вильно. Его Сіятельству графу Д. Н. Блудову.

ЗАПИСКА О РУССКОЙ ПОЛИТИКѢ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Россия, коснувшись предѣлами своими Турціи, Персіи и другихъ странъ Центральной Азіи, приобрѣла симъ, по преобладающему могуществу ея надъ сосѣдями своими въ Азіи, неотъемлемое право вліянія на политическія дѣла сихъ странъ *).

Вліяніе это, приобретенное географическимъ положеніемъ Россіи, укрѣпилось за нею походами и побѣдами войскъ нашихъ **).

За симъ сохраненіе и дальнѣйшее расширеніе вліянія нашего на дѣла Востока, равно какъ и достиженіе первенства въ семъ отношеніи предъ другими государствами, достались въ удѣлъ дипломатіи нашей. Если, въ настоящее время судить по однимъ послѣдствіямъ, то нельзя не сознаться, что съ 1837 и 1839 годовъ вліяніе наше на Востокъ не увеличилось; оно, напротивъ того,

*) Наше министерство неоднократно называло это право вліянія: „influence legitime“.

***) Въ 1774, 1812, 1813, 1826, 1827, 1829 и 1833 годахъ.

Въ 1774 г. миръ Кучукъ Кайнарджи.

„ 1812 „ „ Бухарестскій.

„ 1813 „ „ Уюлистанскій.

„ 1826 „ „ Аерманскій.

„ 1827 „ „ Туркменчайскій.

„ 1829 „ „ Адрианопольскій.

„ 1833 г. Трактатъ Хувіаръ-Скелісскій, отмысненный въ 1841 г. Лондонскимъ трактатомъ.

замѣтно подчинилось первенству политическаго вліянія Англіи *). Дипломатія не удержала за собою даже того, что поднесено было ей на штыкахъ солдатъ нашихъ.

Сильнѣйшая соперница, постоянно противоборствующая вліянію нашему на Востокѣ, была и есть *Англія*. Не подчиняясь никакой политической отчетности, Англія съ систематическимъ постоянствомъ распространяетъ не только нравственное вліяніе, но и матеріальную власть и владычество свое на всѣ части Азіи, доступныя флоту и сухопутной арміи ея. Утверждая такимъ образомъ, безотчетно, вліяніе свое на дѣла Востока, Англія въ то же самое время, бдительно слѣдитъ за ходомъ нашего нравственнаго вліянія въ Азіи. Всякое политическое движеніе наше въ Турціи и Центральной Азіи дѣлается немедленно, съ одной стороны, предметомъ дипломатическихъ переговоровъ между министерствами, а, съ другой стороны, предметомъ политической дѣятельности англійскихъ агентовъ для парализованія или уничтоженія вовсе даже вновь народившагося вліянія нашего. Историческіе факты доказали намъ, что для достиженія сей послѣдней цѣли ихъ всѣ средства подручны англичанамъ, и тамъ, гдѣ недостаточно дѣйствуетъ золото ихъ, дѣйствуютъ заговоры, клевета, устрашеніе и мщеніе.

Политическая борьба наша съ Англіею была до сихъ поръ тѣмъ затруднительнѣе и тѣмъ невыгоднѣе для Россіи, что оружія въ рукахъ бойцевъ были неравныя. Россія дѣйствовала уступчиво, не желая никакимъ дипломатическимъ дѣйствіемъ навлечь на себя даже сомнѣнія въ принятіи мѣръ къ противоборству англійской политикѣ и къ поколебанію вліянія Англіи на владѣнія, подчиненныя ея власти. Инструкціи агентовъ русскихъ были лишь временныя и не заключали въ себѣ преслѣдованія одной какой-либо указанной идеи или предположенной цѣли. Дипломатическія сношенія, между прочимъ, съ Центральною Азіею, не были постоянныя и прерывались по первой тревогѣ со стороны англійскаго правительства. Агенты наши въ Персіи и Центральной Азіи полу-

---

*) Началомъ преобладанія Англійскаго вліянія слѣдуетъ считать: въ Персіи съ похода Шаха въ Гератъ, въ Турціи—съ уничтоженія Хункиаръ Скемисскаго трактата.

чали положительныя наставленія не возбуждать дѣйствіями своими недовѣрчивости въ англійскихъ властяхъ, и всякое дѣйствіе, заслужившее негодованіе англійскаго правительства, по поводу хотя бы косвеннаго вліянія на дѣла индійскія, считалось превышеніемъ данной инструкціи, распоряженіемъ самовластнымъ и вреднымъ интересамъ нашего же правительства.

Россія въ политической борьбѣ съ Англіею полагала необходимымъ дѣйствовать откровенно, съ благородствомъ, безъ вмѣшательства въ чужія дѣла, но забыла, что имѣетъ дѣло съ врагомъ коварнымъ, который для укрѣпленія своего могущества стремится прежде всего къ потрясенію и за симъ къ разрушенію могущества и вліянія своихъ соперниковъ. Такимъ образомъ Россія, прекращая свои дипломатическія дѣйствія въ тѣхъ видахъ, чтобы не вредить Англіи, но позволяя въ то же время ей дѣйствовать безотчетно, вредила самой себѣ тѣмъ, что выпускала изъ рукъ своихъ то нравственное вліяніе, которое уже въ мирное время утратило Англію и которое при разрывѣ дружескихъ отношеній должно было послужить исходною точкою для наступательныхъ дѣйствій Россіи противъ нея.

Политическая дѣятельность Англіи въ Центральной Азій имѣла всегда въ виду *будущность* положенія ея въ сихъ странахъ; Россія въ дѣйствіяхъ своихъ въ этихъ же странахъ заботилась только о сохраненіи настоящаго положенія, то-есть, мнимаго дружескаго расположенія Англіи къ Россіи. Англійское правительство никогда не теряло изъ вида того правила, что для успѣха въ будущемъ необходимо пользоваться всякимъ благоприятнымъ случаемъ, въ какое бы время оный ни представлялся, для укрѣпленія предположенія, имѣющаго быть приведеннымъ въ исполненіе впоследствии. Для агентовъ англійскихъ цѣль дѣятельности была разъ навсегда начертана: „укрѣпленіе власти Англіи въ колоніяхъ и разрушеніе всякаго другого посторонняго вліянія на дѣла Азій“. Англія воспользовалась уступчивостію русской политики. Не прерывая своихъ дѣйствій, она, гдѣ не успѣвала укрѣплять окончательно своего вліянія, старалась только уничтожить вліяніе русскихъ агентовъ. Имѣя въ виду предначертанную общую цѣль, агенты ихъ вездѣ слѣдили за дѣйствіями

русской политики на Востокъ. Правительство Англійское не щадило издержекъ *), знал, что расходы временные, вознаграждаются вполнѣ тою пользою, которая предусматривалась въ будущія времена, на десятки лѣтъ впередъ, отъ преслѣдованія съ систематическимъ постоянствомъ главной идеи объ азиатской политикѣ. За симъ англичане подвергали дипломатическимъ переговорамъ каждый шагъ нашихъ правительственныхъ мѣстъ и агентовъ. Переговоры повлекали за собою объясненія и нерѣдко правительственное неодобреніе со стороны Россіи дѣйствій ея агентовъ. Россія въ странахъ, въ которыхъ англійская политика дѣйствуетъ безотчетно, агентовъ своихъ не имѣетъ. Съ Центральною Азіею, съ которою Россія, по географическому положенію своему ближе могла бы вступить въ сношенія, чѣмъ Англія, прекращена всякая дипломатическая связь. Что же касается наконецъ до требованія отчета, чрезъ дипломатическіе переговоры, о дѣйствіяхъ англійскаго правительства, хотя бы и въ неподвластныхъ ему странахъ, какъ-то: Афганистанѣ, Персіи, Синдѣ и т. п. и хотя бы дѣйствія ихъ были вполнѣ однородны съ дѣйствіями русскихъ агентовъ, сдѣлавшимися предметомъ таковыхъ же переговоровъ **), требо-

*) Между прочими расходами намъ извѣстны, изъ официальныхъ свѣдѣній, представленныхъ парламенту, слѣдующія статьи: 1) Англійскія миссіи въ Персіи съ 1827 по 1837 г. стоили: 64,600,000 франковъ; 2) Гератскому принцу Камранъ-Мирзѣ англійское правительство выдало для поддержанія его въ войнѣ противъ Персіи: 7,500,000 франковъ; 3) Политическій агентъ въ Синдѣ, г. Россъ-Бель, имѣлъ, между прочимъ, для службы его миссіи, для перевозки тяжестей и проч. 678 верблюдовъ, одно содержаніе коней стоило до 25,000 франковъ въ мѣсяцъ.

**) Укажемъ на слѣдующіе между прочимъ намъ извѣстные факты: 1) Попрія дѣйствія русскаго посланника въ Персіи графа Симонича въ томъ, что онъ наставлялъ Персидскаго шаха совѣтами въ походѣ его противъ Герата и что посланникъ дозволилъ состоявшему при миссіи капитану Бларембергу руководить персіанъ при осадѣ Герата, англійское правительство въ то же время посылаетъ въ Гератъ своихъ офицеровъ, между коими лейтенанту Поттннджеру поручается начальство надъ обороною крѣпости противъ персіанъ. Указывая на враждебныя дѣйствія русскаго миссіи, вступившей въ переговоры съ Афганистанскими ханами и предложившей имъ соединиться однимъ тѣснымъ политическимъ союзомъ для защиты ихъ владѣній, англійская миссія, состоя при лицѣ шаха, вступаетъ чрезъ посредство самого посланника Макниля въ личные переговоры съ Гератскимъ принцемъ. Макниль вручаетъ Камранъ-Мирзѣ значительную сумму денегъ для покрытія издержекъ войны и обѣщаетъ ему сдѣлать диверсію англійскими войсками въ Персидскомъ заливѣ, дабы заставить персіанъ отступить отъ Герата; въ это же время англійскіе офицеры въ лагерѣ Персидскаго шаха находятся въ ежедневныхъ сношеніяхъ и въ перепискѣ съ англійскими офице-

ваніе подобнаго отчета считалось, по мнѣнію дипломатіи нашей, вмѣшательствомъ въ дѣла англійскаго управленія, посягательствомъ на уменьшеніе вліянія его въ азіатскихъ колоніяхъ, на разрушеніе его владычества въ Индіи, словомъ, подобнаго рода дѣйствіе, казалось, могло имѣть страшнѣйшія послѣдствія, породивъ разрывъ съ Англіею и нарушивъ общій европейскій миръ. Желаніе нанести и съ нашей стороны, хотя бы справедливое возмездіе, Англіи вредъ и потрясти вліяніе ее на поприще восточной политики, умолкало всегда предъ страшнымъ пугалищемъ: *нарушеніе всеобщаго европейскаго міра.*

рами въ Гератѣ и передають имъ всѣ преднамѣренія, всѣ планы военныхъ дѣйствій персіянъ. Макниль за успѣшныя дѣйствія его подъ Гератомъ заслужилъ особое одобреніе парламента; поручикъ Поттинджеръ произведенъ въ майоры, получилъ высшее назначеніе, и имя его республиковано въ газетахъ, какъ избавителя Герата. Съ нашей стороны дѣйствія агентовъ нашихъ, вслѣдствіе дипломатическихъ переговоровъ съ англійскимъ правительствомъ, признаны превышеніемъ инструкціи ихъ; посланникъ графъ Симоничъ, предвидѣнный исходъ экспедиціи персіянъ противъ Герата, при дѣйствіяхъ англійскаго правительства въ Афганистанѣ, и тщетно ожидавшій подробныхъ инструкцій на основаніи предложенныхъ имъ мѣръ для противоборства противъ дѣйствій англичанъ, графъ Симоничъ, въ коемъ англичане увидѣли своего опаснѣйшаго врага, ибо онъ опозналъ положеніе индійскихъ дѣлъ и указалъ на средства противоборства Англіи и къ укрѣпленію нравственнаго вліянія нашего на дѣла Индіи,—графъ Симоничъ былъ отозванъ изъ Персіи и лишился довѣрія нашего правительства. Гнусная клевета обвинила его въ неблаговидныхъ, корыстныхъ дѣйствіяхъ. Если бы графъ Симоничъ желалъ дѣйствовать корыстно, то англійскіе агенты готовы были на всякія матеріальныя жертвы для того только, чтобы онъ не противодействовалъ вліянію англійской политики въ Персіи и въ центральной Азіи и чтобы онъ не указалъ правительству своему средствъ и способовъ къ потрясенію владычества Англіи въ индійскихъ ея владѣніяхъ. Графъ Симоничъ оставилъ по себѣ въ Персіи столь блистательное имя и столь почетную память, что оныя до сихъ поръ не изгладились ни достоинствами, ни способностями его преемниковъ. 2) Достъ-Могамедъ, ханъ Кабульскій, внявъ съ радостью внушеніямъ русскаго агента, Виткевича, посылаетъ своихъ довѣренныхъ людей къ посланнику въ Персіи съ мольбою принять его подъ покровительство Россіи и поддержать его хотя бы только нравственнымъ вліяніемъ. Появленіе одного агента нашего въ Афганистанѣ смущаетъ англичанъ; они находятъ въ прибытіи капитана Виткевича въ Кабуль и въ переговорахъ его съ Достъ-Могамедъ ханомъ посягательство Россіи на нарушеніе спокойствія ихъ въ Индіи. Англійское министерство требуетъ объясненій, а министерство наше дезавуируетъ публично дѣйствія Виткевича и признаетъ оныя превышеніемъ данной инструкціи. Дипломатическая связь съ Кабуломъ совершенно прекращается, просьбы Достъ-Могамедъ хана о защитѣ оставляются безъ вниманія. Между тѣмъ англичане, хотя и достигли путемъ дипломатическихъ сношеній полнаго удовлетворенія и хотя уничтожили на дѣлѣ вліяніе Россіи въ Афганистанѣ, полагали необходимымъ изгладить, принятіемъ

Но всё жертвы наши, въ угодность Англии принесенныя, всё оставленныя нами выгоды отъ первенства вліянія нашего въ Азіи не оградили насъ отъ тѣхъ бѣдствій, избавленіе отъ коихъ представлялось всегда на видъ дипломатіею нашею какъ вознагражденіе уступчивой противъ Англии политики. Англія, извлекая свою пользу изъ направленія, которому слѣдовала дипломатія наша, дѣйствовала по другимъ началамъ. Дружба Россіи была ей нужна для укрѣпленія своей власти, для расширенія своего вліянія. Лишь только она сочла власть свою достаточно укрѣпленною и политическое вліяніе Россіи уничтоженнымъ въ тѣхъ странахъ, откуда ей могла угрожать опасность, убѣдившись при томъ, что она ошиблась въ мысли, будто бы въ Афганистанѣ положено начало положительнаго преднамѣренія Россіи упрочить свое вліяніе на дѣла индѣйскія *), Англія сама расторгнула дружескія сношенія съ Россіею и, воспользовавшись моментнымъ появленіемъ на престолѣ французскомъ достойнаго коварной политики ея союзника, вступила въ бой съ Россіею, въ бой, который имѣлъ только предлогомъ возстановленіе нарушеннаго европейскаго равновѣсія, и цѣлью коего было и есть единственно ослабленіе государства, сдѣлавшагося опаснымъ Англии мощно возрастающею силою своею.

Возгорѣвшаяся нынѣ война должна разсѣять и въ глазахъ

сильныхъ мѣръ то невыгодное впечатлѣніе, которое произвели въ сей странѣ переговоры Виткевича и дѣйствія посланника въ Персіи графа Симонича. Возставъ противъ послышки одного офицера русскаго въ Афганистанъ, Англія снарядила туда же цѣлую армію. Предлогомъ войны было возстановленіе на афганистанскій престолъ шаха Шуджи и защита законныхъ его правъ, о коихъ Англія въ теченіи 10 лѣтъ пребыванія сего принца въ Индіи и не вспоминала. Англійскія войска покоряютъ весь Афганистанъ, и гдѣ встрѣчаютъ сопротивленіе, разоряютъ города огнемъ и мечемъ. Дѣйствія ихъ не подлежатъ дипломатическимъ переговорамъ. Генераль Кинъ назначается за успѣшную экспедицію лордомъ Великобританскимъ, возводится въ званіе барона Газны, и правительство назначаетъ ему ежегодную пенсію въ 50,000 франковъ, съ выплатою оной на будущее время вдовѣ и дѣтямъ въ двухъ генераціяхъ; Маэвотенъ возведенъ въ баронеты и Бёрнсъ награждается орденомъ.

*) Извѣстный Александръ Бёрнсъ (Burnes) полагалъ видѣть преднамѣренія эти въ успѣшныхъ и обдуманыхъ дѣйствіяхъ русскаго посланника въ Персіи графа Симонича и капитана Виткевича. См. сочиненіе *Циммермана: Ueber Kriegsschauplatz in Inner Asien*, стр. 212, и сочиненіе *Харлана: A memoir of India and Afghanistan*. 1842, p. 21.

поклонниковъ англійской политики то страшное пугалище о нарушеніи европейскаго мира, которое постоянно, какъ мечъ Дамоклеса, висѣло надъ восточною политикою нашею. Вмѣшательствомъ нынѣ, и съ нашей стороны, въ дѣла Англїи мы не подвергнемся обвиненію, что нарушимъ европейскій миръ. Англїя сама расторгнула союзъ съ Россїею; двинувъ флоты свои для наступательной войны, она вполнѣ развязала намъ руки для дѣйствованія наступательно и съ нашей стороны.

Если Россїя, въ мирное время или во время политическо-дружескихъ сношеній съ Англїею, считала священною обязанностию своею для сохраненія всеобщаго мира не вмѣшиваться въ восточныя дѣла Англїи и не потрясать вліянія ея тамъ, гдѣ потрясеніе это возможно, то нынѣ при враждебныхъ дѣйствїяхъ Англїи, при нападеніи ея на предѣлы Россїи, при истребленіи беззащитной собственности частныхъ людей, при бомбардировкѣ монастырей и святыхъ храмовъ, оказывается *столь же священною обязанностию*, собственно для скорѣйшаго возстановленія мира, нанести соперницѣ Россїи чувствительные удары въ собственное ея тѣло.

Кромѣ метрополїи, силы Англїи—въ колонїяхъ ея, но для нея не только существованіе и благоденствіе сихъ колоній, но и *спокойствіе* въ нихъ есть жизненный вопросъ.

По сему если Россїя наступательнымъ дѣйствїемъ какого бы рода ни было можетъ достигнуть хотя бы только того, чтобы нарушить спокойствіе во владѣніи колонїями, то дѣйствїемъ симъ нанесется ударъ, отъ котораго содрогнется и британскій колоссъ и заставитъ смириться надменнаго владыку морей предъ мощнымъ владыкою Русской земли.

Предопредѣленія судебъ о будущности государствъ столь же непроницаемы, сколь неотложны въ ходѣ ихъ. Быть можетъ, уже нынѣ настала роковой часъ началу ниспроверженія величїя Англїи. И Генуа, и Венеція, и Испанїя, и Голландїя владычествовали самовластно надъ морями, а нынѣ низошли на степень второстатейныхъ государствъ, на степень городовъ безъ политическаго значенія. Цѣтъ, ограждавшій Англїю и позволявшій ей дѣянїя самовластія и неограниченнаго вліянія надъ странами, недоступ-

ными вліяннію другихъ государствъ, былъ миръ и опасеніе нарушенія сего мира. Объявивъ Россіи войну и открывъ противъ нея наступательныя дѣйствія, Англія лишила себя своего политическаго щита, охранявшаго ее отъ вмѣшательства другихъ государствъ въ собственныя ея дѣла, и дала Россіи право дѣйствовать наступательно на нее, наносить ей вредъ вездѣ, гдѣ сіе возможно и потрясти то преобладаніе, политическое и матеріальное, которымъ она столь нагло нынѣ, съ достойнымъ ея союзникомъ, героемъ булонскимъ и страсбургскимъ, налегла на Россію во всѣхъ европейскихъ ея моряхъ. Притомъ же не одною блокадою нашихъ портовъ, бомбардированіемъ городовъ и плѣненіемъ судовъ Англія наноситъ намъ вредъ, она ведетъ войну и тѣмъ, что возбуждаетъ противъ Россіи непокорные намъ народы на Кавказѣ; возстаніе ихъ она подкрѣпляетъ матеріальными средствами: посылка черкесамъ и лезгинамъ нѣсколькихъ тысячъ ружей равняется смерти и убійству столькихъ же воиновъ нашихъ.

При всѣхъ видахъ настоящей войны, при всѣхъ враждебныхъ дѣйствіяхъ Англіи противъ насъ, неужели возможно еще допустить мысль о нераздраженіи ея наступательными дѣйствіями противъ ея владѣній, противъ ея коммерческихъ и политическихъ интересовъ?

Наступательными дѣйствіями Англіи Россія, какъ уже выше сказано, приобрѣла *право* дѣйствовать и противъ нея наступательно, желаніемъ же и стремленіемъ ея унижить Россію въ величіи ея, помрачить славу ея и пріостановить и уничтожить промышленную ея дѣятельность Англія возложила на Россію *священную обязанность не только защищаться противъ* врага вѣры, чести и интересовъ Русской имперіи, но и идти противъ нее наступательно, и наносить смертельные удары врагу, тридцать слишкомъ лѣтъ съ коварствомъ пользовавшемуся нашею снисходительною и уступчивою политикою. Не настало еще время атаковать Англію въ собственныхъ ея предѣлахъ, подобно тому, какъ она сдѣлала это нынѣ съ Россіею; положительное владычество ее надъ морями охраняетъ и ограждаетъ Великобританскіе острова отъ нападенія извнѣ. Прекращеніе торговыхъ, промышленныхъ сношеній съ нею, съ воскресеніемъ даже мысли Наполеона объ изолированіи Англіи, не имѣв-

шей впрочемъ успѣха и въ то время *), нынѣ еще менѣе опасно для Англии, ибо она имѣетъ, для сбыта произведеній и для продолженія промышленной дѣятельности, свои колоніи, источникъ матеріальнаго богатства и политическаго могущества Англійскаго государства **).

Но колоніи эти, развившія богатство Англии и составляющія силу ея, не столь еще укрѣплены за метрополию, чтобы не было возможности потрясти въ нихъ владычество англичапъ. На колоніи, слѣдовательно, намъ остается, въ справедливое возмездіе причиненнаго намъ вреда и предполагаемаго униженія, нанести ударъ всѣми средствами, коими располагать можемъ и съ энергіею, достойной Россіи и сильнодержавнаго Монарха нашего.

Между всѣми англійскими колоніями *Индія*, по выгодѣ, доставляемой Англии, занимаетъ, безъ сомнѣнія, первое мѣсто. Доходы съ индѣйскихъ владѣній составляютъ въ годъ до 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, то-есть, слишкомъ 120,000,000 руб. серебромъ.

*) E. Regnault, въ сочиненіи: „Histoire criminelle du Gouvernement Anglais“, говоритъ слѣдующее о континентальной системѣ: „Parmi les grandes pensées de Napoléon, la plus grande sans contredit, fut la conception gigantesque du blocus continental, la solennelle mise hors la loi de ce gouvernement, qui avait scandalisé le monde par ses perfidies. C'était une mesure de haute morale aussi bien que de sureté publique: les nations étaient protégées et dans leur honneur et dans leur repos, lorsqu'on les préservait du contact d'une puissance qui alimentait la guerre par la corruption, troublait la paix par ses envahissements et déshonorait par ses manœuvres et la guerre et la paix. L'Angleterre, ainsi emprisonnée dans les mers qui la défendent, était signalée au monde comme la grande pestiférée dont il ne fallait pas approcher: concentrant ses vices en elle même comme en un immense lazaret; elle eut infailliblement péri dans ses propres souillures, si les peuples eussent écouté la voix de Napoléon, qui du moins en cela était l'organe de la civilisation“.

**) О значеніи Великобританскихъ колоній графъ Бернгардъ въ сочиненіи его: „Das brittische Reich in Ostindien, стр. 239 нѣмецкаго перевода, говоритъ слѣдующее: „Worauf gründet Britanien seine *Politische Macht* anders als auf seine *Colonien*, welche einen grössern Theil des Erdkreises umfassen, als Russland selbst und besonders einen zahlreicher bevölkerten, besser cultivirten und reicheren Theil desselben als jenes Reich? Worauf gründet Britanien seine *Seemacht* anders als auf seine *Colonien*, deren Handel und Communicationen hunderttausende seiner Seelute (bis 700,000) beschäftigen? Worauf gründete Britanien in seinem Kampfe auf Leben und Tod gegen Napoleons Herrschaft seine Kraft, mit der Palme des Sieges aus dem Streite hervorzugehen, anders als auf seine *Colonien*, welche ihm, als alle Häfen Europa's seiner Flagge verschlossen waren, in den ihrigen einen Absatz, einen Austausch, einen Handel gestatteten, der seine hinsterbende Lebenskräfte aufrecht erhielt und allein den Sieg möglich machte?“

Если бѣльшая часть доходовъ и издерживается на расходы по управленію, то самыя эти издержки обращаются въ пользу англичанъ, и правительство, предоставляя чрезъ жалованье воинскимъ и гражданскимъ чинамъ, чрезъ обмѣнъ произведеній и мануфактурныхъ издѣлій и чрезъ торговую дѣятельность вообще всю выгоду отъ владѣній индѣйской колоніи своимъ подданнымъ, доставляетъ имъ чрезъ сіе средства не только къ обогащенію, но и къ существованію. Основываясь на англійскихъ источникахъ, графъ Біернштёрна въ сочиненіи, выше сего нами указанномъ, полагаетъ чистую для жителей Великобританскихъ острововъ пользу отъ участія въ индѣйскомъ управленіи и въ индѣйской торговлѣ ежегодно до $6\frac{1}{2}$ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, то-есть, до 40,000,000 рублей серебромъ.

Пользоваться всѣми выгодами отъ индѣйской колоніи своей Англія можетъ только при *спокойномъ* владѣніи сею колоніею.

Всякое потрясеніе сего спокойнаго владѣнія должно, очевидно, нанести вредъ не только колоніи, но и метрополи.

Дѣла индѣйскія *доступны чужому вліянію какъ матеріальному* чрезъ движеніе войскъ, такъ и *нравственному* чрезъ дѣйствія дипломатіи.

Въ возможности вліянія Россіи на дѣла Индіи не сомнѣвается ни Англія и никто изъ лицъ, ознакомившихся на мѣстѣ съ положеніемъ Индіи и странъ Центральной Азіи. Въ возможности потрясенія владычества англичанъ въ Индіи, при извѣстности истиннаго положенія тамошнихъ дѣлъ, могутъ сомнѣваться одни поклонники англійской политики въ Россіи. Вторженіе русскихъ войскъ въ Индію было всегда пугалищемъ англійскаго правительства. Нѣтъ сочиненія объ Индіи, въ которомъ не говорилось бы о походѣ русскихъ въ страну эту. Варренъ (*c-te Warren*), служившій девять лѣтъ въ индѣйскихъ войскахъ, не сомнѣвается въ возможности похода; онъ предвидитъ даже скорое и необходимое исполненіе сего предпріятія. Варренъ указываетъ пути и средства къ предполагаемому вторженію; того же мнѣнія американецъ генералъ Харланъ (*Harlan*), образовавшій войска Достъ-Могамедъ-

хана. Онъ полагаетъ возможнымъ проходъ войскъ даже чрезъ Хиндукушъ; собственно для убѣжденія себя въ возможности прохода русскихъ войскъ чрезъ ущелья горъ, отдѣляющихъ Афганистанъ отъ Туркестана, Харланъ проходилъ эти ущелья съ войсками Кабульскаго хана.

По предмету потрясенія русскими владычества англичанъ въ Индіи замѣчательны указанія лицъ, которыя почерпнули свѣдѣнія о семъ предметѣ не изъ собственныхъ своихъ наблюденій, но единственно изъ англійскихъ источниковъ. Приписывать мнѣніямъ этимъ пристрастіе и заблужденіе, кажется, не возможно. Указывая на силу и могущество Англии въ Индіи, на мѣры, принятія ею для огражденія своихъ владѣній, на трудность дѣйствій на Индію какому бы то ни было враждебному ей государству, всѣ однакожь соглашаются въ томъ, что вліяніе Россіи на дѣла индѣйскія возможно, и что вліяніе это должно имѣть послѣдствіемъ потрясеніе владычества англичанъ въ Индіи, *если* нарушится внутреннее спокойствіе собственно въ индѣйскихъ владѣніяхъ, и Россія, воспользуясь симъ случаемъ, сдѣлаетъ нападеніе извнѣ. Сочиненія эти: графа *Бьернштиерна* (Bjornstierna), шведскаго генераль-лейтенанта, бывшаго военнаго министра и посланника въ Лондонѣ, „Das brittische Reich in Ostindien. 1739“. *Циммермана* (Carl Zimmerman). *Der Kriegsschauplatz in Inner Asien. 1842*“. *Лансигу*. „De la puissance anglaise aux Indes“ и много другихъ болѣе или менѣе подробныхъ статей въ періодическихъ журналахъ Англии, Франціи и Германіи.

Наконецъ, самымъ неоспоримымъ доказательствомъ справедливости мнѣнія о возможности, которую Россія имѣетъ, потрясти владычество англичанъ въ Индіи, должны служить оффиціальныя отзывы о семъ предметѣ англійскихъ же представителей въ Персіи и Индіи. Въ 1836 году г. Элисъ, прибывшій въ Персію въ качествѣ чрезвычайнаго посла, писалъ лорду Пальмерстону: „Я положительно убѣдился въ томъ, что англійское правительство не можетъ дозволить Персіи распространить предѣлы свои по направлецію къ Афганистану, *безъ опасенія въ потрясеніи оуптренняю спокойствія въ Индіи*, ибо сіе распространеніе предѣловъ Персіи установило бы вліяніе Россіи на самомъ порогѣ нашей Индѣйской имперіи, а поелику Персія не хочетъ или не смѣетъ войти въ

тѣсное сношеніе съ Великобританією, то политика наша не должна болѣе считать ее оплотомъ для обороны Индіи, но, напротивъ того, видѣть въ ней первую линію, съ которой должны начинаться наступательныя дѣйствія“.

Во время похода персіянъ противъ Герата, г. Макниль, посланникъ англійскій въ Персіи, сообщилъ правительству своему въ депешѣ отъ 1-го августа 1838 года: „Если Гератъ будетъ взятъ, то *Россія* сдѣлается единственною повелительницею политической и торговой будущности всей Центральной Азіи“. Посланникъ Макниль, равно какъ и тогдашній Остиндскій генералъ-губернаторъ лордъ Окландъ, указываютъ на опасность для Индіи въ случаѣ распространенія вліянія Россіи въ Центральной Азіи. Въ прокламаціи своей отъ 1-го октября 1838 г. при открытіи военныхъ дѣйствій противъ афганцевъ, лордъ Окландъ, обвиняя Достъ-Могамедъ-хана въ соисканіи помощи и покровительства иностранной державы (то-есть, Россіи), находитъ войну эту необходимою для уничтоженія быстрыхъ успѣховъ иностранныхъ интригъ въ Кабулѣ и для предупрежденія нападенія на предѣлы Индіи.

Документы эти положительно доказываютъ опасеніе Англій въ распространеніи вліянія Россіи на дѣла Центральной Азіи и въ установленіи, симъ путемъ, вліянія нашего на дѣла индѣйскія. Если же англійское правительство *опасается* вліянія нашего, то намъ не слѣдуетъ, кажется, сомнѣваться въ *возможности* *установленія* такого вліянія. Не сомнѣваясь такимъ образомъ въ возможности, нельзя однако не признавать тѣхъ *трудностей*, которыя неминуемо представляются при приведеніи въ исполненіе предположенія о потрясеніи владычества англичанъ въ Индіи.

Но могутъ ли трудности остановить Россію въ исполненіи предположенія, вознагражденіемъ коего послужитъ скорѣйшее достиженіе спокойствія и всеобщаго мира? Англія, увидя себя атакованною въ собственныхъ ея предѣлахъ, и будучи поставлена для защиты своихъ владѣній въ необходимость раздѣлить силы и матеріальныя средства свои, не скорѣе ли смирится въ гордости своей, чѣмъ нынѣ, когда безъ собственнаго для себя вреда, при неизмѣнной торговой дѣятельности своей въ ея колоніяхъ, она наноситъ только намъ вредъ, заставляя только насъ располагать

значительными средствами для защиты отъ нападенія, не имѣя для себя той же необходимости защиты?

Заставляя Англію для обороны своихъ владѣній держать въ готовности войска въ Индіи, возможно ли ей будетъ привести въ исполненіе предположеніе, весьма сбыточное, объ отправленіи арміи изъ Индіи чрезъ Персидскій заливъ, вверхъ по Тигру или чрезъ Персію въ Турцію для нападенія на Закавказскій нашъ край? Кто же дастъ Англіи право быть съ наглостію увѣренною въ томъ, что мы не осмѣлимся атаковать ее въ собственныхъ ея предѣлахъ, и что ей только предоставлено право атаковать, а намъ только право защищаться отъ ея нападеній?

Если по настоящему положенію Англіи и легче дѣйствовать противъ насъ наступательно, то однѣ трудности атаки съ нашей стороны не воспрепятствуютъ Русскому царю, увѣренному въ своей силѣ и въ силѣ его народа, повелѣть исполнить то, что онъ признаетъ за благо. И чѣмъ отважнѣе, чѣмъ труднѣе предпріятіе, тѣмъ болѣе славы тому, кто повелитъ исполнить оное.

Въ настоящее время намъ не предстоитъ *покореніе Индіи и удержаніе оной за собою*, при владычествѣ Англіи надъ морями, предположеніе это есть химера, не подлежащая исполненію. Но иное дѣло *потрясеніе владычества англичанъ въ Индіи*.

Предпріятіе это, если оно исполнится съ непоколебимою твердостью и въ размѣрѣ и съ средствами, соотвѣтствующими важности цѣли, должно имѣть послѣдствіемъ нанесеніе неисчислимаго вреда Англіи. Съ успѣшнымъ потрясеніемъ владычества въ Индіи разрушится и все Англо-индѣйское царство, основанное болѣе на нравственной, чѣмъ на матеріальной силѣ. Липившись Индіи, источника частнаго богатства и главнѣйшаго рынка промышленной дѣятельности Англіи, метрополія, завлеченная въ несмѣтныя издержки, неминуемо почувствуетъ разстройство дѣлъ своихъ; разстройство же не только государственныхъ, но и частныхъ интересовъ повлечетъ за собою безпокойства и внутреннія смуты, столь легко порождаемыя при всякихъ торговыхъ и промышленныхъ кризисахъ, а тогда Англія, волнуемая внутреннимъ безпокойствомъ, лишится къ веденію войнъ и къ усмиренію народа средствъ, въ коихъ нуждается въ огромныхъ размѣрахъ, безъ средствъ она

ослабнетъ въ силѣ и могуществѣ и пагубное эгоистическое вліяніе ея на дѣла другихъ странъ прекратится, какъ естественное послѣдствіе собственной ея слабости.

И такъ, потрясеніе владычества англичанъ въ Индіи не только причинитъ вредъ и ослабитъ врага нашего, но можетъ даже вполнѣ уничтожить политическое значеніе Англіи. Не только Россія, но и вся Европа избавится тогда отъ врага, не щадившаго никогда ни спокойствія, ни благоденствія какой бы то ни было страны, если спокойствіе и благоденствіе эти не соотвѣтствовали эгоистическимъ интересамъ Англіи. Дѣйствіе, слѣдовательно, противъ Индіи, не только чрезъ дипломатическія сношенія, но и походомъ войскъ нашихъ, если и есть предпріятіе отважное, гигантское, то оно искупится послѣдствіями столь же великими, столь же знаменательными.

Для достиженія сей цѣли всѣ элементы находятся на лицѣ.

Въ Азіи отважность все превозмогаетъ, сохранить же за собою приобрѣтенныя отважностью преимущества возможно двумя средствами: *физическою, матеріальною силою и деньгами*. То и другое вмѣстѣ устанавливаетъ твердое преобладаніе. Англія сими средствами упрочила свое могущество: для *потрясенія*, слѣдовательно, *сея могущества* надлежитъ противодѣйствовать *тѣми же средствами*.

Не можемъ не сознаться, что въ настоящее время *трудности* къ поколебанію могущества англичанъ въ Индіи несравненно значительнѣе, чѣмъ были лѣтъ за двадцать предъ симъ. Трудности эти ежегодно *возрастаютъ*, съ одной стороны, вслѣдствіе политической дѣятельности англійскаго правительства, съ другой же стороны, по бездѣйствію нашему.

Военныя силы въ Индіи значительны, для удобнаго и быстрого передвиженія войскъ къ границамъ пути сообщенія устроены и по твердой землѣ, и по водѣ; для продовольствія войскъ учреждены комиссаріатскія депо въ разныхъ пунктахъ сѣверо-западной части индійскихъ владѣній; политическіе агенты правительства разъѣзжаютъ повсюду и возбуждаютъ и увѣрняютъ за собою привязанность азіатскихъ начальниковъ самымъ вѣрнѣйшимъ средствомъ — *деньгами*; въ то же время купцы, пребывающіе въ разныхъ горо-

дахъ Центральной Азіи для торговыхъ оборотовъ своихъ, суть вѣрные частные агенты англійскаго правительства и доставляютъ опому всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя необходимы для успѣшнѣйшаго распространенія вліянія Англии на отдаленныя страны.

Съ нашей стороны, какъ уже выше сказано, всѣ сношенія съ Центральною Азією, а именно съ Афганистаномъ и Туркестаномъ, прекращены. Мы не имѣемъ тамъ ни дипломатическихъ, ни торговыхъ агентовъ. Съ 1837 г. мы не пользовались тѣмъ законнымъ правомъ вліянія на дѣла Центральной Азіи *), о которомъ министерство наше писало оффиціально англійскому правительству. Съ Каспійскаго моря до границъ Индіи войскамъ нашимъ предстоитъ переходъ въ 120 дней слишкомъ. Удобства пути и перевозки тяжестей не изслѣдованы офицерами нашими. Словомъ, до сихъ поръ не принято ни одной изъ тѣхъ предварительныхъ мѣръ, которыя необходимы для приведенія въ исполненіе предположенія столь значительнаго, каковъ походъ войскъ нашихъ въ Индію.

Но невыгодность настоящаго положенія нашего въ Центральной Азіи не прекратила намъ еще вполнѣ пути къ дѣйствіямъ противъ Индіи. Предпріятію сему содѣйствуютъ нравственное положеніе какъ дѣлъ индѣйскихъ, такъ и дѣлъ Центральной Азіи, но главнѣйше то знаменованіе, которое на всемъ Востокѣ имѣетъ имя русскихъ и могущество Русскаго царя.

Указанныя выше сего трудности возможно преодолѣть. Если только царь Русскій повелитъ исполнить дѣло, то русскій штыкъ и русскіе червонцы съ успѣхомъ опрокинутъ англійскія войска и дѣйствія англійскихъ гиней. Англичане сами указали намъ путь къ дѣйствіямъ противъ Индіи. Не съ моря, не бомбардированіемъ Бомбея, Мадраса, высадкою въ Бенгаліи страшенъ имъ непріятель; имъ страшенъ врагъ, который укрѣпится въ пограничныхъ съ Индією державахъ и который посредствомъ ихъ, воспользуясь внутреннимъ положеніемъ индѣйскихъ владѣній, встревожитъ умы поработанныхъ индѣйцевъ и вселитъ въ подвластныхъ, но тяготящихся англійскимъ игомъ, разнородныхъ племенахъ надежду на освобожденіе отъ сего ига, надежду на самостоятельность полити-

---

*) Le droit à une influence legitime sur l'Asie Centrale.

ческую и личную, надежду во всѣхъ классахъ жителей на личное ихъ значеніе въ государственномъ управленіи, значеніе, коего нынѣ лишены не только природные жители, но лица, принадлежащія къ „Half-cast“, къ племени, происходящему отъ смѣшенія индѣйцевъ съ англичанами *).

Дѣйствіями въ Центральной Азій, въ особенности въ Афганистанѣ, Англія доказала намъ, что именно съ этой стороны имъ угрожаетъ опасность. Представители ея въ Индіи и Персіи въ официальныхъ бумагахъ съ положительностью указывали на обстоятельство это, а въ 1842 г., когда заключено было выслатъ всѣ англійскія войска изъ Афганистана, лордъ Пальмерстонъ объявилъ въ парламентѣ: „Я долженъ объявить, какъ выраженіе глубочайшаго убѣжденія, которое я когда-либо имѣлъ, въ теченіе всей моей жизни, что важнѣйшіе интересы государства нашего будутъ пожертвованы, если мы оставимъ военную позицію нашу въ Афганистанѣ“ **).

Дѣйствовать на Индію Россія можетъ *только* тогда, когда она будетъ увѣрена въ содѣйствіи ей Персіи и Афганистана. Безъ сего содѣйствія и помышлять о потрясеніи владычества англичанъ въ Индіи не возможно: ибо тогда для прохода въ Индію придется воевать съ разнородными племенами въ Персіи и въ Афганистанѣ и оставлять вездѣ гарнизоны для прикрытія тыла арміи. Посему прежде всякихъ наступательныхъ дѣйствій, но въ одно время однакожь съ приготовленіями къ походу, необходимо упрочить дипломатическими переговорами положеніе свое въ Персіи и Афганистанѣ. Отъ удачи сихъ дѣйствій будетъ зависѣть принятіе дальнѣйшихъ наступательныхъ мѣръ.

*) Классъ сихъ жителей Half-cast, не пользовавшійся доселѣ политическими правами, гласно возстаетъ противъ правительственныхъ распоряженій въ Индіи; онъ требуетъ равныхъ съ англичанами гражданскихъ и политическихъ правъ, и жалобы его отозвались уже въ англійскомъ парламентѣ. Постоянное униженіе сего довольно значительнаго класса жителей, съ полнымъ европейскимъ образованіемъ, предъ пришельцами изъ Великобританскихъ острововъ сдѣлало ихъ тайными непримиримыми врагами англійскаго правительства.

**) О значеніи Афганистана въ матеріальномъ отношеніи см. сочиненія *Бернса, Циммермана, Ремона* (Xavier Raymond) и проч. Кабульское ханство имѣетъ 8 милліоновъ жителей и выставляло до войны съ Англіею слишкомъ 20,000 войска.

Возобновленіе дипломатическихъ сношеній съ Афганистаномъ и приобрѣтеніе содѣйствія какъ сей страны, такъ и Персіи, въ предпріятіи противъ Индіи возможно, хотя конечно съ несравненно значительнѣйшими пожертвованіями, чѣмъ въ прежнія времена, а въ особенности въ 1837 году. Пожертвованія эти будутъ тѣмъ значительнѣе, что и англичане, съ своей стороны, употребятъ всѣ средства, дабы привлечь къ себѣ и персіанъ, и афганцевъ.

Но если агенты наши сумѣютъ воспользоваться тайнымъ нерасположеніемъ всѣхъ народовъ Центральной Азіи къ англичанамъ и успѣютъ вселить въ нихъ увѣренность въ положительномъ поддержаніи ихъ и на дѣлѣ русскими войсками и наконецъ убѣдить ихъ въ томъ, что войска наши не имѣютъ намѣренія ихъ покорить, а только имѣютъ цѣлью освободить ихъ отъ ига и покровительства англичанъ**), если все сіе исполнится съ успѣхомъ, то русское вліяніе возьметъ верхъ надъ всѣми происками англичанъ, и одни дипломатическія дѣйствія наши произведутъ въ Индіи сильное впечатлѣніе, которое мгновенно отзовется отъ горъ Гималайскихъ до мыса Коморинъ.

Содѣйствіе афганцевъ особенно важно. Естественнаго влеченія афганцы никогда къ англичанамъ не имѣли, а со времени послѣдней экспедиціи противъ нихъ нерасположеніе афганцевъ къ англичанамъ превратилось въ чувство кровавой мести. Въ 1836 и 1837 годахъ, когда афганцы чувствовали приближеніе къ нимъ англичанъ и предвидѣли бѣдствія, ожидавшія ихъ отъ мнимаго покровительства англичанъ, они обратились къ Россіи съ мольбою объ оказаніи имъ хотя бы только нравственнаго покровительства. Въ ненависти ихъ къ англичанамъ они писали, что „покровительство Англіи тяготитъ надъ ними, какъ огненный мечъ надъ главою лица, присужденнаго къ смерти“. Мольбы ихъ были тщетны. Афганистанъ былъ отданъ на жертву англичанамъ. Но попытка поработить страну эту стоила дорого англичанамъ. Разоренія, опустошенія, ими тамъ произведенныя, если и

---

*) Первое дипломатическое дѣйствіе англичанъ, кромѣ подкупа лицъ деньгами и подарками, будетъ состоять въ томъ, что они вселятъ въ афганцахъ опасеніе быть поработченными русскими. Противодѣйствіе сему должно быть важнѣйшею заботою нашего агента.

навели временный страхъ на афганцевъ, то дѣйствія, эти конечно, не могли привязать ихъ къ правительству, которое, покровительствуя постоянно сосѣднимъ врагамъ ихъ, содѣйствовало симъ къ отнятію отъ нихъ цѣлыхъ провинцій и, въ довершеніе причиненнаго имъ чрезъ другихъ вреда, начало безъ законнаго повода войну и уже само дозволяло войскамъ своимъ, не щадя никакихъ священныхъ для природныхъ жителей воспоминаній, разорять безъ нужды и пользы памятники, каравансарай и базары, ежедневныя сходбища азіатцевъ. Развалины всѣхъ сихъ мѣстъ ежедневно же напоминаютъ и понынѣ афганцамъ о врагахъ ихъ и воспаляютъ въ нихъ чувства ненависти и кровнаго мщенія. Настоящая связь афганцевъ съ англичанами основана, слѣдовательно, на одномъ страхѣ, и трудно, даже не возможно, предположить, чтобы когда-либо между ними установилось дружеское отношеніе: во всякомъ случаѣ афганцы вѣрными союзниками англичанъ никогда не будутъ.

Походъ английскихъ войскъ въ Афганистанъ, кромѣ уничтоженія того вліянія, которое русское правительство временно пріобрѣло въ сей странѣ, имѣлъ однако важнымъ послѣдствіемъ разрушеніе единства власти въ управленіи афганскими ханствами; между владѣтельными ханами поселены раздоры и несогласія: Афганистанъ въ цѣломъ составѣ потерялъ свое значеніе, не имѣя политической главы. Страны эти положеніемъ симъ сдѣлались, конечно, менѣе опасными Индіи, и въ этомъ отношеніи достигнута главная цѣль англійской политики: ослабленіе власти сосѣдственныхъ съ Индією державъ. Настоящее положеніе Афганистана, при раздробленіи властей, при отсутствіи единства въ управленіи и, слѣдовательно, единства въ дѣйствіяхъ, затруднить предполагаемымъ нынѣ дипломатическимъ переговорамъ нашимъ, и посему одною изъ первѣйшихъ заботъ, и можетъ быть, труднѣйшей для агента нашего, должно быть соединеніе афганскихъ ханствъ въ одно политическое цѣлое для сильнѣйшаго противоборства Англіи и для вѣщаго содѣйствія нашему преднамѣренію.

Упрочивая переговорами вліяніе свое въ Афганистанѣ, правительство наше должно сдѣлать извѣстнымъ о движеніи войскъ нашихъ въ Индію изъ Закавказскаго края, изъ Астрахани, изъ

Оренбурга. Распоряженія о движеніи войскъ должны быть сдѣланы гласно и несравненно въ большемъ размѣрѣ на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности *).

*) Для движенія войскъ нашихъ лучшей и удобнѣйшей путь, безъ сомнѣнія, чрезъ Закавказскій край или Астрахань по Каспійскому морю въ Мазандеранъ, за симъ по рѣкамъ и притокамъ Гургана и Атрека чрезъ Буджнурдъ и Кутчанъ въ Мешхедъ, изъ Мешхеда въ Гератъ и за симъ чрезъ Кандагаръ въ Кабулъ. До Мазандерана передвиженіе войскъ и артиллеріи—водою; нынѣ уже флотилія наша въ Каспійскомъ морѣ имѣетъ весьма удобную и безопасную стоянку у острова Ашуродѣ, въ 30 верстахъ отъ Астрабада. Отъ Мазандерана до Кабула мѣстность позволяетъ вездѣ перевозку орудій и артиллерійскихъ снарядовъ. По всему сему пути (1830 верстъ) достаточно воды и для продовольствія войскъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ степныхъ и по разореннымъ странамъ переходовъ, вездѣ въ изобиліи и рисъ, и овцы; для лошадей ячмень и пастбищныя мѣста. Походы Могамеда, шаха Персидскаго, доказали, что и безъ всякихъ приготовленій нѣсколько десятковъ тысячъ людей находили въ туркменскихъ равнинахъ и между Мешхедомъ и Гератомъ всегда достаточное продовольствіе. До Мешхеда пункты, изобилующіе средствами продовольствія, суть сперва весь Астрабадскій округъ, за симъ города Буджнурдъ и Кутчанъ. Отъ Мешхеда до Герата легко можно найти всѣ средства къ перевозу по значительному стеченію каравановъ въ Мешхедѣ. Окрестности Герата прославились своею плодородностью. Движеніе же англійскихъ войскъ въ Афганистанѣ доказало, что и при появленіи ихъ врагами въ страну сію армія получала отъ жителей и продовольствіе, и фуражъ. Относительно вліянія климата на здоровье людей слѣдуетъ сообразоваться съ мѣстностью и по оной избирать для похода разныя времена года и для переходовъ и разныя часы дня. Такимъ образомъ, на примѣръ, въ зимніе мѣсяцы проходъ войскъ изъ Кандагара въ Кабулъ сопряженъ съ наибольшими затрудненіями; между тѣмъ какъ въ эти же мѣсяцы климатъ по степямъ самый здоровый. Вообще же войска, прибывшія въ жаркій край съ конца осени въ теченіе зимы легко свыкаются съ климатомъ и удобнѣе переносятъ лѣтніе жары; прибывающіе въ край съ лѣта подвергаются въ значительномъ числѣ осеннимъ болѣзнямъ. Равномѣрно слѣдуетъ обратить вниманіе на соотвѣтствующую климату одежду, и полушубки нужныѣ солдату въ Азіи лѣтомъ, чѣмъ зимою. Отъ разныхъ мѣстностей будетъ зависѣть, въ какихъ размѣрахъ слѣдуетъ передвигать войска, въ большихъ ли массахъ или малыми отрядами. Для первоначальнаго сбора войска и для принятія мѣръ къ дальнѣйшимъ передвиженіямъ ихъ, послѣ высадки на берегъ, необходимо имѣть близъ береговъ Каспійскаго моря укрѣпленный пунктъ, въ который бы всѣ войска, назначенныя въ экспедицію въ Индію, собирались и въ который исподволь возможно было бы перевозить орудія и всѣ тяжести. Самымъ удобнѣйшимъ пунктомъ для сего оказывается мѣстность между рѣками Карасу и Гурганомъ, въ 14 верстахъ отъ Астрабада и въ 20 отъ моря, тамъ, гдѣ нынѣ находятся развалины крѣпости Ахкале. Окрестности весьма плодородныя, климатъ здоровый, постоянный, вблизи, лѣсъ, годный на постройку домовъ и судовъ. Мѣстность номинально только принадлежитъ Персіи, но въ существѣ свободна и занимаема повременно самостоятельными племенами туркменцевъ. Укрѣпленіе это можетъ сдѣлаться складочнымъ сборнымъ пунктомъ и для будущихъ военныхъ операцій нашихъ, какъ-то: въ случаѣ желанія правительства нашего поддержать и въ будущія времена *матеріальною силою* тѣ страны Центральной Азіи, которыя нынѣ будутъ содѣйство-

Вѣсти о предполагаемомъ движеніи войскъ нашихъ распространятся тремя путями въ Центральную Азію и въ Индію чрезъ Персію, чрезъ Бухару и Хиву и чрезъ газеты европейскія и индустанскія.

Во время поѣздки въ Афганистанъ и пребыванія въ сей странѣ нашего агента, офицеры разныхъ оружій, которые должны находиться въ свитѣ его, съ одной стороны, ознакомятся въ подробности съ путями и съ средствами для движенія колоннъ арміи нашей, а съ другой стороны приступятъ къ обученію и формированію афганскихъ войскъ. Дѣйствія политическаго агента нашего и сочувствіе къ Россіи афганскихъ начальниковъ, безъ наступательныхъ ихъ дѣйствій противъ англійскихъ владѣній, не могутъ быть приняты англичанами за „casus belli“ со стороны афганцевъ. Впрочемъ, положеніе сихъ послѣднихъ къ англичанамъ будетъ зависѣть отъ того положенія и отъ тѣхъ мѣръ, которыя англичане примутъ противъ нихъ.

Правительство индѣйское, если убѣдится въ положительномъ намѣреніи Россіи нанести Индіи ударъ со стороны Афганистана, двинетъ немедленно войска свои къ сѣверо-западнымъ границамъ Индіи и, безъ сомнѣнія, въ огромныхъ массахъ. Одно это передвиженіе войскъ вовлечетъ Англію въ значительные расходы, и, кромѣ сего, движеніе это докажетъ индѣйцамъ, что непріятель дѣйствительно приближается, и что англійское правительство готовится огромными средствами противъ страшнаго врага.

Убѣжденіе въ дѣйствительномъ приближеніи войскъ, для коихъ цѣлью похода есть одно нанесеніе вреда Англіи тѣмъ, что намѣ-

---

вать намъ къ потрясенію владычества англичанъ въ Индіи; въ случаѣ войны съ Персією для удержанія въ нравственной покорности туркменцевъ, хивинцевъ и бухарцевъ и проч., а нынѣ послужитъ и въ пользу персіянъ, ибо удержитъ туркменцевъ отъ нападеній на Астрабадскій округъ. Сообщеніе съ Закавказскимъ краемъ будетъ всегда открыто посредствомъ Каспійскаго моря. Постройка укрѣпленія можетъ быть немедленно начата даже съ помощью персіянъ, если имъ предоставитъ имѣть и съ своей стороны въ укрѣпленіи гарнизонъ для охраненія границъ отъ набѣговъ туркменцевъ. Въ одно и то же время укрѣпленіе можетъ сдѣлаться мѣстомъ для торговыхъ сношеній съ туркменцами и выгоднымъ пунктомъ для продажи русскихъ произведеній. Впослѣдствіи отсюда откроется торговый путь во всѣ страны Центральной Азіи, и такимъ образомъ постройка укрѣпленія близъ Каспійскаго моря можетъ имѣть важное значеніе какъ въ политическомъ, такъ и въ торговомъ отношеніи.

рена освободить индѣйскія царства и племена отъ власти нынѣшнихъ европейскихъ ихъ повелителей, убѣжденіе это возбудитъ мгновенно въ азіатцахъ, при легко воспламеняющемся характерѣ ихъ, мысль и желаніе отторгнуться и собственными своими дѣйствіями отъ владычества англичанъ. При полученіи извѣстія о проявившемся гдѣ-либо подобномъ стремленіи къ достиженію самостоятельности, русскій агентъ долженъ будетъ поддержать оное и матеріальными средствами. Волненія по сему случаю въ народѣ и, можетъ быть, и открытыя возстанія заставятъ англичанъ для усмиренія народа посылать повсюду и даже въ тѣ мѣста, гдѣ могутъ и впредь опасаться возстанія, войска свои. Войска эти будутъ или европейцы, или полки изъ природныхъ жителей. Собственно европейскаго войска въ Индіи не болѣе 25,000 человекъ; индѣйскіе солдаты хотя и сражаются хорошо подъ начальствомъ искусныхъ англійскихъ офицеровъ, врядъ ли будутъ спокойны, когда узнаютъ о возстаніи въ ихъ собственной родинѣ, и когда и въ нихъ воскреснетъ надежда, что съ достиженіемъ самостоятельности ихъ родины и имъ доступны будутъ высшія назначенія, которыя доселѣ доставались въ удѣлъ однимъ англичанамъ. При такихъ обстоятельствахъ трудно полагать, чтобы англичане, не видя еще наступательныхъ дѣйствій со стороны афганцевъ, рѣшились бы напасть на землю ихъ и сдѣлать ихъ покорными къ себѣ силою оружія. Ни англичане, ни афганцы не забыли походовъ 1839 и 1842 годовъ.

Если же Англія рѣшится вновь вторгнуться въ предѣлы Афганистана, то Индѣйское царство ея ближе къ паденію, чѣмъ она сама полагаетъ. Покореніе Афганистана, не получившаго еще подкрѣпленія со стороны Россіи, не будетъ затруднительно для англичанъ, но покореніе это расположитъ вполне афганцевъ къ Россіи, и войска наши съ приближеніемъ къ границамъ Афганистана найдутъ въ жителяхъ его вѣрныхъ себѣ союзниковъ. Надѣясь на защиту русскихъ войскъ, афганцы возстанутъ на всемъ пространствѣ ихъ отечества. Огромными массами войскъ затруднительно дѣйствовать въ Афганистанѣ, а малые отряды, при возстаніи народномъ и при натискѣ русскихъ войскъ, не будутъ въ состояніи удержать за собою всей страны. Ущелья горъ будутъ

вновь свидѣтелями истребленія англійскихъ отрядовъ, и пораженіе ихъ въ Афганистанѣ несомнѣнно. При отступленіи ихъ они шагъ за шагомъ будутъ преслѣдуемы и для сего преслѣдованія лягутся десятки тысячъ кочующихъ дивихъ племенъ, которыя какъ на вѣрную добычу будутъ бросаться на англичанъ съ каждаго ущелья горъ. Англійская армія въ разбойничьихъ шайкахъ сихъ найдетъ страшнѣйшаго врага, чѣмъ въ арміи русской. Возвращаясь пораженною въ Индію, все очарованіе о силѣ и могуществѣ Англіи въ глазахъ индѣйцевъ исчезнетъ; дѣйствовать имъ тогда нравственною силою, конечно, уже не будетъ болѣе возможно, послѣдствія всего этого ясны: власть англичанъ въ Индіи должна рушиться *).

Если же индѣйское правительство для огражденія своихъ предѣловъ приметъ только оборонительную позицію и выставитъ, какъ предполагаетъ графъ Біернштёрна, три арміи: одну въ Пенджабѣ вмѣстѣ съ сикхскими войсками числомъ до 100,000 войска, вторую за Седледжомъ въ 70 или 80,000, а третью, резервную, во внутреннихъ провинціяхъ Индіи, то одно движеніе и содержаніе сихъ войскъ вовлечетъ Англію въ столь огромные расходы, что индѣйская казна не въ состояніи будетъ перенести ихъ. Извѣстно что афганистанскія экспедиціи стоили англичанамъ до 600 милліоновъ франковъ, а между тѣмъ экспедиціи эти были кратковременны, и Англія въ 1839 г. дѣйствовала только 17,000, а въ 1842 г. 54,000 войска. Принудить Англію настоящею предполагаемою враждебною демонстраціею въ Афганистанѣ въ расходамъ, хотя бы только въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ въ афганистанскихъ экспедиціяхъ, было бы предпріятіе (если бы даже оно и не имѣло другихъ послѣдствій) столь важное и столь пагубное для Англіи, что Россія и съ своей стороны можетъ принести жертвы, но жертвы въ несравненно меньшемъ, конечно, размѣрѣ.

По упроченіи вліянія нашего въ Афганистанѣ русской агентъ, снабженный уполномочіемъ и значительными денежными средствами, долженъ немедленно направить дѣйствія свои на подвластныхъ

---

*) Уже въ 1841 г., послѣ пораженія англичанъ въ Афганистанѣ, замѣтны были волненія въ разныхъ мѣстахъ Индіи; нѣкоторыя племена хотѣли уже тогда воспользоваться ослабленіемъ англичанъ, дабы отторгнуться отъ власти ихъ.

Англіи народовъ въ Индіи. Для успѣха въ семъ дѣйстви много элементовъ имѣется на лицо.

Униженіе природныхъ жителей, устраненіе ихъ отъ вышаго вліянія на дѣла внутренняго управленія, надменность властителей, постоянное содержаніе въ заключеніи лицъ царствовавшихъ династій произвели неудовольствія, которыя скрываются въ сердцѣ каждаго индѣйца. Единственно страхъ предъ нравственною силою англичанъ удерживаетъ въ повиновеніи до 200 милліоновъ жителей. Нерасположеніе ихъ къ англичанамъ указаны въ сочиненіяхъ даже самихъ жаркихъ приверженцевъ англійской политики въ Индіи. Сикскія владѣнія и Синдъ, принятыя подъ покровительство англичанъ, вѣроятно, первыя возстанутъ противъ тягостнаго для нихъ покровительства. Одинъ примѣръ отторженія достаточенъ, чтобы возбудить то же желаніе во многихъ другихъ племенахъ и государствахъ. Возстаніе въ Азіи при матеріальныхъ средствахъ не трудно возбуждать. Англія собственно въ Индіи указала намъ къ тому и путь, и средства.

Содѣйствіе Афганистана должно состоять въ положительныхъ и враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ англичанъ; содѣйствіе же Персіи можетъ состоять только въ нейтралитетѣ. Персія слишкомъ слаба, чтобы помочь намъ матеріальнымъ содѣйствіемъ своимъ, но при всей слабости ея она можетъ нанести намъ не малый вредъ, если Англія успѣетъ ее поднять противъ насъ. Для сего дружба Персіи въ настоящее время нужна Россіи. Дружбу эту мы приобрѣтемъ тремя путями: во первыхъ, устрашеніемъ и энергическимъ требованіемъ сохраненія дружескихъ къ намъ отношеній, а во вторыхъ, подарками и пенсіями, а третьихъ, положительнымъ обѣщаніемъ, особымъ трактатомъ, предоставитъ Персіи въ вѣчное владѣніе мѣста: Кербелай и Неджевъ съ окрестностями. Персіане священниче сихъ мѣстъ не знаютъ на всемъ земномъ шарѣ; въ мѣстахъ сихъ Али и сыновья его Гасанъ и Гусейнъ умерли мученическою смертью, и воспоминаіе о нихъ и отчасти поклоненіе имъ одинъ изъ важнѣйшихъ догматовъ шіитскаго раскола. Если Россія дастъ оффиціально Персіи обѣщаніе не заключать иначе съ Турціею мира, какъ съ условіемъ, между прочимъ, предоставить персіянамъ Кербелай и Неджевъ, то Россія приобрѣтетъ

важнѣйшаго себѣ союзника въ персидскомъ духовенствѣ, а вліяніе духовенства сильно въ Персіи. Англія имъ этого обѣщать не можетъ, ибо должна будетъ для приведенія сего въ исполненіе отнять владѣнія отъ своего союзника—Турціи.

И такъ: *возможность* къ потрясенію владычества англичанъ въ Индіи существуетъ; потрясти владычество это мы имѣемъ не только *право*, но и *священную обязанность*. Если дѣйствіемъ дипломатическаго агента и походомъ войскъ въ Центральную Азію и не достигнется изгнанія англичанъ изъ Индіи и разрушенія ихъ царства тамъ, то предпріятіе наше нанесетъ Англіи вредъ положительный *въ настоящее время*, а *послѣдствія* сего вреда на *будущія времена* могутъ быть столь значительны, что нѣтъ жертвъ, которыхъ не слѣдовало бы принести для достиженія предположенной цѣли: *уничтоженіе преобладанія Англій*.

Сколь бы трудно ни было предположеніе, для русскихъ исполнить все возможно, коль скоро Царь ихъ повелитъ имъ исполнить волю Его самодержавнымъ словомъ Своимъ: „*Быть по сему*“.

ЗАПИСКА О НѢКОТОРЫХЪ ВОПРОСАХЪ ПО УСТРОЙСТВУ СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ *).

---

1. Хотя внѣшній мятежъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ окончательно и подавленъ, но огонь тлѣетъ еще подъ пепломъ, и несомнѣнно, что съ ослабленіемъ правительственныхъ мѣръ наблюденія онъ опять возгорится еще съ вѣщшею силою, а потому, зная польскую самонадѣянность и безуміе, можно ли допустить какъ нѣкоторые полагаютъ, примиреніе съ польскимъ элементомъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и, принявъ обманчивую личину польской покорности за чистосердечное чувство раскаянія и моленіе о помилованіи, обратиться къ прежней системѣ уступчиваго управленія?

2. Можетъ ли высшее правительство допустить, чтобъ край, въ которомъ $\frac{5}{6}$ населенія вполнѣ русскаго, исповѣдующаго православную вѣру, могъ когда-либо быть признавъ польскимъ, и дозволить, какъ это было въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ, развиваться въ немъ польскому элементу, совершенно чуждому и допущенному тамъ лишь по нашему малому предвидѣнію и недостатку уваженія къ собственной народности?

---

*) На полѣ рукою Муравьева написано: „Копія съ подлинной мною всеподданнѣйшей Государю Императору записки, въ Санктъ-Петербургѣ, 14-го мая 1864 года“.

3. Не слѣдуетъ ли правительству разъ навсегда сознать прежнія ошибки въ управленіи Сѣверо-Западнымъ краемъ, признать его окончательно русскимъ, составляющимъ древнее достояніе Россіи, постановивъ непремѣннымъ правиломъ, чтобы въ краѣ отнюдь не было допускаемо ни малѣйшихъ признаковъ польской пропаганды, и принявъ дѣятельныя мѣры къ подавленію пришлого польскаго элемента и къ окончательному возстановленію русской народности, отнюдь не позволять уклоняться отъ принятой въ семъ отношеніи системы?

4. Не должно ли наконецъ правительство убѣдиться, что однѣми мѣрами строгой справедливости, а отнюдь не снисхожденіемъ и уступками, можно удержать этотъ край и остановить безумные порывы польской пропаганды и всегда враждебныхъ намъ римско-католическаго духовенства и шляхетства?

Для утвержденія русскаго владычества въ Сѣверо-Западномъ краѣ необходимо принять слѣдующія главныя мѣры:

I. Упрочить и возвысить русскую народность и православіе такъ, чтобы не было и малѣйшаго повода опасаться, что край можетъ когда-либо сдѣлаться польскимъ.

Въ сихъ видахъ въ особенности заняться прочнымъ устройствомъ быта крестьянъ и распространеніемъ общественнаго образованія въ духѣ православія и русской народности.

II. Поддержать православное духовенство, поставивъ его въ положеніе независимое отъ землевладѣльцевъ, дабы совокупно съ народомъ оно могло твердо противостоять польской пропагандѣ, которая, безъ сомнѣнія, еще нѣкоторое время будетъ пытаться пускать свои корни. — Римско-католическое же духовенство поставить въ такое положеніе, чтобы оно не могло болѣе вредить своимъ фанатическимъ возбужденіемъ обывателей въ противодѣйствію постановленіямъ правительства, и для сего учредить за нимъ повсюду строжайшее наблюденіе и всюду взыскивать неукоснительно за всякое отступленіе отъ законнаго порядка, въ особенности за манифестаціи въ смыслѣ польской пропаганды.

III. Въ отношеніи общей администраціи принять слѣдующія мѣры: устроить такимъ образомъ правительственныя органы въ краѣ, чтобы высшія служебныя мѣста и мѣста отдѣльныхъ началь-

никовъ, а равно всѣ тѣ, которыя приводятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, были замѣщены чиновниками русскаго происхожденія. Водворить русскій элементъ въ краѣ всѣми возможными средствами, какъ-то: поселеніемъ тамъ русскихъ крестьянъ, продажей русскимъ лицамъ всѣхъ сословій конфискованныхъ, секвестрованныхъ и просроченныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ имѣній, изгнаніемъ изъ края всѣхъ тѣхъ, которые участвовали въ мятежѣ и въ крамолахъ, и недопущеніемъ ихъ возвращаться на родину, ибо своимъ присутствіемъ они, безъ всякаго сомнѣнія, значительно усугубили бы зло, чему бывали неоднократные примѣры.

Наконецъ само высшее правительство должно идти твердо и непоколебимо избраннымъ имъ путемъ, отнюдь не допуская въ краѣ польскаго элемента, прекращая неукоснительно строгими мѣрами всякія даже малѣйшія попытки къ распространенію польской пропаганды и имѣя въ виду, что хотя въ настоящее время революціонная организація и жондъ уже обезсилены и уничтожены въ Сѣверо-Западномъ краѣ, но многіе изъ его агентовъ продолжаютъ дѣйствовать внѣ предѣловъ Западнаго края, въ столицахъ и внутри Имперіи.

I.

а) Мѣры въ отношеніи устройства быта крестьянъ.

1) Всѣ правительственные органы, какъ высшіе, такъ и мѣстные, должны быть неуклонно направлены къ тому, чтобы крестьяне были поставлены въ совершенно независимое положеніе отъ владѣльцевъ и не могли быть стѣсняемы ими въ средствахъ своего хозяйства, а для сего, чтобы имъ были возвращены всѣ тѣ угодья, которыя у нихъ отняты съ 1857 года, то-есть, со времени заявленія самими владѣльцами о ихъ желаніи упредить бытъ крестьянъ.

2. Какъ инвентари съ 1846 года служили основаніемъ отношеній между помѣщиками и крестьянами и въ народѣ считаются единственнымъ указаніемъ для разбора взаимныхъ притязаній, по угодьямъ и по повинностямъ, и какъ при томъ сами помѣщики внесли въ уставныя грамоты крестьянскія повинности по

инвентарямъ, измѣнивъ земельные надѣлы, по сему справедливость требуетъ всѣмъ тѣмъ крестьянамъ, которые съ 1846 г. были обезземелены, возвратитъ хотя части земли, которою они владѣли, дабы они могли построить на ней хату и имѣть по крайней мѣрѣ огородъ и небольшую запашку. Сею единственно мѣрою возможно было удержать помѣщиковъ отъ насильственной высылки крестьянъ въ мятежъ. При семъ нужнымъ считаю замѣтить, что отнятіе земельныхъ участковъ не только у временно обязанныхъ крестьянъ, но и у старообрядцевъ, шляхты, вольныхъ людей и иныхъ, служило средствомъ побужденія ихъ къ участию въ мятежѣ, а потому правительство, не взирая па все противодѣйствіе землевладѣльцевъ, котораго теперь, впрочемъ, не существуетъ, должно удержать эту мѣру для будущаго спокойствія края.

3. Мировыя учрежденія не должны ни подъ какимъ видомъ отступать отъ начала правильной оцѣнки земельныхъ угодій изъ угожденія помѣщикамъ и въ особенности нѣкоторымъ личностямъ; а напротивъ того, дѣйствовать на точномъ основаніи закона и данныхъ имъ инструкцій, имѣя въ виду, что отдѣльные клочки земли, большею частію самаго дурного качества, отданные крестьянамъ въ надѣлъ, не могутъ быть оцѣнены, какъ бы того желали сами помѣщики, привыкшіе брать съ крестьянъ непомѣрные оброки и потому жалующіеся на низкую оцѣнку.

4. Отнюдь не нарушать установленнаго правила, чтобы разверстаніе угодій дѣлалось не иначе, какъ по полюбовному соглашенію, и оставлять пастбища въ общемъ владѣніи, если крестьяне сами не пожелаютъ отдѣльнаго выдѣла, предоставляя, впрочемъ, помѣщикамъ входить по сему предмету въ ближайшія соглашенія и даже денежныя сдѣлки съ крестьянами. Равнымъ образомъ сохранить правило о топливѣ и въ отношеніи крестьянъ-собственниковъ на тотъ срокъ, который установленъ вообще для временнообязанныхъ крестьянъ. Эта мѣра совершенно необходима по исключительности политическаго положенія края, ибо крестьяне должны быть поставлены въ полную независимость отъ помѣщиковъ.

5. Въ Инфляндскихъ уѣздахъ ограничить размѣръ крестьянскихъ платежей, постановивъ, чтобы оные отнюдь не превосходили того, что крестьяне платили до составленія уставныхъ грамотъ,

при чемъ допустить и самую оцѣнку земель, какъ это сдѣлано въ прочихъ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ, не придерживаясь постановленія о густотѣ народонаселенія.

6. Скорѣе разрѣшить вопросъ объ обезпеченіи вольныхъ людей, населяющихъ Западный край въ числѣ болѣе 70 т. душъ, которые находятся въ самомъ бѣдственномъ и стѣсненномъ положеніи, ибо они лишены правъ на землю и совершенно зависятъ отъ произвола владѣльцевъ, тогда какъ въ отношеніи повинностей они были въ одинаковомъ положеніи съ временнообязанными крестьянами, которые получаютъ нынѣ отъ правительства полное огражденіе своихъ правъ.

7. Предоставить главному начальнику края, въ случаѣ невозможности для крестьянъ выплачивать, до окончанія дѣйствій повѣрочныхъ комиссій, огромные оброки, требуемые съ нихъ въ пользу помѣщиковъ по уставнымъ грамотамъ, отсрочивать таковыя платежи, по усмотрѣнію дѣйствительной необходимости и безъ взысканія пеней.

б) Мѣры въ отношеніи народнаго образованія.

1. Обратитъ особенное вниманіе на устройство возможно большаго числа народныхъ школъ какъ въ селеніяхъ, такъ и въ городахъ. Въ этихъ школахъ преподавать самыя элементарныя знанія и преимущественно русскую и славянскую грамоту, первыя начала счисленія, молитвы, первоначальныя понятія о догматахъ православной вѣры и обучать пѣнію на кѣлиросѣ.

Школы эти преимущественно должны оставаться въ рукахъ духовенства, но гдѣ окажется нужнымъ въ помощь духовнымъ лицамъ могутъ быть назначаемы и свѣтскія. Посему учреждать свѣтскія народныя школы слѣдуетъ только тамъ, гдѣ не будетъ возможности поручать оныя православному духовенству. Содержаніе школъ въ селеніяхъ постепенно относить на счетъ сельскихъ обществъ, по мѣрѣ изъясненія ими на то желанія; учителями же и ихъ помощниками назначать, гдѣ окажется удобнымъ, сельскихъ писарей изъ семинаристовъ, вызванныхъ изъ великороссійскихъ губерній, дабы тѣмъ самымъ сократить излишніе расходы, и дать наставникамъ болѣе приличное содержаніе.

Въ настоящее время, по сдѣланному вызову, уже прибыло въ Сѣверо-Западный край изъ разныхъ великорусскихъ губерній, до 100 воспитанниковъ семинарій; всѣ они размѣщены на должности частью сельскихъ писарей, частью учителей и исполняютъ свои обязанности отлично. Для удержанія этихъ семиваристовъ на означенныхъ мѣстахъ и для привлеченія въ большемъ числѣ желающихъ необходимо предоставить имъ нѣкоторыя служебныя преимущества, о чемъ представляется особое соображеніе.

2. Въ городахъ можно учреждать двухклассныя училища съ бѣльшимъ развитіемъ знаній, но отнюдь не допуская обученія польскому языку.

3. Разсмотрѣть вновь, гдѣ можно ожидать пользы отъ оставленія гимназій и прогимназій и трехклассныхъ училищъ, и гдѣ таковыя надобно упразднить, ибо въ краѣ ихъ слишкомъ много, а учащихся въ нихъ теперь очень мало, какъ это видно изъ прилагаемой вѣдомости. Они стѣять правительству дорого и образуютъ только враговъ Россіи: въ нихъ сосредоточивалась постоянно польская пропаганда, и даже православные, которые получили образованіе въ сихъ гимназіяхъ и училищахъ, съ особеннымъ чувствомъ озлобленія противъ Россіи содѣйствовали мятежникамъ. Достаточно было бы оставить гимназии въ губернскихъ городахъ, и по особымъ уваженіямъ, въ видѣ исключенія, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, преобразовать оныя совершенно и замѣстивъ всѣ преподавательскія мѣста учителями изъ Россіи. Деньги, которыя останутся отъ упраздненія излишнихъ гимназій и трехклассныхъ училищъ слѣдуетъ употребить на усиленіе вообще народнаго образованія въ селахъ и городахъ и на открытіе русскихъ училищъ для приготовленія русскихъ учителей, а также нѣсколькихъ женскихъ гимназій, совершенно необходимыхъ для распространенія русской народности и уничтоженія частныхъ женскихъ пансіоновъ, въ коихъ сосредоточивается вредная язва польской фанатической пропаганды между женщинами.

4. Ввести преподаваніе жмудской грамоты русскими буквами во всѣхъ школахъ Самогитіи. Подобныя буквари теперь уже печатаются, и о распространеніи ихъ даны будутъ надлежащія наставленія.

5. Въ гимназіяхъ и прочихъ высшихъ училищахъ прекратить преподаваніе польскаго языка, какъ это уже сдѣлано во всѣхъ уѣздныхъ и народныхъ училищахъ и какъ это было до 1858 г.

6. Прекратить продажу польскихъ букварей и вообще руководствъ для преподаванія на польскомъ языкѣ, издаваемыхъ въ Варшавѣ и иныхъ городахъ съ революціонною цѣлю, ибо въ оныхъ намѣренно вездѣ распространяются мысли объ отдѣленіи Сѣверо-Западнаго края отъ Россіи, и самыя дѣтскія игры, продаваемые повсемѣстно, направлены къ тому, чтобы изучать географію и исторію Польши въ предѣлахъ 1772 года. Такіе буквари и игры перепечатываются, кромѣ Варшавы, во всѣхъ западныхъ губерніяхъ, что слѣдуетъ строго запретить.

7. Обратитъ особенное вниманіе на правильное преподаваніе русской исторіи и въ особенности исторіи Западной Россіи.

8. Въ Бѣлорусскомъ учебномъ округѣ назначить помощника къ попечителю, возложивъ на него постоянное наблюденіе на мѣстахъ за ходомъ народнаго образованія и поставивъ его въ ближайшія сношенія съ главнымъ начальникомъ края.

9. Такъ какъ въ Самогитіи, то-есть, Ковенской губерніи, требуется особенное наблюденіе и постоянный на мѣстахъ надзоръ за учебною частью, то посему слѣдуетъ назначить тамъ въ помощь попечителю Виленскаго учебнаго округа особаго инспектора, который бы слѣдилъ за успѣшнымъ развитіемъ русскихъ школъ и заботился объ уничтоженіи вліянія на нихъ фанатическаго католическаго духовенства.

10. Поручить министру народнаго просвѣщенія немедленно командировать въ Сѣверо-Западный край возможно большее число русскихъ преподавателей въ гимназіи, съ оказаніемъ имъ надлежащаго пособія, и хотя временно, если они не пожелаютъ остаться въ Западномъ краѣ на постоянной службѣ, ибо необходимо безотлагательно извлечь народное образованіе изъ рукъ польскихъ.

II.

а) МѢРЫ ВЪ ОТНОШЕНІИ ОБЕЗПЕЧЕНІЯ ПРАВОСЛАВНАГО
ДУХОВЕНСТВА.

1. Необходимость увеличенія содержанія православному духовенству въ Сѣверо-Западномъ краѣ есть одинъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ, подлежащихъ въ настоящее время разрѣшенію. Безъ содѣйствія православнаго духовенства мы не можемъ надѣяться на прочное водвореніе русской народности въ томъ краѣ. Духовенство наше лишено тамъ всѣхъ средствъ существованія, прихожане слишкомъ бѣдны, чтобы помогать ему; польскіе паны пренебрегаютъ и гнушаются имъ. Оно обречено на нищенство и теперь не получаетъ ни дровъ для отопленія, ни средствъ для обработыванія земельно-церковныхъ участковъ. Правительству непристойно оставлять духовенство свое въ столь униженномъ положеніи, равно какъ и церкви, которыхъ бѣльшая часть представляютъ самое печальное зрѣлище.

Предметъ этотъ такъ важенъ, что нѣтъ тѣхъ пожертвованій, которыхъ правительство не должно бы было для него сдѣлать. Еще разъ повторяю, что достоинство самого правительства требуетъ возвысить духовенство приличнымъ содержаніемъ, а также возобновить старыя и построить новыя церкви. О первомъ предметѣ я уже входилъ въ сношеніе съ оберъ-прокуроромъ св. синода и указалъ ему для сего источникъ. На возобновленіе и постройку православныхъ церквей также обращено мною вниманіе: нужны только нѣкоторыя средства. Правительство не можетъ и не должно жалѣть этихъ средствъ, ибо это необходимо какъ въ матеріальномъ, такъ и еще болѣе въ моральномъ и политическомъ отношеніяхъ. Эти пожертвованія со стороны правительства будутъ непродолжительны, ибо скоро народъ православный, вышедшій изъ подъ гнета польскихъ пановъ, оперится и придетъ самъ на помощь православію. Мы уже и теперь видимъ во многихъ мѣстахъ радушное съ ихъ стороны содѣйствіе. Для постройки церквей въ Литовскихъ губерніяхъ нужно отпустить, по примѣру Бѣлорус-

скихъ, до 500 т. руб. заимообразно, и тогда съ имѣющимися мѣстными средствами можно будетъ управиться этимъ дѣломъ.

2. Въ Вильнѣ учредить высшее духовное училище, въ видѣ добавочныхъ классовъ къ семинаріи, съ допущеніемъ въ оныя свѣтскихъ учениковъ. Увеличить число училищъ для воспитанія дочерей священниковъ, учредивъ на первый разъ таковое въ г. Слонимѣ.

3. Вызвать изъ Россіи нѣсколько благонадежныхъ священниковъ, преимущественно для городовъ и нѣкоторыхъ болѣе значительныхъ селъ, и замѣнить ими бывшихъ уніатскихъ священниковъ, изъ коихъ нѣкоторые не должны оставаться на своихъ мѣстахъ.

б) Мѣры въ отношеніи устройства римско-католическаго духовенства.

1) Немедленно упразднить, не дѣлая дополнительнаго изслѣдованія, римско-католическіе монастыри, которые принимали большее или меньшее участіе въ возстаніи, допущеніемъ ли ухода монаховъ въ мятежъ, или распространеніемъ революціонныхъ прокламацій къ народу, или снабженіемъ шаякъ продовольствіемъ и оружіемъ. Предоставить главному начальнику края вмѣсто этихъ монастырей учредить приходы тамъ, гдѣ это окажется нужнымъ по числу населенія, зданія же монастырей принять въ распоряженіе правительства.

Мнѣ кажется, что эта мѣра послужила бы самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на послѣднюю аллокацію папы, особенно если вмѣстѣ съ этимъ будетъ упразднена Саратовская епархія и измѣненъ столь много сдѣлавшій намъ вреда конкордатъ. Можно было бы и всѣ католическіе монастыри упразднить, какъ это сдѣлано въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ, ибо они вообще представляли постоянный притонъ мятежникамъ. Нынѣ же сдѣлать соображеніе и распорядиться о переводѣ Тельшевскаго епископа со всѣмъ духовнымъ римско-католическимъ управленіемъ изъ м. Ворни въ г. Ковно. До сихъ поръ епископъ Тельшевскій находился внѣ всякаго наблюденія начальства, и потому римско-ка-

толическое духовенство въ Ковенской губерніи оказало большое фанатическое противодѣйствіе правительству. Перемѣщеніе это не представляет затрудненія, ибо въ Ковнѣ есть монастыри, которые будутъ подлежать упраздненію и найдутся мѣстные средства для покрытія нужныхъ по сему предмету расходовъ. — На будущее время не допускать поступленія въ монашество, безъ согласія главнаго начальника края. — Всѣхъ клериковъ перевести въ семинаріи для окончательнаго обученія, не допуская вновь набирать таковыхъ въ монастыри, а въ семинаріяхъ опредѣлить комплектъ, свыше котораго не допускать пріема учениковъ.

2. Не позволять учрежденія новыхъ филиальныхъ костеловъ и возобновленія существующихъ безъ разрѣшенія главнаго начальника края. Равнымъ образомъ не учреждать новыхъ алтарей и каплицъ въ частныхъ домахъ и уменьшить нынѣ же число существующихъ, не позволяя капелланамъ бродяжничать по краю. — Опредѣлить штатное число ксендзовъ въ приходахъ и болѣе того числа отнюдь не допускать. Вообще опредѣлять ксендзовъ въ приходы не иначе, какъ съ согласія губернатора и съ ручательствомъ въ благонадежности со стороны самихъ прихожанъ и въ особенности болѣе значительныхъ землевладѣльцевъ прихода.

III.

Общія административныя мѣры.

1. Подтвердить окончательно о повсемѣстномъ введеніи русскаго языка, какъ это нынѣ сдѣлано, съ прекращеніемъ употребленія польскаго языка во всѣхъ официальныхъ и служебныхъ сношеніяхъ, а также и въ наружныхъ изображеніяхъ всякаго рода, особенно въ мѣстахъ, посѣщаемыхъ народомъ.

2. Немедленно всѣ высшія служебныя должности по всѣмъ вѣдомствамъ, а также всѣ мѣста, имѣющія прикосновеніе съ народомъ, замѣстить русскими чиновниками, прочія же должности замѣщать русскими постепенно.

3. Възвѣстить въ строгую обязанность всѣмъ министерствамъ привести эти мѣры въ исполненіе командированіемъ изъ Россіи

чиновниковъ вполнѣ благонадежныхъ и прекратить всякія въ этомъ отношеніи пререканія, какъ это нынѣ случается со стороны нѣкоторыхъ вѣдомствъ.

4. Заселять край русскими сколько возможно сосредоточеннѣе. Заселеніе это производить, не отстраняя и старообрядцевъ, ибо они болѣе другихъ сохраняютъ русскую народность. Для заселенія назначать преимущественно конфискованныя и секвестрованные имѣнія, а также земли, оставшіяся послѣ шляхты, переселенной изъ болѣе опасныхъ для общественнаго спокойствія мѣстъ.

5. Скорѣе разрѣшить вопросъ о недозволеніи лицамъ польской шляхты отыскивать дворянство.

6. Необходимо также образовать колоніи изъ отставныхъ солдатъ, которыхъ помѣщики оставляютъ безъ приюта, изгоняя изъ своихъ селеній. Я уже сдѣлалъ распоряженіе о подобной колонизаціи въ Могилевской и Гродненской губерніяхъ, въ видѣ опыта.

7. Разрѣшить вопросъ о порядкѣ продажи секвестрованныхъ имѣній лицъ, сосланныхъ на постоянное жительство во внутреннія губерніи.

8. Имѣя въ виду, что лица, высланные изъ края, въ видахъ административнаго взысканія по IV категоріи, составляютъ элементъ самый вредный для края, и что возвращеніе ихъ могло бы имѣть самыя дурныя послѣдствія, я полагаю бы отправить ихъ нынѣ же въ мѣстности, для сего особо назначенныя правительствомъ, и не позволяя имъ возвращаться на родину въ теченіе самаго продолжительнаго срока, по моему мнѣнію, не менѣе 15-ти лѣтъ.

9. Всѣхъ лицъ польскаго происхожденія, которыя отправлены на житье во внутреннія губерніи по политической ихъ неблагонадежности, по представленіямъ мѣстныхъ начальствъ ни въ какомъ случаѣ не возвращать ранѣе 5 лѣтъ, и при томъ если въ теченіе этого времени они не навлекутъ на себя новыхъ обвиненій.

10. Содержаніе тѣхъ и другихъ лицъ можетъ быть обращено на имѣнія ихъ, секвестрованные и остающіяся безъ секвестра.

11. Мѣстность для водворенія всѣхъ лицъ, высылаемыхъ изъ Западнаго края, должна быть избрана совершенно отдаленная отъ остальнаго населенія имперіи, какъ, на примѣръ, Печорскій край,

Зауральскіе уѣзды Пермской губерніи, нѣкоторыя части Тобольской, гдѣ большое изобиліе лѣса для постройки жилищъ; а можетъ быть, было бы полезно сосредоточить это населеніе и въ Омской области, гдѣ находятся наши войска, такъ что при малѣйшемъ покушеніи къ безпорядкамъ они могутъ быть немедленно прекращены. Переселенцы скоро свыкнутся съ краемъ, какъ свыкаются во всѣхъ другихъ странахъ лица, выселяемые изъ оныхъ въ отдаленныя пустыни за политическія преступленія. Здѣсь надо имѣть прежде всего въ виду Россію и огражденіе ея отъ опасности заразы польскою пропагандою, гуманность же можетъ быть вполне соблюдена и въ Печорскомъ, и въ другомъ краѣ, когда переселенцамъ будутъ доставлены всѣ средства къ жизни, кромѣ способовъ вредить Россіи. Впрочемъ, если найдутся другія уединенныя мѣстности болѣе удобныя и съ лучшимъ климатомъ, то и онѣ могутъ быть предоставлены для заселенія сказанными лицами.

12. Сдѣлать постепенное примежеваніе нѣкоторыхъ уѣздовъ Сѣверо-Западнаго края къ Востоку, дабы такимъ образомъ слить сіи уѣзды съ русскимъ народонаселеніемъ.

13. Дозволять ѣздить во внутреннія губерніи Россіи лицамъ польскаго происхожденія по паспортамъ, выдаваемымъ не болѣе какъ на одинъ годъ, съ положительнымъ обозначеніемъ въ оныхъ мѣста, которое кто полагаетъ избрать для жительства, безъ права разѣздовъ по всей имперіи.

Такъ какъ уроженцы Западныхъ губерній постоянно пользовались фальшивыми видами, то установитъ выдачу имъ паспортовъ на особой бумагѣ съ надлежащими предосторожностями противъ подложныхъ подписей.

14. Строго держаться правила, чтобы въ великороссійскихъ учебныхъ заведеніяхъ отнюдь не допускать польскихъ воспитанниковъ болѣе $\frac{1}{10}$ всего числа учащихся, ибо опытъ указалъ, какой вредъ они принесли Россіи: всѣ мятежныя шайки были ими наполнены и они увлекли даже многихъ русскихъ. И теперь еще тюрьмы въ Сѣверо-Западномъ краѣ наполнены студентами Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго и Кіевскаго университетовъ.

15. Обратитъ вниманіе, чтобы главныя управленія въ столицахъ и другихъ городахъ не были наполняемы, какъ нынѣ, поль-

скими чиновниками, и въ особенности, чтобы отнюдь таковыхъ не было въ полицейскихъ и почтовыхъ должностяхъ. На службу же внутри Россіи опредѣлять лицъ польскаго происхожденія не иначе, какъ по удостовѣренію въ ихъ политической благонадежности. Поляки знаютъ, что въ западныхъ губерніяхъ теперь ничего сдѣлать не могутъ, и всѣ ихъ усилія стремятся къ распространенію польской пропаганды внутри Имперіи, а это опаснѣе самаго мятежа въ Западныхъ губерніяхъ. Поляки понимаютъ, что только такими дѣйствіями могутъ ослабить Россію.

Въ отношеніи Августовской губерніи необходимо нынѣ же рѣшить, какіе имѣетъ правительство окончательные виды для управленія оной, ибо продолжать тамъ двойственную систему управленія крайне неудобно, и желательно, чтобы центральное управленіе въ Варшавѣ сближалось сколь возможно съ видами не отдѣльнаго управленія отъ Россіи.

Кромѣ всѣхъ этихъ вопросовъ, есть еще очень много второстепенныхъ, о которыхъ я здѣсь не упоминаю, изложилъ же я съ нѣкоторою подробностью только главнѣйшія указанія болѣе съ цѣлью ознакомить съ тѣмъ направленіемъ, котораго я держался при управленіи ввѣреннымъ мнѣ краемъ, основываясь на долговременномъ опытѣ изученія онаго во время двухъ бывшихъ въ немъ революцій 1831 и 1863 годовъ; продолженіе этой системы я считаю совершенно необходимымъ для прочнаго возстановленія русской народности и русскаго господства въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Изъ писемъ съ Русскаго отряда.

1877 годъ.

1.

Павель. 4-го іюля 1877 г.

Послѣ затишья съ 26-го іюня по вчерашній день сегодня тревоги было не мало. Началось съ того, что въ шестомъ часу утра меня поспѣшно будить А. Н. Стюрлеръ: всѣ мы вскакиваемъ, а Цесаревичъ уже одѣтъ... Собрались мы впопыхахъ по тревогѣ и узнаемъ, что пріѣхалъ отъ Государя (который находился въ Царевичѣ) флигель-адъютантъ баронъ Мейндорфъ съ извѣстіемъ, что была у Государя тревога. Прискакалъ казакъ изъ Систова, потерявшій голову, съ крикомъ „турки, турки!“, а тутъ же депеша изъ Систова, что тамъ переполохъ; турки наступаютъ на Систово и къ переправѣ; въ то же время весь вчерашній день и вечеромъ слышны были выстрѣлы въ сторонѣ между Систовымъ и Никополемъ; у насъ же двинуть былъ къ Никополю корпусъ барона Крюднера, но отъ него уже четыре дня какъ не было никакого извѣстія. Посланный къ нему отъ Государя Толстой не возвращался, а съ Государемъ въ Царевичѣ всего бригада корпуса князя Шаховскаго, да двѣ батареи, да конвой съ Черевинымъ. Каково положеніе!..

Всѣ выскочили изъ палатокъ въ увѣренности, что корпусъ

Крюднера отрѣзанъ, и что турки хотятъ напасть на Государя. Еще было темно, когда Государь сѣлъ на коня и, какъ говорятъ необыкновенно спокойно дѣлалъ распоряженія: велѣлъ скорѣе занять высоты батареями съ пѣхотой, а казаковъ послалъ впередъ узнать въ чемъ дѣло. Въ то же время поспѣшно отправилъ Мейндорфа за 20 в. къ намъ въ Павель, чтобы Цесаревичъ съ тремя полками и артиллеріею шелъ на выручку и въ помощь корпусу Крюднера. Все уже было у насъ готово; полки выступили съ пѣснями: Невскій, Софійскій, Копорскій; уже подвели нашихъ лошадей, когда прискакалъ графъ Протасовъ-Бахметевъ съ новымъ приказаніемъ оставаться на мѣстѣ, потому что Государь будетъ самъ въ Павлѣ. Мы только что успѣли опять раздѣться и лечь, какъ насъ опять разбудили со словами: „Государь въ двухъ верстахъ!“ Тотчасъ же всѣ отправились верхомъ къ нему на встрѣчу. Впереди всѣхъ Цесаревичъ на своей славной бѣлой лошади „Доѣзжачемъ“. Когда мы поровнялись съ лазаретомъ, увидѣли мы конвой Государя, а за нимъ верхомъ ѣхалъ и онъ самъ съ своею свитой. Встрѣча была очень торжественна. Тутъ узнали мы, что Государь, по полученіи извѣстія, что никакихъ турокъ въ окрестности Царевича и Систова не находится, послалъ все-таки свою пѣхоту и артиллерію на помощь Крюднеру, о которомъ ни слуху, ни духу, а самъ рѣшился прибыть въ Павель.

Расположились бивуакомъ недалеко отъ насъ, гдѣ пришлось, безъ всякой тѣни. Государь въ палаткѣ. Было 11 часовъ; Цесаревичъ посиѣшилъ къ себѣ, чтобы принять Государя къ завтраку въ большой нашей палаткѣ. Пришли графъ Адлербергъ, князь Суворовъ, графъ Милютинъ, Мезенцовъ, Воейковъ.. Государю понадобилось для завтрака покойное кресло. Я предложилъ свое, которое ему понравилось. За столомъ всѣ сидѣли усталые и озабоченные судьбою корпуса Крюднера. Но вотъ приходитъ генералъ Щолковъ съ депешою къ Государю. Насъ въ жаръ бросило. Нужно было видѣть лицо и выраженіе Государя. Онъ пристально взглянулъ на Щолкова, который улыбался. Дрожащими руками распечатываетъ Государь пакетъ и читаетъ. Видимъ—глаза блеснули, радость засіяла на лицѣ,—и онъ началъ громко:

„Съ безпримѣрнымъ мужествомъ войска Вашего Импера-

торскаго Величества овладѣли приступомъ постепеннымъ рядомъ укрѣпленій. Никополь взятъ, 6000 плѣнныхъ и двое пашей“.

„Ура!“ — крикнулъ Государь. „Ура, ура!“ подхватили ближніе и всѣ мы, сидѣвшіе за столомъ. Сейчасъ же князь М. М. Голицынъ посланъ объявить войскамъ о побѣдѣ. „Ура!“ — послышалось съ бивуака, и долго не умолкали радостные, восторженные крики. Слава Богу—это первый важный успѣхъ. Въ то же время узнаемъ, что Гурко съ кавалеріею перешелъ Еленинскій проходъ въ Балканахъ и идетъ на Казанлыкъ.

2.

Павель. 5-го іюля 1877 г. 11 часовъ вечера.

Завтра утромъ выступаемъ отсюда въ 6 часовъ въ Бѣлы, а оттуда далѣе къ Рущуку. Теперь, что Никополь взятъ, очередь за нами, и мы перейдемъ нашъ Рубиконъ, то-есть, Янгуру, чтобы придвинуться къ другой рѣкѣ—Лому... Послѣ молебна въ 1-й дивизіи завтракали у Цесаревича; во время молебна на аналоѣ былъ тотъ самый складень, которымъ благословили Государя въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ и который былъ подъ Полтавою. Странно, что во время молебна орелъ парилъ надъ войсками. Это второй орелъ: перваго мы видѣли на Дунаѣ.

За завтракомъ Государь былъ очень въ духѣ и послѣ завтрака допрашивалъ самъ плѣннаго папу Гассана. Сидѣлъ онъ опять на моемъ креслѣ и спросилъ за столомъ, кто еще именинникъ? Я всталъ, и онъ пилъ за мое здоровье. Потомъ всѣхъ пригласили къ Государю обѣдать. За столомъ онъ опять молча на меня посмотрѣлъ и поднялъ стаканъ. Я всталъ и стоя выпилъ свой стаканъ. Возвращаясь отъ обѣда, остановился у Черевина, который угостилъ шампанскимъ съ сельтерской водой. Тутъ былъ и великій князь Сергѣй Александровичъ, а потомъ пришелъ В. Шереметевъ. Засидѣлись мы тутъ, пока стемнѣло и показался мѣсяцъ. Въ конвоѣ пробили зорю и базакі прочли молитву. Среди окружающей тишины очень было торжественно. Графъ Воронцовъ получаетъ назначеніе командовать всею кавалеріею нашего отряда.

3.

Обретеннѣ. 8-го іюля 1877 г.

Мы наконецъ выбрались изъ скучнаго Павла 6-го іюля въ 6 часовъ утра. День былъ опять необыкновенно жаркій. Къ намъ присоединились великій князь Сергѣй Александровичъ съ Д. С. Арсеньевымъ, которые будутъ состоять при Цесаревичѣ. Въ двѣнадцатомъ часу пришли мы въ Бѣлу. Деревня довольно большая, на берегу рѣки Янтры, чрезъ которую построены прекрасный каменный мостъ. Остановились мы среди деревни въ избахъ, оставленныхъ турками, а не въ палаткахъ; я случайно наткнулся на избу не слишкомъ грязную и помѣстился въ ней вмѣстѣ съ Д. С. Арсеньевымъ. Жара была невыносимая, и мы прождали обѣда до 5 часовъ вечера...

Нужно привыкать къ рѣзкимъ переходамъ отъ жары къ порывистому холодному вѣтру. Такъ было вчера ночью. Передъ обѣдомъ былъ страшный ураганъ съ пылью; все небо трепетало отъ зарницъ, но ни грозы, ни дожда не было, за то жаръ вдругъ свалилъ, и ночью было даже прохладно въ избѣ „безъ оконъ и безъ дверей“.

Вчера утромъ я былъ дежурнымъ. Графъ Воронцовъ, назначенный начальникомъ нашей кавалеріи, отправился къ аванпостамъ. Съ нимъ отпросился и В. Шереметевъ, которому уже давно не сидится.

Дорога отъ Бѣлы до Обретенника не дурна, большое Рущукское шоссе, мѣста возвышенныя, и виды иной разъ очень хороши. Сильный вѣтеръ, хотя и поднималъ облака пыли, но за то умѣрялъ жару во время перехода. Я, какъ дежурный, все время ѣхалъ за Цесаревичемъ; тутъ же былъ и герцогъ Сергѣй Максимиліановичъ, съ которымъ всегда очень пріятно разговаривать. За Цесаревичемъ всюду ѣдетъ казакъ со *стягомъ* великаго князя въ рукахъ: на золотомъ полѣ русскій двухглавый орелъ, а вокругъ цвѣта нашего морского флага..., а надъ флагомъ осмиконечный нашъ крестъ.

4.

Обретеникъ. 10-го іюля 1877 г.

Сидимъ мы теперь здѣсь, а Государь перешель въ Бѣлу. Вчера днемъ вдругъ слышались выстрѣлы со стороны Рущука, по направленію нашего авангарда. Начальникъ штаба П. С. Ванновскій отправилъ своего ординарца Суходольскаго, отъ котораго уже было извѣстіе, что онъ не засталъ великаго князя Владиміра Александровича въ Трстеникѣ и что онъ на выстрѣлы двинулся впередъ; но ночью и сегодня утромъ все опять тихо и выстрѣловъ не слышать. Отъ графа Воронцова также не было извѣстій, знаемъ только, что онъ въ Соленикахъ. Ждемъ извѣстій изъ корпуса князя Шаховскаго, который долженъ занять Османбазаръ и заслонить дорогу къ Шумлѣ, чтобы мы могли свободнѣе дѣйствовать. Наступило теперь самое рѣшительное время: войска наши перешли уже Балканы.

Въ день нашего прихода въ Обретеникъ пришли въ Дамогилу два полка: Украинскій и Одесскій, и Цесаревичъ смотрѣлъ на ихъ прохожденіе. Оба полка бодро прошли мимо него съ музыкой, съ пѣснями, нѣкоторые солдаты выкидывали даже ногами небывалыя колѣнца; всѣ лица веселыя, отважныя, точно будто полки эти не сдѣлали ужъ большого перехода изъ Бѣлы.

Вчера была великолѣпная, лунная и свѣжая ночь. Мы долго лежали на сѣнѣхъ передъ тѣмъ, чтобы собраться къ чаю. Еслибы была здѣсь хорошая вода, то бивуакъ былъ бы очень хорошъ: есть тѣнъ и палатки стоятъ за кустами.

Сегодня воскресенье; сейчасъ одѣнусь, чтобы идти къ обѣдницѣ... Очень было хорошо: среди поля поставленъ аналой съ большимъ образомъ Божіей Матери, а на маленькомъ столѣ складень съ крестомъ и Евангеліе. Священникъ служить просто, прекрасно, вообще долженъ сказать, что всѣ священники наши производятъ хорошее впечатлѣніе.

Сейчасъ пріѣхалъ начальникъ штаба корпуса великаго князя Владиміра Александровича—Косичъ; была рекогносцировка, великій князь былъ въ огнѣ; взяли въ плѣнъ 18 башибузуковъ у Кадыкіой. Желѣзная дорога въ Шумлу испорчена нашими казаками и телеграфъ порванъ. Вотъ пока все, что знаемъ.

5.

Обретеникъ. 11-го іюля 1877 г.

Получилъ приказаніе ѣхать съ посылкой къ графу Воронцову на аванпосты. Мнѣ приказано было ѣхать на Трстеникъ, оттуда вправо въ Чифликъ, потомъ въ Кадыкіой, занятый казаками, а тамъ ужъ только узнать, гдѣ Воронцовъ—въ Бузинѣ ли или въ Пизанцѣ, или Богъ знаетъ гдѣ. Мнѣ дано было 6 казаковъ съ урядникомъ полка Хрещатицкаго; Цесаревичъ далъ своихъ двухъ атаманцевъ, да еще взялъ я казака, прибывшаго на дняхъ отъ Воронцова и проводника болгарина, — итого со мною (считая Козлова) было 12 человекъ. Двинулись въ 3 ч. дня, какъ слѣдуетъ, съ авангардомъ: два казака впереди, одинъ вправо, на значительномъ разстояніи, другой влѣво и одинъ сзади; въ такомъ порядкѣ сдѣлали мы верстъ 10 и дошли до корчмы Ханъ. Тутъ я остановился на $\frac{1}{4}$ часа; еще верстъ 6 сдѣлали ужъ рысью, и приходилось сворачивать съ большой дороги вправо на Чифликъ, когда, къ моему великому удивленію и не малому удовольствію, встрѣчаю группу всадниковъ и узнаю впереди ихъ Воронцова съ начальникъ штаба, В. Шереметева и осетина. Они ѣхали по большой дорогѣ. Тутъ передалъ я всѣ бумаги и тотчасъ же съ ними вернулся въ Обретеникъ.

Послѣ взятія Никополя было, къ сожалѣнію, неудачное нападеніе на *Плевно*, при чемъ мы потеряли 1800 чел. и были отбиты. Теперь стягиваются войска и опять будетъ сдѣлано нападеніе на Плевно, которое нужно взять, потому что это—дорога на Филипополь. Завтра будетъ сюда Государь...

Мы все ближе подходимъ къ Рущуку, передовыя войска въ 3 верстахъ. Сейчасъ получили извѣстіе, что еще одинъ мониторъ уничтоженъ нашими выстрѣлами.

6.

Обретеникъ. 12-го іюля 1877 г.

Великій князь Николай Николаевичъ телеграфировалъ изъ Тырнова, чтобы Рущукскій отрядъ не предпринималъ ничего серьезнаго,

пока не кончится со стороны Плевны, гдѣ была неудача. В. Шереметевъ сегодня ѣдетъ обратно въ отрядъ Воронцова. Жара стоитъ невыносимая; я дежурный и сижу теперь въ юртѣ, пока въ большой палаткѣ играютъ въ карты. Теперь мы здѣсь еще постоимъ неопредѣленное время.

Государь ѣдетъ въ Тырново..., неосторожно ему такъ вдаваться въ глубь Болгаріи, когда съ двухъ сторонъ турки на насъ напираютъ. Хотя съ фронта мы открыли дорогу чрезъ Балканы, но черезъ это сильно растянулись, и пужно на флангахъ глядѣть въ оба... Государь спокоепъ, бодръ, но не веселъ, да и нельзя быть веселымъ; братья болгары продолжаютъ играть двойную игру, хотя турки рѣжутъ ихъ сильно. Въ деревняхъ, вновь занятыхъ, находятъ кучи мертвыхъ, зарѣзанныхъ болгаръ... Много преувеличеннаго однако въ головахъ у коноводовъ, которые заваривали всю эту кашу, которую расхлебывать приходится не имъ, а намъ. Они же сидятъ себѣ спокойно на печи, да придумываютъ новые проекты.

7.

Обретенскъ. 14-го іюля 1877 г.

Все еще нѣтъ извѣстій изъ Плевны, куда однако направляются значительныя войска!.. За то великій князь. Николай Николаевичъ телеграфируетъ, что ожидаетъ нападенія со стороны Османбазара, и потому предписываетъ придвинуть къ нему XIII корпусъ Гана, чтобы въ случаѣ надобности ударить непріятелю во флангъ. Все это приостанавливаетъ, разумѣется, наши дѣйствія на Рущукъ.

Гурко испортилъ желѣзныя дороги за Балканами, но вся задержка за Плевною. Вчера пріѣхалъ сюда флигель-адъютантъ Чингизъ-ханъ и Аничковскій Raymond Ingho... Вчера долго вечеромъ лежали на сѣнѣ; ночь была чудная, и полный мѣсяцъ освѣщаль весь бивуакъ, но такія ночи здѣсь только нагоняютъ тоску. Я смотрѣлъ на Цесаревича, которому иной разъ очень бываетъ невесело. Нельзя не радоваться, когда слушаешь его здравыя, прямыя сужденія и удивляешься его вѣрному взгляду на людей.

8.

Обретеникъ. 16-го іюля 1877 г.

Боже мой, какая непреодолимая скука! Не видишь конца всему этому бездѣлю. До сихъ поръ о Плевнѣ ничего не знаемъ. Вчера Воронцовъ былъ причиною тревоги. У него было на аванпостахъ дѣло: пѣхота и кавалерія противъ турецкихъ восьми таборовъ... Изъ дивизіи генерала Баранова пришло свѣдѣніе, что отъ нихъ Воронцовъ требуетъ подкрѣпленія. Цесаревичъ рѣшился двинуться, чтобы ближе видѣть, въ чемъ дѣло. Сдѣлали мы въ самую жару верстъ 30 и добрались до мѣстечка Кацелева, не далеко отъ Соленикъ; но тутъ мы узнали отъ Баранова, что все кончено, и тутъ же получено было донесеніе отъ Воронцова, что турокъ оттѣснили, и Азисъ паша убитъ; на немъ нашли бумаги, которыя и забрали, между прочимъ письмо нѣмецкое отъ его возлюбленной изъ Шумлы; начинается такъ: „Mein vielgeliebter Asis!“ и подписано: „Emilia“. Изъ этого письма узнали, что изъ Шумлы жители уходятъ въ Константинополь. Часъ посидѣли мы на мѣстѣ, закусили и отправились обратно... Деревни на половину брошены жителями, другія горятъ..., только берега Лома нѣсколько живописнѣе; видны скалы, покрытыя кустарникомъ или же просто скалы, голыя, отвѣсныя; дороги ведурны, но все какъ-то необыкновенно безотраднѣе...

Когда вернулись въ Обретеникъ, то вслѣдъ за нами пріѣхалъ графъ Воронцовъ съ В. Шереметевымъ и С. Мальцовымъ. Послѣдній изъ Тырнова былъ посланъ къ Соленику главнокомандующимъ. Они были въ огнѣ, подъ сильнымъ даже огнемъ гранатъ. Они остаются здѣсь до вечера и опять уѣзжаютъ къ Соленику.

Здѣсь теперь отъ Краснаго Креста молодой князь А. Г. Щербатовъ..., много разговаривали.

9.

Обретеникъ. 17-го іюля 1877 г.

Сегодня утромъ мы въ коляскахъ отправились къ аванпостамъ XII корпуса въ Хангель-Чесму, гдѣ ожидали насъ верховыя ло-

шади. Я ѣхалъ въ своей коляскѣ съ докторомъ Гриммомъ. Верхомъ объѣхали мы линію аванпостовъ, начиная съ праваго фланга, мимо устроенныхъ нами батарей, въ виду Леванъ Табія, передъ которою виденъ былъ ясно турецкій лагерь. Хотя мы были на разстояніи выстрѣла, но турки молчали; кое-гдѣ видѣлись всадники на возвышенностяхъ, но въ бинокли мы могли различить, что это были наши же казаки. Такъ доѣхали мы до Пиргоса и видѣли въ землѣ слѣды турецкихъ гранатъ, но Леванъ Табія молчала. Мы объѣхали всѣ войска и вернулись въ Трстеникъ, въ главную квартиру великаго князя Владиміра Александровича, гдѣ приготовленъ былъ завтракъ. Очень хорошо устроенъ былъ какой-то сарай, весь въ зелени, и Скарятинъ хозяйничаетъ какъ гофмаршалъ... На обратномъ пути коляску А. Н. Стюрлера, Мартынова и Барятинскаго опрокинули, и они порядочно расшиблись, но теперь лучше; приложили примочки, но перелома нѣтъ...

Цесаревичъ говорилъ, что великій князь Михаилъ Николаевичъ болѣе 10 дней не присылаетъ никакихъ извѣстій...

10.

Обретеникъ. 18-го іюля 1877 г.

Въ скоромъ времени, по всей вѣроятности, двинемся, но еще неизвѣстно — куда; въ воздухѣ чувствуется что-то. Дохтуровъ вчера уѣхалъ въ Тырново къ главнокомандующему. Сегодня прибыли осадныя орудія для обложенія Рущука; все еще нѣтъ извѣстій изъ Плевны. Сегодня вернулся изъ Бѣлы отъ Государя фельдъегерь Шлотгауеръ и привезъ извѣстіе, что Государь немедленно сообщитъ объ извѣстіяхъ изъ Плевны..., а пока все спокойно.

Сегодня допрашивали плѣнныхъ турокъ, въ томъ числѣ одного негра, который соглашается идти въ Рущукъ лазутчикомъ, и мы его посылаемъ. О насъ онъ ничего не можетъ рассказать, потому что ничего не видѣлъ... Раненые въ послѣднемъ Воронцовскомъ дѣлѣ доставлены были въ Кацелево, гдѣ находился нашъ здѣшній докторъ Symbolide и дѣлалъ операціи; всѣхъ больныхъ отправили въ Бѣлу, гдѣ, говорятъ, Государь выйдетъ къ нимъ на

встрѣчу. Всего до 200 человѣкъ. Сегодня сюда прибыли четыре сестры милосердія, а завтра будетъ пятая сестра съ кн. Щербатовымъ.

Только что кончился обѣдъ; Цесаревичъ еще сидитъ въ большой палаткѣ и за его столомъ разговариваютъ. Тутъ великій князь Сергѣй Александровичъ, Ванновскій, Арсеньевъ, Стюрлеръ, Н. Долгорукій, Васильковскій, инженерный генераль Деппъ и пр., а мы всѣ разбрелись по своимъ палаткамъ. Докторъ Symbolide, грекъ, любопытный человѣкъ; съ нимъ разговаривали о Греціи, о раскопкахъ Шлимана; онъ оригиналь и о медицинскихъ операціяхъ говоритъ съ увлеченіемъ, какъ онъ рѣзалъ и какъ отчетливо отдѣлялись „les chaires molles“, какъ онъ срывалъ жилы, а артерію закрылъ... Хорошій человѣкъ здѣсь нашъ переводчикъ, еще молодой Петръ Максимовъ.

11.

Обретеникъ. 19-го іюля 1877 г.

Государь пишетъ Цесаревичу, что второе наше нападеніе на Плевну отражено; но чтобы отбить 25,000 ч., нужно, чтобы у нихъ было 70,000; значить, слухи о численности турецкой арміи въ Плевнѣ были вѣрны. Цесаревичъ немедленно поѣхалъ съ великимъ княземъ Сергѣемъ Александровичъ въ Бѣлу, куда изъ Тырнова прибудетъ главнокомандующій, чтобы самому идти къ Плевнѣ. Теперь чтò мы будемъ дѣлать подъ Русукомъ? Вѣроятно, на насъ будетъ нападеніе съ Шумлы... Здѣсь въ одинъ голосъ всѣ упрекаютъ помощника начальника штаба, всеобщій ропотъ. Жаль искренно Государя, которому должно быть теперь не легко.

12.

Обретеникъ. 20-го іюля 1877 г.

Цесаревичъ вчера вернулся очень поздно. По видимому, Государю въ точности не извѣстно, чтò было подъ Плевной. Командиръ

корпуса баронъ Крюднеръ сообщилъ только, что онъ отступилъ къ Булгарени, а это верстахъ въ 40 отъ Плевны.

Вотъ еще возмутительная новость: когда изъ Плевны, послѣ перваго нападенія, транспортъ съ ранеными отправился въ Никополь, то на этотъ транспортъ напала шайка разбойниковъ, состоявшая изъ нѣсколькихъ башибузукъ, одного румына и двухъ болгарскихъ священниковъ (!). Къ счастью, ихъ схватили живьемъ и не дали разгуляться. Вообще духовенство болгарское плохо; они-то главные шпионы и потому терпимы были турками. Главнокомандующій сообщилъ ужасныя подробности о турецкихъ звѣрствахъ. Одинъ молодецъ вырѣзалъ груди у 20 женщинъ; его застигли во время самой операціи, судили полевымъ судомъ и на другой день повѣсили. За Балканами сильная паника; населеніе бѣжитъ къ Адрианополу. Оба военные агенты, австрійскій и англійскій, уѣхали въ Вѣну и въ Лондонъ. Бехтольсгеймъ уѣхалъ послѣ продолжительнаго совѣщанія въ Бѣлой. Должно быть, скоро предстоитъ занятіе Босніи австрійскими войсками, тѣмъ болѣе, что англійскія войска собираются въ Гибралтаръ и на Мальтѣ, и поговариваютъ уже о высадкѣ въ Галлиполи и въ Дарданеллахъ. Съ Wellesley Государь былъ любезенъ; Wellesley словно старается сгладить прежнее впечатлѣніе и самъ вызвался поѣхать, чтобы изложить своему правительству ходъ дѣлъ.

Вотъ еще новость: всю гвардію мобилизируютъ.

13.

Обретспикъ. 21-го іюля 1877 г. 4½ часа ночи.

Ежечасно ожидаемъ, чтобы насъ куда-нибудь двинули... Мы все еще подъ впечатлѣніемъ подробностей втораго дѣла подъ Плевной.

14.

Широко. 27-го іюля 1877 г.

Очень грустное обстоятельство — соперничество военно-медицинскаго управленія съ Краснымъ Крестомъ...

XIII корпусъ Гана выдвинулся вдоль Лома и далѣе къ югу фронтомъ къ дорогѣ изъ Разграда въ Тырново. Главная квартира паша оставила Обретеникъ. Въ Широко занимаемъ центральное положеніе между двумя корпусами XII и XIII. .

Дорога отъ Обретеника сначала идетъ полями засохшими, съ пожелтѣлой травой, общипанной кукурузой, кочками или мелкимъ кустарникомъ. Мы проходили чрезъ кладбище турецкое, съ множествомъ камней безъ надписей... На полдорогѣ, недалеко отъ деревни Батенцы, нашли мы среди дороги какія-то тряпки и тутъ же изъ земли торчала какая то нога, повидимому женская... Проѣхавъ Батенцы, мы попали въ густой кустарникъ, чрезъ который шла небольшая, весьма неудобная для экипажа дорога. Мало-по-малу она опускалась, и мы очутились передъ долиною Лома (Чернаго Лома). Дорога шла ущельемъ, возвышались скалы. Узкою дорогою въѣхали въ Широко, расположенную довольно красиво на берегу Лома. Кибитка Цесаревича стоитъ передъ спускомъ въ долину, — далеко виднѣется лагерь 33-й пѣхотной дивизіи и бѣлѣтъ вдали. Атаманцы расположились внизу у берега Лома, чтобы ближе быть къ водопою, за Цесаревичемъ стоятъ наши палатки. Здѣсь, благодаря высокому мѣсту, и прохладно, и продуваетъ съ утра до вечера. Вода здѣсь немного лучше, чѣмъ въ Обретеникъ, но не холодна.

Сегодня мы ѣздили въ лагерь 33-й дивизіи въ Острицу...

On s'est beaucoup occupé les deux derniers jours à Obretenik d'archeologie!.. Le Grand-Duc Heritier s'est pris de passion pour les fouilles des курганы; deux jours de suite nous avons grillé en plein soleil, pendant que les sapeurs piochaient les курганы. Цесаревичъ даже самъ взялъ лопату и долго копалъ, сильно потѣя, такъ что спина совершенно промокла. Нашли два мѣдвыхъ кольца и скелетъ...

Сейчасъ прибылъ сюда драгунскій офицеръ, который ѣздилъ въ турецкій лагерь парламентаромъ съ отвѣтнымъ письмомъ нашего главнокомандующаго на письмо турецкаго. Кромѣ того, получены донесенія отъ барона Дризена; прибѣжалъ посланный болгарскимъ священникомъ изъ Разграда крестьянинъ и привезъ извѣстіе, что въ Разградѣ и окрестностяхъ до 70,000 турецкаго войска и болѣе 100 пушекъ. Вотъ и дѣйствуйте, имѣя на обоихъ флангахъ по

70,000 турокъ въ Плевнѣ и въ Разградѣ, а наши войска разбросаны...

15.

Широко. 30-го іюля 1877 г.

Сегодня всю ночь шелъ проливной дождь, но моя кибитка выдержала хорошо и не промокаетъ, за то въ палаткахъ менѣе пріятно, а тѣмъ болѣе войскамъ, у которыхъ только легкія tentes abri... Вчера я былъ дежурный и въ 9 часовъ утра отправился съ Цесаревичемъ верхомъ въ Бѣлу въ Государю. Съ нами поѣхалъ великій князь Сергій Александровичъ, Стюрлеръ и Долгорукій, да взводъ атаманскихъ казаковъ. Утро было пріятное, прохладное.

16.

Широко. 3-го августа 1877 г.

У насъ все обстоитъ благополучно, тишь да гладь..., только сегодня насъ разбудилъ громъ орудій со стороны Рущука: это заговорили наши осадныя орудія изъ Журжева и Слободзеи. Еще вчера вечеромъ было извѣстіе, что стрѣляютъ на Дунаѣ.

Государь вчера изъ Бѣлой перешелъ въ Горный Студень, такъ что теперь мы на разстояніи 60 верстъ...

Сейчасъ получили извѣстіе изъ Трстеника отъ великаго князя Владиміра Александровича, что нашими выстрѣлами произведено два пожара, что казаки Хрещатицкаго сдѣлали наѣздъ на Червеноводу и захватили шестерыхъ турокъ, потерявъ одного убитымъ.

Вчера видѣлъ я молодого лубенскаго гусара, вернувшася съ послѣдняго дѣла у Садина; онъ одинъ остался невредимъ изъ числа офицеровъ трехъ взводовъ, которые атаковали 800 черкесовъ...

17.

Широко. 4-го августа 1877 г.

На дняхъ допрашивали плѣннаго турку старика, взятаго около Разграда; онъ меня поразилъ своею важностью, достоинствомъ и

манерою себя держать. Онъ служилъ жандармомъ, отзывается презрительно о башибузукахъ и очень горюетъ о своихъ дѣтяхъ, оставленныхъ у Разграда... Съ аванпостовъ пришли наши лазутчики съ извѣстіемъ, что турки готовятся перейти въ наступленіе отъ Разграда, но въ то же время явился болгаринъ, присланный самими турками (!), съ извѣстіемъ, что они на насъ нападутъ 5-го августа, то-есть, завтра. Все это сомнительно. Съ сегодняшняго дня раздаются выстрѣлы со стороны Рущука, и отъ великаго князя Владиміра Александровича получено извѣстіе, что турки показались передъ Кадыкіой. Войска прибываютъ, но врядъ ли будетъ что-либо серьезное до прибытія гвардіи.

Изъ Бѣлой пришли два полка пѣхоты съ артиллеріей.

18.

Широко. 7-го августа 1877 г.

Въ нашемъ бездѣйствіи что-то кроется грозное и зловѣщее...

Подъ Плевной Крюднеру не хотѣлось начинать, но депеша изъ Тырнова получена была такая, что бѣднаго старика совсѣмъ сбила. Къ тому же два начальника—Крюднеръ и Шаховской, а между ними разстояніе верстъ 20. Вотъ и случилось, что Шаховской уже атаквалъ и былъ въ самой Плевнѣ, когда Крюднеръ и не думалъ двигаться. Со временемъ многое еще узнается. Съ медицинскою частью также вышла странность: корпуснаго врача старика Дубенскаго совершенно затеръ хирургъ Кѣхеръ.

19.

Широко. 7-го августа 1877 г.

Приѣхалъ верхомъ изъ Пепеленъ денщикъ князя Долгорукова. Съ В. Шереметевымъ поѣхали въ Пепелены Долгорукій и Воронцовскій осетинъ Николай. Денщикъ какъ-то растерянно, на плохомъ русскомъ языкѣ и довольно безтолково рассказалъ, что съ В. Шереметевымъ случилось несчастіе: онъ упалъ на камни и расшибся. Узнали отъ него, что кровь сильно пла носомъ, и что его прислали за экипа-

жемъ. Какъ нарочно ни одного доктора не было налицо. Гримма нѣтъ, гуляетъ съ Цесаревичемъ, остальныхъ не было; но скоро достали фельдшера и съ Изманломъ отправились на тарантасѣ въ Пепелены. Черезъ часъ явился докторъ Сумволидъ; ему дали какую-то лошадь..., а между тѣмъ совсѣмъ стемнѣло. Когда Цесаревичъ вернулся съ прогулки, я ему рассказалъ, что случилось. Онъ тотчасъ же сказалъ: „Ну, я такъ и зналъ!“ и тутъ же прибавилъ, что В. Шереметевъ пришелъ въ нему..., что какъ онъ его ни уговаривалъ не ѣхать, онъ все-таки поѣхалъ; досаднѣе всего, — говорилъ Цесаревичъ, — „что во время прогулки онъ, часъ тому назадъ, встрѣтилъ Долгоруковскаго дельщика, ѣхавшаго съ Пепеленъ, который и не подумалъ доложить о томъ, что случилось“. Прошло часа полтора, когда прибыли Долгорукій съ осетиномъ верхомъ и за ними арба, до-нельзя скрипучая, а въ ней на соломѣ лежалъ В. Шереметевъ, уже перевязанный Сумволидомъ, который засталъ ихъ въ Пепеленахъ. На рукахъ вынесли его изъ арбы и на кровати перенесли въ отдѣльную палатку... Доктора при мнѣ объявили, что перелома нѣтъ нигдѣ...

Наше положеніе не измѣнилось. Слышно, что готовится что-то онять у Плевны.

20.

Широко. 8-го августа 1877 г.

Получена депеша отъ главнокомандующаго, что Сулейманъ паша перешелъ Балканы и идетъ на Габрово...

21.

Широко. 9-го августа 1877 г.

Les canons de siège sont près de Plevna et cette nouvelle attaque sera un peu plus sérieuse.... Nos positions du XIII corps sont très fortes le long du Lom.... Le prince. Czerkassky n'a pas quitté Tirnovo...

22.

Широко. 10-го августа 1877 г.

Сейчасъ уѣзжаетъ отсюда великій князь Сергѣй Александровичъ, и мы всѣ идемъ его провожать до Батинцы... Государь этого желаетъ.

Вчера Долгорукій вернулся съ рекогносцировки передъ Эски-Джумомъ; у турокъ укрѣплена позиція, и у насъ Попкіой хорошо защищенъ... Сейчасъ услыхалъ отъ Цесаревича, что Д. Голицынъ раненъ и потерялъ два пальца. Когда сказали это В. Шереметеву, онъ сказалъ: „Да на что же они ему?“

23.

Широко. 10-го августа 1877 г. 11^{1/2} часовъ ночи.

Пишу передъ кибиткой; ночь свѣтлая, мѣсячная, но духота, какой еще не бывало. Цѣлый день былъ невыносимый зной: 38° на солнцѣ, ночь 23° безъ вѣтра. Мы верхомъ провожали великаго князя Сергѣя Александровича до Батинцы и вернулись въ изнеможеніи.

...А у насъ наступило время серьезное: турки нападаютъ на проходъ Шибку, туда пошелъ Радецкій съ подрѣбленіями. Въ то же время они нападаютъ на нашу позицію въ Попкіой. Прохоровъ пошелъ съ дивизіей; ожидаемъ отовсюду извѣстій, отъ которыхъ будетъ зависѣть многое.

...Очень жаль Цесаревича; тяжелое его положеніе... Любопытно, что Прусскій Фридрихъ Карль просилъ командовапія въ нашей арміи. Государь отклонилъ.

24.

Широко. 11-го августа 1877 г.

Сейчасъ получилъ депешу отъ генерала Гана, что генераль Прохоровъ съ своею дивизіей отбилъ атаку турокъ на Аясларъ. Это впереди Попкіоя, очень важная позиція. Турки атаковали три раза;

отброшены блистательно; отличились полки: Невскій, Софійскій, Болховской... Подъ Шибкой атака турокъ также была отброшена... Государь телеграфировалъ: „Жду извѣстій изъ XIII корпуса“, а ему въ отвѣтъ: „Давно отправлена телеграмма съ извѣстіемъ о побѣдѣ при Аясларѣ“. ...Сегодня въ 5^{1/2} ч. выступаемъ отсюда налегкѣ въ Облаву, а оттуда къ Попкію. Цесаревичъ хочетъ благодарить войска и видѣть раненыхъ. Беремъ вещей на трое сутокъ, а потомъ вѣроятно вернемся въ Широко... Турки атаквали Шибку 10 разъ! Каковы же были силы и каковъ отпоръ!..

25.

Ходживіюй. 14-го августа 1877 г. 11 часовъ вечера.

Прошло нѣсколько дней, со времени моего послѣдняго письма и пережилось въ это короткое время не мало событій. Страшно сказать, съ того часа и до сегодня не прекращался кровопролитный бой у Шибки. Турки съ отчаяннымъ остервенѣніемъ бросаются на насъ, не смотря на укрѣпленный переваль, и—нужно отдать имъ справедливость—дерутся великолѣпно. Но за то встрѣчаютъ они страшный отпоръ, ихъ отбрасываютъ, но съ новымъ упорствомъ новыя силы лѣзутъ на приступъ; подкрѣпленія подходятъ. Ключъ къ Адрианополю и далѣе въ Шибкѣ, и турки теперь напрягаютъ послѣднія усилія, но все разбивается какъ объ стѣну передъ нашими геройскими войсками, и болгарская дружина дерется хорошо. Они потеряли, говорятъ, до 600 человекъ и 22 офицера. Между тѣмъ и съ нашей стороны у Аяслара за Попкіемъ было дѣло; отличился Прохоровъ со своею дивизіей. Я тебѣ писалъ, что мы выступаемъ изъ Широка, чтобы видѣть войска, бывшія въ дѣлѣ. Въ 5^{1/2} часовъ мы двинулись долиною Лома, знакомою дорогою, на Острицы, оставивъ влѣво Кацелево, и прибыли при великолѣпномъ лунномъ освѣщеніи на позицію барона Дризена (начальника всей нашей кавалеріи) у Облавы. День былъ необыкновенно жаркій, душный, мы ѣхали шагомъ, чувствовался недостатокъ воздуха даже и ночью; красивы были горы и поля кукурузы, залитыя луннымъ свѣтомъ. Наше хорошее настроеніе мало-по-малу перешло

въ болѣе серьезное; казакъ нагналъ насъ съ извѣстіемъ, что у Шибки бой продолжается, не смотря на сильную потерю турокъ; а когда пришли въ Облаву, то получена была депеша отъ генерала Гана, что Прохоровъ оставилъ удержанныя имъ высоты и отступилъ къ Попкію, опасаясь быть обойденнымъ съ двухъ сторонъ. При этомъ Ганъ спрашивалъ, атаковать ли ему высоты свѣжими войсками, или нѣтъ? Мы остановились передъ Облавой (гдѣ находилась квартира барона Дризена) на скатѣ небольшой возвышенности. Здѣсь разложили мы наши вьюки; Цесаревичу поставили его небольшую tente arbi, а Барятинскій, Оболенскій, Гриммъ и я расположились вокругъ большого красиваго орѣховаго дерева, гдѣ и разложили наши бурки... Вьючный столъ былъ разложенъ и поставленъ; и часовъ въ 10 поданъ обѣдъ, весьма скромный, конечно, но мы были такъ голодны, что обрадовались и этому. Была минута очень серьезная, даже торжественная, — нужно было отвѣчать Гану. Долго совѣщался Цесаревичъ съ П. С. Ванновскимъ, наконецъ пришли къ тому, что предоставили на усмотрѣніе Гана атаковать, или нѣтъ, такъ какъ ему болѣе извѣстны мѣстности и условія и ничѣмъ его не обязывать и не стѣснять. Изъ его же депеши мы поняли, что онъ желаетъ атаки. Ему было предписано въ случаѣ атаки сдѣлать ее ночью, пользуясь ожидаемымъ луннымъ затмѣніемъ. Въ то же время получена депеша изъ главной квартиры, что предписано бомбардировать въ эту же ночь Руцукъ, а отъ великаго князя Владиміра Александровича изъ Трстеника, что онъ выѣхалъ въ передовую линію. Завязывалось такимъ образомъ дѣло по всей линіи. Послѣ долгихъ разсужденій Ванновскій началъ писать отвѣтную депешу Гану. Цесаревичъ сидѣлъ рядомъ; вмѣсто стола принесли какой-то ящикъ; я подошелъ, чтобы послушать, чтò пишутъ; въ это время барабанщики ударили зорю. Ванновскій остановился, когда послышалось стройное пѣніе: „Отче нашъ“. Мы сняли фуражки, Цесаревичъ и Ванновскій встали и перекрестились. То былъ нашъ караулъ; пропѣли отлично; потомъ — „Спаси Господи люди Твоя“, и опять послышалась дробь барабана, команда: накройсь — и все утихло. Ванновскій сѣлъ и продолжалъ писать депешу; я посмотрѣлъ вокругъ, — все утопало въ лунномъ сіяніи, вся окрестность каза-

лась волшебною и тѣнь отъ густыхъ деревьевъ, и горы кругомъ, и долины, и далекіе мелькающіе огни бивуаковъ, и темно-синее небо, усыпанное звѣздами! Кто-то пожалѣлъ, что не было съ нами художника, кажется, Сергѣй Максимиліановичъ. Цесаревичъ улыбнулся и сказалъ: „Cela se gravera dans notre mémoire“.

Еще до ужина началось лунное затмѣніе и очень скоро сдѣлалось совершенно темно; луна обратилась въ какое-то кровавое, грязное пятно. Было такъ темно, что принесли на столъ фонари. Я порядкомъ усталъ и, не раздѣваясь, легъ подъ орѣшникомъ, только снялъ сапоги.

Проснулся я въ 5 часовъ, когда еще солнце не вставало, а въ 6 мы уже двинулись далѣе на Опаку и Гагово. Дорога шла широкою долиною; по обѣимъ сторонамъ возвышались живописныя горы, и чѣмъ далѣе мы шли, тѣмъ дорога становилась красивѣе; горы все болѣе и болѣе покрывались зеленью и становились выше. Вправо осталась деревня Опака, въ лощинѣ, чрезъ которую проходитъ дорога, а потому эта позиція очень важна въ стратегическомъ отношеніи и, подкрѣпленная нами, образуетъ отличную защиту. Мы перешли каменный порядочный мостъ чрезъ Ломъ; горы раздвинулись еще болѣе, и въ 10 часовъ утра мы были въ Гаговѣ, гдѣ остановились у телеграфной станціи. Здѣсь Цесаревичъ телеграфировалъ Государю и получилъ отъ него депешу, что геройскій бой на Шибкѣ продолжается! Между тѣмъ отъ Гага изъ Попкію не было никакихъ свѣдѣній, и мы уже начинали думать, что онъ пошелъ въ атаку. Въ ожиданіи отъ него извѣстій расположились мы у какого-то сѣновала, скрываясь отъ солнца. Принесли взятую съ собою холодную провизію и яйца, и мы уже начали закусывать, когда къ удивленію является самъ генералъ Ганъ съ извѣстіемъ, что Прохоровъ отступилъ къ Попкію, и что атаковать возвышенности Аяслара рисковано, потому что турки необыкновенно живо устроили батареи и земляныя укрѣпленія, на что они большіе мастера. Къ сожалѣнію, мы прозѣвали сдѣлать то же самое. Тогда Цесаревичъ рѣшился немедленно двинуться къ Попкію, чтобы осмотрѣть позиціи и рѣшить, что дѣлать. Въ 11 часовъ прибыли мы въ Попкію, гдѣ къ изумленію наши деревню на совершенно открытомъ мѣстѣ, впереди котораго тянется черный хребетъ, сва-

чала небольшой, а за нимъ другой гораздо выше; оба заняты турками... Ясно было, что вести атаку, не имѣя сильныхъ резервовъ, было рискованно. Рѣшили, оставивъ въ Попкію передовыя войска для развѣдыванія, удержать линію Облава, Опака, Поломарцы, гдѣ на сильныхъ высотахъ и ожидать нападенія... Передовымъ частямъ продолжать держаться въ Садинѣ и Гаговѣ. Цесаревичъ объѣхалъ войска дивизіи Прохорова, отбившія турецкія атаки. Люди смотрѣли такими молодцами, что трудно было безъ волненія и восхищенія на нихъ глядѣть. Весело, бодро, съ какою-то удалюю смотрѣли они прямо въ глаза Цесаревичу, дружно отвѣчая на его привѣтствіе: „Здорово, молодцы!“ Но когда Цесаревичъ подѣхалъ къ фронту полковъ Прохорова и къ артиллеріи и, останавливая лошадь, произнесъ: „Государь Императоръ приказалъ мнѣ благодарить васъ, молодцовъ, за вчерашнее славное дѣло“,—тогда раздалось такое громовое ура, такая радость блеснула въ глазахъ этихъ людей, такая отвага видна была на всѣхъ этихъ лицахъ, что любо было смотрѣть!

Мы отдохнули въ Попкію какъ попало и въ тотъ же день въ 6 ч. выступили обратно въ Гагово... Ночевали въ полѣ между нѣсколькими скирдами соломы; я спалъ какъ убитый, хотя ночью пемного продувало; опять чудесная лунная ночь и не такая душная, какъ на канувѣ. Въ 7 ч. мы двинулись, все время подѣ конвоемъ двухъ эскадроновъ Лубенскаго гусарскаго полка.

Поломарцы. Это богатая, хорошая деревня, за которою мѣста совершенно мѣняются. Рѣшено было не возвращаться въ Широко и идти на Синапкію, и Васильковскій выѣхалъ ночью изъ Гагова, чтобы забрать обозъ и вести его на Синапкію. Мы двигались перемѣнною дорогою, то спускаясь, то влѣзая на возвышенности; кое-гдѣ попадались огромныя грушевыя деревья и изрѣдка дубы. Вообще я здѣсь не видѣлъ ни одного настоящаго лѣса. Ѣхали болѣе трехъ часовъ; вотъ показалась издали деревня. Мы всѣ обрадовались, подѣзжаемъ; Цесаревичъ уже выбираетъ себѣ мѣсто подѣ орѣховымъ деревомъ, но черезъ нѣсколько минутъ разочарованіе. Это деревня *Enidgessi*, замѣчательная тѣмъ, что болгары и турки живутъ въ ней въ дружбѣ и согласіи: и турки всѣ остались на своихъ мѣстахъ. Дѣлать нечего, поѣхали дальше, а жаръ такъ и

валить, и лошади переступаютъ съ трудомъ. Мы спустились въ лощину и напоили лошадей у фонтана съ отличной, холодной, какъ ледъ, водою. Проводникъ нашъ, болгаринъ, шелъ впереди; черезъ часъ только добрались мы до нашего желаннаго Синанкюя,—но что это за деревня! На половину сожженная и вся оставлена жителями; повсюду грязь, мусоръ и запахъ гари. Мы объѣхали вокругъ всей деревни, отыскивалъ фонтаны; они оказались гдѣ-то въ оврагѣ, трудно доступные; дороги къ нимъ нѣтъ; обозу дойти нѣтъ возможности. Долго искали мѣста, наконецъ Цесаревичъ выбралъ оврагъ, довольно широкій, и помѣстился подъ большимъ деревомъ. Пока не пришла часть обоза, Цесаревичъ со мною и докторомъ Гриммомъ отправился искать родниковъ; съ трудомъ нашли засоренный ключъ, который тутъ же и принялись расчищать. Цесаревичъ съ лопатою въ рукѣ работалъ неутомимо, но труды были напрасны: толку не добились и вернулись усталые къ тому же дереву, гдѣ и улеглись до прибытія легкаго обоза, съ которымъ прибылъ, наконецъ, и В. Шереметевъ. Его везли въ крытой повозкѣ, наполненной соломой и очень покойной. Ему гораздо лучше. Цесаревичъ нашель, что въ Синанкюѣ останавливаться бивуакомъ не возможно; онъ послалъ юнкера Лубенскаго полка Иванова, узнать, далеко ли до деревни Ходживіой и каково тамъ мѣсто. Ночевали опять подъ открытымъ небомъ.

Въ этотъ день нагналъ насъ за Поломарцами казакъ изъ Гагова съ депешою изъ Шибки, что отброшенные турки продолжаютъ атаковать, но безъ успѣха, и что подкрѣпленія наши подходятъ.

На другое утро въ 9 часовъ двинулись. Цесаревичъ предложилъ желающимъ идти съ нимъ въ Ходживіой пѣшкомъ. Пошли Вапновскій, его ординарецъ Страховъ, Стюрлеръ, Гриммъ, Олсуфьевъ и я. Прогулка—или скорѣе переходъ—была утомительна; сбились съ дороги, пошли полемъ, потомъ красивой тѣнистой тропинкой спустились въ долину, гдѣ нашли фонтанъ. Стюрлеръ съ трудомъ передвигалъ ноги и отсталъ; я остался съ нимъ; остальныхъ скоро потеряли изъ виду, но случайно добрались до мѣста и наткнулись на воегоръ съ двумя фонтанами и нѣсколькими большими деревьями, за которыми виднѣлось необозримое пространство пахотнаго поля, безъ малѣйшей растительности. Бивуакъ нашъ располо-

жился именно на этомъ мѣстѣ, благодаря близости фонтановъ. Труднѣе всего было обозу пробраться до нашего мѣста, но и это удалось, и вотъ мы опять подъ крышей.

26.

Ходжикіой. 17-го августа 1877 г.

Ежедневно Цесаревичъ дѣлаетъ съ нами прогулки по окрестностямъ; погода хорошая.

27.

Бѣла. 20-го августа 1877 г. 12¹/₂ ч. ночи.

Пишу съ квартиры профессора Корженевскаго, который любезно предложилъ мнѣ одну комнату, а самъ уѣхалъ съ своими помощниками въ Водицу, гдѣ собраны раненые въ послѣднихъ дѣлахъ XIII корпуса. Я здѣсь на перепутьѣ изъ главной квартиры Государя, изъ Горнаго Студня, куда отправленъ былъ вчера въ 5 часовъ утра изъ Ходжикіой съ письмомъ Мехмета-Али. Съ этимъ письмомъ прибылъ парламентаръ на наши аванпосты у Цопкіой и заявилъ, что, кромѣ передачи письма, онъ имѣетъ еще сообщить что-то важное великому князю главнокомандующему на словахъ. Пока Цесаревичъ телеграфировалъ, чтобы узнать, приметъ ли его великій князь, я отправленъ былъ съ письмомъ же въ главную квартиру.

Путь шелъ на Баницы по красивой дорогѣ, потомъ чрезъ брошенное и наполовину сожженное турецкое большое селеніе Баланбуларъ, которое славится своими виноградниками, и спустились къ Бѣлѣ, гдѣ комендантъ полковникъ Павловъ далъ мнѣ свѣжихъ лошадей. Далѣе на Павло, потомъ свернули на брошенную деревушку и попали въ Акшаяръ, оттуда черезъ Митхатъ-Паша по ровнымъ полямъ, почти стѣнными мѣстами, дотащился до Горнаго Студня въ то самое время, когда главнокомандующій выѣзжалъ изъ главной квартиры верхомъ для осмотра госпиталя. Я передалъ ему письмо Мехмета-Али. Онъ привѣтливо обратился съ вопросомъ: „Qu'est ce qu'il me veut?“ добавивъ, что вызвалъ парламентаря

къ себѣ и надѣется, что его привезутъ съ закрытыми глазами. Мнѣ же велѣлъ дожидаться его возвращенія у его палатки и сообщить о письмѣ нашему дипломату Нелидову....

28.

Д. Монастырь. 6-го сентября 1877 г.

Турки опять атаковали Шибку и отброшены съ большимъ урономъ. У насъ убитъ Мещерскій... Подъ Плевной началась осада; вызванъ Тотлебенъ... Въ большой палаткѣ еще слышны разговоры и раздается голосъ Цесаревича, который меня восхищаетъ своимъ спокойствіемъ и ясностію...

29.

Д. Монастырь. 9-го сентября 1877 г.

Я очень радъ, что В. Шереметевъ поѣхалъ въ Россію. Цесаревичъ хотя и сказалъ ему: „Счастливаго пути и скорого возвращенія!“ но потомъ прибавилъ, что ему вернуться только тогда, когда онъ совершенно поправится...

У доктора Гримма челоуѣкъ Высоковъ, дылда неувлюжал, ходитъ, размахивая руками, угловатъ и врывается въ кибитку точно съ извѣстіемъ, что нападаютъ турки. Потѣха слышать, какъ Гриммъ распекаетъ его: „Ты, мой другъ, очень глупъ, я тебя, мой другъ, прогоню!“

Цесаревичъ заходилъ ко мнѣ два раза; очень добръ и ласковъ. Онъ хочетъ перебраться въ избы...

30.

Д. Монастырь. 10-го сентября 1877 г.

Вчера въ первый разъ вышелъ изъ кибитки. За обѣдомъ были двое англичанъ, члены парламента *voyageurs de distinction* и въ то же время военные и сотрудники *Times*. Я уже ихъ видѣлъ въ Горнемъ Студнѣ, когда былъ 19-го августа. Они все въ тѣхъ же

уродливыхъ, безобразныхъ каскахъ. Одинъ изъ нихъ *Baker*, тотъ самый, что въ парламентѣ падалъ на Wellesley, за его долгое пребываніе въ Россіи; другой *Havelock*, сынъ знаменитаго генерала, отличившагося въ Индіи во время большого возстанія туземцевъ. Оба они вполне приличны... Они обѣдали у Цесаревича, который былъ съ ними простъ и привѣтливъ, какъ всегда: хозяинъ ласковый, но и съ особеннымъ достоинствомъ. Къ концу обѣда онъ велѣлъ подать „soda and cognac“. Мореплаватели ослабли, когда услышали родные звуки. За столомъ разговоръ былъ оживленный на французскомъ и англійскомъ языкахъ. Они въ рѣчахъ своихъ выражаютъ негодованіе по поводу убійствъ и варварствъ и восхваляютъ наши войска. Послѣ обѣда я слышалъ, какъ Havelock говорилъ про Цесаревича: „a charming man!“ и вообще расхваливалъ приемъ и обращеніе съ ними. „We are recieved like old friends althaugh we are perfect strangers“.

Я нашелъ случай сказать Гавелоку, что Леннохъ поручаетъ кланяться Wellesley. Havelock изумленно посмотрѣлъ на меня. „Lennox, oh!“ — „I have seen him with Mehemed Ali Pacha“, — пояснилъ я. — „Oh!“ и конечно обѣщавъ передать поклонъ, прибавивъ: „They are both good friends of mine“.

Пока англичане были у насъ, получались депеши за депешами и донесенія за донесеніями. Мой другъ Махметъ-Али рѣшился наконецъ дѣйствовать и вчера сдѣлалъ нападеніе на отрядъ Татищева (XI корпуса князя Шаховскаго), нашего сосѣда съ праваго фланга. Онъ заслоняетъ Тырново. Нѣсколько штурмовъ было отбито, но турки успѣли пробраться почти въ тылъ съ лѣваго фланга, между Церковной и Чаркіоемъ, и заняли деревушку. Въ это время нашего отряда Вятскій полкъ, свѣжій, только что прибывшій изъ Россіи, въ-время ударилъ туркамъ во флангъ, выбилъ изъ деревни и преслѣдовалъ быстро отступавшаго непріятеля; еще разъ они попробовали напасть на центръ Татищева, но окончательно отброшенные, съ большими потерями, отступили. Сегодня ожидали продолженія нападенія, но до сихъ поръ ничего нѣтъ; видно, пощипали ихъ порядкомъ, а между тѣмъ уже вся 3-я дивизія гвардіи за Дунаемъ!

Останется ли зиму здѣсь Цесаревичъ, или нѣтъ, не извѣстно никому. Могу сказать, что Сергѣй Максимиліановичъ убѣжденъ, что не останется; но самъ Цесаревичъ намекаетъ на зимнее время.

31.

Д. Монастырь. 13-го сентября 1877 г.

Дождь льетъ цѣлый день, осенній мелкій дождь; сыростью обдаеть кругомъ; кибитка моя пропиталась водою, хотя и не протекаетъ, но отъ войлока несетъ какимъ-то сырьемъ. Иначе выходить нельзя, какъ въ личныхъ сапогахъ, ноги въ грязи вязнутъ и скользятъ. И когда всему этому конецъ?...

32.

Дольный Монастырь. 13-го сентября 1877 г.

Завтра Цесаревичъ ѣдетъ въ Горный Студень; тамъ ночуетъ. Сегодня случилось маленькое происшествіе, которое можно назвать „скандальчикомъ“. Пріятели Baker и Havelock, осмотрѣвъ всѣ позиціи, вернулись сюда съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ Бухарестъ. Ужъ какъ именно случилось, не знаю, но вышло такъ, что Havelock вдругъ неизвѣстно почему палкой приколотилъ нашего отряднаго драгомана, болгарина Сладко; какое-то между ними произошло недоразумѣніе. Havelock принялъ слова Сладко за дерзость, тогда какъ тотъ вовсе не желалъ быть дерзкимъ, — взялъ да и прибилъ его! Нельзя сказать, чтобы такое обращеніе было gentlemanlike. Сладко оскорбился и повлекъ Гавелока къ коменданту Зарубаеву, который ни слова по англійски не разумѣлъ. Случайно попалъ я туда же для объясненій; вижу Havelock что называется пѣна у рта, а Baker невозмутимо спокоенъ. Пошли судиться къ П. С. Ванновскому. Сладко требовалъ дуели. Оказалось, что Havelock былъ порядочно „выпимши“, долго очень горячился, но Ванновскій представилъ ему всю неблаговидность его поступка. Havelock принужденъ былъ торжественно извиниться у Сладко, и тотчасъ же уѣхалъ. Никто не ожидалъ такого обра-

щенія отъ члена англійскаго парламента... А что еслибы кто-нибудь изъ насъ, прїѣхавъ въ англійскую главную квартиру выкинулъ бы нѣчто подобное?... Теперь они хотя и признають, что наши солдаты храбры, но прибавляютъ: „Savage courage!“ Теперь принято у нихъ насъ сравнивать съ турками, что моль качества и недостатки тѣ же; однимъ словомъ два дикихъ народа, два гладіатора, показывающіе представленіе передъ сынами Альбіона.

33.

Д. Монастырь. 14-го сентября 1877 г.

Все тихо на аванпостахъ, и, по видимому, Мехметъ-Али послѣ пораженія у Чарвіоя не рѣшается такъ скоро возобновить атаку. Погода опять портится, дождь льетъ безостановочно.....

Графъ Серій Шереметевъ.

ВОСПОМИНАНІЕ ПРОФ. В. Ф. ГРУБЕ ОБЪ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ Ш.

17-го октября съ полудня Харьковскій вокзалъ сталъ наполняться народомъ въ ожиданіи проѣзда Ихъ Величествъ. Въ часъ дня пронеслась потрясающая вѣсть о крушеніи Императорскаго поѣзда... Грустно склонили мы голову подъ этимъ неожиданнымъ ударомъ судьбы, съ безпокойствомъ и тревогой ожидая дальнѣйшихъ извѣстій. Наконецъ, успокоительная вѣсть о чудесномъ спасеніи Царской Семьи донеслась до насъ. Пошли толки, разспросы...

Въ 3 часа дня, когда стало извѣстно, что Ихъ Величествъ въ этотъ день не будетъ, большинство, въ томъ числѣ и я, отправилось по домамъ.

Между тѣмъ стоустая молва украсила пришедшія извѣстія вымышленными подробностями, которыя впослѣдствіи попали даже на страницы періодическихъ изданій. Не наше дѣло возстановлять всѣ детали этой грандіозно-печальной катастрофы. Наша задача значительно скромнѣе: мы намѣрены воспроизвести истину въ дѣлѣ организаціи медицинской помощи при крушеніи 17-го октября, со словъ очевидцевъ и по нашимъ личнымъ наблюденіямъ: всякая подробность, съ какой бы стороны она ни касалась историческаго факта крушенія, драгоцѣнна, если она только вѣрна дѣйствительности и дополняетъ картину, которая неизгладимыми штрихами должна быть вѣзана въ памяти cadaго.

Тотчасъ же вслѣдъ за катастрофой, по личному повелѣнію Государя Императора, выстрѣлами часовыхъ поднята была тревога, благодаря которой въ непродолжительномъ времени къ мѣсту крушенія стянуто было около 100 человѣкъ нижнихъ чиновъ 121-го пѣхотнаго Пензенскаго полка со своими офицерами. Немедленно, подъ непосредственнымъ руководствомъ Его Величества, приступили къ освобожденію раненыхъ и убитыхъ изъ-подъ обломковъ разбитыхъ вагоновъ.

Работа эта, дѣятельно направляемая Ихъ Величествами, быстро подвигалась впередъ. Всѣ раненые и убитые, за исключеніемъ оставшихся въ уцѣлѣвшихъ вагонахъ, вскорѣ были освобождены и размѣщены внизу подъ откосомъ. Государь Императоръ, узнавъ о томъ, что на ближайшей станціи (Борки) находится военный врачъ, изволилъ немедленно послать за нимъ верхового, который однако уже не засталъ его, такъ какъ тотъ, предувѣдомленный телеграммой, мчался въ это время къ мѣсту крушенія.

На станціи Боркахъ задержанъ былъ товаро - пассажирскій поѣздъ № 5-й въ ожиданіи прослѣдованія Ихъ Величествъ. По полученіи печальнаго извѣстія на мѣсто крушенія отправленъ былъ паровозъ этого поѣзда, а минутъ черезъ пять по уходѣ его получена была телеграмма, приказывавшая приготовить рабочихъ, поѣздъ для раненыхъ и убитыхъ, а также врачей для подачи помощи. Тогда пассажировъ стоявшаго поѣзда немедленно высадили на станцію и, какъ только прибылъ паровозъ, отправленный Государемъ Императоромъ назадъ, этотъ quasi-санитарный поѣздъ отправился къ мѣсту крушенія. Въ немъ находились рабочіе и военный врачъ 121-го Пензенскаго полка, д-ръ Бирюковичъ.

Едва послѣдній вышелъ изъ вагона, какъ Государь Императоръ изволилъ обратиться къ нему съ вопросомъ:

— „Есть у васъ инструменты и перевязочный матеріалъ?“

— „Есть карманный наборъ и немного матеріала, Ваше Величество“.

— „Такъ подавайте скорѣе раненымъ помощь!“

Д-ръ Бирюковичъ тотчасъ же приступилъ къ осмотру и изслѣдованію.

На мѣстѣ крушенія онъ уже засталъ двухъ фельдшеровъ:

земскаго и военнаго. Первый привезъ съ собою изъ деревни Тарановки гигроскопическую вату и мягкую марлю. По словамъ д-ра Бирюковича, ни сулемы, ни карболовой кислоты, ни іодоформа, однимъ словомъ, ни одного изъ современныхъ антисептическихъ средствъ въ достаточномъ количествѣ не оказалось.

Въ то время какъ военный врачъ приготовлялся къ перевязкѣ раненыхъ, лейбъ-хирургъ д-ръ Гиршъ дѣятельно подавалъ помощь лицамъ Императорской Свиты и тѣмъ изъ пострадавшихъ, которые лежали въ уцѣлѣвшихъ вагонахъ. Къ д-ру Гиршу вскорѣ присоединился слѣдовавшій въ свитскомъ поѣздѣ д-ръ Раухфусъ.

Обойдя всѣхъ раненыхъ и наскоро діагноспировавъ полученныя ими поврежденія, д-ръ Бирюковичъ, въ виду недостатка перевязочнаго матеріала, сначала подалъ помощь наиболѣе тяжелымъ изъ нихъ, порѣшивъ оставить пока безъ перевязки всѣхъ тѣхъ, поврежденія которыхъ ограничивались только простыми переломами.

Въ то же время Ихъ Величества изволили обходить всѣхъ раненыхъ и словами утѣшенія ободряли ослабѣвшихъ и упавшихъ духомъ.

Погода съ каждою минутою становилась все ненастнѣе и ненастнѣе: шелъ проливной дождь, холодный, пронзительный вѣтеръ леденилъ эту печальную группу изувѣченныхъ, временно пріютившихся на мокромъ глинистомъ днѣ балки. По приказанію Государя Императора разведены были костры, раненые прикрыты запасными шинелями солдатъ, — ничто не помогало: коченѣющимъ языкомъ несчастные молили только о томъ, чтобы ихъ поскорѣ перенесли въ теплые вагоны... Его Величество, стойчески перенося и ливень, и холодъ, изъявилъ непоколебимое рѣшеніе оставаться возлѣ раненыхъ до тѣхъ поръ, пока всѣ они не будутъ убраны въ вагоны.

Имѣя все это въ виду, военный врачъ занялся съ помощью солдатъ переноской всѣхъ раненыхъ и убитыхъ со дна балки на верхъ насыпи, гдѣ и складывали ихъ возлѣ вагоновъ товаро-пассажирскаго поѣзда. Транспортировка эта представляла необычайныя трудности. Вышина насыпи (5 саж.), мокрая, скользкая почва, неопытность солдатъ, неожиданно превращенныхъ въ санитаровъ,

— все это сильно препятствовало быстрому окончанію перемѣщенія, которое производилось отчасти на носилкахъ, отчасти на диванчикахъ отъ разбитыхъ вагоновъ. Наконецъ это было окончено. На новомъ мѣстѣ развели опять костры, чтобы хоть нѣсколько согрѣть эту замерзшую массу изувѣченныхъ рукъ и ногъ...

Такъ какъ уже для первыхъ 2 — 3 перевязокъ весь перевязочный матеріалъ былъ исчерпанъ еще у подножія насыпи, то, по милостивому предложенію Ея Величества, было употреблено теперь для этой цѣли Ея бѣлье, уцѣлѣвшее въ вагонахъ разбитаго поѣзда. Оттуда же была прислана корзина вина, ромъ, коньякъ, хлѣбъ и сыръ для подкрѣпленія силъ раненыхъ.

Самая тяжелая часть работы однако была еще впереди. Надо было всѣхъ пострадавшихъ перенести въ вагоны, совершенно неприспособленные для этого экстраординарнаго случая. Двери вагоновъ оказались на столько узкими, что ни носилки, ни диванчики отъ разбитыхъ вагоновъ не входили туда. Пришлось воспользоваться для этой цѣли верхней доской отъ разбитаго стола императорской столовой; съ помощью этой доски, обтесанной топорами, удавалось при величайшихъ затрудненіяхъ просунуть раненаго сквозь дверное отверстіе. Около каждаго вагона приходилось устраивать особыя подставки для носильщиковъ, чтобы импровизированныя носилки можно было поднять выше перилъ площадки и, просунувъ ихъ въ дверь, передать другой партіи солдатъ, принимавшихъ раненаго и укладывавшихъ его на длинной твердой скамейкѣ 3-го класса. Для всей этой процедуры на каждаго больного требовалось не менѣе 12 человѣкъ.

Во время транспортировки барона Шернвала д-ръ Бирюковичъ былъ осчастливленъ во второй разъ милостивымъ обращеніемъ къ нему Его Величества, который, видя, что баронъ очень легко одѣтъ, изволилъ сострадательно замѣтить: „Укройте барона потеплѣ!“

Къ концу этой посадки прибылъ изъ Харькова санитарный поѣздъ съ желѣзнодорожными врачами, гг. Соколовскимъ и Лидынымъ, къ которымъ на станціи Мерефѣ присоединился военный врачъ, г. Чайковскій. Въ поѣздѣ этомъ былъ всего одинъ санитарный вагонъ, приспособленный для перевозки тяжелораненыхъ.

Туда упомянутые врачи успѣшили перенести барона Шернвала вмѣстѣ съ тремя другими опасно ранеными. Съ прибытіемъ санитарнаго поѣзда вновь закипѣла перевязочная работа, такъ какъ привезенъ былъ необходимый для этой цѣли матеріаль.

Санитарный поѣздъ, отправившись изъ Харькова довольно поздно, по какой-то неизвѣстной причинѣ простоялъ на станціи Боркахъ около 45 минутъ въ полномъ непростительномъ бездѣйствіи. Въ это время раненые невыносимо страдали отъ дождя и холода...

Когда всѣ, наконецъ, были убраны въ вагоны, а убитые, въ свою очередь, сгруппированы въ переднемъ вагонѣ, поѣзда были сцеплены и отправлены въ Харьковъ. На каждый вагонъ, по распоряженію подполковника Ненадкевича, назначено было для ухода за ранеными по 2 солдата.

На станціи Боркахъ этотъ транспортъ раненыхъ и убитыхъ встрѣтился съ экстреннымъ поѣздомъ, на которомъ ѣхалъ я съ врачами и студентами. Я получилъ вызывавшую меня на мѣсто крушенія телеграмму только въ 4 часа дня у себя на дому, въ половинѣ пятого я уже выѣхалъ съ экстреннымъ поѣздомъ, захвативъ съ собою находившихся на вокзалѣ врачей (д-ра: Тринклеръ, Раковскій, Кононенко, Демьяновъ и Герратъ) и нѣсколькихъ студентовъ 4 курса медицинскаго факультета. Я взялъ съ собою большой запасъ перевязочнаго матеріала, антисептическихъ средствъ и необходимые инструменты. Не задолго до моего отъѣзда на мѣсто крушенія отправился г. харьковскій губернаторъ вмѣстѣ съ врачомъ Андіономъ, находившимся на вокзалѣ въ моментъ отправленія поѣзда.

Мы прибыли на станцію Борки въ три четвери шестого и тамъ, какъ я уже сказалъ, застали длинный поѣздъ, составленный изъ санитарнаго и товаро-пассажирскаго и переполненный ранеными и убитыми. Прежде всего я телеграммой извѣстилъ ординаторовъ моей клиники, чтобы приготовили, сколько окажется возможнымъ, кроватей для приѣма раненыхъ, и чтобы одна часть ординаторовъ выѣхала на встрѣчу съ носилками и всѣми приспособленіями, необходимыми для транспортированія раненыхъ съ вокзала, а другая — заготовила свѣжій перевязочный матеріаль, постельное и носильное бѣлье и т. д.

Затѣмъ я со всѣми врачами, какъ мною привезенными, такъ

и прїѣхавшими до меня, перешелъ въ санитарный поѣздъ и, начиная съ барона Шернваль, подвергъ всѣхъ раненыхъ тщательному осмотру и изслѣдованію, назначая каждому изъ нихъ соотвѣтственную перевязку и непрерывно слѣдя за правильнымъ исполненіемъ предписаннаго. Переходя изъ вагона въ вагонъ, я, при помощи значительнаго количества собравшихся въ поѣздѣ врачей и студентовъ, мало-по-малу успѣлъ *всѣхъ заново* перевязать послѣ предварительной тщательной очистки и дезинфекціи. Вагоны совершенно имѣли видъ перевязочнаго пункта. Эта работа дѣятельно продолжалась во все время слѣдованія поѣзда до Харькова.

Медленно приближался печальный кортежъ къ вокзальной платформѣ, устланной народомъ, съ ветерпѣніемъ ожидавшимъ извѣстій....

Тотчасъ по прибытіи, я, при содѣйствіи генерала Мартынова и начальника охраны, генерала Желтухина, занялся высадкой раненыхъ съ поѣзда. Вагонъ за вагономъ подвозился къ Императорскимъ покоемъ, чтобы сократить путь для транспортированія, и раненые на носилкахъ осторожно переносились на вокзалъ.

Отъ ординаторовъ своихъ, выѣхавшихъ на вокзалъ, я узналъ, что имъ удалось освободить въ клиникѣ для пріема раненыхъ *девять* кроватей. Тогда я сдѣлалъ слѣдующее распредѣленіе: *девяти*—наиболѣе тяжело раненыхъ, за исключеніемъ одного умирающаго, который бы не вынесъ далекой транспортировки, я отправилъ, по просьбѣ генерала Мартынова, къ себѣ въ клинику; *десять*—направлены въ желѣзнодорожную больницу и *четыре*, въ томъ числѣ и умирающій,—въ Александровскую больницу. Баронъ Шернваль, по его настойчивому желанію, оставленъ на вокзалѣ въ царскихъ покоемъ. Накопецъ, 14 человекъ, получившихъ очень легкія пораненія и желавшихъ во что бы то ни стало продолжать свой путь, оставлены на сутки въ Харьковѣ съ тѣмъ, чтобы на другой день ихъ отправить въ С.-Петербургъ. Двѣнадцать изъ нихъ для отдыха и перевязки посланы были въ Александровскую больницу, а двое—въ желѣзнодорожную. На другой день всѣ они дѣйствительно уѣхали *).

*) Я приведу здѣсь же списокъ ихъ съ краткимъ перечнемъ полученныхъ ими поврежденій:

Распредѣливъ такимъ образомъ всѣхъ раненыхъ по разнымъ больницамъ, я занялся немедленнымъ транспортированіемъ ихъ въ назначенныя лѣчебныя заведенія. Наибольшія затрудненія представлялъ транспортъ тѣхъ девяти человекъ, которые направлялись въ мою клинику, въ виду довольно значительнаго разстоянія, отдѣляющаго послѣднюю отъ вокзала.

А. Въ городской Александровской больницѣ въ госпитальномъ клиническомъ отдѣленіи проф. И. К. Зарубина:

1. *Никольниковъ, Николай*, крестьянинъ Курской губ., 27 лѣтъ отъ роду, служащій при буфетѣ.

Порѣзанная рана праваго предплечья и ушибъ груди.

2. *Алаповъ, Стефанъ*, крестьянинъ С.-Петербургской губ., 45 лѣтъ, служащій при буфетѣ.

Ушибленная рана носа и правой кисти.

3. *Михайловъ, Сергій*, крестьянинъ С.-Петербургской губ., 35 лѣтъ, служащій при буфетѣ.

Ушибленные раны на покровахъ головы и пальцахъ лѣвой руки.

4. *Луговскій, Николай*, 32 лѣтъ отъ роду, поварь.

Ушибленные раны на покровахъ головы и нижнихъ конечностей.

5. *Абрамовъ, Кононъ*, крестьянинъ С.-Петербургской губ., 27 лѣтъ, черно-рабочій.

Ожога второй степени на синиѣ (въ области обѣихъ лопатокъ).

6. *Николаевъ, Алексій*, мѣщанинъ г. Вышняго Волочка, 18 лѣтъ, дворцовый поварь.

Ушибленная и колотая раны покрововъ праваго виска.

7. *Егоровъ, Зиновій*, крестьянинъ Рязанской губ., 46 л., служащій при кухнѣ.

Ушибы спины и ушибленные раны обонхъ предплечій.

8. *Пирожниковъ, Василій*, С.-Петербургскій ремесленникъ, 21 года отъ роду, поварь.

Ушибы покрововъ головы и обѣихъ рукъ.

9. *Козловъ, Михаилъ*, крестьянинъ Тверской губ., 17 л., поварь.

Ушибъ лица и ушибленная рана предплечія.

10. *Самаринъ, Ѳеодоръ*, крестьянинъ Нижегородской г., 30 лѣтъ, служащій при буфетѣ.

Ушибъ бедра и ожога второй степени лѣвой голени

11. *Ѳеодоровъ, Матвѣй*, Петербургскій ремесленникъ, 22 лѣтъ, поварь.

Ушибы головы и лица.

12. *Семеновъ, Петръ*.

Ушибленные раны покрововъ черепа и ушибъ лѣвой голени.

В. Въ желѣзнодорожной больницѣ:

1. *Ивановъ, Алексій*, дворцовый поварь, 30 лѣтъ отъ роду.

Ссадины на лбу и ожога первой степени на плечѣ.

2. *Кузнецовъ, Ѳеодоръ*, оффиціантъ, 40 лѣтъ.

Ссадины и ушибы на лѣвой голени.

Каждый изъ нихъ подѣ моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ осторожно укладывался на носилки и съ помощью восьми человѣкъ носильщиковъ—необходимо было двѣ смѣны, по 4 человѣка въ каждой—медленно доставлялся въ мѣсту назначенія, гдѣ часть моихъ ординаторовъ принимала его и приготавливала все для новой перевязки.

Когда всѣ раненные на моихъ глазахъ были отправлены въ назначенныя имъ больницы, я поручилъ д-ру Кононенку озаботиться очисткой и омываніемъ убитыхъ (21 человѣкъ) и исполненіемъ всѣхъ прочихъ христіанскихъ обрядовъ, такъ какъ всѣхъ убитыхъ нужно было на другой день отправить въ гробахъ въ С.-Петербургъ. Исполнивъ этотъ послѣдній долгъ, я отправился въ клинику—это было около десяти часовъ вечера,—чтобы привести тамъ все въ порядокъ.

Повязки, спѣшно наложенныя въ санитарномъ поѣздѣ, были сняты, и раненные подвергнуты тщательному осмотру и изслѣдованію. Въ виду отсутствія, антисептическихъ средствъ во время подачи помощи на мѣстѣ крушенія, всякая царапина третировалась нами, какъ зараженная рана. Съ помощью всѣхъ своихъ ординаторовъ я подвергъ раненныхъ самой тщательной очисткѣ и дезинфекціи. Затѣмъ, наложивъ каждому соотвѣтственную, исполненную *lege artis* антисептическую повязку, я распредѣлил ихъ въ двухъ палатахъ. Вся эта работа, не смотря на массу рукъ, заняла около трехъ часовъ съ лишнимъ, такъ что раненные, накормленные и напоенные, вкусили сладость перваго отдыха только въ половинѣ второго часа ночи.

Когда на другой день они отдохнули отъ грустныхъ ощущеній предшествовавшаго дня, они заявили мнѣ, что Ихъ Величества изволили общать при поѣздѣ чрезъ Харьковъ посѣтить всѣхъ пострадавшихъ отъ крушенія. Я не смѣлъ вѣрить тому, что моя клиника будетъ осчастливлена Августѣйшимъ посѣщеніемъ, однако раненные твердо стояли на своемъ и съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидали Высочайшаго поѣзда.

19-го октября съ раняго утра Университетская улица стала наполняться народомъ, который горѣлъ желаніемъ привѣтствовать чудомъ спасенную Царскую Семью.

Тотчасъ по прибытіи на станцію Ихъ Величества изволили объявить о своемъ намѣреніи посѣтить всѣхъ раненыхъ и въ сопровожденіи моемъ и проф. Зарубина навѣстили прежде всего ближайшую желѣзнодорожную больницу. Здѣсь Ихъ Величества соблаговолили обойти всѣхъ больныхъ, утѣшая и ободряя cadaго. Объясненія относительно полученныхъ ими поврежденій имѣли счастье давать желѣзнодорожные врачи. По окончаніи осмотра Ихъ Величества изволили отправиться въ мою клинику.

Возлѣ Университетской церкви и хирургической клиники улица была запружена людьми, сжатыми въ одну плотную, непроницаемую массу. Звонъ колоколовъ возвѣстилъ приближеніе Ихъ Величествъ, которые въ открытой коляскѣ показались на углу Университетской улицы. Ряды, какъ бы по волшебству, разступились, и Ихъ Величества, сопровождаемая Ихъ Высочествами, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ, и свитой, при восторженныхъ крикахъ восхищеннаго народа, остановились у воротъ моей клиники. Энтузіазмъ былъ на столько великъ, что Ихъ Величества не имѣли въ теченіе нѣсколькихъ минутъ возможности пройти въ ворота, такъ какъ неимоверное количество рукъ протягивалось къ Нимъ: люди стремились поцѣловать полы Ихъ платьевъ. Накопецъ, Ихъ Величества изволили взойти въ палаты при крикахъ несмолкаемаго „ура“ со стороны собравшихся студентовъ и врачей.

Я не берусь описывать того впечатлѣнія, которое произвело на раненыхъ появленіе Ихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ въ палатахъ. Только тотъ можетъ себѣ составить нѣкоторое представленіе объ этомъ, кто видѣлъ эти сіяющія лица, эти торжествующія улыбки, эти восхищенные взоры... Ихъ Величества соблаговолили раздѣлиться и отдѣльно обойти всѣхъ пострадавшихъ, спрашивая и утѣшая cadaго изъ нихъ. Для всякаго нашлись у Нихъ сострадательное слово и ободряющая улыбка. Особенно долго стояли Ихъ Величества около кровати Федорова, наиболѣе опасно раненаго, и, внимательно всматриваясь въ посинѣвшее лицо его, грустно и трогательно попрощались съ нимъ, какъ бы предчувствуя, что Они съ нимъ болѣе не увидятся.

При обходѣ я вмѣстѣ съ ординаторами имѣлъ счастье давать

необходимыя объясненія Ихъ Величествамъ о состояніи каждаго изъ равныхъ.

Вслѣдъ за Ихъ Величествами къ постелямъ больныхъ подходили Ихъ Высочества, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ, которые своимъ трогательнымъ участіемъ также принесли много утѣшенія пострадавшимъ.

Обойдя всѣхъ, Ихъ Величества и Ихъ Высочества изволили отбыть изъ клиники въ Университетскую церковь и оттуда при восторженныхъ крикахъ жителей прослѣдовали въ Александровскую больницу, гдѣ также осмотрѣли и утѣшили находившихся тамъ раненыхъ. Всѣ необходимыя разъясненія имѣлъ счастье давать проф. Зарубинъ.

Закончивъ дѣло состраданія, Царская Семья покинула Харьковъ, оставивъ въ сердцахъ его жителей неизгладимое воспоминаніе о Своемъ пребываніи.

Еслибы кто-нибудь увидѣлъ раненыхъ въ этотъ день, онъ пришелъ бы, навѣрное, къ заключенію, что всѣ они получили легкія поврежденія. Дѣйствительно, стоны и вздохи уступили мѣсто душевному удовлетворенію и спокойствію; лица оживились, полилась бесѣда, точно крушеніе случилось давнымъ-давно. Однимъ словомъ, въ состояніи всѣхъ раненыхъ оказалась такая значительная перемѣна къ лучшему, которая меня и удивила, и обрадовала. Нѣтъ сомнѣнія, что эта перемѣна въ настроеніи духа способствовала болѣе скорому выздоровленію многихъ изъ нихъ, чѣмъ этого можно было бы ожидать, судя по полученнымъ поврежденіямъ.

Само собою разумѣется, что при экстраординарномъ скопленіи больныхъ въ моей клиникѣ надо было напечь всѣ усилія со стороны подвѣдомственнаго мнѣ медицинскаго персонала, чтобы учредить за ними правильный врачебный надзоръ, вести тщательныя наблюденія за малѣйшими перемѣнами въ ихъ положеніи, устроить заботливый уходъ и т. п.

Съ помощью моихъ ординаторовъ (д-ра: Тринклеръ, Филипповъ, Говсѣевъ, Федорченко, Гермапъ, Дракинъ, Хавкинъ, Райцыпъ и Кузнецовъ) и сестры милосердія (m-lle Пассекъ), между которыми я распредѣлилъ всѣ обязанности, мнѣ удалось достигнуть желанныхъ результатовъ.

Въ Александровской больницѣ, гдѣ раненные находились на попеченіи проф. И. К. Зарубина, тѣ же обязанности были распределены между ординаторами этой больницы (д-ра: Яковенко, Шульцъ, Никитскій, Герратъ и Красновъ).

Въ желѣзнодорожной больницѣ, кромѣ завѣдующаго, д-ра Соколовскаго, уходъ и наблюденіе за ранеными возложены были на врачей этой больницы (д-ра: Лицынъ и Шкляверъ) при участіи сестеръ Краснаго Креста (изъ Харьковской Общины).

Наконецъ, баронъ Шернваль, оставшійся на вокзалѣ, порученъ старшему врачу желѣзнодорожной больницы, г. Соколовскому, который и заботился о немъ подъ моимъ руководствомъ.

Дальнѣйшій ходъ лѣченія производился безъ всякихъ переменъ въ составѣ медицинскаго персонала, котораго оказалось достаточно для удовлетворенія многочисленныхъ нуждъ раненныхъ.

Изъ всего числа послѣднихъ умерло *двое*: Оедоровъ, скончавшійся внезапно черезъ 2 недѣли отъ жировой эмболии въ моей клиникѣ, и Сафроновъ—на другой день крушенія въ Александровской больницѣ.

Остальные, при тщательномъ уходѣ, почти въ *два* мѣсяца на столько оправились, что были въ состояніи возвратиться къ мѣстамъ своего служенія*).

Слезы умиленія и до сихъ поръ навертываются у меня каждый разъ, какъ я вспомню про тѣ милыя бесѣды, которыхъ неоднократно удостоивалъ меня въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ III.

Обаятельная простота обращенія, необычайно ласковый взглядъ и задушевный голосъ Царя-Богатыря никогда не изгладятся изъ моей памяти. Живо помню, какъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ одной изъ такихъ бесѣдъ я рассказывалъ своимъ товарищамъ и

---

*) Все выше напечатанное взято изъ брошюры покойнаго пивѣ проф. В. Ф. Грубе подъ заглавіемъ „Врачебная помощь при крушеніи императорскаго поѣзда 17-го октября 1888 года близъ станціи Юрки Курско-Харьково-Азовской ж. д. Изданіе второе. Харьковъ. 1889, стр. 3—14“. Дальнѣйшія свои воспоминанія проф. Грубе доставилъ въ Общество въ рукописи.

знакомымъ, что съ Государемъ можно объясняться гораздо проще и непринужденнѣе, чѣмъ съ любымъ генераломъ.

Впервые мнѣ довелось говорить съ Государемъ-Миротворцемъ 19-го октября 1888 года въ Харьковской желѣзнодорожной больницѣ. На мое заявленіе, что раненные, находящіеся въ факультетской клиникѣ, въ которой я состою директоромъ, жаждутъ увидѣть всю Царскую Семью, Его Величество изволилъ спросить меня, какъ далеко до моей клиники, и, узнавъ, что не болѣе пяти минутъ ѣзды, изволилъ объявить, что сейчасъ туда поѣдетъ. По прибытіи Государя Императора въ Петербургъ меня ежедневно запрашивали по телеграфу изъ Гатчины и Аничкова дворца о состояніи здоровья раненныхъ, оставленныхъ въ моей клиникѣ и въ другихъ харьковскихъ больничныхъ помѣщеніяхъ.

Во второй разъ я имѣлъ счастье бесѣдовать съ Его Величествомъ въ январѣ 1889 года. Въ бытность мою въ Петербургѣ на Пироговскомъ съѣздѣ врачей, я былъ увѣдомленъ черезъ князя Оболенскаго, что Государь выразилъ желаніе меня видѣть и приметъ меня 11-го января. Въ назначенный день я отправился въ Аничковъ дворецъ, гдѣ и былъ принятъ Его Величествомъ въ кабинетѣ. Первыя милостивыя слова Его, обращенныя ко мнѣ, были: „Благодарю васъ за людей, которые въ восторгѣ отъ ухода и вашего ласковаго обращенія съ ними“. Я осмѣлился выразить, что какъ ни лестно для меня и моихъ помощниковъ это Царское спасибо, но мы его не заслужили, такъ какъ только исполнили свой долгъ. Къ этому я присовокупилъ, что если нѣкоторые изъ людей не вполне еще поправились, то потому, что желѣзнодорожные ушибы, которымъ англичане даже присвоили особое названіе „concussion“, отличаются отъ обыкновенныхъ ушибовъ гораздо большимъ упорствомъ. Соглашаясь со мною, Его Величество изволилъ добавить, что и онъ самъ со дня крушенія ощущаетъ боль въ правомъ бедрѣ, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, противъ котораго приходилась папиросница въ карманѣ брюкъ, а также въ поясницѣ и выше, при чемъ подробно и точно указалъ мнѣ всѣ мѣста, гдѣ ощущались боли, что до сихъ поръ не прошелъ и ушибъ руки у Государыни Императрицы, но что Его особенно тревожитъ здоровье Великой Княжны Ольги, которая испытывала послѣ ката-

строфы непреодолимый страхъ ко всякаго рода ѣздѣ; на этотъ счетъ Государь изволилъ спросить мое мнѣніе. Я постарался, на сколько могъ, успокоить Его Величество, выставляя на видъ, что въ дѣтскомъ возрастѣ такіа сотрясенія, на сколько показала мнѣ моя долготѣнная практика, проходятъ безслѣдно, и совѣтовалъ по возможности избѣгать принужденія къ передвиженію, пока само время постепенно не уничтожитъ этого страха. Затѣмъ Его Величество снова завелъ рѣчь о людяхъ, лежавшихъ въ моей клиникѣ, говорилъ о томъ, что смерть Ѳедорова Его нисколько не поразила, такъ какъ при томъ положеніи, въ какомъ онъ его оставилъ, нельзя было и думать о выздоровленіи, и закончилъ опять благодарностью за мое внимательное и сердечное отношеніе къ раненымъ.

Пять лѣтъ спустя, я удостоился еще болѣе высокой Монаршей милости.

Въ январѣ 1894 года я поранилъ себѣ руку во время производства операціи въ клиникѣ и заболѣлъ гниlostнымъ зараженіемъ крови. Жизнь моя висѣла на волосѣ, когда 30-го января того же года я былъ осчастливленъ телеграммой министра двора, въ коей выражалось соболѣзнованіе Ихъ Величествъ къ постигшему меня недугу *).

Въ то же время губернатору и командиру 10-го армейскаго корпуса поручено было ежедневно доносить министру двора для доклада Ихъ Величествамъ о ходѣ моей болѣзни. Смѣло могу утверждать, что необычайная милость и вниманіе со стороны Монарха-Человѣколюбца и Августѣйшей Императрицы, сразу поднявшія мои угасавшія силы, дали рѣшительный толчокъ къ моему постепенному выздоровленію. Не могу также не упомянуть, что 14-го іюня 1894 года, при посѣщеніи мѣста крушенія, Его Величество, уже самъ тяжело-больной, проходя мимо профессоровъ Харьковскаго университета, изволилъ освѣдомиться о состояніи моего здоровья и о мѣстѣ моего пребыванія. Нужно ли говорить, какое пламенное желаніе у меня было лично повергнуть къ стопамъ Его Величества чувство моей безпредѣльной любви и признательности за столь ми-

---

*) Телеграмма была слѣдующаго содержанія: „Ихъ Императорскія Величества, сердечно соболѣзнуя вашему нездоровью, приказали мнѣ узнать о состояніи вашемъ. Графъ Воронцовъ“.

лостивое отношеніе ко мнѣ, и какъ я обрадовался, когда черезъ генерала Черевина получилъ разрѣшеніе явиться въ Ливадію.

2-го октября 1894 года я былъ введенъ въ покои Государя, при чемъ Его Величество, поднявшись съ мѣста, вмѣстѣ съ Августѣйшей Супругой пошелъ мнѣ на встрѣчу. Усадивъ меня, онъ напомнилъ, что справлялся обо мнѣ 14-го іюня при посѣщеніи мѣста крушенія. Освѣдомившись о моемъ здоровьи, Государь изволилъ разспрашивать, на сколько пребываніе мое въ Ялтѣ принесло мнѣ пользу, добавивъ, что лично для себя онъ ничего не ждетъ отъ пребыванія на югѣ. Глубоко потрясенный видомъ угасающаго Монарха, я считалъ своимъ долгомъ ободрить Его Величество, ссылаясь на собственный примѣръ: если я, слабый старикъ, такъ поправился на югѣ, что снова могу работать по прежнему, то тѣмъ болѣе поправится Его Величество, при крѣпости Его организма и сравнительно молодыхъ годахъ. Далѣе, Государь изволилъ спросить, чтѣ наиболѣе способствовало моему выздоровленію отъ столь тяжкой болѣзни. Я отвѣчалъ, что придаю огромное значеніе прекрасному уходу, которымъ я все время пользовался. Сто четыре студента медика и почти такое же количество врачей, раздѣлившись на смѣны, по 4 студента и 2 врача въ каждой, неотлучно дежурили при мнѣ. Тогда Его Величество поинтересовался узнать, не утомляло ли меня присутствіе столькихъ людей. Я же высказалъ, что, на оборотъ, меня это поддерживало, и теплое сочувствіе, которое я видѣлъ на лицахъ окружающихъ меня товарищей и учениковъ, поднимало мои слабѣющія силы. Въ тѣ минуты, когда я чувствовалъ себя бодрѣе, мы вели бесѣды объ уходѣ за больными, которыя имѣли практическое значеніе для ухаживавшихъ за мною медиковъ. Въ отвѣтъ на это разъясненіе Государь милостиво улыбнулся.

Въ продолженіе своей бесѣды со мною Его Величество нѣсколько разъ засыпалъ—зловѣщее проявленіе Его рокового недуга—болѣзни почекъ. Замѣтивъ это, я поспѣшилъ откланяться.

Въ это мое свиданіе, за 18 дней до рокового конца, я засталъ уже картину полнаго уремического отравленія, когда всякая помощь была болѣе чѣмъ сомнительна.

13-го того же октября мѣсяца я вновь прибылъ въ Ливадію, вы-

званный телеграммой, для участія въ консилиумѣ. Я не могъ видѣть Государя въ тотъ же вечеръ, такъ какъ онъ еще не былъ предупрежденъ на счетъ вызова меня; но на слѣдующее утро я вмѣстѣ съ другими врачами тщательно изслѣдовалъ Его Величество и высказалъ ему свое убѣжденіе, что никакой операціи не требуется. Это, видимо, Его обрадовало.

Не могу также обойти молчаніемъ одной маленькой подробности, которая на мой взглядъ свидѣтельствуешь о томъ, какъ Его Величество относился къ мнѣнію врача, считая его авторитетнымъ. Спросивъ меня, какъ я переносилъ молоко во время болѣзни, и узнавъ, что я переносилъ его плохо и еще хуже переносилъ пшпучіе напитки, газъ которыхъ, расширяя желудокъ, стѣснялъ дыханіе, Его Величество отстранилъ отъ себя только-что поданный стаканъ молока и затѣмъ позднѣе, при поднесеніи другимъ докторомъ пшпучаго лимонада изъ магnezіи, попросилъ подождать, пока весь газъ выйдетъ. На этомъ основаніи я вынесъ впечатлѣніе, что въ Бозѣ почившій Государь принадлежалъ къ числу такъ называемыхъ „послушныхъ паціентовъ“. Нельзя было также не удивляться Его необычайному терпѣнію и кротости обращенія съ окружающими, не взирая на тѣ жестокія страданія, которыя причиняла Ему болѣзнь.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ высказать нѣсколько словъ о болѣзни въ Бозѣ почившаго Государя. Я глубоко убѣжденъ, что Его недугъ, приведшій къ роковому исходу, ведетъ начало со времени крушенія поѣзда. Страшное сотрясеніе всего тѣла при паденіи коснулось особенно области почекъ. Указанія на опредѣленныя точки, сдѣланныя Государемъ во время бесѣды со мной 11-го января 1889 года, служатъ главной основой такого моего мнѣнія.

Заслуженный профессоръ *В. Грубе*.

Харьковъ. 27-го января 1898 года.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

<i>Стр.:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
80	8 снизу	сочувствуетъ	сочувствуете
82	8 "	достоенъ	достоннъ
88	9 сверху	recommende	recommande
89	3 снизу	въ качествѣ моего ми- нистра	сообразуясь съ отличи- тельнымъ характеромъ его министерства,
90	17 сверху	достигла бы	достигла
93	4 снизу	renouveler	renouveler
104	12 сверху	la	le
107	8 "	Mestal	Mestral
112	9 снизу	Десе	Дезе
113	7 сверху	въ вооруженіи	къ вооруженію
116	6 снизу	принять	потерять
117	6 сверху	девяносто-пять	девяносто-три
137	1 "	Божью	Божьюю
141	1 "	удастся	удастся
151	5 "	не	ни
170	1 сверху	церквѣ	церкви
198	14 "	которую	которую
202	15 "	1896	1836
216	5 "	водившимъ	водившемъ
—	10 "	Дмитріева	Дмитріевъ
216	8 снизу	А. И. Пушкина	А. М. Пушкина
218	6 "	комендатамъ	комендантамъ
228	13 сверху	Дмитріѣ	Дмитріи
239	1 "	Голицыномъ	Голицыннымъ
—	14 снизу	графини	графинѣ
267	9 "	не	ни
280	10 сверху	мира	мира
294	12 "	которой	который
296	15 "	рѣшился бы	рѣшились
318	15 снизу	начальникъ	пачальникомъ
319	13 "	князь.	князь
322	10 "	Александровичъ	Александровичемъ

УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЬ ЛИЧНЫХЪ И НАЗВАНІЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ

въ I-й и II-й книгахъ.

А.

- А. Б. I, 210.
Абалдуевъ, Александръ I, 278, 301.
Абрамовъ, Кононь II, 345.
Августовская губернія II, 312.
Августъ, императоръ Римскій II, 41, 57.
Австрійцы II, 104, 106, 110—113.
Австрія I, 107. II, 14, 86, 91, 96, 97, 99, 100, 102, 103, 110, 112.
Агаповъ, Стефанъ II, 345.
Адлербергъ, графъ А. В. II, 314.
Адрианополь, г. II, 276, 323, 329.
Азаясъ II, 140, 143, 148, 215.
Азиевъ, паша II, 320.
Азіатцы II, 293, 296.
Азія II, 34, 39, 50, 120, 276—278, 281, 289, 294, 298.
Азія Малая I, 199. II, 262.
Азія Центральная II, 276—281, 285—287, 290—292, 294, 295, 299.
Айгустовъ II, 160.
Аккерманъ, г. II, 276.
Акоховъ, книгопродавецъ I, 135.
Аксаковъ, С. Т. II, 246, 251.
Акшаръ, мѣстн. II, 334.
Албанцы I, 285.
Александра Феодоровна, великая княгиня, потомъ императрица I, 31, 33, 57, 147, 170, 183, 184. II, 124, 205.
Александръ I, императоръ I, 2, 5, 6, 10, 11 — 13, 15, 16, 19, 21, 22, 26, 29—33, 35, 36, 38, 45, 47—52, 54, 56, 57, 59, 61, 67, 69, 71, 75, 77, 78, 80—86, 88 — 92, 99—102, 104, 110—114, 118, 131, 132, 134—136, 138, 139, 144, 149, 163, 168 — 172, 178, 180—184, 186 — 189, 191, 193 — 195, 198, 199, 292. II, 5—9, 13—22, 24—36, 38, 39, 47—52, 54, 55, 64—92, 95, 96, 98—102, 104—109, 171, 184, 202, 205, 218, 220, 237, 251, 254.
Александръ II, императоръ II, 22, 25, 29, 205, 265, 272, 275, 284, 299, 300, 313 — 315, 318, 319, 321—323, 325, 328, 329, 331, 332, 334.
Александръ III, императоръ II, 1, 29, 117, 265, 266, 313—322, 324, 325, 327—337, 339—353.
Александръ Северъ, императоръ Римскій II, 73, 79.
Алексѣй, св., митрополитъ Московскій II, 205.
Алексѣй Михайловичъ, царь II, 141.
Али II, 298.
Америка I, 51.
Амстердамъ, г. II, 141.
Англичане I, 110, 169, 332. II, 208,

277, 279, 280, 284 — 286, 289 — 293, 295 — 299, 335, 336.
Англія, С.-Джемскій кабинетъ, Альбионъ I, 35, 48, 60, 83, 252. II, 99, 102, 254, 259, 277—293, 296—299, 338.
Андіонъ, врачъ II, 343.
Андросовъ, Василій Петровичъ II, 246, 247.
Аничковъ II, 319.
Анисья, кормилица Андрея Карамзина I, 79, 120.
Акона, г. II, 115, 116.
Анна Іоанновна, императрица I, 201. II, 84.
Анна Павловна, великая княгиня, впоследствии королева Нидерландская I, 12, 180. II, 95, 96.
Анна Федоровна, великая княгиня I, 194.
Антонины, императоры Римскіе II, 28, 72, 74, 78, 80.
Ануцакъ, поручикъ I, 254.
Анштедтъ I, 84, 96, 98.
Аполлонъ II, 120, 212.
Апраксина, графиня, см. Толстая.
Апраксина, графиня Екатерина Ивановна, см. Новосильцева.
Апраксина, графиня С. А., см. Щербатова.
Апраксина, графиня С. С., см. Щербатова.
Аракчеевъ, графъ Алексѣй Андреевичъ I, 71, 198.
Аргамачова, Авдотья Алексѣевна II, 22.
Аргамачова, р. Фонвизина, Федосья Ивановна II, 223.
Аргамачовъ, Василій Алексѣевичъ II, 223.
Арзамасскій уѣздъ I, 179.
Аристофанъ I, 305, 306.
Аріостъ II, 235.
Арсеньевъ, Д. С. II, 316, 322.
Арфъ, контръ-адмиралъ I, 285, 303.
Архангельскъ, г. I, 81.
Архарова, впоследствии Васильчикова, Александра Ивановна I, 66.
Архаровъ, Иванъ Петровичъ II, 223, 224.
Архаровы II, 203.

Архипелагъ, море I, 215, 286, 300.
Арцыбашевъ, Николай Сергѣевичъ II, 250.
Астрабадскій округъ II, 294, 295.
Астрабадъ, г. II, 294.
Астраханское царство II, 15.
Астрахань (Атель), г. I, 96, 220, 222, 227. II, 293, 294.
Атрекъ, р. II, 294.
Афганистанъ II, 279—281, 286, 290—298.
Афганцы II, 287, 292, 293, 295, 296.
Африка Сѣверная I, 199.
Ахенваль II, 39, 55.
Ахень, г. I, 187, 189.
Ахиллесъ I, 251.
Ахкале II, 294.
Ашураде, о. II, 294.
Аясларъ II, 328, 329, 331.
Аюны, г. II, 217.

Б.

Баварія II, 96, 97.
Баженова I, 20.
Базель, г. II, 110, 113.
Базлика св. Петра II, 41, 57.
Байковъ I, 89, 91, 92, 191, 192.
Байронъ I, 117, 129, 158, 161, 163, 204, 313.
Балакиревъ, шутъ II, 198.
Баланбуларъ, селеніе II, 334.
Балканы II, 315, 317, 319, 323, 327.
Балланшь II, 170.
Балтійскій портъ II, 163, 228.
Бальзакъ II, 175, 177.
Бальменъ, графъ Александръ Автоновичъ II, 107, 109.
Баница, дер. II, 334.
Барановъ, генералъ II, 320.
Барантъ II, 250.
Баратынскій, Евгеній Абрамовичъ II, 247.
Барклай-де-Толли, князь Михайлъ Богдановичъ I, 187.
Барсуковъ, А. П. II, 225, 263.
Барсуковъ, Н. П. I, 214, 215.
Бартенева, П. И. II, 118.
Барятинскій, князь II, 321, 330.

- Бассонъ** I, 74.
Ватенцы, дер. II, 324, 328.
Ватонди I, 83, 99, 191.
Ваторій, Стефанъ, король Польскій I, 93.
Ватюшковъ, Константинъ Николаевичъ I, 8, 14, 40, 51, 58, 78, 94, 118, 124—126, 128, 129, 131, 136, 139—142, 144, 148, 197. II, 129, 145, 179, 182, 203, 217.
Ватюшковъ, Помпей Николаевичъ I, 136, 139.
Вауеръ, Федоръ Вилимовичъ I, 251, 252, 254, 266, 267, 294—296, 298, 299.
Бахметева, Татьяна Ивановна I, 7.
Безбородко, князь Александръ Андреевичъ I, 290, 293.
Бекеръ (Baker) II, 336, 337.
Бекетовъ, Иванъ Петровичъ II, 244.
Бекетовъ, Ипполитъ II, 184.
Бекетовъ, Петръ Петровичъ II, 184, 194.
Бекетовъ, Платонъ Петровичъ II, 150, 151, 153, 154, 158, 184, 194, 218—220, 223, 251, 260.
Белизаръ, Фердинандъ Михайловичъ II, 167.
Бельцони I, 124.
Бемъ, Яковъ II, 142.
Бенгалія II, 290.
Бендеры, г. I, 240, 263, 298.
Бенксдорфъ, графъ Александръ Христофоровичъ II, 252.
Бергъ, графъ Федоръ Федоровичъ II, 270, 272.
Берлинъ, г. I, 271. II, 96, 97, 259.
Бёрнсъ, Александръ II, 281, 291.
Вернштёрна, графъ II, 284—286, 297.
Берри, герцогъ I, 101, 194, 213.
Верхъ, Максимъ (Магнусъ) Васильевичъ I, 233, 292.
Вестужевъ, Александръ Александровичъ I, 199, 310—311, 314. II, 222.
Вестужевъ-Рюминъ, Михаилъ Александровичъ II, 228.
Вехтольсгеймъ II, 323.
Ведкій, Иванъ Ивановичъ II, 154, 221, 222.
Вяикова, р. **Бушякова**, Софія Сергеевна II, 181, 245.
Вибиловъ, Александръ Ильичъ I, 290, 301.
Вибиловъ, Дмитрій Гавриловичъ II, 181, 245.
Виньонъ, Петръ I, 110, 195.
Виронъ, герцогъ Курляндскій I, 148.
Вируковъ, Александръ Степановичъ I, 153, 200.
Вирюковичъ, д-ръ II, 340—342.
Вларембергъ, Иванъ Фёдоровичъ II, 279.
Блудовъ, Дмитрій Николаевичъ, впоследствии графъ I, 17, 40, 41, 43, 46, 51, 118, 121, 129, 135, 138, 154, 172, 185, 306, 307. II, 153, 160, 165, 166, 168, 169, 173, 175, 180, 181, 190, 191, 207, 211, 229, 230, 234, 236, 246, 249, 252, 258, 269, 274, 275.
Блудовы I, 25.
Бобарыкина, Марья Дмитриевна I, 163, 164.
Бобарыкины I, 202.
Богдановичъ, Ипполитъ Фёдоровичъ II, 161.
Богородское, село II, 165, 206.
Бодянский, Осипъ Максимовичъ II, 248.
Болгарія II, 319.
Болгары II, 332.
Болдино, село II, 203.
Болотниковъ, Алексѣй Ульяновичъ I, 116, 196.
Бомбей II, 290.
Вонапартъ, см. **Наполеонъ**.
Воне (Wonaу) II, 140.
Ворисъ Фёдоровичъ Годуновъ, царь I, 128, 135, 198.
Ворки, станція II, 340, 343.
Вороздинъ, Михаилъ Михайловичъ I, 46, 48, 183, 184.
Воснія II, 323.
Воссюеть II, 121.
Враура I, 207.
Бразилія II, 104, 106.
Вранловъ, г. I, 245, 246, 254, 269, 291.
Врамбеусъ, см. **Сенковскій**.
Вратцово, село II, 175, 239.
Врей, графъ, баварскій посланникъ I, 39, 156, 184, 185.
Вресса II, 111, 113.

Бретель, посоль французскій I, 215.
 Бретонъ II, 114, 115.
 Брюловъ, Карлъ Павловичъ II, 236, 263.
 Брунновъ (Brunnow), баронъ, Филиппъ Ивановичъ II, 269, 271.
 Брухзалъ, г. II, 107, 109.
 Брюсъ, графиня Прасковья Александровна I, 227, 290, 291.
 Брюсъ, графъ Александръ Романовичъ I, 290.
 Брюсъ, Виллимъ Романовичъ I, 227, 290.
 Брюсъ, графъ Яковъ Александровичъ I, 290, 291.
 Буало II, 226.
 Бубна II, 111, 113.
 Бужнурдъ II, 294.
 Бузино II, 318.
 Букурештъ, см. Бухарестъ.
 Булгаковъ, Александръ Яковлевичъ I, 210. II, 128, 205.
 Булгаковъ, Константинъ Яковлевичъ I, 175. II, 138.
 Булгаренъ II, 323.
 Булгаринъ, Фаддей Венедиктовичъ II, 227, 233, 234, 238, 241, 246, 249, 252, 253.
 Бурбоны I, 96.
 Бургундія II, 111, 113.
 Бутеневъ, Аполлинарій Петровичъ II, 84, 86, 106—114.
 Бутковъ, Петръ Григорьевичъ II, 258.
 Бухара, г. II, 295.
 Бухарестъ, г. I, 14, 254, 296. II, 276, 337.
 Бухарцы II, 34, 50, 295.
 Бухгольцъ, Леопольдъ I, 239, 293.
 Бѣла, г. II, 315—317, 321—323, 325, 326, 334.
 Бѣлевъ, г. I, 185.
 Бѣлинскій, Виссаріонъ Григорьевичъ II, 182, 185, 188, 195, 247, 248, 252, 260.
 Бѣлинскій, о. Никифоръ II, 247.
 Бѣлицъ, Ефимъ I, 237, 292.
 Бѣлоруссія II, 14, 15.
 Бѣлорусскій учебный округъ II, 306, 307.

Бѣлосельскій - Бѣлозерскій, князь Александръ Михайловичъ II, 187, 256.
 Бѣлынъ, село II, 247.

В.

Ваадландцы II, 30.
 Вадковская I, 194.
 Валахія, Волошское княжество I, 114, 275, 295.
 Валуева, Марья Петровна, см. Вяземская, княжна.
 Валуевъ, Петръ Александровичъ II, 189, 190, 255, 257.
 Вандея II, 114, 116.
 Ванновскій, Петръ Семеновичъ II, 317, 322, 330, 333, 337.
 Ванька Банинъ II, 162, 198.
 Варьбюлеръ II, 107, 109.
 Варренъ, графъ II, 285.
 Варшава, г. I, 34, 35, 37—39, 41, 42, 44—51, 53, 55, 57—59, 61, 63, 68, 71, 72, 74, 77—80, 83, 86—88, 91—94, 99—103, 108, 110—116, 163, 168, 184, 186, 189—191, 194—196, 303. II, 6, 120, 127, 130, 131, 150, 166, 205, 206, 209, 212—215, 218, 255, 306, 312.
 Василій Ивановичъ, великій князь I, 96, 201.
 Васильевское, с. I, 130.
 Васильковскій II, 322, 332.
 Васильчиковъ, Алексѣй Васильевичъ I, 66.
 Вассіанъ Топорковъ, епископъ Коломенскій I, 159, 201.
 Ватерлоо I, 189.
 Везувій I, 79.
 Веймаръ, г. I, 61.
 Вейсманъ фонъ-Вейсенштейнъ, Отто Ивановичъ I, 281, 302, 303.
 Великій, Семень I, 297.
 Великобританскіе острова. II, 283, 285, 291.
 Великобританскія колоніи II, 282, 284.
 Веллеслей (Wellesley) II, 323, 336.
 Веневитиновъ, Дмитрій Владиміровичъ II, 210, 249.
 Венелинъ, Юрій Ивановичъ II, 242.

- Венеціанцы I, 248.
 Венеція, Венеціанская республика I, 230, 291, 298, 303. II, 100, 102, 235, 282.
 Вердейль II, 30.
 Веревкинъ, Николай Никитичъ II, 147, 218.
 Верона, г. I, 187, 198.
 Вигель, Филиппъ Филипповичъ II, 203, 209, 210.
 Виленскій учебный округъ II, 306.
 Вильгельмъ, король Виртембергскій I, 181.
 Вильгельмъ, принцъ Оранскій, впоследствии король Нидерландскій I, 5, 12, 180. II, 95, 96.
 Вильгельмъ, принцъ Пруссскій II, 205.
 Вильменъ II, 156.
 Вильна, г. I, 102. II, 269, 275, 308.
 Винцентъ, баронъ II, 90, 92, 104, 105.
 Виргилій I, 131, 198.
 Висла, р. I, 96.
 Витбергъ, Александръ Лаврентьевичъ I, 149—151, 199.
 Витебская губернія II, 166.
 Виткевичъ, капитанъ II, 280, 281.
 Вельгорскіе (Вельгорскіе) II, 173, 180, 188.
 Вельгорскій, графъ Михаилъ Юрьевичъ II, 123.
 Владиміръ, святой, великій князь I, 55, 185.
 Владиміръ Александровичъ, великій князь II, 317, 321, 325, 326, 330.
 Владиміръ Мономахъ, великій князь II, 15.
 Владиславичъ-Рагузинскій, графъ Моисей Ивановичъ I, 257, 268, 291, 297.
 Владиславичъ-Рагузинскій, графъ Савва Лукичъ I, 291.
 Владыкинъ, Андрейнъ I, 246, 294.
 Во, кантонъ Швейцарскій II, 30, 75, 81.
 Водца II, 334.
 Воейкова, А. А. I, 131.
 Воейковъ, Александръ Ѳеодоровичъ I, 61, 183. II, 141, 156, 177, 187, 190, 195, 215, 253, 257, 260.
 Воейковъ, Н. В. II, 314.
 Воейковы I, 158.
 Волга, р. I, 96, 289, 291, 294. II, 155, 225.
 Волковъ, Александръ Абрамовичъ II, 144, 147, 217, 218.
 Волконская, княгиня Зинаида Александровна II, 163, 229.
 Волконская, княжна Н. А., см. Пушкина.
 Волконскій, князь Николай Григорьевичъ I, 28, 183.
 Волконскій, князь Петръ Михайловичъ II, 106—108.
 Вологда, г. I, 9, 179.
 Вольтинскій, Артемій Петровичъ I, 148.
 Вольтеръ I, 200, 215, 319. II, 160, 217.
 Вольтъ II, 14—16.
 Ворни, м. II, 308.
 Воробьевы горы II, 126.
 Воронцовъ, графъ Илларионъ Ивановичъ II, 315—320, 326, 351.
 Воронцовъ, графъ Михаилъ Семеновичъ I, 156, 188, 200.
 Воронцовъ, графъ Семенъ Романовичъ I, 288.
 Вреде II, 108.
 Всеволожскій, Николай Семеновичъ, губернаторъ Тверской I, 149, 152, 199.
 Высоковъ II, 335.
 Вышеславцева, см. Пушкина, К. М.
 Вышний-Волочекъ, г. II, 345.
 Вѣна, г. I, 93, 94, 96, 97, 102, 205, 254, 257, 297, 303. II, 85—89, 91, 93, 94, 96, 97, 99, 102, 104, 105, 114, 115, 214, 323.
 Вѣтринскій, Иродіонъ Яковлевичъ II, 230.
 Вяземская, княгиня Вѣра Ѳеодоровна I, 7, 8, 17, 18, 21, 23, 25, 27, 28, 31, 38, 39, 42, 43, 51, 52, 54, 55, 61—65, 67—73, 79, 83, 84, 86, 89, 91, 95—97, 100—102, 104, 106—109, 112, 115—117, 119, 121, 122, 125, 126, 129, 130, 132—134, 136, 137, 139—141, 144—146, 148, 150, 152, 154, 155, 162, 164—166, 168, 170, 171, 173, 174, 179, 185, 186, 199, 207. II, 128—131, 133, 138, 151, 164, 170, 171, 175, 180, 182—186, 188, 197, 199.

- Вяземская**, княжна Екатерина Андреевна, см. **Карамзина**.
- Вяземская**, княжна Екатерина Андреевна, см. **Щербатова**.
- Вяземская**, княжна Марья Петровна, впоследствии **Валуева** I, 12, 18, 20, 24, 31, 33, 34, 37, 41, 42, 47, 49—51, 53, 58, 62, 63, 71, 72, 74, 75, 80, 86, 88, 92, 94, 99, 117, 119, 121, 122, 131, 133, 134, 137, 145, 149, 152, 174, 181. II, 173, 189, 190, 236, 257.
- Вяземская**, рожд. княжна **Долгорукова**, княгиня Марья Сергеевна I, 159, 200.
- Вяземская**, княжна Надежда Петровна II, 245.
- Вяземская**, княжна Прасковья Петровна I, 24—26, 42, 49—51, 53, 54, 58, 62, 71, 72, 86, 137, 146, 160, 182.
- Вяземские**, дѣти князя П. А. Вяземскаго I, 11, 12, 14, 17, 18, 20, 22, 23, 25—29, 31—35, 37, 33, 41—45, 47, 52—54, 56, 58—64, 66, 67, 69, 71, 73, 74—83, 85, 89, 91—95, 99—103, 115, 119, 121, 122, 128, 133, 134, 137, 145, 151—153, 155, 160, 171, 174. II, 186.
- Вяземскій**, князь Александръ Алексеевичъ I, 293.
- Вяземскій**, князь Андрей Ивановичъ I, 184, 191. II, 201.
- Вяземскій**, князь Дмитрій Петровичъ I, 18, 20, 24, 38, 160.
- Вяземскій**, князь Иванъ Андреевичъ I, 159, 200, 201, 244.
- Вяземскій**, князь Николай Петровичъ I, 52—55, 58, 62, 71, 112, 114, 116, 117, 120, 127, 145, 148, 157, 158, 162, 202.
- Вяземскій**, князь Павелъ Петровичъ I, 195, 200, 215. II, 137, 252, 253.
- Вяземскій**, князь Петръ Андреевичъ I, 1—212, 305—323. II, 4, 5, 29, 116—262.
- Вяземскій**, князь Петръ Петровичъ I, 138—140. II, 153, 221.
- Г.**
- Габрово** II, 327.
- Гавелокъ** (Havelock) II, 336, 337.
- Гавриилъ**, архіепископъ Тверской II, 225.
- Гагарина**, княгиня Прасковья Юрьевна, см. **Кологривова**.
- Гагаринъ**, князь Андрей Павловичъ I, 117.
- Гагово** II, 331—333.
- Гавна**, баронъ, см. **Кинъ**.
- Галактионовъ**, Степанъ Филипповичъ I, 196. II, 236.
- Галиція** II, 14, 15.
- Галиани**, аббатъ I, 67, 68, 188.
- Галле**, г. I, 194.
- Галлиполи**, г. II, 323.
- Гамалея**, Платонъ Яковлевичъ II, 156, 225.
- Гамбургеръ**, А. Ф. II, 27.
- Гамильтонъ** I, 103.
- Ганнибалъ**, Иванъ Абрамовичъ I, 298.
- Ганъ**, генералъ II, 319, 324, 328, 330.
- Гара** II, 140—142.
- Гартенбергъ**, баронъ I, 293.
- Гассанъ**, сынъ Али II, 298.
- Гассанъ**, паша II, 315.
- Гаттереръ** II, 39, 55.
- Гатчина**, г. I, 88, 89, 147, 157, 224, 237, 261, 290. II, 6, 350.
- Гегель** II, 247.
- Гейдельбергъ**, г. II, 106—109.
- Гейденштейнъ** I, 93.
- Гейманъ**, Родіонъ Григорьевичъ II, 245.
- Геліогабалъ**, императоръ Римскій II, 73, 79.
- Гендрикова**, графиня, см. **Чоголова**.
- Генрихъ IV**, король Французскій II, 28, 73, 74, 79, 80.
- Гентъ**, г. II, 111, 113, 114.
- Генуа**, г. II, 282.
- Гепузская область** II, 254.
- Георгиевскій**, И. II, 142, 215.
- Георгій**, принцъ Ольденбургскій II, 85.
- Георгій Александровичъ**, великій князь II, 347, 348.
- Герать** II, 277, 279, 280, 287, 294.
- Герень**, историкъ I, 134. II, 152, 221.
- Герень**, художникъ II, 150, 154.
- Геркуланумъ**, г. II, 179.
- Геркулесъ** I, 251.

- Германія I, 74, 83, 189. II, 96, 97, 130, 252, 259, 286.
- Германъ, д-ръ II, 348.
- Герратъ, д-ръ II, 343, 349.
- Герценъ, Александръ Ивановичъ II, 163, 232, 233.
- Гессенскій принцъ II, 91, 92.
- Гете I, 200, 313.
- Геттингенъ, г. II, 245.
- Гиббоия II, 40, 56.
- Гибралтаръ I, 262. II, 323.
- Гика, князь Григорій, господарь Валахскій I, 252, 279, 296, 302.
- Гималайскія горы II, 292.
- Гиршъ, д-ръ, лейбъ-хирургъ II, 341.
- Гладкой I, 153.
- Глинка, р. Голенищева-Бутузова, Авдотья Павловна II, 174, 237.
- Глинка, Сергѣй Николаевичъ I, 57, II, 159.
- Глинка, Фѣдоръ Николаевичъ I, 33. II, 174, 237.
- Глуховъ, г. I, 289.
- Глѣбова, Марья Семеновна, см. Чоголова.
- Глѣбовъ, Александръ Ивановичъ I, 255, 297.
- Гнѣдичъ, Николай Ивановичъ II, 134, 151, 153, 154, 219.
- Говсѣвъ, д-ръ II, 348.
- Gaud, m-me I, 161.
- Гогенцоллернъ, принцъ II, 111, 113.
- Гоголь, Николай Васильевичъ I, 209, 210, 212. II, 234, 246, 247, 253.
- Годефруа II, 104.
- Годуновъ, см. Борисъ Фѣдоровичъ.
- Голенищевъ-Бутузовъ, Павелъ Ивановичъ I, 12, 21, 180. II, 174, 210, 237.
- Голицына, княгиня, супруга кн. Бориса I, 34.
- Голицына, р. Хрущева, княгиня Александра Андреевна II, 143, 215.
- Голицына, княгиня Евдокія Ивановна (Pucéя, princesse Nocturne, l'antique) I, 24, 26, 34, 37, 43, 185, 186.
- Голицына, княжна Екатерина Михайловна, см. Румянцова.
- Голицына, княгиня Наталья Петровна I, 24, 197.
- Голицынъ, князь Александръ Михайловичъ I, 239, 293, 296, 303.
- Голицынъ, князь Александръ Николаевичъ, министръ нар. просв. I, 21, 54, 92, 150, 192, 200. II, 6, 9, 257.
- Голицынъ, князь Александръ Сергѣевичъ I, 54.
- Голицынъ, князь Алексѣй Ивановичъ II, 215.
- Голицынъ, князь Б. I, 34. II, 219.
- Голицынъ, князь Д. II, 328.
- Голицынъ, князь Дмитрій Владимировичъ I, 198. II, 169, 246.
- Голицынъ, князь Дмитрій Михайловичъ I, 257, 297, 303.
- Голицынъ, князь М. М. II, 315.
- Голицынъ, князь Сергѣй Михайловичъ I, 185. II, 172, 174, 238, 239, 246.
- Голицынъ, князь Фѣдоръ Сергѣевичъ I, 146.
- Голландія, Голландскіе Генеральныя Штаты, см. Нидерланды.
- Головкино, село I, 289.
- Головкинъ, графъ Александръ Гавриловичъ II, 84, 85.
- Головкинъ, графъ Гавріилъ Ивановичъ II, 84.
- Головкинъ, графъ Михаилъ Гавриловичъ II, 84, 85.
- Головкинъ, графъ Юрій Александровичъ I, 191. II, 84—116.
- Голохвастовъ, Дмитрій Павловичъ II, 168, 232, 233, 257, 258.
- Голштинія I, 288.
- Гольеръ II, 30.
- Гомбургъ, князь II, 98, 101.
- Гомеръ I, 137, 319. II, 228.
- Горацій II, 40, 45, 57, 62, 142.
- Горный Студень, г. II, 325, 334, 335, 337.
- Горчаковъ, князь Александръ Михайловичъ II, 271, 273, 274.
- Госнеръ, настоятель I, 153, 199, 200.
- Греки I, 117, 124, 135, 157, 158, 216, 317. II, 13, 42, 59.
- Греція I, 117. II, 14, 35, 39, 42, 51, 55, 59, 262, 322.
- Гречъ, Николай Ивановичъ I, 69, 90, 126, 197. II, 132, 161, 174, 223, 233, 234, 238, 241, 246, 248, 253.

Грибовскій, Адріанъ Моисеевичъ I, 215.
 Григоровичъ, Н. И. I, 290, 293.
 Гриммъ, д-ръ II, 321, 327, 330, 333, 335.
 Гродненская губернія II, 310.
 Гротъ, Я. К. II, 251.
 Грубе, В. Ф., профессоръ II, 339—353.
 Грушинскій, князь II, 215.
 Грушецкая, Прасковья Васильевна I, 8.
 Губастовъ, К. А. II, 215, 229.
 Гудовичъ, Иванъ Васильевичъ I, 253, 296.
 Гуннингъ II, 111, 113.
 Гурганъ, р. II, 294.
 Гурго, баронъ I, 75, 142, 189.
 Гурко II, 315, 319.
 Гурьева II, 146, 161, 170.
 Гурьевъ II, 18, 104, 105.
 Гуссейнъ II, 298.

Д.

Давыдова I, 67.
 Давыдова, р. графиня Орлова, Наталья Владиміровна, см. Орлова-Давыдова.
 Давыдовъ, В. П., см. Орловъ-Давыдовъ.
 Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ II, 246, 263.
 Давыдовъ, Иванъ Ивановичъ II, 153, 154, 169, 222, 235, 238.
 Давыдовъ, Петръ Львовичъ I, 218, 262.
 Даль, Владиміръ Ивановичъ I, 296.
 Дамогида II, 317.
 Данилевскій - Михайловскій, Александръ Ивановичъ II, 107, 108.
 Данія I, 288.
 Дантъ II, 249.
 Данцигъ, г. I, 288.
 Дарданеллы I, 285, 303. II, 323.
 Дашкова, княгиня Екатерина Ромаповна I, 78. II, 253.
 Дашковъ, Дмитрій Васильевичъ I, 14, 128, 129, 132, 135, 138, 154, 163, 205. II, 129, 153, 160, 162, 165, 202, 207, 229, 234, 249.
 Деболи I, 55.
 Дезе II, 110—113.
 Делавинъ, Казимиръ I, 157, 158, 200.
 Делиль I, 228.
 Дельвигъ, баронъ Антоанъ Антоновичъ II, 210, 329.
 Демида, слуга Карамзинныхъ I, 173.
 Демосеенъ I, 250. II, 41, 57.
 Демьяновъ, д-ръ II, 343.
 Деппъ, генералъ II, 322.
 Державинъ, Гавріиль Романовичъ I, 196, 315, 316. II, 177, 191, 193, 210, 226, 241, 251, 256, 258.
 Дерптъ, г. I, 141. II, 236, 239.
 Дерфельденъ, Отто Ивановичъ I, 302.
 Deschamps I, 187.
 Джардинъ II, 140.
 Дивово, село I, 213.
 Дмитревскъ (Камышинъ), г. I, 220, 289.
 Дмитриева, Екатерина Аенасьевна II, 244.
 Дмитриевъ, Александръ Ивановичъ II, 149, 206, 219.
 Дмитриевъ Иванъ II, 178, 187, 188, 205, 243, 256.
 Дмитриевъ, Иванъ Ивановичъ I, 2, 11, 17, 33, 75, 80, 119, 121—123, 133, 136, 138, 141, 170, 178—185, 187—190, 193—198, 200—202. II, 6, 117—263.
 Дмитриевъ, Иванъ Гавриловичъ II, 128, 206.
 Дмитриевы, сестры Ивана Ивановича II, 206.
 Дмитриевъ, Михаилъ Александровичъ I, 200, 208. II, 219, 247, 253, 262.
 Дмитрій, царевичъ I, 198.
 Дмитровскій уѣздъ I, 200.
 Долгорукова, княжна Марья Сергеевна, см. Вяземская.
 Долгоруковъ, князь Алексѣй Алексеевичъ II, 145, 146.
 Долгоруковъ, князь Василій Васильевичъ I, 117.
 Долгоруковъ, князь Василій Владиміровичъ I, 249, 263, 277, 295, 301.
 Долгоруковъ, князь Н. II, 322, 325—328.
 Долгоруковъ, князь Петръ Владиміровичъ II, 215, 254, 262, 263.

Долгоруковъ, князь Петръ Петровичъ I, 276, 301.
 Долгоруковъ, князь Юрій Владиміровичъ I, 295, 301. II, 216.
 Дольный Монастырь II, 335, 337, 338.
 Донковъ г. I, 188.
 Дорать II, 228.
 Достъ - Могамедъ, ханъ Кабульскій II, 280, 285—287.
 Дофиня II, 111, 113.
 Доктурова, р. княжна Оболенская, Марья Петровна I, 19, 93, 95, 180.
 Доктуровъ II, 321.
 Доктуровъ, Дмитрій Сергѣевичъ I, 19, 180—181.
 Дражинъ, д-ръ II, 348.
 Дрезденъ, г. I, 163, 169. II, 141, 256.
 Дризень, баронъ II, 324, 329, 330.
 Дубенскій, докторъ II, 326.
 Дунай, р. I, 269, 286, 300, 302. II, 315, 325, 336.
 Дурасовъ, Николай Алексѣевичъ II, 118.
 Дусень II, 228.

Е.

Евгеній, митрополитъ I, 179. II, 256.
 Евгений, принцъ II, 96, 97.
 Евмениды I, 318.
 Европа I, 107, 156, 158, 167, 191, 194, 261, 262. II, 7, 14, 16, 24, 34, 40, 43, 44, 50, 56, 61, 75, 81, 91, 92, 99, 101, 120, 227, 231—232, 254, 259, 284, 289, 296.
 Евфимья (Фимушка), горничная Карамзинныхъ I, 120.
 Египеть I, 210.
 Егоровъ, Зиновій II, 345.
 Екатерина Великая, императрица I, 136, 188, 189, 213—220, 223—225, 227—230, 233, 234, 236, 238—241, 244, 249, 253, 255, 256, 259, 263, 265, 268, 270, 271, 277—282, 284, 287—292, 294, 296—298, 300, 301. II, 15, 17, 27, 28, 64, 67—70, 85, 155, 156, 194, 202, 203, 216, 225, 251, 253, 256, 259, 261.
 Екатерина Павловна, великая княгиня, вполсѣдствіи королева Виртем-

бергская I, 1, 4—6, 20, 71, 178, 179, 181, 186. II, 9, 85.
 Елены I, 164.
 Елена Павловна, принцесса Шарлотта, великая княгиня, супруга великаго князя Михаила Павловича I, 147, 167, 199, 254.
 Еленинскій проходъ II, 315.
 Елены святой островъ I, 189. II, 140, 150, 208.
 Елизавета Алексѣевна, императрица I, 11, 12, 33, 36, 37, 45, 47, 77, 80, 82, 88, 100, 110, 126, 147, 159—161, 198. II, 6, 9, 17, 65, 159, 205, 220.
 Елизавета Петровна, императрица I, 188, 295, 297. II, 85.
 Енгалычевъ, князь Николай Александровичъ I, 181.
 Ермакъ I, 148.
 Ермантъ, острогъ II, 85.
 Ермоловъ, Александръ Фёдоровичъ II, 211.
 Ермоловъ, Николай Николаевичъ II, 211.
 Еропкинь, Петръ Алексѣевичъ I, 278, 301.
 Еропкинь, Петръ Дмитріевичъ I, 301.
 Ессенъ, фонъ- I, 302.
 Ефимъ, слуга Карамзинныхъ I, 38.
 Ефимовъ II, 263.
 Ефремовъ, П. А. II, 257.

Ж.

Жаненъ II, 177.
 Жанлисъ, графиня I, 167.
 Жебелень, Куртъ-де- II, 39, 56.
 Желтухинъ, генералъ II, 344.
 Женева, г. II, 60, 110, 112, 113, 233.
 Женевское озеро II, 110, 112.
 Женевцы II, 30.
 Жиды I, 96. II, 208.
 Жильберъ II, 166.
 Жихарева, Варвара Степановна, см. Мещерская, княгиня.
 Жихарева, р. Нечаева, Фёдосья Дмитриевна II, 206.
 Жихаревъ, Михаилъ Ивановичъ I, 205.
 Жихаревъ, Платонъ Степановичъ II, 206.

Жихаревъ, Степанъ Петровичъ I, 27, 182. II, 153, 157, 205, 206, 229.

Жохова I, 123, 124.

Жуковскій, Василій Андреевичъ I, 2, 21, 22, 33, 36—38, 40, 42, 43, 60, 61, 63, 65, 67, 68, 78, 81, 82, 90, 94, 98, 122, 126, 127, 129, 131, 133, 141, 154, 165, 172, 177, 184, 185, 197—199, 204, 206, 209, 306, 313. II, 4, 5, 123, 124, 126, 128, 130, 134, 145, 148, 160, 165, 168, 170, 175, 177, 180, 183, 185, 186, 188—190, 195, 212, 213, 230, 235, 241, 243, 248—250, 252, 256, 261, 263.

Жуковскій, Павелъ Васильевичъ II, 213.

Журжево, г. I, 254. II, 325.

З.

Завадовскій, графъ Петръ Васильевичъ I, 288. II, 222.

Загоскинъ, Михаилъ Николаевичъ II, 169.

Загряжскій, Николай Александровичъ I, 113, 195.

Заіончекъ, князь Іосифъ I, 133, 198.

Закавказскій край II, 288, 293—295.

Закревскій, графъ Арсеній Андреевичъ I, 230.

Зандъ, Жоржъ I, 75, 101.

Зандъ, Карлъ II, 138, 213

Западный край II, 302, 304, 306, 310—312.

Зарубаевъ II, 337.

Зарубинъ, И. К., профессоръ II, 345, 347—349.

Зауральскіе уѣзды II, 311.

Землинъ I, 235, 303.

Зиновьева, Екатерина Николаевна, см. Орлова.

Зопись I, 319.

Зосима Соловецкій, св. II, 205.

Зубова, графиня Е. Д., см. Пашкова.

И.

Ибрагимъ, паша Египетскій I, 20.

Ивановъ, юнкеръ Лубенскаго полка II, 333.

Ивановъ, Алексѣй II, 345.

Ивановъ, Петръ Ивановичъ II, 230.

Иванчинъ-Писаревъ, Николай Дмитриевичъ II, 157, 159, 225—227.

Иванъ Великій, колокольня въ Москвѣ I, 46. II, 172.

Ижорскія болота I, 83.

Измаилъ II, 327.

Измайлова II, 163.

Измайловъ, Александръ Ефимовичъ II, 212, 231.

Измайловъ, Владиміръ Васильевичъ II, 133, 147, 159, 163, 219, 227.

Ильинское, село I, 197.

Индія (Остъ-Индія) II, 280, 281, 284—299, 336.

Индѣйцы II, 290, 291, 295, 297, 298.

Ивфляндскіе уѣзды II, 303.

Ипсиланти, князь Александръ Константиновичъ I, 114, 195.

Исагча, г. I, 280, 302.

Исленьевъ, Иванъ Ивановичъ I, 274, 299.

Испанія (Гишпанія) I, 99, 295. II, 96, 97, 99, 102, 145, 292.

Испанцы I, 101, 194, 322.

Италинскій, Андрей Яковлевичъ II, 84.

Италія I, 157, 178, 186, 199, 240, 291. II, 35, 51, 96, 97, 100, 103, 105, 106, 225, 248—250, 252.

І.

Іеремія, пророкъ I, 99.

Іоакимъ, архимандритъ II, 120.

Іоаннъ III Васильевичъ, великій князь II, 242.

Іоаннъ IV Васильевичъ, царь I, 92, 93, 96, 119, 159, 193, 201. II, 73, 80, 134.

Іоаннъ Даниловичъ Калита, великій князь II, 242.

Іоническіе острова II, 262.

Б.

Б. II, 161.

Бабуль II, 280, 287, 291, 294.

Бабульскій ханъ, см. Достъ-Могамедъ.

- Бавелинъ**, Константинъ Дмитріевичъ I, 208.
- Баверинъ**, Павелъ Никитичъ I, 26, 182.
- Кавказское намѣстничество** I, 302.
- Кавказъ** I, 32, 96, 115, 128, 131, 295. II, 283.
- Кагуль** I, 298, 299.
- Кадо**, г-жа I, 109, 137.
- Кадькіой** II, 317, 318, 326.
- Казанъ-Гирей** II, 187, 253.
- Казанлыкъ**, г. II, 315.
- Казанское царство** II, 15.
- Казань**, г. I, 302. II, 155.
- Калабрія** II, 41, 58.
- Калачовъ**, Николай Васильевичъ II, 252.
- Калмыки** II, 34, 50.
- Калуга**, г. I, 182.
- Каменный островъ** I, 117, 133, 188. II, 220.
- Камоэнсъ** II, 219.
- Кампе** II, 35, 51.
- Камранъ-Мирза**, привецъ II, 279.
- Камышинъ**, г., см. Дмитревскъ.
- Кандгаръ** II, 294.
- Канкринъ**, графъ Егоръ Францевичъ I, 147, 199.
- Каннингъ** II, 110, 112.
- Кантемиръ**, князь Антиохъ Дмитріевичъ I, 161. II, 225.
- Кантъ** II, 247.
- Капитолій** I, 198. II, 41, 57.
- Капнистъ**, Василій Васильевичъ II, 133, 142.
- Каподистрія**, графъ Иванъ Антоновичъ I, 58, 59, 61, 80, 87—89, 102, 181. II, 84, 86, 91, 92, 95—103, 128, 202.
- Каразинъ**, Василій Назаревичъ I, 62, 296.
- Каракалла**, императоръ Римскій II, 73, 79.
- Карамзина**, рожд. княжна Вяземская, Екатерина Андреевна I, 1, 2, 4—177, 180, 181, 207. II, 4, 6, 9, 17, 126, 151, 157, 159, 162, 164, 165, 172, 173, 175, 176, 181, 183, 185, 186, 188—190, 193, 196, 218, 225, 229, 236, 239, 256.
- Карамзина**, Екатерина Михайловна, см. Бушникова.
- Карамзина**, Екатерина Николаевна. вполѣдствіи княгиня Мещерская I, 4—7, 20, 26, 51, 72, 87, 96, 97, 105—110, 124, 127, 134, 143—146, 151, 157, 159 — 160, 162, 166, 170, 172, 174, 175. II, 4, 5, 8, 126, 157, 158, 162, 251.
- Карамзина**, Елизавета Николаевна I, 110, 111, 144, 157.
- Карамзина**, Ксенія Николаевна II, 4.
- Карамзина**, Наталья Николаевна I, 110, 176.
- Карамзина**, Софья Николаевна I, 4—7, 22, 25, 26, 33, 44, 51, 62, 66, 68, 72, 74, 84, 85, 91, 95, 96, 102, 105, 108, 109, 113, 117, 118, 124, 127 — 130, 139, 143 — 147, 156, 157, 162, 165, 166, 172. II, 126, 157, 158, 164, 165, 175, 243.
- Карамзинъ**, Александръ Николаевичъ I, 18, 20, 24, 31, 40, 51, 52, 78, 90, 161. II, 176.
- Карамзинъ**, Андрей Николаевичъ I, 18, 20, 33, 51, 52, 65, 79, 90, 92, 168. II, 172, 176, 183, 184.
- Карамзинъ**, Андрей Николаевичъ (умершій въ младенчествѣ) I, 5—10, 176.
- Карамзинъ**, Василій Михайловичъ I, 20, 41.
- Карамзинъ**, Владиміръ Николаевичъ I, 2, 78—80, 120, 123, 159. II, 3, 124, 176.
- Карамзинъ**, Николай Михайловичъ I, 1—204, 307, 309. II, 1—26, 28, 117, 123, 126—136, 138 — 142, 144, 145, 148, 151, 152, 156—159, 161, 167, 168, 170, 172—174, 178, 186, 188, 192, 193, 195, 201—203, 206 — 208, 210, 211, 213, 215, 216, 218 — 220, 224—226, 228 — 230, 234, 236, 237, 242, 243, 245, 251, 253, 256, 258, 259, 261, 263.
- Карамзинъ**, Николай Николаевичъ I, 32, 33, 37, 51, 52, 66, 74, 83, 152, 153.
- Карамзинъ**, Николай Ѳедоровичъ I, 126, 128.
- Карасу**, р. II, 294.
- Карлейль** II, 141.
- Карлсбадъ**, г. I, 130. II, 93, 132, 209.

- Карлеруэ**, г. II, 85, 87.
Карль X, король Французскій I, 157, 200.
Карль XI II, 165.
Карлъ, принцъ Виртембергскій I, 19.
Карно, Лазарь I, 77, 80, 191.
Картагинія I, 302.
Каружъ II, 110, 112.
Каспійское море II, 290, 294, 295.
Каталани, Анжелика II, 138, 213.
Катенниъ, Павелъ Александровичъ I, 128, 197. II, 141, 205.
Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ II, 268.
Каульбарсъ, Карль Ивановичъ I, 260, 298.
Кауфманъ II, 114, 115.
Кафа, г. I, 32.
Кахетія I, 302.
Качелево II, 320, 321, 329.
Качалова, см. Тургенева.
Каченовскій, Михаилъ Трофимовичъ, (Лужницкій старецъ) I, 62, 75, 109, 119, 188, 195. II, 129, 131, 135, 136, 138, 143, 144, 157, 169, 206—208, 213, 214, 216—218, 225, 238, 248.
Кашира, г. II, 128.
Кашкинъ, Николай Евгеніевичъ I, 164, 202.
Кегай, Измаиль I, 274, 300.
Кербелай II, 298.
Кёхеръ II, 326.
Кизляръ I, 220.
Кильдюшовскій II, 238.
Кинъ, баронъ Газна II, 281.
Кирпичниковъ, А. И. I, 205.
Кирѣвскій, Иванъ Васильевичъ II, 230, 235, 246, 247.
Киселевъ, Павелъ Дмитриевичъ I, 202.
Китай I, 191. II, 85.
Китайцы II, 34, 50.
Кишиневъ, г. I, 197. II, 100, 103.
Кіевъ, г. I, 96, 211, 260, 292. II, 15.
Клапротъ II, 120.
Кличка, Францъ Николаевичъ I, 266, 298.
Клэнъ, графъ II, 98, 101.
Княжевичъ, Дмитрій Максимовичъ II, 251.
Княжнинъ, Яковъ Борисовичъ I, 314—316.
Кобеко, Д. Ф. I, 297.
Кобозевъ, М. II, 155, 225.
Ковенская губернія II, 306, 309.
Ковно, г. II, 308, 309.
Ководавлевъ, Осипъ Петровичъ I, 55.
Коварія I, 96.
Ковельскъ, г. I, 16. II, 128.
Козидкій, Григорій Васильевичъ II, 155, 156, 225.
Козловская, р. **Бологовская**, княгиня Анна Николаевна II, 254.
Козловскій, князь Борисъ Петровичъ II, 254.
Козловскій, князь Петръ Борисовичъ II, 187, 254, 255, 261.
Козловъ II, 318.
Козловъ, скульпторъ II, 154.
Козловъ, Иванъ Ивановичъ II, 241.
Козловъ, Михаилъ II, 345.
Козляннинова, Л. Н., см. Черткова.
Козлятевъ, Фёдоръ Ильичъ II, 148, 149, 219.
Ковьминъ, Сергій Матвѣевичъ I, 227, 290.
Кокшкинъ, Фёдоръ Фёдоровичъ I, 14. II, 155, 223, 224.
Колардо I, 306, 313, 317.
Колыма, р. II, 85.
Кологривова, рожд. княжна Трубецкая, Прасковья Юрьевна, въ первомъ бракѣ княгиня Гагарина I, 102, 199. II, 202.
Кологривовъ, Петръ Александровичъ I, 144, 198, 199.
Коломенскій уѣздъ II, 226.
Кольбергъ, г. I, 288.
Кольцовъ, Николай Васильевичъ II, 239.
Комаровская I, 85.
Комаровскій, графъ Евграфъ Фёдоровичъ I, 83, 84, 86, 191.
Коммодъ, императоръ Римскій II, 73, 79.
Коморинъ, мысъ II, 292.
Кондильякъ II, 39, 56.
Кононенко, д-ръ II, 343, 346.
Константинополь, г. I, 98, 115, 135, 199, 263, 285, 289, 300. II, 100, 103, 251, 270, 273, 320.

- Константинъ Павловичъ**, великій князь I, 48, 93, 115, 168, 186, 194, 195, 199, 292. II, 9, 20—22, 24, 25, 27, 29, 31—36, 38, 39, 47—52, 54, 55, 64—66, 68—70.
- Констанъ**, Бенжаменъ II, 137—139, 159, 214.
- Корбюлонъ**, Флери II, 139, 140.
- Корженевскій**, профессоръ II, 334.
- Корсаковъ** II, 239.
- Корсаковъ**, А. Н. II, 260.
- Корфу**, островъ I, 80, 248, 298.
- Косичъ** II, 317.
- Костровъ**, Ермиль Ивановичъ II, 228.
- Кострома**, г. I, 130.
- Коцебу**, Августъ I, 75, 190, 213.
- Кочубей**, графъ Викторъ Павловичъ I, 117, 131.
- Кошелева** I, 40.
- Кошелевъ**, Родіонъ Алексѣевичъ I, 21, 181.
- Краевскій**, Андрей Александровичъ II, 261.
- Краковъ**, г. I, 59, 61, 189. II, 93, 94.
- Красинскій** II, 131.
- Красновъ**, д-ръ II, 349.
- Красное**, село I, 147.
- Красовскій**, Александръ Ивановичъ I, 136. II, 155, 221.
- Графъ**, Георгъ I, 249, 295.
- Брекшннъ**, Петръ Никифоровичъ I, 182.
- Бренневиль** II, 110—112.
- Бреонъ** I, 318.
- Бривцовъ**, Николай Ивановичъ I, 43, 102—104, 114, 129, 140, 194.
- Бривцовы** I, 130.
- Бриденеръ**, баронъ Антонъ Карловичъ II, 84, 86, 110, 112, 114—116.
- Бронштадтъ**, г. I, 296.
- Бропотовъ**, Дмитрій Андреевичъ II, 265.
- Бругликовъ**, Гавріилъ Петровичъ II, 142, 215.
- Бругъ**, Филиппъ Ивановичъ, академикъ I, 156.
- Брыловъ**, Иванъ Андреевичъ I, 141, 149, 157, 200, 256. II, 236.
- Брымъ** I, 32, 51, 96, 101, 117, 127, 131, 199, 269, 281, 292.
- Брюднеръ**, баронъ II, 313, 314, 323, 326.
- Бсенофонтъ** II, 41.
- Бубанцы** I, 220.
- Бубаревъ**, Алексѣй Михайловичъ II, 249.
- Кудрявскій**, Емельянъ Аонасьевичъ II, 105, 106.
- Бузенъ де Прео** II, 39, 55.
- Бузенъ** II, 174, 238.
- Бузнецовъ**, д-ръ II, 348.
- Бузнецовъ**, Александръ Ивановъ II, 190, 191, 196, 198, 257, 258, 262.
- Бузнецовы**, Иванъ и Александръ II, 257, 261.
- Бузнецовъ**, Федоръ II, 345.
- Кулябка** II, 194.
- Буманина** II, 206.
- Бурбатовъ**, П. А. II, 238.
- Курцій** II, 41, 57.
- Курская губернія** II, 345.
- Кутайсова**, графиня Прасковья Петровна I, 122.
- Кутайсовы**, графини I, 83.
- Кутузовъ**, см. Голенищевъ - Кутузовъ.
- Кутузовъ**, Михаилъ Илларионовичъ I, 246, 294.
- Кутузовъ**, Петръ Юдичъ I, 246, 295.
- Кутчанъ** II, 294.
- Кучукъ-Кайнарджн** I, 218. II, 276.
- Кушникова**, рожд. Карамзина, Екатерина Михайловна I, 199.
- Кушникова**, С. С., см. Бибилова.
- Кушниковъ**, С. А. I, 199.
- Кушниковъ**, Сергѣй Сергѣевичъ I, 144, 149—151, 199. II, 181.
- Кяхта**, г. II, 217.

Л.

- Л. А.** II, 189.
- Лабомъ** II, 139.
- Лаваль**, р. Козицкая, графиня Александра Григорьевна I, 20, 24, 25, 181.
- Лавра** Александро-Невская I, 185.
- Лагарпъ**, жена Фридриха-Цезаря II, 75, 81.
- Лагарпъ**, Аврамъ-Фридрихъ II, 68, 69.

Лагарпъ, Фридрихъ-Цезарь II, 27—83.
 Лазаревскій, А. М. I, 302.
 Лазаревъ, И. Е. II, 171, 172.
 Лайбахъ, г. I, 194.
 Ламартинъ I, 148.
 Лапландія I, 82.
 Ларга, р. I, 298.
 Ласкарисъ II, 124.
 Ласъ-Казасъ I, 142. II, 131, 208.
 Лауферъ II, 42, 59.
 Лафаръ II, 228.
 Лафонтенъ II, 176, 179, 219, 244.
 Лахтинъ I, 207.
 Левантъ I, 276.
 Леванидовъ, Андрей Яковлевичъ I, 273, 299.
 Леванъ Табія II, 321.
 Левашовъ II, 204.
 Левашовъ, Василій Васильевичъ I, 84.
 Лезгинъ II, 283.
 Лемносъ, островъ I, 285.
 Лемонте I, 200.
 Леннокъ (Леннох) II, 336.
 Лессингъ II, 195.
 Ливадія II, 352.
 Ливенъ, графъ II, 107, 109.
 Ливенъ, князь II, 234.
 Ливій, Титъ I, 498. II, 40, 57, 134.
 Ливорно, г. I, 250, 252, 279, 296.
 Липде, Самунъ I, 60. II, 127.
 Литва II, 14—16, 265.
 Литке, графъ Федоръ Петровичъ I, 193.
 Литовскія губерніи II, 307.
 Литта, графъ Юлій Помпеевичъ I, 147.
 Лицынъ, врачъ II, 342, 349.
 Лобановъ-Ростовскій, князь Алексѣй Борисовичъ II, 223, 244, 246.
 Лобановъ-Ростовскій, князь Дмитрій Ивановичъ, министръ Юстиціи I, 82.
 Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ I, 196, 314, 315. II, 142, 159, 161, 194, 211, 218, 225, 256.
 Ломоносовъ, Сергѣй Григорьевичъ I, 11, 180.
 Ломъ, р. II, 315, 320, 324, 331.
 Ломъ Черный, долина II, 324, 329, 331.
 Лондонъ, г. I, 40, 185, 187. II, 96, 97, 107, 109, 192, 259, 269, 276, 286, 323.
 Лопухина, Евдокія Николаевна, см. Орлова.

Лоррахъ II, 111, 113.
 Лотарингія. II, 111, 113.
 Лувель II, 138, 213.
 Луговскій, Николай II, 345.
 Лужники, Лужницкая слободка, Малые Лужники II, 206, 217.
 Лужники Замоскворѣцкіе II, 217.
 Лужники Троицкіе II, 217.
 Лукьяновскій уѣздъ II, 203.
 Лунинъ, Николай Александровичъ I, 116.
 Лунинъ, Петръ Михайловичъ I, 271, 299.
 Лъсницкій I, 298.
 Лѣтній садъ II, 154, 222, 223, 231.
 Любимовъ, Николай Ивановичъ II, 233.
 Людовикъ XII, король Французскій II, 28, 73, 79.
 Людовикъ XIV, король Французскій I, 194.
 Людовикъ XVIII, король Французскій II, 111, 113, 115, 116.
 Люцероде, баронъ II, 175, 237, 239.
 Ляхи, см. Поляки.

М.

Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ I, 41, 136.
 Магометъ, пророкъ I, 302, 319. II, 228.
 Мадрасъ, г. II, 290.
 Мадридъ, г. I, 99, 187. II, 141.
 Мазандеранъ II, 294.
 Мазарини I, 250.
 Майковъ, Василій Ивановичъ II, 161.
 Майковъ, Л. Н. II, 217.
 Макаровъ, Михаилъ Николаевичъ II, 187, 253.
 Макателимы I, 173.
 Макнилъ, посланникъ II, 279, 280, 287.
 Макпотенъ, впоследствии баронетъ II, 281.
 Максимовичъ, Михаилъ Александровичъ II, 118, 230, 241, 246, 248.
 Максимовъ Петръ II, 322.
 Макферсонъ I, 320.
 Малага, г. I, 52.
 Малиновскій, Алексѣй Федоровичъ I, 148. II, 147, 187, 222, 237.

- Малороссія I, 289, 290, 302. II, 140.
 Малые Лужники, см. Лужницкая слободка.
 Мальта, островъ I, 199. II, 323.
 Мальцовъ, И. С. II, 236.
 Мальцовъ, С. II, 320.
 Мангеймъ, г. I, 190.
 Маржеретъ II, 141.
 Марія Павловна, великая княгиня I, 16
 Марія Феодоровна, императрица, супруга Павла Петровича I, 10, 11, 19, 20, 23, 24, 26, 27, 29, 33, 36, 37, 45, 47, 57, 59, 61, 63, 77, 78, 80, 83, 88, 89, 96, 112, 113, 117, 122, 126, 134, 150, 152, 168, 193. II, 21, 22, 85, 205, 220.
 Марковъ, графъ Ираклій Ивановичъ I, 191.
 Маркусъ, Михаилъ Антоновичъ II, 160, 228.
 Маркъ Аврелій, императоръ Римскій II, 14.
 Мармонтель II, 225, 228.
 Мартенсъ, Ф. Ф. II, 86.
 Мартыновъ, Авксентій Михайловичъ II, 253.
 Мартыновъ, генераль II, 321, 344.
 Маруцій, маркизъ I, 260, 298.
 Маскле II, 231.
 Массуди I, 96
 Матвѣй, слуга Карамзинныхъ I, 110.
 Махметъ-Али, паша I, 158. II, 334, 336, 338.
 Межевичъ, Василій Степановичъ II, 185, 252.
 Межуевъ I, 148.
 Мевицовъ, Н. В. II, 314.
 Мейндорфъ, баронъ II, 313, 314.
 Мелиссино, Иванъ Ивановичъ I, 303. II, 216, 217.
 Мелиссино, Петръ Ивановичъ I, 283, 303.
 Мельгуновъ, Алексій Петровичъ I, 295.
 Мельгуновъ, Николай Александровичъ II, 246, 247.
 Мельгуновъ, Петръ Алексѣевичъ I, 250, 256, 295, 297.
 Мельхиседекъ I, 197.
 Мендельсонъ I, 137.
 Менцель II, 39, 55.
 Мещниковъ, князь Александръ Семеновичъ I, 188, 217.
 Мераляковъ, Алексій Феодоровичъ II, 133, 136, 222, 248, 250.
 Мерефа, станція II, 342.
 Местраль II, 107—109.
 Местръ, графъ Ж. I, 178, 186.
 Меттернихъ I, 107. II, 84, 86, 90—94, 99, 102, 104, 105.
 Меццофанти, аббатъ II, 243.
 Мешхедъ II, 294.
 Мещерская, княгиня Екатерина Михайловна, см. Карамзина.
 Мещерская, р. Жихарева, княгиня Варвара Степановна II, 203.
 Мещерскій, князь II, 335.
 Мещерскій, князь Елиаъ Петровичъ II, 206, 231.
 Мещерскій, князь Николай Петровичъ II, 1, 3 9.
 Мещерскій, князь Николай Петровичъ II, 172, 176, 236.
 Мещерскій, князь Петръ Ивановичъ I, 182, 251.
 Мещерскій, князь Петръ Сергѣевичъ II, 231.
 Мещерскій, князь Платонъ Степановичъ I, 281, 302
 Мещовскій, А. I, 28, 182, 183.
 Микешинъ II, 141.
 Миллеръ I, 96.
 Миллеръ, Герардъ, историкъ I, 149. II, 39, 55.
 Милоновъ, Михаилъ Васильевичъ II, 204.
 Милорадовичъ, графъ Михаилъ Андреевичъ I, 8, 200.
 Мильвуа II, 228.
 Мильтонъ II, 192, 193, 260.
 Милютинъ, графъ Д. А. II, 314.
 Минихъ, графъ Юганъ I, 292.
 Минорка, о-въ I, 295.
 Мисиръ I, 300.
 Митхатъ-паша, мѣстн. II, 334.
 Михаилъ Николаевичъ, великій князь II, 321.
 Михаилъ Павловичъ, великій князь II, 21, 84, 254.
 Михаилъ Феодоровичъ Романовъ, царь I, 136.

Михайлова гора, д. II, 248.
Михайловское, село I, 200.
Михайловъ, Сергѣй II, 345.
Мишо, Александръ Францевичъ II, 95, 96.
Могамедъ II, 277, 279, 294.
Могилевская губернія II, 310.
Моденъ, графиня А. Г., см. Пашкова.
Мозинъ, графъ I, 261.
Молдаванци, верховный визирь I, 285, 303.
Молдавія I, 114, 242, 254, 293, 295, 296, 298.
Мольеръ II, 223.
Мольке, графиня I, 167.
Монастыри: Донской II, 263; Николаевскій Пѣсношскій I, 200, 201; Новодѣвичій Воскресенскій (теперь Смольный) I, 248, 295; Новоспасскій II, 219; Симоновъ I, 226, 290. II, 219; Страстной II, 251.
Монголы II, 34, 50.
Моно, Генрихъ II, 30, 41, 58, 75, 81.
Моно д'Альби, Эдуардъ II, 29, 30.
Монте, Альбертъ, де- II, 30.
Монтескье I, 77.
Монтолонъ I, 142.
Мордвиновъ, графъ Николай Семеновичъ I, 191.
Морея I, 218, 257, 301.
Mogellet II, 150.
Морошкинъ, Федоръ Лукичъ II, 231.
Москва, г. 2, 3, 10, 12, 17—20, 24, 29, 33, 36—38, 40, 41, 44, 45—48, 50, 51, 54, 57, 62, 67, 69, 79, 80, 82, 83, 90, 95, 98, 99, 110, 112—115, 119, 120, 133, 136, 140, 141, 143, 144, 146, 151, 156, 162—165, 167, 169, 178—184, 186, 188, 200, 202, 208—210, 217, 227, 228, 281, 290, 291, 297, 302—304. II, 4, 88, 90, 98, 117—121, 124, 131, 135, 137, 139, 140, 142, 143, 145—149, 155—160, 163—165, 168, 169, 172—176, 178—180, 184, 186, 188—191, 193, 194, 196—198, 201—206, 208, 211, 215, 217, 218, 220, 221, 223, 225, 226, 229, 231, 235, 238, 239, 244, 246, 251, 256, 257, 259, 267.
Москва, р. I, 130.
Московская губернія II, 84.

Мосоловъ, Ф. С. II, 163, 229.
Мочаловъ, Павелъ Степановичъ II, 206.
Мудонъ II, 45, 61.
Мудронъ, портъ I, 285.
Муравьева, Екатерина Федоровна I, 59, 60, 62, 67, 76, 94, 116, 135, 141.
Муравьева, графиня Пелагея Васильевна II, 269.
Муравьевъ, Михаилъ Никитичъ I, 183.
Муравьевъ, графъ Михаилъ Николаевичъ II, 264—312.
Муравьевъ, Никита Михайловичъ I, 98, 116, 139, 171, 196.
Муравьевъ, Николай Николаевичъ II, 192.
Муравьевъ-Апостоль, Иванъ Матвѣевичъ I, 8, 15.
Мусина-Пушкина, графиня Екатерина Алексѣевна I, 182.
Мусина-Пушкина, графиня Софья Алексѣевна, вполнѣдствіи княгиня Шаховская II, 126, 202.
Мусинъ-Пушкинъ, графъ Алексѣй Ивановичъ I, 23, 181.
Мустафа, султанъ Турецкій I, 300.
Мюллеръ, Іоганнъ II, 31, 42, 58.
Мюнхенъ, г. II, 96, 97.
Мюратъ, Іохимъ, король Неаполитанскій II, 115, 116.
Мясникова, Д. И., см. Пашкова.

Н.

Набоковъ, Иванъ Семеновичъ I, 14, 180.
Наваринъ, крѣпость I, 260, 298.
Надеждинъ, Николай Ивановичъ II, 184, 185, 235, 246, 248, 251, 252.
Наполеонъ I I, 80, 114, 116—118, 137, 142, 157, 189, 200—202, 204. II, 4, 5, 13, 15, 75, 81, 111, 113—116, 139, 140, 148, 161, 165, 208, 214, 215, 226, 283, 284.
Нарушевичъ, Адамъ Станиславичъ II, 131.
Нарышкинъ, Александръ Львовичъ II, 220.
Нащокинъ, Павелъ Воиновичъ II, 240.
Неаполь, г. I, 58, 79, 107, 134, 187. II, 93, 94, 96, 97, 129.

Нева, р. I, 13, 139, 159, 161. II, 222.
 Невшатель, г. II, 110, 112.
 Неджевъ II, 298.
 Нейферъ II, 106, 108.
 Неккеръ II, 31, 40.
 Неккеръ, р. II, 107, 109.
 Нелединская-Мелецкая, Агриппина Юрьевна, см. Оболенская.
 Нелединская-Мелединская, р. княжна Хованская, Екатерина Николаевна I, 176.
 Нелединскіе I, 176.
 Нелединскій - Мелецкій, Юрій Александровичъ I, 8, 9, 68, 179, 201, 202, 228.
 Нелидовъ, А. И. II, 335.
 Ненадкевичъ, подполковникъ II, 343.
 Несвижъ, г. I, 186.
 Нессельроде, графъ Карлъ Васильевичъ II, 84, 86, 104—107, 109, 202.
 Несторъ II, 178.
 Нечаева, Ѳедосья Дмитриевна, см. Жихарева.
 Неѣловъ, Сергѣй Алексѣевичъ II, 214.
 Нидерланды, Голландія II, 85, 282.
 Нижегородская губернія II, 203, 345.
 Нижегородская ярмарка I, 132.
 Нижнеомовскій уѣздъ II, 247.
 Нижний Новгородъ, г. I, 7—10, 79, 167, 179. II, 155, 203.
 Никитскій, докторъ II, 349.
 Николаевъ, Алексѣй II, 345.
 Николай, слуга Карамзина I, 110, 122.
 Николай, осетинъ II, 326.
 Николай Николаевичъ, великій князь, главнокомандующій II, 318, 319, 334.
 Николай Павловичъ, великій князь, впоследствии императоръ I, 31, 170, 183, 185. II, 4, 9, 19—25, 159, 205, 225, 229—231, 252, 255.
 Николай II, императоръ II, 1, 3.
 Николевъ, Николай Петровичъ II, 187, 253.
 Никольниковъ, Николай II, 345.
 Никополь, г. II, 313, 315, 318, 323.
 Ноайль, посоль французскій I, 124.
 Новгородская республика II, 15.
 Новиковъ, Николай Ивановичъ II, 161, 243.

Новосильцева, Дарья Ивановна I, 15, 177.
 Новосильцева, р. графиня Орлова, Екатерина Владимировна I, 218.
 Новосильцева, р. графиня Апраксина, Екатерина Ивановна II, 263.
 Новосильцевъ, Дмитрій Александровичъ I, 218.
 Новосильцевъ, Николай Николаевичъ I, 29, 32, 33, 36—38, 41, 44, 47, 51, 53, 55, 69, 103, 122(?), 125(?), 183, 184, 186, 187—189, 191, 192, 195, 198. II, 202, 218.
 Новосильцевъ, Николай Петровичъ, впоследствии сенаторъ II, 199, 263.
 Ньютоуъ I, 250.
 Нѣмцевичъ I, 92, 93, 128.
 Нѣмцы I, 322.

О.

Облава II, 328—330, 332.
 Оболенская, княгиня Агриппина Юрьевна, р. Нелединская-Мелецкая I, 160, 201, 202.
 Оболенская, княжна Марья Петровна, см. Дохтурова.
 Оболенскіе, князья I, 5, 6, 19, 55, 67, 130, 144, 156.
 Оболенскій II, 330, 350.
 Оболенскій, князь Александръ Петровичъ I, 4, 149, 173, 178, 202.
 Оболенскій, князь Андрей Петровичъ I, 21, 110, 138, 142, 181. II, 128, 130, 207.
 Оболенскій, князь Дмитрій Александровичъ I, 202.
 Оболенскій, князь Петръ Александровичъ I, 130, 197.
 Обретеникъ II, 316—324.
 Обрѣзкова, р. Волчкова, впоследствии княгиня Хилкова, Елизавета Семеновна I, 7, 97.
 Обрѣзковы I, 6.
 Овидій II, 134.
 Д'Овре I, 75, 76.
 Огарева, см. Субочева.
 Огарева I, 34.
 Огарева, р. Новосильцева, Елизавета Сергѣевна I, 15, 34, 55, 64, 95, 97, 142, 198.

- Огаревъ, Николай Иваповичъ I, 63, 142, 198.
- Одесса, г. I, 34, 115, 124, 130, 131, 151, 152, 156, 199. II, 100, 103, 225.
- Одиссей I, 73.
- Одиссея I, 73.
- Одоевскій, князь Владимиръ Ѳедоровичъ, II, 118, 236, 247, 261.
- Ожаровскій, графъ Адамъ Петровичъ I, 10, 180.
- Озеровъ, Владиславъ Александровичъ I, 305—323. II, 228.
- Окландъ, лордъ II, 287.
- Олонинъ, Евгенийъ Ивановичъ, губернаторъ Тульскій I, 30.
- Олсуфьевъ II, 333.
- Ольга Александровна, великая княжна II, 350.
- Омская область II, 311.
- Опака II, 331, 333.
- Опочецкій уѣздъ I, 200.
- Ораніенбаумъ I, 82.
- Орель, г. I, 83.
- Оренбургъ, г. II, 294.
- Орлова, графиня Анна Александровна I, 218.
- Орлова, Е. Н. I, 209.
- Орлова, р. Лопухина, графиня Евдокія Николаевна I, 218.
- Орлова, графиня Екатерина Владимировна, см. Новосильцева.
- Орлова, р. Зиновьева, графиня Екатерина Николаевна I, 217.
- Орлова, р. Штапельбергъ, графиня Елизавета Иваповна I, 217, 218, 229, 230, 235, 241, 245, 249, 272, 274, 291.
- Орлова, р. Ртищева, Елизавета Ѳедоровна I, 216.
- Орлова-Давыдова, графиня Наталья Владимировна I, 218. II, 262.
- Орлова, графиня Софья Владимировна, см. Панина.
- Орловъ, графъ I, 125, 147.
- Орловъ, Александръ Анѳимовичъ II, 167, 179, 244.
- Орловъ, графъ Александръ Владимировичъ I, 218.
- Орловъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ (Чесменскій) I, 215—218, 220—222, 227, 230, 240, 241, 243, 244, 246, 248, 250, 252, 260 — 262, 274, 276, 279, 285, 291, 292, 294, 296, 300, 301.
- Орловъ, графъ Владимиръ Григорьевичъ I, 215, 216, 218, 225, 227, 228, 235, 242—245, 249, 250, 272—274, 279, 290—293, 295, 299. II, 262, 263.
- Орловъ-Давыдовъ, графъ Владимиръ Петровичъ, внукъ графа Владимира Григорьевича I, 218. II, 199, 262, 263.
- Орловъ, графъ Григорій Владимировичъ I, 157, 206, 218. II, 155, 225.
- Орловъ, графъ Григорій Григорьевичъ I, 214 — 221, 223 — 226, 228, 229, 231, 232, 237, 239, 242 — 247, 250 — 254, 256—267, 269—271, 273—276, 278, 279, 282, 287 — 290, 292, 295—298, 304. II, 225.
- Орловъ, графъ Иванъ Григорьевичъ I, 215—217, 220, 221, 223—236, 238—241, 243, 246 — 249, 254 — 261, 263, 266—268, 270 — 272, 274, 276 — 284, 285, 289, 290, 294, 298, 300, 301, 303.
- Орловъ, Михаилъ Ѳедоровичъ I, 26, 181, 182.
- Орловъ, графъ Ѳедоръ Григорьевичъ I, 215, 216, 218, 222, 223, 230, 240, 241, 243, 244, 246, 248, 250, 252, 257, 260, 262, 279, 289, 291, 294.
- Орфей II, 189, 190.
- Осиповъ, Петръ Осиповичъ II, 215.
- Османбазаръ II, 317, 319.
- Оссіанъ I, 319—321.
- Остафьево, имѣніе князя Вяземскаго I, 2, 7, 10, 13, 37, 47, 50, 79, 110, 113—116, 119, 122, 125, 130, 132, 134, 141, 142, 146—148, 151, 156, 175, 179, 180, 202, 310. II, 29, 117, 120, 189, 190, 201, 216, 219, 221, 223, 228, 239, 256, 257.
- Острицы II, 324, 329.
- Острововы, см. Орловы.
- Островъ, село I, 291.
- Остъ-Индіа, см. Индіа.
- Оттоманы, см. Турки.
- Оффренъ II, 43, 60.

II.

II. И. II, 189.

Павель, аюстоль II, 263.

- Павелъ**, императоръ I, 136, 182, 194, 297, 302. II, 21, 24, 85.
Павелъ, принцъ Виртембергскій I, 199.
Павла, дер. II, 313—316, 334.
Павловскъ, г. I, 10, 12, 13, 33, 60, 82, 113, 117, 132. II, 213.
Павловъ, полковникъ II 334.
Павловъ, Николай Филипповичъ II, 247.
Паленъ, графъ Федоръ Петровичъ II, 96, 97.
Палласъ, Петръ-Симонъ II, 45, 61.
Пальмерстонъ, лордъ II, 286, 291.
Панаръ II, 228.
Панина, р. Орлова, графиня Софья Владимировна I, 218.
Панинъ, графъ Никита Ивановичъ I, 279, 302.
Панинъ, графъ Никита Петровичъ I, 218.
Панинъ, графъ Петръ Ивановичъ I, 258, 283, 292, 293, 298.
Парижъ, г. I, 39, 87, 96, 97, 156, 157, 188, 191, 192, 196, 199, 210, 297. II, 4, 5, 90—92, 96, 97, 111, 113, 114, 116, 120, 141, 142, 185, 259.
Паручекъ, Степанъ I, 235, 292.
Паручекъ, Федоръ I, 292.
Паскевичъ, князь Варшавскій, Иванъ Федоровичъ II, 254.
Пассекъ, m-lle II, 348.
Патріаршіе пруды II, 117, 118, 164.
Пахра Красная, село II, 84.
Пашкова, р. графиня Моденъ, Аделаида Гавриловна II, 163, 229.
Пашкова, р. Мясникова, Дарья Ивановна II, 229.
Пашкова, р. графиня Зубова, Екатерина Дмитриевна II, 229.
Пашковъ, Александръ Ильичъ II, 229.
Пашковъ, Андрей Ивановичъ II, 162, 229.
Пенджабъ II, 297.
Пензенская губернія II, 247.
Пензенскій уѣздъ II, 211.
Пепелены II, 326, 327.
Пермская губернія II, 311.
Первошиковъ, Василій Матвѣевичъ II, 172, 193, 236.
Первошиковъ, Дмитрій Матвѣевичъ II, 198, 238, 258.
Перовскій, Николай Ивановичъ, губернаторъ I, 139.
Персія II, 276, 277, 279—281, 286—288, 291, 292, 294, 295, 298, 299.
Персы, Персіяне I, 135. II, 13, 279, 287, 292, 295, 298.
Петергофъ, г. I, 14, 15, 29, 31, 55, 60, 229, 260. II, 221.
Петровское II, 137. II, 189.
Петровъ, Василій Петровичъ I, 196. II, 142, 192, 225, 228, 258, 260.
Петровъ, Ясоиъ Васильевичъ II, 258.
Петръ Великій, императоръ I, 182, 303. II, 15, 28, 73, 74, 194, 222, 223, 260.
Петръ II, императоръ II, 84.
Петръ III, императоръ I, 288, 297. II, 202.
Печорскій край II, 310, 311.
Пица, г. I, 248, 263, 291, 296.
Пизанецъ II, 318.
Пименовъ, Дмитрій II, 147, 218, 219.
Пивдаръ II, 210.
Пинскій I, 205.
Пиргосъ II 321.
Пироговъ, Н. И. II, 350.
Пирожниковъ, Василій II, 345.
Писаревъ, Александръ Александровичъ I, 57. II, 157, 221.
Питтъ II, 192.
Піемонтъ, г. II, 254.
Платонъ, митрополитъ Московскій II, 14.
Платонъ I, 250, 251.
Платонъ Степановичъ, см. Мещерскій.
Плевна, г. II, 318—323, 325—327, 335.
Плетневъ, Петръ Александровичъ I, 123, 126. II, 173, 187, 210, 236, 248, 261.
Плещеева, Анастасья Ивановна I, 185.
Плещеевъ, Александръ Александровичъ I, 39, 94, 113, 122, 185.
Плещеевъ, Алексѣй Александровичъ I, 185.
Плиній II, 226.
Плутархъ I, 135.
Плюскова, Настасья Яковлевна I, 14, 81, 106. II, 188, 256.
Побѣдоносцевъ, Петръ Васильевичъ I, 197. II, 238.
Поволжскій край I, 289.

- Погодинъ, Михаилъ Петровичъ I**, 171, 182, 202, 310. II, 4—6, 8, 160, 205, 211, 226—228, 230, 233—235, 239, 241, 242, 246—250, 252, 253, 262, 263.
- Подолія II**, 14, 15.
- Подольскій уѣздъ II**, 84.
- Подчасскій, Ипполитъ Ивановичъ I**, 155.
- Подшиваловъ, Василій II**, 219, 225.
- Полевой, Ксенофонтъ Алексѣевичъ II**, 205, 248.
- Полевой, Николай Алексѣевичъ II**, 157, 159, 162, 167, 168, 170, 172, 174, 176, 185, 205, 231, 237, 238, 241—243, 249.
- Полетика (L. N. de Jacob), Михаилъ Ивановичъ I**, 92, 193, 194.
- Полетика, Петръ Ивановичъ I**, 51, 161, 187. II, 183, 188.
- Поломарцы, дер. II**, 332, 333.
- Полтава, г. II**, 131, 315.
- Полторацкій, Сергѣй Дмитріевичъ I**, 210.
- Польша, Царство Польское, Королевство Польское I**, 46, 60, 186, 189, 191, 196, 198, 242, 291. II, 3, 4, 6—8, 13—18, 45, 61, 93, 94, 99, 102, 208, 227, 233, 270—273, 274, 306.
- Поляки (Ляхи) I**, 55, 133, 191, 192, 196. II, 7, 14—16, 140, 255, 312.
- Помпея, г. I**, 79.
- Попе II**, 261.
- Попкіой, дер. II**, 328—332, 334.
- Порошинъ, Семень I**, 289.
- Порта, см. Турція.**
- Портсмутъ, г. I**, 296.
- Портъ-Магонъ I**, 248, 249, 257, 295.
- Потемкинъ, князь Григорій Александровичъ I**, 217, 244, 265, 283, 293, 298, 303.
- Потемкинъ, Павелъ Сергѣевичъ I**, 278, 301, 302.
- Поттинджеръ, лейтенантъ II**, 279, 280.
- Поццо-ди-Борго, графъ Карлъ Осиповичъ II**, 84, 91, 92, 99, 102.
- Прага, предмѣстье II**, 16.
- Прадъ, баронъ, епископъ Пуатье I**, 75, 189, 190. II, 132, 137, 139, 142, 143, 145, 209, 215,
- Працъ, Эдуардъ II**, 262.
- Прозоровская, р. княжна Волконская, княгиня Анна Михайловна II**, 210.
- Прокоповичъ - Антонскій, Антонъ Антоновичъ II**, 119, 133, 141, 211, 221.
- Протасовъ - Бахметьевъ, графъ II**, 314.
- Прохоровъ, генераль II**, 328, 329, 330, 331, 332.
- Прохоръ, слуга Карамзина I**, 131, 136, 137.
- Пруссія II**, 14, 110, 112.
- Прѣсенская застава II**, 239.
- Псковская губернія I**, 200.
- Псковъ, г. II**, 198.
- Пуатье, г. I**, 190.
- Пугачевъ I**, 302.
- Пуквиль I**, 157.
- Пушкина, Е. Л., см. Солицева.**
- Пушкина, р. Вышеславцева, вოსлѣдствіи Мальцева, Капитолина Михайловна II**, 203.
- Пушкина, р. Чичерина, Ольга Васильевна II**, 202.
- Пушкина, р. Гончарова, Н. Н. II**, 211, 244.
- Пушкина, р. княжна Волконская, Наталья Абрамовна II**, 216.
- Пушкинъ, сынъ Василія Львовича II**, 203.
- Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ I**, 11, 43, 55, 63, 76, 98, 101, 131, 156, 159, 197, 200, 209, 212, 217, 298, 305—323. II, 123, 124, 141, 155, 163, 164, 168, 169, 173, 176, 178, 180, 182, 185—187, 189, 190, 197, 198, 205, 210, 211, 213—215, 224, 225, 230, 233, 234, 241, 243, 244, 247—249, 252, 253, 259, 261, 262.
- Пушкинъ, Алексѣй Михайловичъ I**, 108, 202. II, 144, 216, 217.
- Пушкинъ, Василій Львовичъ I**, 2, 14, 24, 25, 70, 123, 126, 168, 180, 196, 197. II, 126—129, 133, 137—140, 141, 144, 147, 150, 151, 179, 192, 202—205, 208, 209, 217, 224, 241, 259.
- Пушкинъ, Левъ Александровичъ II**, 202, 203.

Пушкинъ, Левъ Сергѣевичъ I, 159, 201.
 Пушкинъ, Михаилъ Алексѣевичъ II, 216.
 Пушкинъ, Петръ Львовичъ II, 147.
 Пушкинъ, Сергѣй Львовичъ II, 192, 259.
 Пьемонтцы II, 110, 112.
 Пыпинъ, А. Н. II, 247.

Р.

Рабассони, графъ I, 282, 303.
 Радецкій II, 328.
 Разградъ II, 324—326.
 Разумовская, графиня Наталья Кирилловна, замужемъ за Н. А. Загряжскимъ I, 195.
 Разумовскій, графъ Алексѣй Кирилловичъ II, 237.
 Раичъ, Семень Егоровичъ II, 182, 235.
 Raymond, Ingano II, 319.
 Райцыйъ, докторъ II, 348.
 Раковский, докторъ II, 343.
 Расинъ I, 309.
 Растопчина, графиня Елизавета Ѳеодоровна I, 199.
 Растопчинъ, графъ Ѳеодоръ Василевичъ I, 141, 199. II, 217.
 Растопчины I, 152.
 Раухфусъ, докторъ II, 341.
 Рафаель II, 126.
 Ревель, г. I, 155, 165, 167, 206. II, 159, 165, 198, 224, 225.
 Ревердиль II, 46, 63.
 Регуль, Аттилій II, 134.
 Рейналь, аббатъ I, 68.
 Рейнгальдъ I, 18.
 Рейнь, р. I, 115, 169. II, 107, 111, 113.
 Рейсъ, Вольфангъ II, 245.
 Рейсъ, Л. Д. II, 245.
 Рейсъ, Фердинандъ-Фридрихъ II, 181, 245, 246.
 Рейсъ, Христианъ II, 245.
 Реминъ, I, 144.
 Ремонъ, Кс. II, 291.
 Реньюльтъ, Е. II, 284.
 Реннанъ, князь Петръ Ивановичъ II, 192.
 Реутъ, Станиславъ Богуславичъ II, 166, 167, 231.

Ржевская, Марія Степановна II, 143, 215.
 Ржевудкая, Розалія I, 24.
 Рибольеры II, 45, 61.
 Риваль, см. Оффрень.
 Рига, г. II, 70, 71, 159, 198.
 Римляне II, 40, 56.
 Римъ, г. I, 60, 134, 163. II, 41, 73, 79, 140, 270, 271.
 Риссъ II, 142.
 Рихтеръ I, 179.
 Ришелье I, 250.
 Риго I, 194.
 Рогервинъ II, 162.
 Рожковъ, Николай Александровичъ II, 215.
 Розенбергъ, Андрей Григорьевичъ I, 276, 300.
 Розенкампфъ, баронъ Густавъ Андреевичъ I, 128, 197.
 Розень, баронъ Егоръ Ивановичъ II, 171, 229, 235, 241.
 Родль, г. II, 30, 71, 77, 83.
 Романъ, садовникъ I, 175.
 Россія, Россійское государство, Русь (Имперія) I, 41, 44, 60, 84, 96, 103, 118, 134, 147, 168, 169, 174, 179, 188, 189, 195, 196, 202, 203, 265, 271, 288. II, 5—7, 9, 14—28, 33, 34, 39, 49, 50, 55, 64, 71, 74—77, 80—83, 85—87, 120, 131, 141, 143, 157, 167, 205, 207, 209, 211, 223, 225, 227, 228, 237, 239, 242, 245, 254, 255, 261, 270—273, 275—287, 289, 291, 292, 296—298, 300, 302, 305—306, 308, 309, 311, 312, 335, 336.
 Россъ-Вель II, 279.
 Рошефуко, герцогъ II, 218.
 Ртищева, Елизавета Ѳеодоровна, см. Орлова,
 Рудино, село II, 225.
 Румель, В. В. I, 183, 201, 251, 301.
 Румянцова, р. княжна Голицина, графиня Екатерина Михайловна I, 293.
 Румянцова, графиня Прасковья Александровна, см. Брюсъ.
 Румянцовъ, графъ Михаилъ Петровичъ I, 220, 281, 282, 284, 289, 301.
 Румянцовъ, графъ Николай Петро-

вичъ, канцлеръ I, 17, 24, 63, 99, 180, 281, 282, 289, 301, 303. II, 202.
 Румянцовъ, графъ Петръ Александровичъ I, 215—304.
 Румянцовъ, графъ Сергій Петровичъ I, 17, 213, 301. II, 147, 193, 259, 260.
 Румянцовы I, 194, 277.
 Русскіе I, 92, 133, 172, 196. II, 14, 16, 285, 286, 290, 292, 296, 299.
 Руссо, Жанъ-Жакъ I, 156. II, 219.
 Рушукъ, г. II, 313—338.
 Рюльеръ I, 96.
 Рюрикъ, князь I, 301.
 Руссель (Russell), лордъ II, 269, 271.
 Рыдъевъ, Кондратій Ѳеодоровичъ I, 199. II, 222.
 Рюкманъ II, 103, 110.
 Рябая Могила, мѣстечко I, 298.
 Рябинина, р. княжна Шаховская, Екатерина Алексѣевна I, 6, 39, 41, 137, 141, 170, 181. Ея дочь Варвара Андреевна I, 170.
 Рябининъ, Андрей Михайловичъ I, 22, 23, 181.
 Рябинины I, 50.
 Рязанская губернія I, 188, 213. II, 345.
 Рязанское княжество II, 15.
 Рязань, г. II, 162.

С.

С. II, 175.
 Саблинъ, Алексѣй Ивановичъ II, 147, 218.
 Савватій Соловецкій, святой II, 205.
 Садинъ II, 325, 332.
 Сантовъ, В. И. II, 203.
 Salvandy I, 209.
 Салюстій II, 40, 57.
 Салтыкова-Головкина, княжна Екатерина Алексѣевна II, 84.
 Салтыковъ, графъ Николай Павловичъ I, 233, 292. II, 26, 36, 38, 52, 54, 67, 68.
 Салтыковъ, графъ Петръ Семеновичъ I, 231, 291.
 Сальдернъ, баронъ I, 281, 282, 303.
 Самаринъ, Ю. Ѳ. II, 169.
 Самаринъ, Ѳеодоръ II, 345.

Самогитія II, 305, 306.
 Самовванецъ I, 138.
 Самоѣды II, 132.
 С.-Петербургская губернія II, 345.
 С.-Петербургъ, г. I, 2, 11—14, 17, 19—28, 36—57, 60—62, 65, 67—71, 89—91, 93, 95, 97, 99, 103, 105, 107, 109—112, 120—124, 126, 128—129, 136—138, 140, 141, 148—153, 159—173, 178, 180, 182, 186, 188, 191, 199, 206, 210, 220—223, 228, 229, 232, 233, 235, 239—243, 247—250, 255, 256, 259, 264, 265, 268, 270—272, 274, 276, 289, 292, 293, 299, 300, 303. II, 17, 19, 60, 64, 70, 93, 94—96, 98, 100, 103, 105, 117, 118, 147, 148, 159, 162, 166, 183, 190, 198, 199, 211, 212, 214, 215, 218, 220, 221, 225, 226, 228, 230, 231, 233—236, 238—240, 243, 244, 249, 254, 255, 257, 262, 263, 268—272, 300, 344, 346, 350.
 Саратовская губернія I, 289.
 Саратовская епархія II, 308.
 Саратовское помѣстничество I, 302.
 Саратовъ, г. I, 144, 145, 221, 227.
 Сатурнъ II, 133.
 Сафроновъ II, 349.
 Сваборгъ, г. II, 247.
 Свѣрбеева, Е. А. I, 206, 208, 211.
 Свѣрбеевъ, Д. Н. II, 213.
 Свинынь, Павелъ I, 132.
 Свинынь, Петръ Сергѣевичъ I, 247, 295.
 Святополкъ, великій князь I, 185.
 Сегюръ I, 163, 167. II, 217.
 Седлеждъ II, 297.
 Селецкій, Иванъ Яковлевичъ I, 247, 248, 295.
 Селецкій, Лаврентій Яковлевичъ I, 295.
 Селивановскій, Семенъ Иоанникеевичъ I, 18, 19, 181. II, 238.
 Семеновъ, Петръ II, 345.
 Семень, Августъ, типографщикъ II, 238.
 Сенисъ, гора II, 111, 113.
 Сенковскій (Брамбеусъ), Осипъ Ивановичъ II, 178, 185, 188, 240—242, 246, 252, 253.
 Сень-Маркъ I, 237, 292.
 С.-Морисъ II, 110, 112.

- Сербиновичъ, Константинъ Степановичъ II, 188, 191, 197, 258.
 Сергѣй Александровичъ, великій князь II, 315, 316, 322, 325, 328.
 Сергѣй Максимиліановичъ, герцогъ Лейхтенбергскій II, 316, 331, 337.
 Сибирь I, 96, 168, 182. II, 100, 102, 105, 106.
 Сигизмундъ III, король Польскій I, 92.
 Сидоровъ I, 200.
 Сикскія владѣнія II, 298.
 Симбирская губернія I, 289. II, 206.
 Симбирская деревня I, 222.
 Симбирскъ, г. I, 79, 84, 289. II, 118, 155.
 Символидъ, докторъ II, 321, 322, 327.
 Симоничъ, графъ II, 279—281.
 Симпсонъ II, 110, 112.
 Синанкіой, дер. II, 332, 333.
 Сидъ II, 279, 298.
 Систово, г. II, 313, 314.
 Сицилія, островъ I, 199. II, 41, 58.
 Скарятинъ II, 321.
 Скобелевъ, Иванъ Певятичъ II, 241.
 Скоропадская, Е. Я., см. Хвостова.
 Скоттъ, Вальтеръ I, 135, 142, 313.
 Скугель, миссъ I, 138.
 Сладко, болгаринъ II, 337.
 Сленинъ, И. В. I, 113, 128, 135, 148.
 Слободзея, г. II, 325.
 Слонимъ, г. II, 308.
 Смирдинъ, А. Ф. II, 171, 177, 178, 235, 241, 243.
 Смирнова, Анна Николаевна II, 220.
 Смирновъ, И. В. II, 253.
 Смирновъ, Семенъ Алексѣевичъ II, 167, 231, 232.
 Смоленскъ, г. I, 18. II, 15.
 Снегиревъ, Иванъ Михайловичъ I, 120, 121, 205, 218, 226, 238, 239, 249, 258.
 Сниткинъ, Иванъ Матвѣевичъ II, 142, 215.
 Соковнинъ, Сергѣй Михайловичъ I, 29, 30, 32, 147, 183.
 Соколовскій, врачъ II, 342, 349.
 Соколовъ, Петръ Ивановичъ I, 198. II, 134.
 Соколовъ, Петръ Ѳеодоровичъ I, 46.
 Солдаеръ I, 206.
 Соленики, г. II, 317, 320.
 Солнцева, р. Пушкина, Елизавета Львовна II, 206.
 Солнцевъ, Матвѣй Михайловичъ II, 128, 138, 147, 206, 214.
 Софокль I, 317, 318.
 Спарта II, 64.
 Спасскій, Григорій Ивановичъ, 119.
 Спинова I, 137.
 Спиридовъ, Григорій Андреевичъ I, 218, 250, 285, 303.
 Средиземное море I, 296.
 Срезневскій, И. И. II, 85.
 Ставраковъ, Семенъ Христофоровичъ II, 107, 109.
 Сталь I, 55, 60, 135, 157.
 Сталь-Голштейнъ II, 139.
 Сталь-Соссюръ II, 139.
 Сперанскій, графъ Михайлъ Михайловичъ I, 191. II, 24—26, 105, 106.
 Станкевичъ, Н. В. II, 248.
 Старкъ I, 321, 322.
 Стейбель II, 104, 106.
 Степанъ Малый, самозванецъ I, 292.
 Столыпинъ, Аркадій Алексѣевичъ I, 81, 82, 191.
 Стратиневичъ, князь I, 242.
 Страховъ, ординарецъ II, 333.
 Строганова, графиня I, 24.
 Строгановъ, графъ Александръ Сергѣевичъ I, 183.
 Строгановъ, баронъ Валентинъ Григорьевичъ II, 100, 103.
 Строгановъ, баронъ Григорій Александровичъ, посолъ въ Константинополь I, 115. II, 100, 103.
 Строгановъ, графъ Петръ Александровичъ I, 183.
 Строгановъ, графъ Сергѣй Григорьевичъ II, 258.
 Строевъ, П. М. II, 230.
 Стрѣльна I, 60.
 Стурдза, Александръ Скарлатовичъ I, 61, 74, 75, 189, 190.
 Стутгартъ, см. Штутгартъ.
 Стюрлеръ, А. Н. II, 313, 321, 322, 325, 333.
 Субочева, по первому мужу Огарева, р. Щепотева I, 82, 191.
 Суворинъ, А. С. II, 223, 244, 251.

Суворовъ, князь Александръ Аркадьевичъ II, 266, 314.
 Суворовъ, графъ Александръ Васильевичъ I, 300. II, 154, 211.
 Суза, писательница I, 142.
 Сулейманъ, паша II, 327.
 Сумароковъ, Александръ Петровичъ I, 196, 309, 313, 314, 316, 318. II, 161, 162, 228.
 Сура, р. I, 294.
 Сухово-Жобылны II, 251.
 Сухомлиновъ, М. И. II, 27.
 Сципионъ Азиатскій II, 41, 57.
 Сырецъ, село II, 264.
 Сѣверина I, 39.
 Сѣверинъ, Дмитрій Петровичъ I, 38, 39, 42, 43, 46, 57, 61, 156, 167, 185. II, 126, 128, 141, 142, 143, 145, 153, 158, 202, 226.
 Сѣверинъ, Петръ II, 202.
 Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты I, 187.
 Сѣверо-Западный край II, 300—302, 304—307, 311, 312.
 Сюраръ II, 140, 142.
 Сюше II, 111, 113.

Т.

Таврида, см. Крымъ.
 Талейранъ братъ министра II, 111, 113.
 Талейранъ, министръ II, 111, 113.
 Тамерланъ I, 194.
 Танкредъ II, 228.
 Тарандъ II, 76, 83.
 Тарановки, дер. II, 341.
 Тарки I, 80.
 Тассъ II, 133, 249.
 Татаряновъ I, 207.
 Татары I, 263.
 Татищева, Прасковья Евграфовна II, 143, 215.
 Татищевъ II, 336.
 Татищевъ, Алексѣй Евграфовичъ II, 215.
 Татищевъ, Дмитрій Павловичъ II, 141, 214.
 Тацитъ I, 135. II, 40, 57, 134, 226.
 Тверская губернія II, 345.

Тверь, г. I, 4—6, 93, 178, 226, 290. II, 155.
 Телешевъ II, 163, 229.
 Тибуллъ II, 149.
 Тигръ, рѣка II, 288.
 Тимирязовъ, И. С. I, 186.
 Титъ, императоръ Римскій II, 28, 72, 78.
 Тобольская губернія II, 311.
 Тобольскъ, г. II, 216.
 Тоди II, 43, 60.
 Толстая, р. графиня Апраксина I, 74.
 Толстой II, 313.
 Толстой, графъ Глѣбъ Дмитріевичъ I, 213.
 Толстой, графъ Дмитрій Андреевичъ I, 213, 288, 291, 294, 298, 302.
 Толстой, Фавка I, 74.
 Толь, графъ Карлъ Федоровичъ II, 107.
 Тония II, 110, 112.
 Тончи, Сальваторъ II, 153.
 Тормасовъ, графъ Александръ Петровичъ I, 29, 30, 32.
 Торнео, г. I, 81.
 Тотлебенъ, графъ I, 282, 295, 303.
 Тотлебенъ, графъ Готлибъ-Куртъ-Генрихъ I, 303.
 Тотлебенъ, графъ Эдуардъ Ивановичъ II, 335.
 Траверсе I, 117.
 Траянъ, императоръ Римскій II, 28, 72, 74, 78, 80.
 Тредьяковскій, Василій Кирилловичъ II, 161, 194, 228.
 Тринклеръ, докторъ II, 343, 348.
 Триестъ, г. II, 100, 103.
 Троице-Сергіева лавра II, 123, 315.
 Троицау, г. I, 107, 194, 215.
 Трестеникъ II, 317, 318, 321, 325, 330.
 Трубецкая, княжна Прасковья Юрьевна, см. Кологривова.
 Тульская губернія I, 183.
 Тульча, г. I, 281, 303.
 Тунманъ-Же II, 39, 55.
 Тургенева, р. Качалова, Екатерина Семеновна I, 159, 201, 273.
 Тургеневъ, Александръ Ивановичъ I, 13, 15, 17, 19—21, 30, 32, 33, 38, 39, 43, 51, 55—59, 63, 65, 67, 74—76, 78, 81, 82, 90, 92—94, 98, 99, 101, 103,

- 107, 111, 112, 114, 115, 128, 131, 133, 135, 147, 151, 154—158, 160—163, 167, 175, 177, 200, 201, 206, 306—308. II, 4, 5, 130, 132, 134, 135, 137—139, 153, 170, 184, 189, 193, 194, 196, 198, 207, 214, 226, 235, 261.
- Тургеневъ, Иванъ Ивановичъ**, онъ же Ванюша, Иванъ Ивановъ, слуга Вяземскихъ I, 14, 20, 39, 44, 46, 50, 79, 110, 119, 120, 122, 123, 153, 173.
- Тургеневъ, Николай Ивановичъ** I, 74, 128, 189.
- Тургеневъ, Сергѣй Ивановичъ** I, 98, 115, 129, 271, 273.
- Тургеневы** I, 159.
- Туринъ, г. II**, 254, 256.
- Туркестанъ II**, 286, 290.
- Турки (оттоманы) I**, 114, 135, 258, 285, 286, 302. II, 314, 316, 321, 326, 328, 329, 331, 332, 335, 338.
- Туркменцы II**, 294, 295.
- Туркменчай II**, 276.
- Турція, Порта I**, 124, 291, 300, 301. II, 34, 35, 50, 51, 262, 276, 277, 288, 298, 299.
- Турчаниновъ, Александръ I**, 276.
- Тырново, г. II**, 318—322, 324, 327, 336.
- Тюбингенъ, г. II**, 245.
- Тютчевъ, Федоръ Ивановичъ I**, 209, 212, 266.
- У.**
- Уваровъ, графъ Сергѣй Семеновичъ I**, 187. II, 168, 169, 171, 178, 181, 234, 243, 252.
- Украина I**, 268.
- Ушакова, Софья Степановна, см. Чарторижская.**
- Ушаковъ, Василій Аполлоновичъ II**, 159, 162, 227.
- Ушаковъ, Овиснмъ I**, 284.
- Ушаковъ, С. I**, 218.
- Уюлистанъ II**, 276.
- Ф.**
- Фавръ, Жакъ II**, 46, 63.
- Фавръ, Жанъ-Маркъ-Луи II**, 30—63.
- Фавръ, Луи II**, 46, 63.
- Фальча I**, 269.
- Федорченко, докторъ II**, 348.
- Феншъ I**, 74.
- Флиъ, баронъ I**, 163, 202.
- Фердинандъ VII, король Испанскій I**, 194.
- Ферней II**, 132.
- Филаретъ, митрополитъ Московскій I**, 193, 199. II, 6, 130.
- Филипповъ, докторъ II**, 348.
- Филиппополь, г. II**, 318.
- Фимушка, см. Евфимья.**
- Фингалъ I**, 321, 322.
- Финскій заливъ II**, 33, 49.
- Финтельманъ II**, 176.
- Фишеръ, Е. II**, 262.
- Фишеръ, Игавъ-Эбергардъ I**, 148.
- Флери, кардиналъ II**, 139.
- Флоренція, г. I**, 163, 174. II, 93, 94, 104, 106.
- Фоксъ II**, 192.
- Фокшаны I**, 217.
- Фоминъ II**, 119.
- Фонвизина, О. И., см. Аргамакова.**
- Фонвизинъ, Денисъ Ивановичъ I**, 315. II, 5, 161, 184, 186, 187, 189, 190, 222, 223, 228, 229, 251, 256.
- Фонтанка, р. I**, 62, 70.
- Фотій, архимандритъ I**, 153. II, 229.
- Фравадинъ I**, 89.
- Франкфуртъ, г. I**, 163. II, 96, 97.
- Франція I**, 157, 199. II, 91, 92, 100, 102, 104, 105, 110, 113, 129, 140, 167, 225, 252, 259, 270, 272, 286.
- Французы I**, 147, 169, 179, 182. II, 110—113, 232.
- Францъ, императоръ Австрійскій II**, 88, 90—92.
- Фреронъ II**, 138.
- Фридрихъ II, король Прусскій II**, 28, 73, 74, 79, 80.
- Фридрихъ Вильгельмъ III, король Прусскій II**, 108, 114, 115.
- Фридрихъ Вильгельмъ (IV), кронпринцъ Прусскій II**, 107—109.
- Фридрихъ Карлъ Прусскій II**, 328.
- Фукеъ, В. А. II**, 28.
- Фуше, герцогъ Отрантскій I**, 159, 201.

Х.

- Хавкинъ, докторъ II, 348.
 Хангель-Чесма II, 320.
 Харланъ, генераль II, 281, 285, 286.
 Харьковъ, г. II, 85, 258, 342—344, 346, 348—351, 353.
 Хвастуновъ, Василій Ивановъ II, 258.
 Хвостова, р. князья Горчакова, графиня Аграфена Ивановна II, 209, 231.
 Хвостова, р. Скоропадская, Екатерина Яковлевна II, 251.
 Хвостовъ, Александръ Семеновичъ I, 219, 289. II, 187, 251.
 Хвостовъ, графъ Дмитрій Ивановичъ I, 101, 168, 289. II, 133, 142, 154, 163, 164, 166, 180, 209—211, 213, 215, 224, 231, 235, 244.
 Херасковъ, Михайлъ Матвѣевичъ I, 115—116. II, 161, 225, 228, 232.
 Хива, г. II, 295.
 Хивинцы II, 295.
 Хилкова, княгиня Ел. С., въ первомъ бракѣ Обрѣзкова I, 97.
 Хиндукушъ II, 286.
 Ходаковский, Зоріанъ Яковлевичъ II, 9.
 Ходжикіой, дер. II, 329, 333, 334.
 Ходовецкій I, 299.
 Хомяковъ, А. С. II, 246, 247.
 Хотинъ, г. I, 295, 303.
 Хотяницевъ, Сергій Александровичъ I, 240, 293.
 Храповицкій, Александръ Васильевичъ I, 214, 215.
 Хрещатицкій II, 318, 325.
 Хрущова, А. А., см. Голлицына.
 Хунгаръ-Скелисси II, 276, 277.

Ц.

- Царевичъ, г. II, 313, 314.
 Царское село I, 10—15, 29—36, 40, 46, 52, 53, 55—63, 67, 75—86, 88, 89, 98—103, 107, 111—119, 128—135, 139—143, 146, 153—157, 163, 165, 167, 180, 191, 194, 195, 224. II, 6, 17, 64, 199, 202, 212, 213, 218, 220, 221, 224, 226.

- Царьградъ, см. Константинополь.
 Цвѣтаевъ, Левъ Алексѣевичъ II, 238.
 Цезари II, 41, 57.
 Церкви: Св. Духа въ Александро-Невской Лаврѣ I, 185; въ домѣ Шереметева въ СПб. I, 140, 167; Св. Екатерины (римско-католическ.) I, 199; Св. Николая Чудотворца въ Пѣшопскомъ м-рѣ I, 200; Св. Спиридоція II, 117; свв. Петра и Павла (соборъ) II, 221; Св. Троицы въ Остафьевѣ II, 221; Успенскій (соборъ) въ Москвѣ I, 199; Христа Спасителя въ Москвѣ I, 149, 199.
 Циммерманъ, Карлъ II, 281, 286, 291.
 Цицеронъ II, 40, 41, 57, 226.
 Цюрихъ, г. II, 110, 112, 114, 115.

Ч.

- Чаадаевъ, Павелъ Яковлевичъ I, 205—212.
 Чайковский, врачъ II, 342.
 Чаркіой II, 336, 338.
 Чарторыжская, р. Ушакова, Софья Степановна, вносѣдствіи Великая I, 297.
 Чарторыжскіе I, 297.
 Чарторыжскіе, князья I, 297.
 Чарторыжскій I, 256.
 Чарторыжскій, князь Адамъ I, 183.
 Чарторыжскій, Михаиль I, 297.
 Чебоксарскій уѣздъ I, 199.
 Черевинъ, генераль II, 313, 315, 352.
 Черкасскій, князь Владимиръ Александровичъ II, 327.
 Черкесы II, 283.
 Черная, рч. II, 226.
 Черная Грязь II, 251.
 Черниговъ, г. II, 15.
 Черновода II, 325.
 Черногорія I, 292.
 Черное море I, 286.
 Чернскій уѣздъ I, 183.
 Чернышевъ, графъ Захаръ Григорьевичъ I, 244, 246, 255, 268, 290—294.
 Черткова, р. Козлинцова, Любовь Петровна II, 246.
 Чертковъ, Дмитрій Васильевичъ II, 181, 246.

Чертковъ, Иванъ Васильевичъ I, 14,
Чертковы II, 250.
Чертовъ, Иванъ Васильевичъ I, 273,
 299.
Чесмонскій, Александръ Алексѣе-
 вичъ I, 218.
Четвертинская, р. княжна Гага-
 рипа, княгиня Надежда Ѳеодоровна
 I, 124.
Четвертинскіе, князья I, 67.
Чингизъ-ханъ, флигель-адъютантъ II,
 319.
Чишликъ II, 318.
Чичерина, Варвара Васильевна II,
 128, 224—225.
Чичерина, Ольга, см. Пушкина.
Чоголова, р. графиня Гендрикова,
 Марья Симоновна, впоследствии
 Глѣбова I, 295, 297.
Чоголовъ, Наумъ Николаевичъ I,
 247, 295.
Чоголовъ, Николай Наумовичъ I,
 295.

Ш.

Шаликовъ, князь Петръ Ивановичъ
 I, 77. II, 128, 133, 136—138, 141,
 143, 179, 205, 238, 244.
Шарлотта, принцесса, см. Елена
 Павловна, великая княгиня.
Шарыгинъ, Николай I, 232, 291, 292.
Шатобрианъ I, 157. II, 123, 170, 260.
Шаховская, княгиня Наталья I, 205,
 206, 208, 211.
Шаховская, княгиня Софья Алексѣе-
 вна, см. Мусина-Пушкина.
Шаховской, князь, генералъ II, 313,
 317, 326, 336.
Шаховской, князь II, 273, 274.
Шаховской, князь Александръ Але-
 ксандровичъ I, 39, 198, 305, 306.
 II, 231.
Шаховской, князь Яковъ Петровичъ
 I, 297.
Швейцарія, Гельветическая дирек-
 торія II, 31, 41, 42, 58, 59, 75, 81,
 93, 94, 175.
Швейцарцы II, 42, 59.
Шевичъ II, 269.

Шевыревъ, Степанъ Петровичъ I,
 202. II, 128, 163, 169, 182, 229,
 246—250.
Шекспиръ I, 313, 322. II, 195, 261.
Шеллингъ II, 247.
Шереметева, Софья Михайловна,
 II, 264.
Шереметевъ, Владимиръ Алексѣевичъ
 II, 315, 316, 318 — 320, 326 — 328,
 333, 335.
Шереметевъ, графъ Дмитрій Петро-
 вичъ I, 140, 167.
Шереметевъ, графъ С. Д. II, 29, 117,
 208, 212, 221, 253, 255, 266, 338.
Шереметевъ, Ѳеодоръ Васильевичъ
 II, 225.
Шернваль, баронъ II, 342—344, 349.
Шибка II, 328—331, 335. I, 333.
Шиллеръ I 129, 131, 313. II, 260.
Шихматовъ-Ширинскій, князь Пла-
 тонъ Александровичъ II, 229.
Широко II, 323—329, 332.
Ширяевъ, А. С. II, 178, 190, 194, 197,
 268.
Ширяевъ, Михаилъ, писатель II, 194,
 260.
Шишковъ, Александръ Семеновичъ,
 президентъ Академіи I, 12, 39, 62,
 92, 109, 182, 183, 192, 200, 310. II,
 12³, 132—134, 208, 240, 253, 254.
Шляверъ, докторъ II, 349.
Шлегель I, 135.
Шлецеръ, Августъ I, 39, 55.
Шлиманнъ II, 322.
Шлотгауеръ, фельдшеръ II, 321.
Шолье II, 228.
Шотландія II, 269, 271.
Шрантъ II, 110, 112.
Шредеръ II, 238.
Штабъ, докторъ I, 77.
Штакельбергъ, Елизавета Ивановна,
 см. Орлова.
Штакельбергъ I, 231, 234, 235, 241,
 242, 243, 249, 274, 291, 293.
Штакельбергъ, Василій Ивановичъ
 I, 272, 299.
Штакельбергъ, графъ II, 87, 99.
Штендманъ, Г. Ѳ. I, 299—303.
Штофельнъ, Христофоръ Ѳеодоровичъ
 I, 245, 253, 293, 294.

Штутгартъ, г. I, 163. II, 85, 87, 95, 96, 106, 109, 111, 114, 246, 254.
Штюрмеръ, баронъ II, 93, 94.
Шуваловъ, графъ Иванъ Ивановичъ I, 296. II, 222.
Шуваловъ, графъ Петръ Ивановичъ I, 297.
Шуджи, шахъ II, 281.
Шуйскій, Василий Ивановичъ, царь I, 92, 163.
Шульцъ, д-ръ II, 349.
Шумла II, 317, 320, 322.

Щ.

Щепотева, см. Субочева.
Щербатова, р. Вяземская, княгиня Екатерина Андреевна I, 181.
Щербатова, р. графиня Апраксина, княгиня Софья Александровна II, 239.
Щербатова, р. графиня Апраксина, княгиня Софья Степановна I, 25, 26, 181.
Щербатовъ, князь А. Г. II, 320, 322.
Щербатовъ, кн. Алексѣй Григорьевичъ I, 20, 23—25, 113, 181, 208.
Щербатовъ, князь Фѳдоръ Фѳдоровичъ I, 246, 294.
Щолковъ, генералъ II, 314.

Э.

Эбнъ-Гаукаль I, 96.
Эверсъ II, 242.
Эделингъ, графъ I, 61.
Эдипъ I, 318.
Эдувиль, Гавріиль, генералъ I, 82, 191.
Эдувиль, Николай, писатель I, 191.
Эдемировичъ, Яковъ I, 292.
Эймундъ II, 242.
Эллада, см. Греція.
Эллисъ II, 286.
Элпидъ, баронъ Иванъ Карповичъ, впоследствии графъ I, 238—241, 293.
Эльзасъ II, 111, 113.
Элфинстонъ, Джонъ I, 252, 296.

Эмилія II, 320.
Энидгесся II, 332.
Эминъ II, 228.
Эмсъ, г. II, 213, 231.
Энгельгардтъ, р. Каткова, баронесса Софья Михайловна I, 213.
Эпинусъ II, 44, 45, 61.
Эски-Джумъ II, 328.

Ю.

Ювеналь II, 261.
Юлианъ, императоръ Римскій II, 73, 74, 79, 80.
Юпвтеръ II, 228.
Юсуповъ, князь II, 214.

Я.

Языковъ, Д. II, 205, 230, 246, 247.
Яковенко, докторъ II, 349.
Якоби I, 137.
Яковлевъ II, 215.
Яковлевъ, актеръ I, 306.
Яковлевъ, Иванъ Алексѣевичъ II, 233.
Яковлевъ, Левъ Алексѣевичъ II, 168, 232.
Якутскъ, г. II, 85.
Ялта, г. II, 352.
Ямовичъ II, 43, 60.
Янсинъ II, 286.
Янтра, р. II, 315, 316.
Янцыревъ I, 231.
Ярославль, г. I, 7—9, 179.
Ярославъ Владимировичъ, великій князь II, 242.
Яуза, р. I, 69.
Яценковъ, Григорій Максимовичъ II, 213, 241.

Ф.

Фѳдоровъ, Борисъ Михайловичъ II, 240.
Фѳдоровъ, Матвѣй II, 345, 347, 349, 351.
Фекла, кормилица I, 110.
Фукяидъ II, 41, 57.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.	
Ливадія. Стихотвореніе графа <i>А. А. Голицына-Кутузова</i> . . .	1
ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.	
Изъ бумагъ Н. М. Карамзина, хранящихся въ Государственномъ архивѣ. Съ предисловіемъ князя <i>Н. П. Мещерскаго</i> . . .	1
Нѣсколько писемъ Фридриха-Цезаря Лагарпа	27
Изъ бумагъ графа Ю. А. Головкина. (Изъ архива свѣтлѣйшей княжны Е. А. Салтыковой-Головкиной).	84
Письма И. И. Дмитріева къ князю П. А. Вяземскому 1810—1836 годовъ. (Изъ Остафьевскаго архива). Съ предисловіемъ и примѣчаніями <i>Н. П. Барсукова</i>	117
Изъ бумагъ графа М. Н. Муравьева. Съ предисловіемъ графа <i>С. Д. Шереметева</i>	264
Изъ писемъ съ Рущукскаго отряда. 1877 годъ. Графа <i>С. Д. Шереметева</i>	313
Воспоминаніе объ Императорѣ Александрѣ III. <i>В. Ф. Грубе</i> .	339
Указатель именъ личныхъ и названій географическихъ въ 1-й и 2-й книгахъ	357

Цѣна второй книги „Старины и Новизны“ — 2 рубля,
для гг. членовъ Общества — 1 р.

Складъ изданія: С.-Петербургъ, Фонтанка, д. № 34.